XXIV 186/35
№ 2 1939

Исторический архив

Издательство Академии Наук СССР
Москва — Ленинград

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Сверху или снизу*	*Напечатано*	*Следует читать*
77	16	снизу	140	146
78	16	„	на Гри[шхе]	на Гри[шке]
79	20	„	96	26
84	7	сверху	сыну *	сыну
85	19	снизу	20	201
117	20	сверху	Кулагину	Калмыкову
120	20	„	Кулагину	Калмыкову
227	3	снизу	стр. 152—153	стр. 155
234	12	„	наделения	„наделения“
254	3	„	восхода обоих светил	Начала гражданского года и восхода Сириуса
257	3	сверху	Униофера	Уннофера
258	21	снизу	usd	wsd
259	19	„	Секусерта	Сенусерта
287	1	сверху	Сети	Сети I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

XXIV 186/35

Я 230/98 Берл.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

№2

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор акад. Б. Д. Греков

Ученый секретарь редакции В. Ю. Гессен

Редактор издательства И. У. Будовниц

29-18019.

Технический редактор К. А. Гранстрем

Корректор П. С. Яснецкий

Сдано в набор 28 января 1938 г. — Подписано к печати 5/II 1939 г.

288 стр. (6 табл.)

Формат бум. 62 × 94 см. — 19¼ печ. л. — 16.71 уч.-авт. л. — 34270 тип. зн.

Тираж 5000

Ленгорлит № 835. — РИСО № 651. — АНИ № 242. — Заказ № 192

Цена 8 р. — Переплет 2 р.

Типография Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОТ РЕДАКЦИИ

После значительного перерыва Институт истории приступает снова к выпуску своего издания „Исторический Архив". Цели издания остаются в основном те же, т. е. публикация важных по содержанию исторических материалов, которые не могут быть включены в тематические сборники, выпускаемые Институтом истории.

Институт истории в этом издании, идя навстречу основной задаче, стоящей перед Институтом, — созданию полной истории нашего Союза — стремится в первую очередь публиковать материалы, связанные с историей народов СССР с древнейших времен до наших дней.

Но так как в число главнейших задач Института входит и составление Всемирной Истории, то редакция „Исторического Архива" считает необходимым публикацию и источников, касающихся народов всего мира. Конечно, в пределах, допускаемых размерами издания и по мере выявления важных для науки материалов.

„Исторический Архив" открывает перед всеми историками Союза широкую возможность помещения на его страницах исторических материалов, удовлетворяющих требованиям настоящего издания, в твердой уверенности, что этим путем он способствует дальнейшему развитию исторической науки в нашей стране.

„Исторический Архив" надеется оказать посильную поддержку в осуществлении требований, предъявленных работникам исторического фронта Партией и Правительством по преодолению антимарксистских ошибок „школы" Покровского и созданию передовой, марксистско-ленинской исторической науки, построенной на изучении конкретного фактического материала.

Б. Греков

Акад. И. КРАЧКОВСКИЙ

НОВЫЕ РУКОПИСИ ИСТОРИИ ШАМИЛЯ МУḤАММЕДА ṬĀḤИРА АЛ-ḲАРĀḪӢ[1]

Количество арабских источников по истории эпохи Шамиля, которые становятся известными в науке, продолжает медленно, но — можно надеяться — систематически, увеличиваться. Уже в настоящее время картина несколько иная, чем была четыре года тому назад, когда началась публикация этих материалов в оригинале.[2] Прирост идет, главным образом, по линии отдельных писем и документов. Более или менее планомерное изучение этих памятников начато в Тбилиси: доцентом Университета Г. В. Церетели изданы и обстоятельно исследованы два письма Шамиля — первое А. Руновскому из времени пребывания в Калуге,[3] второе еще из эпохи борьбы на Кавказе барону Николаи.[4] Им обнаружен ряд других документов аналогичного характера; есть надежда, что дальнейшее исследование тбилисских собраний еще больше умножит сделанные находки. Ныне покойный директор Чечено-Ингушского научно-исследовательского института в г. Грозном З. К. Мальсагов сообщил фотографии с пяти находящихся в Осетинском музее в г. Орджоникидзе (б. Владикавказе) писем Шамиля эпохи его борьбы на Кавказе. Северо-кавказский краевой музей горских народов в Ростове-на-Дону предоставил фотографии с двух любо-

[1] В основе настоящей статьи лежат два сообщения, прочитанные 17 ноября 1935 г. на сессии Академии Наук СССР в Москве (Новые арабские материалы по истории Шамиля в Институте востоковедения) и 24 ноября 1935 г. на заседании секции семито-хамитского языкознания ЛНИЯ (Языковая и литературная традиция в арабских произведениях эпохи Шамиля на Кавказе); сокращенное изложение первого напечатано в „Историческом Сборнике", т. V, 1936, 239—246.

[2] См. ЗИВ, II, 1933, 1—36.

[3] ЗИВ, V, 1935, 97—114.

[4] Труды первой Сессии арабистов, М.—Л., 1937, 95—112.

пытных хранящихся в нем документов — одной фетвы Шамиля и его записочки на буковом листке; разбор последней несколько затрудняется самим характером материала. Наконец, летом 1935 г. экспедицией Академии Наук СССР приобретена в Астрахани совершенно невзрачная рукопись обычных стихотворений, находящаяся теперь в Институте востоковедения (шифр В 3720); среди листов в ней оказался вклеенным ряд документов (в копиях и оригиналах) из архива врага Шамиля, бывшего на русской службе, Абӯ Муслима Шамхāла. Писем здесь обнаружено 27, датированных промежутком времени между 1272 и 1279 гг. (1855—1862 н. э.); направлены они как к Шамхāлу, так и от него; на ряду с письмами имеются и деловые документы. В Ленинградском отделении Центр. архива в фонде генерала Клюки фон Клугенау недавно обнаружено около десятка писем Шамиля из эпохи его борьбы на Кавказе; некоторые из них сохранились не только в русском переводе, но и в арабском подлиннике. За последние годы Исторический музей в Москве приобрел на Кавказе около шести десятков документов Шамиля и его эпохи.

Материалы, относящиеся к Шамилю, иногда попадают в самые неожиданные хранилища. Из опубликованного несколько лет тому назад каталога арабских рукописей университетской библиотеки в Бреславле[1] мы узнаем о существовании там нескольких произведений дагестанских ученых эпохи Шамиля,[2] причем на одном из них имеется приписка его самого о подарке книги сыновьям в 1270 (1853—1854) г.[3] Так как рукописи поступили из коллекции известного ориенталиста O. Rescher'a, то они были приобретены вероятно в Стамбуле, где владелец долго жил.

Медленнее идет расширение наших сведений относительно крупных арабских произведений, связанных с той же эпохой; это вполне понятно, так как и самое количество их было

---

[1] G. Richter. Verzeichniss der Orientalischen Handschriften (Staats- und Universitätsbibliothek Breslau), Leipzig, 1933.

[2] Op. cit., стр. 15—16, № 60, на листе 118—142 комментарий Ҳасана ал-Кадалӣ на трактат ас-Суйӯтӣ التشبيت في علم التشبيت (ср. Brockelmann, GAL, II, 151, № 130 и SB, II, 187, № 130, f.); стр. 17, № 66, рукопись „кавказским почерком", писанная Муҳаммедом 'Алӣ аль-'Акаҳӣ для имама Данияля.

[3] Op. cit., 16.

значительно меньше. Непроверенным остается сообщение Чеченско-Ингушского научно-исследовательского института в Грозном от 13 апреля 1934 г. о поступлении в него „Дневника Шамиля на арабском языке"; вопрос о самой возможности существования такого рода произведения требует к себе особенно критического отношения. На ряду с прозаическими памятниками следует обратить внимание на стихотворные, которые, как все больше выясняется, существовали в довольно значительном количестве. Специального изучения заслуживет изданный в Темир Хан Шуре в конце 1913 г., но не отмеченный еще в науке сборник арабских стихотворений Ḥасана ал-Алḳадāри,[1] автора известного, написанного по-азербайджански труда „Асāри Дāгестāн". Среди крупных прозаических произведений, на ряду с характеризованными мною четыре года назад записками зятя Шамиля ʿАбд ар-Раḥмāна,[2] важное значение представляет книга его сподвижника Муḥаммеда Ṭāхира ал-Ḳарāхӣ. В 1934 г. в Институт востоковедения поступила рукопись этого произведения, и моя статья в основной части посвящена предварительному ее изучению.

Неизвестным в науке ни автора, ни произведение считать нельзя: еще в 60-х годах, уже после подчинения Кавказа, он был судьей дагестанского народного суда[3] и пользовался крупной известностью в местных кругах, как говорит его участие в опубликованной в переводе полемике о „назре" между дагестанскими учеными.[4] Из нее между прочим видно, что он поддерживал письменные сношения с мекканскими и египетскими учеными.[5] По инициативе русского правительства он принимал участие в законодательстве о „сейидах", следы чего сохранились в „Полном своде законов". Умер он, повидимому, около 1873 г. В 1926 г. был напечатан частичный перевод интересующего нас произведения по неизвестной рукописи.[6] Для анализа нашего экземпляра перевод приносит мало пользы: он осно-

[1] Дīвāн аль-Мамнӯн (типография М. Мавраева), стр. 282, 8°.

[2] ЗИВ, II, 9—20.

[3] Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V, Тифлис 1871, горская летопись (4-й отдел), 5.

[4] Op. cit., 8—10, 17—24, 33—37.

[5] Op. cit., 40.

[6] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 45, Махач Кала, 1926, 53—192.

ван на другой версии, дан не полностью,[1] кроме того, даже в переведенных частях сильно сокращен и далеко не всегда удовлетворительно выполнен.

Рукописи произведения были известны в административно-военных кругах Кавказа уже в 80-х годах, а вероятно и раньше; существовал, повидимому, и рукописный перевод на русский язык.[2] О последнем говорит одна цитата у обстоятельного историка кавказских войн Н. А. Волконского: характеризуя цели предшественника Шамиля, известного в русских сферах под именем Кази муллы (Гази Мухаммед), он пишет:[3] „Их можно выразить словами рукописи „Блеск дагестанской шашки в делах против русских“ [4] следующим образом: „показать разницу между добром и злом, увенчать правоверных мусульман славою на полях битвы и поразить неверных преследованием и позорною кончиной“; кроме того „уничтожить адат, возобновить шариат и тем исправить развращенных мусульман“. Приводимое заглавие представляет, несомненно, передачу той его редакции, которая сохранена второй из находящихся у нас рукописей (بارقة السيوف الجبلية فى بعض الغزوات الشاملية). Цитата восходит к неизвестной нам редакции сочинения, но в нашей рукописи общая мысль отражается (л. 1 لما اراد الله تعالى تجديد دينه وتمييز الطيب من الخبيث قام رجل الخ). Не исключена возможность, что упоминаемый автором перевод сохранился до сих пор где-либо в кавказских учреждениях.

Рукопись, которой вызвана настоящая статья (шифр В 2521), представляет автограф сына автора, подготовленный им для печати и в связи с этим подвергнутый некоторой редакторской обработке, о чем он сам упоминает. Отчасти благодаря этому обстоятельству, отчасти несмотря на него, мы получаем ряд драгоценных указаний, позволяющих нам совершенно ясно представить себе историю создания самого произведения и сложения данной рукописи. По счастливой случайности она

---

[1] По нашей рукописи он доходит до л. 103^{v}, тогда как она содержит 135 листов.

[2] И. Н. Захарьин-Якунин упоминает, что пристав при Шамиле Пржецлавский перевел рукопись „о трех имамах“ еще в Калуге (Встречи и воспоминания, СПб., 1903, 250).

[3] Кавказский Сборник, т. XI, Тифлис 1887, 112—113.

[4] Рукопись, хранящаяся в числе прочих в военно-историческом отделе штаба Кавказского военного округа. (Примечание Н. А. Волконского.)

заканчивается небольшим сочинением переписчика, представляющим своего рода глоссарий более редких арабских выражений, которые встречаются в переписанном им произведении его отца. В предисловии к своей работе, он между прочим, после обычных вступлений, пишет:[1] „... Эти немногие листки, которые написал бедняк Ḥабӣб Аллāх в надежде, что ими воспользуются рабы Аллāха, подобало бы назвать „Разъяснение выражений в Книге событий“,[2] которую составил мой родитель, известный ученый покойный Муḥаммед Ṭāхир ал-Ḳарāхӣ ад-Дāгестāни... Причина же составления им книги такова. Имам Шамиль, да помилует его Аллāх всевышний, говорил раз за разом Муḥаммеду Ṭāхиру: „Я хотел бы собрать рассказы про случившиеся в мое время события; однако, я не могу найти досуга для этого по занятости всякими делами и войнами“. Потом зимой одного года он поселил его в своем доме в Дарго, они сходились в сумерки[3] в одной комнате, и Шамиль диктовал

---

[1] Л. 1 (128): بسمله الحمد لله العلى الاعلى الوهاب، و الصلاة و السلام على من اوتى الحكمة و فصل الخطاب، محمد و على آله و اصحابه الذين جاهدوا و اجتهدوا لاعلاء الدين و اظهار الصواب. اما بعد فهذه اوراق قليلة كتبها الفقير حبيب الله، على رجاء ان ينتفع بها عباد الله. يليق ان تسمى بكشف اللغات، فى كتاب الغزوات. الذى جمعه الوالد العالم المشهور، محمد طاهر القراخى الداغستانى المغفور. لطفها الله تعالى و رحمهم بفضله، و ببركة رسوله. صاحب الشفاعات، الذى قال انما الاعمال بالنيات. امين. مقدمة. و سبب جمعه ان الامام شمويل رحمه الله تعالى كان يقول لمحمد طاهر مرة بعد مرة انى اريد جمع ما جرى فى زمانى من الوقعات و لكنى لا اتفرغ لذلك لشواغل من امور و حروب. ثم فى شتاء سنة اسكنه عنده فى داره فى دَرْغِيَهْ و كانا يجتمعان بين العشائين فى حجرة و يلقى شمويل و يخبر ما جرى بالعجمية فيترجم محمد طاهر بالعربية و يكتب نهارًا ما اخبر حينئذ. و اما الوقعة التى لم يكن شمويل فيها فكان يدعو و يُحْضر من كان فيها لِيُخْبر و يكتبَ و هكذا كان جمعهُ الى اخر باب رجوع جمال الدين بن الامام اليه من ايدى الكفّار ثم منه الى الآخر جمعه بحسب ما علم و سمع من الناس الا ما زدته من رسائل الامام و البادشاه او غيرته لمصلحة

[2] В тексте первоначально стояло слово الغزوات „газаватов“, замененное на полях словом الوقعات.

[3] В тексте стоит термин بين العشائين, о значении которого см. Lane, Lexicon, V, 2056.

и рассказывал про случившееся на местном[1] языке, а Муḥаммед Ṭāхир переводил по-арабски и записывал днем, что тот тогда рассказал. Для события, при котором сам Шамиль не был, он призывал явиться того, кто был при нем, чтобы он рассказал и записал. Так он составил книгу до конца главы о возвращении Джемāл ад-дīна, сына Имама, к нему из рук неверных. Затем, оттуда до конца он собрал ее сообразно с тем, что узнал и услышал от людей, за исключением того, что добавил я из посланий Имама и падишаха или изменил для пользы дела".[2]

Эти данные с большой точностью подтверждаются самим произведением. Говоря в одной из глав о назначении Гāзи Муḥаммеда, сына Шамиля, впервые наибом, что имело место в 1266 (1850) году, автор добавляет:[3] „В эту зиму началось мое житье у Имама в Дарго. Тогда же он назвал меня Муḥаммедом Ṭāхиром, а было мое имя Муḥаммед Ṭылау. После этого я жил с ним в разные времена года, пока не умер мой отец между возвращением сына его Джемāл ад-дīна и походом русских к Буртину для постройки там крепости".[4] Таким образом, здесь устанавливается возможная начальная дата работы над книгой по непосредственным рассказам Шамиля и подтверждается указание сына о ее конечном пределе. Последняя дата также уточняется в дальнейшем. Закончив рассказ о возвращении Джемāл ад-дīна (имевшем место в марте 1855 г.) своеобразным лирическим отступлением, напоминающим традиционный конец обычных арабских произведений, автор завершает:[5] „Это конец того, что составил Муḥаммед Ṭāхир, находясь у Имама, по рассказу его и рассказу его сотоварищей,

---

[1] В тексте بالعجمية „на не-арабском".

[2] В тексте слово لصاحبة, значение которого в рукописи будет разъяснено ниже.

[3] Л. 95: و هذه الشتاء كان اول مساكنتى للامام فى كَرْغَيْهْ و سمانى فيها بمحمد طاهر و كان اسمى محمد طِلَوْ و كنت اساكنه بعد ذلك فصولا بعد فصول الى ان مات ابى بين رجوع ابنه جمال الدين و صعود الروس الى بُرْتِنَ لوضع القلعة فيه انتهى

[4] Имеется ввиду укрепление Буртунай, заложенное в 1857 г.

[5] Л. 101v (=99): هذا آخر ما جمعه محمد طاهر بالقعود عند الامام و إخباره و اخبار رفقائه الكائنين فى الوقائع ثم ذنّبه بذكر الوقائع الواقعة بعده

участников событий. Потом он дополнил это рассказом про события, случившиеся после этого". Таким образом основная часть книги сложилась в промежутке между 1850 и 1855 гг. при непосредственном участии самого Шамиля. Эта дата подтверждается и некоторыми косвенными хронологическими указаниями в предшествующем изложении. Так, описывая редкий случай мумифицирования трупа в одной из пещер, автор добавляет (л. 33) о его сохранности „до настоящей даты 1272 года", т. е. 1855 н. э. В другом месте он говорит (л. 36), что успехи Шамиля прогрессируют „до сегодняшнего дня"; значит, эта часть закончена до начала внутренних осложнений у него во второй половине 50-х годов. Таким же образом и самый состав этой части подтверждается некоторыми косвенными указаниями в изложении. Упоминая про взятие в плен русскими племянника Шамиля в конце 1253 (начале 1838) г., он говорит:[1] „вернулся он только после большого срока, как будет сказано в конце книги". Действительно, упоминание об этом следует непосредственно за окончанием основной части (л. 101^{v}).

Этой основной частью, как указывается в приведенном замечании сына, не заканчивается книга его отца. Им самим было добавлено впоследствии описание, достаточно подробное, дальнейших после 1855 г. действий Шамиля, вплоть до его сдачи;[2] рассказ о судьбе некоторых его ближайших сподвижников (л. 110—111), ряд больших стихотворений местных поэтов, вызванных этими событиями.[3] Самим же Мухаммедом

---

[1] Л. 23^{v}: و لم يرجع الا بعد زمان طويل كما ياتى فى اواخر الكتاب

[2] Л. 102 (=95): باب ابتداء الفتن و المحن لشمويل ، احزابه и л. 103 (=96): باب الفتنة الكبرى و البلية العظمى على كل داغستان التى دخل فيها شمويل تحت يد الروس

[3] См. л. 107^{v} (=99): تذييل فمن ذلك الذى حل عليه اظهر الشماتة العالم الماهر، معانده الحاذق الظاهر، الحاج يوسف اليخساوى، فى نظم فصيح، بسبب صريح، فعارضه هذا البائس الفقير محمد طاهر، بحاوره و يشاعر، و وضع عقب كل بيت من نظمه بيتا ليتلاصق مقصوداهما، و يتلاحق معقوداهما، فدونك ايها الناظر، هذا النظم المتنافر، من بحر الوافر

и л. 111^{v}: خاتمة بنظم رائق، و كلام صادق، لحاج محمد، الحاج الحافظ عبد الرحمن الصفورى الفائق، وضعه فى هذا المقام لائق، ليكون بعض احداهما تفسيرًا لبعض الاخرى او تفصيلاً، وليكون لما سبق من النثر عديلاً

Ṭāхиром включены в книгу довольно значительные (около 10 листов) извлечения из записок ʿАбд ар-Раҳмāна, зятя Шамиля,[1] рукопись-автограф которых была мною описана.[2] Сын прибавил к этому переписку Шамиля и Александра II по поводу присяги ему.[3] Заключение книги принадлежит, повидимому, самому автору; содержит оно отрывочные данные о путешествии Шамиля на паломничество в 1286 (1869) г. и пребывании его в Мекке и Медине до смерти в 1287 (феврале 1871) г.[4] Редакционные изменения сына вполне возможны и в этой части, но они, как увидим впоследствии, существенной роли не играют. Последней, приводимой датой, которую мы уже не можем возводить к самому Муҳаммеду Ṭāхиру, является упоминание об известном восстании на Кавказе в 1294 (1877) г., заканчивающее сочинение.[5] Дата смерти сына Шамиля Муҳаммеда Гāзи — 1321 (1903) год — представляет тоже позднейшую вставку сына автора (л. 135). Таким образом можно считать, что книга, составление которой Муҳаммед

---

1 Л. 119: تتميم باعزاز و تكريم، وقع للامام شمويل من الفاتشاه العظيم، و حزبه بعد انقطاع الرجاء عن التوسعة له و التبجيل، و ايقان حساده باهانته و التذليل، التقطته من خلاصة التفصيل، التى جمعها صهره و رفيقه ابن الاستاذ جمال الدين النبيل، عبد الرحمن الاثب من عنده السيد الاصيل

Конец на л. 128ᵛ: انتهى ما التقطته (اى محمد طاهر) من خلاصة التفصيل عن احوال شمويل و هو من التتميم الى هنا

2 ЗИВ, II, 9—20.

3 Л. 128ᵛ: تتمة برسائل الامام و البادشاه الاعظم اوقعها المحرر (او ابن محمد طاهر) فى هذا المقام

4 Л. 131ᵛ: تتمة بما فيه لشمويل استغراق كل نعمة

5 Л. 135ᵛ: تذنيب كان الشيخ شمويل رحمه الله تعالى مخلوقا لهذا الطرف لتجديد الدين، فبعد ما قبض صار طائفة فطائفة ثم طائفة و طائفة يتشبّهون به فوقووا (sic) فى حيص بيص. ثم فى السنة الرابعة و التسعين بعد الالف و المائتين تحركت على ذلك المنوال فتّنة صغور، و اتباعهم فعمت البلايا و قصمت الظهور، و نفذ بها العلماء و الصالحون، انا لله و انا اليه راجعون. فسبحان من يبقى ابدا، و يُعيدُ الكلَّ غدًا كما بدا سبحان ربك رب العزة عما يصفون. و سلام على المرسلين و الحمد لله رب العالمين. و صلى الله تعالى و سلم على رسوله محمد و على آله و اصحابه اجمعين و الحمد لله رب العالمين

Ṭāхир начал в первой половине 50-х годов, пополнялась им самим в отдельных деталях во всяком случае до начала 70-х годов, вероятно до самой смерти. Вся история ее сложения для нас представляется достаточно ясной.

Не менее важно, что в такой же мере ясной оказывается история и самой интересующей нас рукописи. Как упоминалось, она переписана собственноручно сыном автора Ḥабӣб Аллāхом ал-Ḳарāхӣ, типичным кавказским почерком уверенной рукой немолодого ученого, обыкновенно по 15 строк на странице. Той же рукой мелким почерком вписано громадное количество глосс, как между строк, так особенно на полях в самом разнообразном направлении. Иногда они принимают характер не только объяснений отдельных слов, но и различных дополнений смешанного содержания, иногда вставленных даже на отдельных листках. Бумага в рукописи русская, на некоторых страницах разбираются вытесненные штампы „Ржевской фабрики № 6“. Дата говорит об окончании рукописи в зӯ-л-ḥиджже 1321 (феврале — марте 1904) г.[1] Непосредственно за перепиской этой рукописи он взялся за составление глоссария к ней, так как его рукопись была закончена в муḥарреме 1322 (марте — апреле 1904) г.[2] Автора в это время давно не было в живых: он умер еще в 70-х годах, и имя его сопровождается здесь эпитетом „покойный“. Сын был, вероятно, в почтенном возрасте, так как в приписке величает себя „старцем“. Рукопись носит беловой характер;[3] однако она не может считаться окончательно отделанной, как об этом говорят значительные недоразумения с нумерацией листов.[4] Две первых ненумерованных страницы дают перечень глав сочинения, на л. 1 имеется заглавие и печать с ясно разбираемым девизом (يا قادر عفوا عن محمد طاهر). Текст

---

1 Л. 135ᵛ (=127ᵛ): تم تحرير هذا الكتاب ، بتوفيق الرب العلى الوهاب بيد العبد حبيب الله ابن المؤلف محمد طاهر القراخى الداغستانى. فما وجدته ايها الناظر فى هذه النسخة مخالفا للاصل من الحذف و التبديل و الزيادة فهو عن علم و عمد لمصلحة ... فى ذى الحجة سنة ١٣٢١

2 Л. 7ᵛ (=134ᵛ): حرر فى محرم سنة ١٣٢٢

3 Она тщательно сличалась с оригиналом: на полях л. 29ᵛ, 99ᵛ, 102ᵛ, 106 стоит обычная пометка об этом بلغ.

4 В ссылках я обыкновенно придерживаюсь нумерации переписчика, как она проставлена его рукой чернилами, хотя она и расходится с более правильной нумерацией карандашом внизу страниц.

начинается с л. 1, и основная часть заканчивается на л. 135^{v};[1] после этого (с арабской нумерацией I—V) следует упомянутый глоссарий сына.

Составлен он беспритязательно и примитивно. Вслед за несколькими, приведенными выше, фразами идет небольшой отдел с подзаголовком فائدة, в котором объясняется терминологическое значение слов مرتدّ — منافق — مريد, и следует краткий рассказ حكاية, мало связанный со всем этим по содержанию. После этого начинается собственно глоссарий, где отдельные слова расположены по чисто внешнему принципу их появления в порядке отдельных глав. Названия этих глав часто выписываются на полях; на полях же иногда делаются дополнения. Примитивная система нередко вызывает объяснение одного и того же слова в различных местах с незначительными вариантами.[2] Глоссарий доведен до конца основной части сочинения Муḥаммеда Ṭāхира, и объяснения слов доходят до л. 119, где начинаются извлечения из записок ʿАбд ар-Раḥмāна.

Основную рукопись переписчик предназначал для печати, как видно даже из его введения;[3] в связи с этим стоят несомненно те изменения для „пользы дела“, о которых он дважды упоминает (л. 1=128 и 135^{v} = 127^{v}). Опасением царской цензуры, быть может, объясняется то, что в некоторых местах рукописи отдельные строки и части страниц смыты и написаны вновь; производит впечатление, что и нижняя часть л. 63 написана другим почерком.

Изменения эти, конечно, дела не спасли; наивный автор полагал, что русская цензура того времени допустит опубликование такого произведения, где русские систематически величаются „неверными“ и рисуются в соответствующем виде. Шаги к напечатанию произведения были предприняты. В том же

---

[1] С нумерацией недоразумения таковы: 13, 36, 47 повторены дважды, листы 45, 50—59, 65, 105 в нумерации пропущены.

[2] Некоторые образчики толкований будут приведены в отделе о лексических особенностях сочинения.

[3] Л. I^{v} (=3^{v}): بسمله الحمد لله الذى يجدّد الحنفية الغرّاء، على راس كل قرن كما قال خير الأنبياء، و الصلاة و السلام على سيد الاصفيا، محمد و اصحابه الائمة الاتقياء، اما بعد فهذا كتاب ذكر وقائع وقعت فى داغستان فى هذه الاعصر المتأخرة جمعه العالم محمد طاهر القراخى الداغستانى و حرره ولده على رسم الطبع

1904 г., когда рукопись была написана, ее „представляет", как сказано в русской записи на первом листе (очевидно в цензуру), „Магомед Мирза Мавраев из Гуниб. Сел. Чох (Дагест. обл.)". Запись сделана известным владельцем типографии в Темир Хан Шуре, выпустившим большое количество изданий арабским шрифтом как литографированных, так и печатных, в том числе два остающихся неизвестными в науке сборника поэтических и прозаических произведений Ḥасана ал-Алḳадāрӣ.[1] За подписью Мавраева идет вписанный другой рукой регистрационный номер „№ 7249|5 ноября 1904 г." и непогашенная гербовая марка в 60 копеек. Рукопись поступила в Институт востоковедения от наследников профессора С.-Петербургского университета В. Д. Смирнова (1846—1922), бывшего одно время цензором „мусульманских" изданий; по всей вероятности рукопись была передана ему на отзыв и дальнейшего движения не получила. С точки зрения цензуры она несомненно читалась: об этом говорят неоднократные пометки на полях синим и красным карандашом, где упоминание о русских сопровождается словами „неверные" или где появляются термины „джихад", „газават" и т. д.

Сравнительная твердость в выводах об истории самого произведения и его рукописи позволяет с большей уверенностью перейти к анализу источников книги. В основе, как и естественно ожидать, лежат устные сообщения очевидцев описываемых событий. Однако и пользование письменными несомненно. Среди них мы находим такие, которые могут быть отнесены к категории документов, как одно из первых воззваний предшественника Шамиля имама Ḡази Муḥаммеда (л. 3—3^{v}) или указ о назначении сына Шамиля наибом, причем автор специально подчеркивает, что он этот указ видел (л. 95). Богато представлены письма: письма тестя Шамиля приводятся по копии автора, снятой с оригинала отправителя (л. 110^{v}—111). Впечатление подлинности производит переписка Шамиля с Александром II относительно присяги (л. 128—131^{v}). Некоторые письма передаются, конечно, только в изложении, а не в полном тексте или переводе: таково письмо Шамиля унцкульцам (л. 19), генералу Клуки (л. 21^{v}) или Александра II Ворон-

[1] Регистрация и описание всей продукции этой типографии дали бы очень ценный материал для монографии по истории ряда литератур на Кавказе, в первую очередь интересующей нас здесь арабской.

цову (л. 87). С не совсем понятным для нас значением дважды дается ссылка на та'рӣх (букв. историю); вероятно имеются в виду русские официальные реляции о военных событиях: оба раза сообщение передается со слов кавказцев, бывших тогда в русских владениях.[1]

Среди устных источников на первый план, естественно, выдвигается сам Шамиль; кроме приведенных раньше общих замечаний, это неоднократно подчеркивается в отдельных случаях (напр. л. 13: „поклялся ведающий Аллаха вышнего Шамиль составителю этой книги..."); неоднократно приводятся и его речи (л. 15, 19, 92). Значение рассказов Шамиля, как непосредственного источника, не ограничивается только отделом книги, составленным при его прямом участии. И в дальнейшем Муҳаммед Ṭāхир говорит часто: „слышал я от него, Имама..." (л. 102). Даже ряд подробностей о его путешествии в Аравию передается по его собственным рассказам одному его спутнику, с которым автор впоследствии имел возможность видеться.[2] Такую же важную роль непосредственного источника играет и сын Шамиля Гāзӣ Муҳаммед: выясняется, что с ним автор встречался в Медине и слышал лично ряд рассказов про последние годы Шамиля.[3] Вообще для этого периода у него был ряд сведений от жителей Медины, переданных различным дагестанским паломникам.[4] И в других случаях его рассказы восходят обыкновенно к лицам, бывшим непосредственными

---

[1] Л. 10ᵛ: و يروى عن حسين بن ابراهيم الكمراوى انه راى فى دَرْبَنْد تأريخ انه تلف بغازى محمد من الروس ثمانية الاف نفس и л. 35: و قد روى عن جواد خان الدرغى الذى كان قبل خادما للروس انه قرأ تاريخًا فى قلعة قزلار انه هلك بسبب احتكم احد و ثلثة (sic) و ثلثون الف نفس من الروس

Для характеристики печатного перевода можно отметить, что источник последнего сообщения „Джевад хан даргинский, бывший раньше на службе у русских", превратился в переводе (стр. 113) в двух лиц „Джаватхан и Дарго, служившие у них..."

[2] Л. 132ᵛ: و حكى لنا رفيق شمويل الذى كان معه فى هذا السفر نتنهى ما اخبرنا به ذلك الرفيق и л. 133ᵛ:

[3] Л. 133ᵛ: و اخبر غازى محمد بن شمويل لهذا المحرر فى المدينة المنورة и аналогично л. 134 и 135.

[4] Л. 134—134ᵛ: و نقل الحاج عبد الله حفيد الحاج عبد الرحمن الصغورى عن... احمد المدنى الرفاعى

свидетелями происходившего; таковы некоторые детали относительно его сдачи со слов Муḥаммеда ал-Ḳаḍыра.[1] Среди этих лиц мы часто встречаем ближайших сподвижников Шамиля, каков, напр., его известный казначей Ḥажияу;[2] есть, однако, лица из числа нерасположенных к Шамилю, как Йӯсуф ал-Йаḥсāвӣ, которому принадлежит даже бранное стихотворение по его адресу.[3] В такой же мере автор располагает восходящими к первоисточнику сведениями относительно деятелей, бывших на враждебной Шамилю стороне; достаточно упомянуть известного Ḥāджжи Мурāда, о котором рассказывается со слов лица, бывшего вместе с ним в крепости Чāр,[4] или действовавшего на стороне русских Абӯ Муслима Шамḫāла, сведения о котором неоднократно сообщал какой-то его слуга, очевидно игравший роль осведомителя.[5] Большим преимуществом изложения Муḥаммеда Ṭāхира является то, что свои источники он обыкновенно называет поименно с полной точностью.[6] Не всегда, конечно, ссылки носят такой определенный характер: иногда встречаем рассказ „со слов одного черкеса, который был в Кизляре во время его взятия Гāзӣ Муḥаммедом“[7] или со слов „женщины из Гимры, двоюродной сестры по отцу Гāзӣ Муḥаммеда, а по матери Шамиля“.[8] Иногда, конечно, на арабский лад делаются ссылки неопределенного характера: „Передавал мне заслуживающий доверия человек со слов такого же из Гимры“,[9] иногда еще глуше: „рассказывал мне заслуживающий доверия человек“,[10] или „удивительный рассказ передавал заслужи-

---

[1] Л. 117ᵛ—118ᵛ: اخبر محمد القصير الاندرى لمؤلف الكتاب

[2] Л. 102ᵛ: اخبرنا خازنه حجيو العُرُطى

[3] Л. 108—109, ср. 109ᵛ: سالت رفيق القاضى يوسف اليخساوى ما يقوله... ثم سمعت و انا المحرر ممن راى ولده

[4] Л. 96ᵛ: و اخبرنى و انا الناقل محمد طاهر بذلك ثقة كان اجتمع به فى قلعة چار (Чāр-аварское название крепости Закаталы)

[5] Л. 2ᵛ: و روانى شمخال الكبير и л. 8: و اخبرنى ثقة بانه اخبره خادم ثقة عى خادم ابى مسلم شمخال

[6] Например, л. 8ᵛ: و اخبر العالم مرتضى على الذُلدىّ القراخى

[7] Л. 6ᵛ: و روى عن بعض الچراكسة انه كان فى قذلار حين فتحت

[8] Л. 7ᵛ: و يروى عن امراة كمراوية هى بنت خال غازى محمد و بنت عم شمو يل

[9] Л. 8ᵛ: و اخبرنى ثقة عن ثقة من كمراه

[10] Л. 118: ... و حكى لى ثقة ان

вающий доверия человек со слов такого же".[1] В общем, однако, нужно сказать, что отношение Муḥаммеда Ṭāхира к своим источникам дает полную возможность оценки его произведения с исторической точки зрения.

Каков же литературный характер произведения? В смысле своей композиции и внешних приемов построения оно стоит целиком на плечах старой арабской традиции. Начинается оно с обычных частей (басмаля, ḥамдаля, таṣлия), за которыми неизбежным „а затем" (амма̄ ба'д) вводится существо рассказа. Разбито оно на многочисленные „главы" (ба̄б), конечно, без всякой нумерации. „Глава" не является единственным наименованием отдела: в этом сказывается или отсутствие окончательной обработки книги, или неумение распределить стройно материал. В одной главе появляется почему-то специальный подзаголовок „предисловие" (л. 13 муḳаддама), довольно часты дополнения, в отдельных местах вводимые заголовком „татимма"; иногда это отдельная фраза с каким-нибудь сообщением (л. 5^{v}), иногда более значительный рассказ (л. 29^{v}, 43^{v}, 82, 131^{v}) или письмо (л. 128^{v}). Иногда такой же характер носит, повидимому, и подзаголовок „татмӣм" (л. 66). Часто аналогичные дополнения вводятся просто словом „рассказ" (ḥика̄йа). Внешним признаком окончания этих вставок является иногда слово интаха̄ „кончено" (л. 6, 6^{v}, 8^{v}, 11^{v} и т. д.); иногда они ничем не отделяются от последующего изложения. В одном случае большой дополнительный рассказ о посольстве Шамиля к султану 'Абд ал-Маджӣду выделяется подзаголовком иститра̄д „отступление" (л. 49^{v}). Такая же неотделанность построения заметна и в частях, заканчивающих книгу. Один рассказ имеет специальное заключение под тем же названием „ḫа̄тима" (л. 90^{v}), что и вся основная часть (л. 111); объединяющим их обстоятельством является, быть может, то, что в обоих случаях приводятся стихи. Помимо этих заключений имеются еще три дополнительных под трудно переводимыми заголовками „тазнӣб" (л. 101^{v}, 135) и „тазйӣл" (л. 107^{v}); последнее принадлежит сыну автора. Отсутствие окончательной обработки произведения или, вернее, его продолжающийся рост до сдачи рукописи владельцу типографии сказывается в том, что иногда вариант рассказа появляется на полях (л. 8^{v} وفى رواية),

[1] Л. 109^{v}: حكاية غريبة حكاها ثقة عن ثقة

делаются дополнения на отдельных листках (л. 63^{v}) или приписываются к тексту со словами „от автора“ (л. 98^{v} من المحرر). Комментарий иногда включается в связный текст, как имеет место после одного стихотворения (л. 116—117), но чаще рукопись обрастает глоссами как на полях, так и особенно между строк. Глоссы эти в большинстве случаев дают точную ссылку, либо на самого автора (منه), либо на его сына (من ابنه и ابنه), иногда на какой-нибудь справочник, повидимому, типа словаря.[1] Все эти приемы основаны на давней и хорошо известной литературной традиции.

С ней связана не только композиция произведения, но и самая форма его изложения. Оно написано прозой, но в более эмоциональных или конструктивно более важных местах простая проза переходит в рифмованную.[2] Насыщено оно типично арабскими пословицами, даже и такими, которые едва ли были понятны не очень искушенным читателям. „Рассеялись, как сабейцы“ (شردوا ايادى سبا) часто говорит автор и, конечно, вынужден пояснять, кто эти сабейцы (л. 20^{v}, 36^{v}, 39^{v}); „разбежались как дикие ослы“ (ونفروا نفرة الحمر الوحشية), говорит он (л. 47^{v}), хотя свойства их едва ли близко известны на Кавказе.[3] Проза щедро пересыпана стихами, опять-таки на старо-арабский лад. Стихи в большом количестве принадлежат самому автору,[4] но в таком же количестве и другим дагестанцам, начиная с предшественника Шамиля имама Газӣ Мухаммеда (л. 2—2^{v}) или его современника ʿАбд ар-Раҳмāна аṣ-Ṣуфӯрӣ (л. 47^{v}, 81—82). В заключение основной части приводится стихотворная хроника в 161 стих сына только что упомянутого автора Мухаммеда ибн ʿАбд ар-Раҳмāна аṣ-Ṣуфӯрӣ (л. 111^{v}—116^{v}),

---

[1] Привожу основные сокращения: لغة л. 5^{v}, 94; من لغة 37^{v}; مختار 78, 91; مختار ع 35^{v}; من ق م или ق م 2, 19, 77^{v}, 104; صخ 2^{v}, 16, 23, 34, 35, 76^{v}, 78, 90^{v}, 91, 93.

[2] См., напр., л. 27—27^{v}: فلما قلّ لهم الظهير و المعين ، و لم يبق مكان حصين ، و لا موضع امين ، يمكن فيه مقابلة اعداء الدين ، اجتمع شمويل و من يقفوا اثره بميدان سدّ ...فخوّفهم بالقتل الذريع ، و الاهلاك الفجيع و ترك الناس سدّ الثغور ، والاجتماع المعركة و الحضور Ср. еще л. 32: л. 32, 35^{v}, 40^{v}, 49, 49^{v}, 61^{v}, 62, 62^{v}, 66^{v}, 68, 73, 74, 77 и другие.

[3] Ср. еще л. 32: ... اتسع هنالك الخرق على الراقع و التقت حلقتا البطان فحيل بين العير و النزوان :л. 111; شقّ العصا 44^{v}:

[4] Л. 23^{v}, 85—86^{v}, 90^{v}, 93^{v} — 94^{v}.

как бы резюмирующая рассказ об основных событиях за эпоху трех имамов. Сам автор, как и другие поэты, в совершенстве усвоил все нормы традиционного стихотворного канона: в конце произведений часто появляются та'рӣхи — хронограммы (л. 91, 94ᵛ); ответ на стихотворное послание пишется обязательно тем же размером и с той же рифмой (л. 91—92). Встречаем и своеобразный пример тех типичных старо-арабских наḳа'ид — полемических стихотворений, которые хорошо известны нам из древних периодов. Когда Шамиль сдался царскому правительству, один из его врагов Йӯсуф ал-Йаḫсавӣ сочинил стихотворение, в котором издевался над его неудачей. Автор включил его произведение в свою книгу (л. 108—109, ср. 109ᵛ), но сопроводил собственным ответом в том же размере с той же рифмой (л. 107ᵛ, 108—109), где каждый стих путем иной комбинации слов поэта с некоторой заменой отдельных выражений превращается в прославление Шамиля. Этот образчик наḳа'ид говорит нам ясно, насколько прочно и глубоко здесь внедрилась старо-арабская литературная традиция.[1]

Проследить истоки ее было бы не трудно. И в самом произведении, и в глоссах к нему дается ряд ссылок на различные, очевидно ходкие сочинения. Иногда мы узнаем даже точно, какие рукописи были в руках самого Шамиля. Рисуется одно положение, которое напоминает нам аналогичные случаи в другие эпохи. Когда Шамиль должен был покинуть аул Ахульго, „он вышел из дому в боевом снаряжении, оставив свои книги и все пожитки там. Он ударил рукой по рукописи „Инсан ал-ʿуйӯн“,[2] переписанной известным ученым Саʿӣдом ал-Хараканӣ,[3] и воскликнул: „Какому врагу в руки ты попадешься!“ Автор добавляет, что книга впоследствии чудесным образом вернулась к Шамилю (л. 32—32ᵛ). В другом месте он упоминает (л. 106), что при аналогичных обстоятельствах в его руки попали рукописи Шамиля, которые впоследствии были им переданы Гази Мухаммеду; среди них он назы-

---

[1] Ср. еще стихи ميرزا علي л. 90, 90ᵛ — 91 с ответом автора 90ᵛ—91.

[2] Очень популярная поздняя биография Мухаммеда, составленная ал-Ḫалеби, иначе называемая „ас-Сӣра ал-ḫалебиййа“ (см. Brockelmann, GAL, II, 307, № 10).

[3] Он вообще был известен как каллиграф, см. ал-Алḳадари, Асари-Дагестан, перевод, 158.

вает экземпляр „ал-Минаḫ ал-Меккийа“ в копии дагестанца ал-Кудукӣ.[1] В одной из вставок автор делает (л. 63ᵛ) большое извлечение из космографии Ḫарӣдат ал-ʿаджа'иб,[2] равно как (л. 66) неопределяемого ближе сочинения Аснā-л-матāлиб;[3] в глоссах часто делаются ссылки на известный супракомментарий к Корану Шейḫ-заде.[4] По таким деталям пути проникновения литературной традиции вырисовываются отчетливо: привлечение других источников позволило бы без особого труда определить и „круг чтения“ и „круг учения“ арабских писателей Кавказа, но это уже дело специального исследования.

Отражаясь в построении и в привлеченном литературном материале, традиция с такой же силой отражается и в языке. Можно было бы сказать, что эта сила традиции позволяет с большой легкостью весь новый материал языкового порядка, неизбежно наплывающий в кавказских условиях XIX в., перерабатывать по старым нормам, подтверждая не только их большую стойкость, но и жизненность.

В этом новом материале особенно многочисленную группу составляют русские слова. Уже по запискам ʿАбд ар-Раḫмāна это было хорошо известно; однако они писались в Калуге, в русской обстановке, после ряда лет пребывания в России. Здесь мы имеем возможность проверить данные на более специфичном материале, на более широкой картине. Общий характер и тут остается таким же: естественно преобладают слова военно-административного происхождения или чем-либо с ними связанные. Если у ʿАбд ар-Раḫмāна мы уже познакомились со своеобразным арабским множественным от русского слова „солдат“,[5] то здесь оно появляется не только в этой форме (سلاديت л. 29 bis, 30, 47ᵛ, 49ᵛ, 104, 106), но уже во всех формах единственного числа (سلدتٌ 10, 80, 109ᵛ; السلّدت 18, 26; سلدتًا 5ᵛ, 49ᵛ, 80), в двойственном (سلدتين 49ᵛ) и еще во второй более оригинальной форме множественного числа (سَلَدات 42,

[1] Имеется в виду коментарий Ибн Ḫаджара ал-Хайсамӣ на поэму Умм ал-кура ал-Бусыри, см. Brockelmann, GAL, I, 266, II, 3=Ḫāджжи Ḫалīфа, изд. Flugel'я, IV, 557.

[2] Ибн ал-Вардӣ, см. Brockelmann, GAL, II, 131, № 8.

[3] Во второй рукописи, о которой будет речь ниже, оно называется полнее اسنى المطالب فى صلة الاقارب (л. 29ᵛ). См. теперь GAL, SB II, 76, № 80.

[4] Ср. Brockelmann, GAL, I, 417, № 12.

[5] ЗИВ, II, 19, прим. 4.

48, 79, 83, 84v, 85, 87, 88v, 89, 94v, 97v, 100v).[1] Давно проникает на Кавказ слово „монета“ (в значении рубль), встречающаяся и здесь (مناتا 109, 119v bis). „Патрон“ появляется в своеобразном множественном числе, не сразу дающем возможность угадать оригинал (و قُسم فَطَارِينُ الجيش 64v); сильно арабизованы „офицер“ и „сержант“ (فقتل ابْصِرًا و سَرِيجَانًا 72v; وجاء ... ابصران منهم 101).[2] Довольно точно передается слово „адъютант“ (اَتُو تانهُ 88).[3] Слово „генерал“ передается в привычной для Кавказа форме с переменой начального звука (ينارال 74, 97v, 98v, 111; الينارال 82v; один раз в необычном начертании الغنار الات 122v); оригинальное впечатление производит попытка передать чин „генерал-от-инфантерии“ (ينارال اَرْتِنْ فَانْطِر 110v).[4] „Барон“ употребляется в двоякой передаче (بَرُونْ 100v и بارون 106); „князь“ — в наиболее принятой (كيناز 110v bis). Закрепляется в арабской передаче слово „начальник“ (л. 90: نَچَانِيكُهَا)[5] и даже „архиерей“ (اَرْكِرِيْ 118—118v несколько раз.). Проникают в язык с большими или меньшими изменениями „почта“ (واركبه على فوشتى 110v), „телеграф“ (تَلِكِراف, 132), „пароход“ (فراخود 133v), „газета“ (فى كَزَاتٍ 109v bis, 110 bis, 118, 132; فى كِزَاتِهِم 82). Своеобразное явление кавказской военной жизни „окказия“ перенесло этот термин и в арабскую оболочку (اكَازَى 88; كانوا يرسلون اكازى 87v; اَكَازِيهِم 7v, 78, 79), так же как и „дрожки“ (دُرُشْكَهْ 109v; دَرِشْكاها 43v). Слово „чин“ понимается, повидимому, в смысле „орден“ (كان كل واحد منهم يجىء بچينه الذى بذله رئيس

---

[1] Она встречается с пояснением и у ал-Алḳадāрӣ, Дӣвāн ал-Мамнӯн, 112: من اهل نظام الروس باسم سلدات

[2] Своеобразная форма множественного с иной фонетической комбинацией встречается у ал-Алḳадāрӣ, Дӣвāн ал-Мамнӯн, 8, I и 144, 2 сн. الامراء والافاسر

[3] У ал-Алḳадāрӣ оно появляется обыкновенно в другой форме: اطوطاند, см. Дӣвāн ал-Мамнӯн, 90, 113, 115.

[4] Букву ر можно было бы считать опиской вместо و, но разделение слов поддерживается ал-Алḳадāрӣ, который дает формы اوتين فانتير (Дӣвāн ал-Мамнӯн, 8) и اوتن فانتر (ibid. 144).

[5] Отсутствие звука л не может быть объяснено опиской: в такой же форме слово неоднократно встречается у ал-Алḳадāрӣ, как в прозе, так и в стихах, Дӣвāн ал-Мамнӯн, 64, 112, 113, 121, 125, 174.

الروس فيكسره بين يديه 39v).[1] Без изменений приняты в язык „закон“ (لا يليق بزاكونِ الفاتِ شاه 64v; زاكونهم 88, 92v) и „миллион“ (ثلثة مَليَانٍ 82). Из русских слов, которые встречаются у Муḥаммеда Ṭāхира только в извлечениях из записок ʿАбд ар-Раḥмāна, любопытное образование представляет „верста“ с особым множественным числом (وِرُسًا, 120, 122; ورسات124v); „пуд“ передается с соответствующими фонетическими изменениями (فوت126). Не вызывают замечаний „бриллианты“ (برليانات 119v bis), „европейские языки“ (اللُسُن اليُوَرفيه 123v) и обычные военные термины: „капитан“ (الكفطان 121v), „полковник“ (فلكونيك 119) и даже „гусарский полк“ и „уланы“ (غسارسكى فلك واولان 120).[2]

Эти заимствования в связи со своими фонетическими изменениями могут доставить не малый материал для специалистов по кавказским языкам при выяснении путей проникновения этих слов в арабскую письменность. То же надо сказать о некоторых заимствованиях из других языков. Даже такое обычное слово, как „падишах“, встречается здесь в двоякой форме — обычной (پادشاه 117v, 118bis) и редкой (فاتشاه 30v, 31, 42 часто, 101v bis, 102). Даже употребительный титул турецкого султана появляется в своеобразном изменении (الفُنْكر 20bis с глоссой: اسم الامام الاعظم على لغة انوار). Некоторого внимания заслуживают и такие формы, как سردال (103v, 106, 107bis) или چلندار (30, 73). Любопытную арабизацию турецкого слова представляет часто встречающееся سوسات, которое трактуется как форма множ. числа женского рода. Значение его и по контексту и по глоссам не оставляет никаких сомнений: оно значит „провиант, припасы“, иногда „обоз“ (68v, 71, 72v, 76, 79, 79v, 80 , 88, 89). Заимствовано оно из турецкого سورسات или صورصات, распространенного, главным образом, в азербайджанском и османском со специальным значением „чрезвычайного налога“, „реквизиции“ (см. словари Будагова, I, 643; Радлова, IV,

[1] В русском значении это слово часто употребляет ал-Алқадāрī, а один раз в стихах в честь своего современника, Дīвāн ал-Мамнūн, 96 (размер بسيط):

لاجل تهنئة لكم ايا سندى * چينا يزيد لكم جاها و سلطانا

[2] Полную иерархию русских военных чинов в арабской передаче можно составить на основе частого упоминания у ал-Алқадāрī, Дīвāн ал-Мамнūн.

771; Zenker'a, I, 524. Ср. W. F. A. Behrnauer, Das Nasihatnama, ZDMG XVIII, 1864, 720). Употребляется слово и в персидском языке (E. Steingass, A comprehensive persian english Dictionary, 708: سورسات جمع کردن To collect requisitions).

В некоторых случаях установление источника представляет известные затруднения (ср., напр., بَلاکُوز со значением „посланник“ 109ᵛ, 132); арабизация проделана настолько основательно, что иногда приходится колебаться, имеем ли мы дело с заимствованным словом или новообразованием на арабской почве. Ясность значения по контексту далеко не всегда здесь помогает. Таково, напр., известное уже по запискам ʿАбд ар-Раҳмāна[1] слово مِكْفال (5ᵛ);[2] значит оно, несомненно, „ружье“, стреляющее пулей (72ᵛ: بندقة مكفال, ср. вставку на стр. 14ᵛ—15, 87, где по поводу междометия زرْط глосса сына автора اسم لصوت الطويل بندقة المكفال آبنَه و القصير), снабжено штыком (5ᵛ: طعن بزجّ مكفال). Во множественном употребляется двоякая форма مكافيل (14ᵛ, 106) и مكافل (9, 13ᵛ). Так же непонятно происхождение того слова, которое поясняется при помощи первого (106: الجزاولات اى المكافيل). Второй термин, тоже известный из записок ʿАбд-ар-Раҳмāна,[3] обозначает, повидимому, какое-то артиллерийское орудие (120ᵛ: المدافع و الكنافر) и попрежнему остается неясным по своему происхождению; затруднительно ставить его в связь с арабским قنبرة (множ. قنابر) — „бомба“.

На ряду с расширением лексического состава идет расширение семантики: часто арабские слова получают значения, неизвестные или малоупотребительные на их родине: نظام употребляется и в обычном для него значении „строй“ (86, 95ᵛ, 111) или „система“ (94ᵛ) и в том, которое установилось и в Турции, „регулярное войско“ (80ᵛ, 82ᵛ, 83ᵛ, 87, 88); انفار почти всегда значит „ополчение“ (71ᵛ, ср. 74, 75, 76ᵛ, 77, 77ᵛ, 78ᵛ, 87, 88, 88ᵛ, 89, 92ᵛ, 95ᵛ, 98); в связи с этим стоит и глагольная форма استنفر, которая специально поясняется в глоссарии.[4] Истоки некоторых

[1] ЗИВ, II, 19, прим. 2.

[2] У ал-Алқадāри оно встречается в форме مكفل как в прозе (Дīван ал-Мамнӯн, 90), так и в стихах (ib., 133).

[3] ЗИВ, II, 19, прим. 2.

[4] Л. 6ᵛ=133ᵛ: استنفر الجيوش اى طلب حضور الجيوش و خروجهم
и 5ᵛ=132ᵛ: استنفرهم اى طلب منهم النصر و العون و المدد

значений можно проследить и на арабской почве: ناموس „лазутчик, доверенный“ (63, 92, ср. 67),[1] علج (64v), множ. علجات (93v), „мужик“,[2] مواجب „подарки“ (42: و وعد لهم من الروس جوائز و مواجب).[3] Особенное развитие значений приобретают, конечно, те слова, которые получают специфическое значение в кавказских условиях: „подчинять административно“ ساس (46, 70v bis, 71, 73v, 74, 95, 95v),[4] „инструктировать“ ربّى (107v) с производным تربية (110v, 132). Иногда старые слова получают не только новый оттенок, но и несколько другую конструкцию: غوّث الى ... „обращаться за подкреплением“ (74v), غَوْث „гонец с просьбой о помощи“ (13, 25v: ... جاء اليه غوث بان الروس عسكروا или 26, 46, но другое значение 48v).[5] Некоторые неологизмы требуют для проверки бо́льшего количества параллелей: так محدّد значит, повидимому, „холодное оружие“ (17, bis, ср. حديد); трактовка корня هلك предупреждает современное употребление его для понятий „тратить; потреблять“ (109: و اهلاكه من ماله لاجله).

На ряду с богатым ростом новых явлений в области лексики и семантики рассматриваемый памятник дает мало материала в других частях. Из сферы морфологии можно указать только несколько форм множественного числа, неизвестных в классическом арабском языке, напр. برائد „гонцы, посланцы“ (49v, 60, 61v; единств. число بريد, обычное множественное بُرُد),[6] ايايكا „рощи“ (83v, единств. أَيْك). В синтаксисе сказывается развитие

---

[1] Любопытно объяснение, которое дает глоссарий 4v=131v: الناموس صاحب سرّ الرجل الذى يطلعه على باطن امره و متفحّص الخبر الخير
В последнем значении оно противополагается слову جاسوس л. 6v=133v: جاسوس متفحّصُ الخبر الشرّ

[2] Глоссарий л. 5=132: علج اى كافر غليظ

[3] Ср. Dozy, Supplement II, 782 и глоссарий л. 4=131: المواجبُ اى الاحسانات التى يجب فِعْلها

[4] Ср. в глоссарии объяснение سياسة л. 1=128: اى تاديبها و ارشادها или السياسة التاديب و الارشاد الى الخير и л. 6=133: التاديب

[5] Этот корень неоднократно трактуется в глоссарии, см., напр., л. 2=129: غوّث اى نادى و صاح به قال واغوثاه, л. 5=132: الغوث طلب العاجز الاعانة, л. 5v=132v غوث اى نادى

[6] О значении ср. глоссарий 4v=131v: البرائد جمع بريد و هو رسولٌ اُرْسِلَ فى حاجة

новых предложных конструкций, напр., سار عليهم „пошел на них“ (12v), كانوا حذاقا لرمى „были опытны в стрельбе“ (15v вм. في رمى) или неправильное с точки зрения классичности разделение определения от определяемого: لم تسمع الى دعاء و الحاح رجالنا (38v, вм. اهل التقى و نقى ,(الى دعاء رجالنا و الحاحهم (81, вм. اهل التقى و النقى; неправильность, вероятно, вызываемая требованием стихотворного размера), равно как глагола от дополнения: كان يدعو و يحضر من كان فيها (л. 1 = 128 вм. كان يدعو من كان فيها و يحضرهم). Иногда встречаются обороты, как бы звучащие переводом на арабский язык: لم تَقْوَوْا ان يَلْقَوْا حربًا هيبة منه (5v), دون نحو شهر (14v), или прямые ошибки, как частый винительный падеж вместо именительного (14v, 40v, 64v). Вероятно влиянием какого-либо местного языка объясняется совершенно несвойственное арабскому повторение отдельных слов для усиления: قتلوا كثيرا كثيرا من الروس (5, ср. 22), يبكى يبكى (37; арабским может быть объяснено كانوا بين بين л. 13).

Если подвести, таким образом, некоторые итоги после анализа литературно-лингвистической стороны произведения, то необходимо признать, что традиция в нем господствует всецело: новое содержание никак не отражается. Не надо думать, что это объясняется возникновением его в не-арабской среде под пером кавказца, для которого арабский язык не был родным. Некоторую параллель мы имеем и на чисто арабской почве в немногим более раннюю эпоху в виде путешествия египетского Шейха Тантави, написанного им около 1850 г. И в композиции и в приемах оно так же наскозь традиционно, как произведение Муḥаммеда Ṭāхира, хотя отличается большими литературными достоинствами.[1] И на том, и на другом видно, что зарождавшаяся около этого времени новая литература прошла мимо них и никак не отразилась. И в дальнейшем Дагестан она не затронула. Арабская литература там до конца своего существования продолжала жить только традицией, завершением которой можно было бы считать едва ли не последнего здесь крупного писателя и поэта на арабском языке Ḥасана ал-Алḳадāри (1834—1910). В языке новые элементы сказывались естественно сильнее, но развитие их было подчинено тому же строгому закону традиции, шло в таких же рамках, как в других

[1] Подробности о нем см. в моей книге „Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета, Ленинград 1929“ с указанной там литературой.

странах не-арабского языка. Большая сила и жизненность языка и здесь обнаруживалась в том, что эти элементы — иногда самого оригинального происхождения — органически усваивались и не производили впечатления чужеродного балласта.

В заключение перед нами встает один вопрос, который естественно напрашивался с самого начала — какова же историческая ценность данного памятника, вернее, данной рукописи, раз она является экземпляром, представленным в цензуру с соответствующими изменениями, на которые намекает сам переписчик? Можно даже спросить, имеет ли она вообще какую-нибудь ценность при таком положении? По счастью, на этот вопрос можно теперь ответить с достаточной определенностью. Экспедиция Академии Наук летом 1935 г. вывезла из Астрахани вторую рукопись того же самого сочинения (шифр В 3712). История рукописи не вырисовывается так четко, как первой, но некоторые вехи и здесь намечаются твердо. Рукопись была переписана в июле 1899 г., то есть на 5 лет раньше той, о которой шла речь. Ни переписчика, ни лица, заказавшего рукопись, до сих пор не удалось идентифицировать, хотя имена их полностью даны: оба они дагестанцы и казикумукцы. Переписана рукопись очень убористым каллиграфическим, несколько претенциозным почерком. Принадлежит он едва ли ученому, в противоположность первой рукописи, а скорее профессиональному переписчику или учащемуся. Поднесена же рукопись лицу известному — астраханскому ученому ʿАбд ар-Раḥмāну сыну ʿАбд ал-Ваххāба. О них упоминает ал-Алқадāри, автор Асāри Дāгестāн, говоря о своем пребывании в Астрахани при возвращении из ссылки в Спасске, Тамбовской губернии, в начале 80-х годов.[1] Рукопись переплетена вместе с выписками и копиями других сочинений, в большинстве случаев рукой самого ʿАбд ар-Раḥмāна. Интересующее нас произведение скопировано, повидимому, с того же оригинала, что и наша первая рукопись; об этом между прочим говорит совпадение ряда глосс на полях, но в нашей количество их больше, так как она продолжала дополняться до момента сдачи в цензуру. Вновь открытая рукопись, предназначенная для частного употребления, дает нам

[1] Дīвāн ал-Мамнūн, 176.

возможность определить отношение цензурного экземпляра к оригиналу автора. Благодаря ей подтверждаются высказанные предположения о включении сыном автора таких частей, как переписка Шамиля с Александром, и ряда мелких дополнений, доводящих события до смерти сына Шамиля Ғазӣ Муḥаммеда. Отсутствует и ряд других мелких вставок, сделанных в основной части рукописи, иногда характера комментария, иногда фактических разъяснений. Те изменения „для пользы дела", как говорил Ḥабӣб Аллāх, цензурного характера, тоже выделяются отчетливо. Прежде всего изменено заглавие. В рукописи, о которой мы говорили вначале, сочинение называется просто „Дагестанские события эпохи Шамиля", но обычной поддержки его путем повторения в предисловии нет, где вообще никакого заглавия не приводится. Во вновь привезенной рукописи сочинение называется „Блеск горных мечей в некоторых газаватах Шамиля" (بارقة السيوف الجبلية فى بعض الغزوات الشاملية), как это поддерживается и старым русским переводом, о котором упоминалось выше.[1] В связи с этим делается понятно, почему в глоссарии сына автора проскользнувшее в предисловии (л. 1 = 128) слово „газават" вычеркнуто и заменено „события". Первоначальное заглавие поддерживается и предисловием, которое в первой рукописи совершенно изменено: у автора шла речь о трех имамах, упоминались сношения Шамиля с Балхом и Бухарой, страх, внушенный русским, — все в таком тоне, что на прохождение этого в царской цензуре рассчитывать не приходилось. Это предисловие заменено поэтому в первой рукописи несколькими бессвязными строчками. В дальнейшем отдельные ссылки на это предисловие пришлось затушевывать — в частности в том, уцелевшем в тексте рассказе, где шла речь о влиянии Шамиля в Средней Азии (глава 37). Других значительных пропусков в основном тексте при беглом просмотре не заметно: в большинстве случаев дело сводится к сглаживанию отдельных резких формулировок по адресу русских и появлению тех мелких дополнений, которые вносились сыном в принадлежащий ему экземпляр отца. Во всяком случае, благодаря исключительно счастливой находке второй

[1] В 1327 (1909) г. в Стамбуле была издана под тем же заглавием брошюра (8°, 23 стр.), но она содержит только четыре стихотворения, посвященные этим событиям и находящиеся в сочинении. Это обстоятельство говорит, что рукописи истории Муḥаммеда Ṭāхира попадали и в Турцию.

рукописи мы имеем возможность с полной отчетливостью установить характер цензурных изменений и ответить на естественно возникший вопрос. С другой стороны, однако, находка отнюдь не лишает значения первую рукопись. Помимо того, что она дает возможность перекрестной проверки текста на основе экземпляра, писанного сыном автора по его автографу, она важна именно этими дополнениями сына как разъясняющими некоторые детали, так и сообщающими важные фактические данные из других, бывших у него источников.

Нельзя не отметить попутно того обстоятельства, что наличие двух рукописей оказывается очень важным для выяснения некоторых вопросов арабской палеографии и сокращений, принятых в кавказских памятниках. В частности любопытно указать, что благодаря им устанавливается значение частого сокращения ح̃, которое до сих пор затрудняло исследователей.[1] Сличение рукописей выясняет, что оно является сокращением слова حينئذ „тогда“.[2] Систематическое применение его является, повидимости, особенностью кавказских памятников; из всех известных нам грамматик я нашел упоминание о нем только у М. Навроцкого (Опыт грамматики арабского языка, СПб., 1867, 79).[3] Считать это сокращение неизвестным другим арабским странам, однако, нельзя: оно встретилось мне в рукописи Ибн Хордадбеха, которою пользовался Barbier de Meynard,[4] и в автографе одного сочинения Шейха Тантави.[5] С полной уверенностью разъясняется теперь и принятая в глоссах цитата منه,[6] как „от автора“; в параллель ему часто фигурирует من ابنه „сына автора“, понятное нам при изложенной истории первой рукописи.

---

[1] Например, И. Крачковский, ЗИВ, II, 19, прим. 7; Г. Церетели, ЗИВ, V, 114.

[2] Ср., напр., первую рукопись, л. 107, ult., где стоит ح̃, и вторую, л. 51^{v}, где в той же фразе حينئذ; наоборот, в первой рукописи л. 47^{v}, 5 сн. стоит حينئذ, а во второй л. 25^{v}, 1 в той же фразе ح̃. В первой рукописи сокращение ح̃ имеется еще дважды в цитатах из ʿАбд ар-Рахмана, л. 120^{v}, 127^{v}.

[3] Приводятся исключительно формы وح̃ = وحينئذ и فح̃ = فحينئذ, которые могут быть теперь дополнены указанной выше. Ср., однако, грамматику Wright'a (3-е изд. I, 25, d), где есть ح̃.

[4] JA, сер. 6, т. 5, 1865, 44; в издании De Goeje в соответствующем томе BGA, VI, 18 этого сокращения нет.

[5] Рукопись библиотеки университета Ms. O., 838, л. 50—60^{v}.

[6] Ср. ЗИВ, II, 19, прим. 5.

Выяснив значение рукописей, мы можем подойти и к последнему вопросу об историческом значении самого произведения. До сих пор нам известно в подлиннике одно крупное арабское произведение, посвященное непосредственно Шамилю, — записки его зятя ʿАбд ар-Раḥмāна, о которых три года тому назад было дано сообщение. Составленные в начале 60-х годов по инициативе капитана А. Руновского и считавшиеся с возможностью чтения их русскими, они носят определенный характер, усугубляющийся тем, что автор значительно руссифицировался во время долголетнего пребывания в Калуге. Впоследствии он был казием на Кавказе и считался в глазах администрации человеком благонадежным. Второе произведение известно только в переводе с арабского и было написано сподвижником Шамиля Хаджи Али, но после падения первого и по прямому заказу русских властей в начале 70-х годов. Характер его еще более определенно отражает обстоятельства возникновения и может считаться отголоском русской официальной точки зрения. При таком составе источников книга Муḥаммеда Ṭāхира приобретает особое значение. Ее первоначальная редакция отнοсится к половине 50-х годов, когда Шамиль был в силе. Как мы видели, он сам принимал непосредственное участие в составлении, и книга является отражением уже не русских или руссофильских взглядов, как первые две, а точки зрения самого Шамиля и сочувствующих ему сторонников. Этого однако мало: автор приводит иногда отзывы и лиц, относившихся к Шамилю отрицательно, из кавказской же среды. Таким образом на основе этого произведения мы можем яснее судить о внутренних расхождениях, которые существовали даже среди ближайшего окружения Шамиля, но не всегда во всей полноте учитываются и теперь. Эти соображения, мне кажется, могут достаточно осветить важность нашего памятника и его рукописей с исторической точки зрения.[1]

---

[1] Анализ всех упоминаемых произведений как исторических источников дан в последнее время Н. И. Покровским (Проблемы источниковедения, II, Москва—Ленинград, 1936, 219—232). Его большой заслугой является то, что впервые они рассматриваются во всем комплексе известных нам материалов, с учетом их соотношений. Выводы касательно арабских произведений потребуют со временем некоторого уточнения, так как автор в оценке их основывается исключительно на переводах; к сожалению, все изданные переводы, как мне приходилось неоднократно убеждаться в тех случаях, когда была возмож-

Заканчивая четыре года тому назад свою статью о записках Абд ар-Раḥмāна, я говорил, что надо подумать об издании серии памятников арабской письменности на Кавказе и включить в нее эти записки. Теперь мы уже получаем возможность включить в серию второй том — сочинение Муḥаммеда Ṭāхира ал-Қарāхи, критическое издание которого при наличии даже двух описанных рукописей представляется делом хотя и трудным, но вполне осуществимым.[1] Для расширения этой серии следовало бы еще разыскать арабский подлинник истории Хаджи Али и историю Курбан Алия из Ашильты, о существовании которой известно только по глухим упоминаниям.[2]

Ленинград—Петергоф
1935—1936

ность сравнить их с оригиналом, не только не точны, но часто искажают подлинник до неузнаваемости. (Попутно следует отметить, что „Асāри Дāгестāн" написано не по-арабски, op. cit., 221, 226, а по-азербайджански.)

[1] Во время печатания этой статьи я имел возможность благодаря любезности Г. В. Церетели познакомиться еще с одной рукописью, находящейся в Тбилиси, которая дает несколько сокращенную редакцию. Очень важное значение приобретает турецкий перевод, изданный в Стамбуле в 1333 (1914) г., так как он исполнен по арабской рукописи, находившейся в Медине.

[2] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, выпуск 45, Махач Кала, 1926, стр. 53.

Акад. С. А. ЖЕБЕЛЕВ

МАВРИКИЙ (СТРАТЕГ). ИЗВЕСТИЕ О СЛАВЯНАХ VI—VII вв.

Приводимый ниже отрывок о славянах и антах заимствован из трактата *Στρατηγικόν*, изданного в первый и единственный раз в книге „Arriani Tactica et Mauricii Artis Militaris libri duodecim" Иоанна Шеффера (Упсала, 1664).[1] В одной из рукописей, сохранивших трактат, авторство приписывается Маврикию, под которым Шеффер склонен был предполагать императора Маврикия (582—602). В другой рукописи автором трактата называется некто Урбиний. В настоящее время оставлены попытки узнать имя автора трактата, и ученые ограничиваются лишь установлением времени его появления, ограничивая его концом VI—первою третью VII в. См. статью Ensslin'a в Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, XIV (1930), 2393 сл., где указана и литература предмета, к которой нужно добавить работу капитана Цыбышева „Маврикий. Тактика и стратегия" (СПб., 1903), переведшего трактат с латинского перевода, приложенного к изданию Шеффера. В последнем приводимый отрывок занимает страницы 272—277 и является началом главы 5-й книги XI всего трактата. Глава эта имеет заголовок: *Πῶς δεῖ Σκλάβοις καὶ Ἄνταις καὶ τοῖς τοιούτοις ἁρμόζεσθαι*, как нужно воевать (дословно: приспособляться) со славянами, антами и т. п. племенами. В греческом тексте мною исправлены некоторые опечатки, вкравшиеся в издание Шеффера, изменена в некоторых случаях пунктуация, текст разбит на отдельные абзацы. При переводе я следовал греческому оригиналу, стараясь придерживаться его возможно ближе, но позволяя себе вставить, для ясности, некоторые слова (они заключены

[1] Книга Шеффера — библиографическая редкость (ею, напр., не мог воспользоваться в свое время Гиббон). В Институт истории она была любезно переслана из Упсалы.

в квадратные скобки). Оставленная без перевода часть главы посвящена исключительно обсуждению вопроса, поставленного в заголовке ее; никаких сведений, относящихся к славянам, эта часть не заключает, но из нескольких упоминаний, в ней находящихся, видно, что под славянами автор разумел исключительно славян, живших по Дунаю и его притокам. Вопрос об источниках, которыми пользовался автор трактата, вряд ли может быть разрешен. По общепринятому мнению (ср., напр., Krumbacher, Gesch. Byz Lit.[2] 635), трактат представляет собою „несамостоятельную компиляцию"; что автор его обладал в достаточной степени познаниями в области военного дела, а может быть, и сам был военным, сомневаться вряд ли следует.

ТЕКСТ

Τὰ ἔθνη τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν ὁμοδιαίτατα καὶ ὁμότροπα εἰσὶ καὶ ἐλεύθερα, μηδαμῶς δουλοῦσθαι ἢ ἄρχεσθαι πειθόμενα καὶ μάλιστα ἐν τῇ ἰδίᾳ χώρᾳ, πολυάνδρατα καὶ τληπαθῆ, φέροντα ῥαδίως καὶ καύσωνα καὶ ψῦχος καὶ βροχὴν καὶ σωμάτων γυμνότητα καὶ τὴν δαπανημάτων ἔνδειαν. Εἰσὶ δὲ ἐπιξενουμένοις αὐτοῖς ἥπιοι καὶ φιλοφρονούμενοι, αὐτοὺς διασώζουσιν ἐκ τόπου εἰς τόπον οὗ ἂν δέωνται, ὡς εἴ γε δὶ ἀμέλειαν τοῦ ὑποδεχομένου συμβῇ τὸν ξένον βλαβῆναι, πόλεμον κινεῖ κατ' αὐτῶν ὁ τοῦτον παραθέμενος, σέβας ἡγούμενος τὴν τοῦ ξένου ἐκδίκησιν. Τοὺς δὲ ὄντας ἐν ταῖς αἰχμαλωσίαις παρ' αὐτοῖς οὐκ ἀορίστῳ χρόνῳ, ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη, ἐν δουλείᾳ κατέχουσιν, ἀλλὰ ῥητὸν ὁρίζοντες αὐτοῖς χρόνον ἐν τῇ γνώμῃ αὐτῶν ποιοῦνται εἴτε θέλουσιν ἐν τοῖς ἰδίοις ἀναχωρῆσαι μετά τινος μισθοῦ ἢ μένουσιν ἐκεῖσε ἐλεύθεροι καὶ φίλοι.

Ὑπέστη δὲ αὐτοῖς πλῆθος ἀλόγων παντοίων καὶ γενημάτων ἐν θημωνίαις ἀποκείμενον, καὶ μάλιστα κέγχρου καὶ ἐλύμου.

Σωφρονοῦσι δὲ καὶ θήλια αὐτῶν ὑπὲρ πᾶσαν φύσιν ἀνθρώπου, ὥστε τὰ πολλὰ αὐτῶν τὴν τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελευτὴν ἴδιον ἡγεῖσθαι θάνατον καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἑκουσίως, οὐχ ἡγούμεναι ζωὴν τὴν ἐν χηρείᾳ διαγωγήν.

Ἐν ὕλαις δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλμασι καὶ λίμναις δυσβάτοις οἰκοῦνται, πολυσχεδεῖς εἰς τὰς ἐξόδους τῶν οἰκήσεων ποιούμενοι διὰ τὰς ὡς εἰκὸς συμβαινούσας αὐτοῖς περιστάσεις. Τὰ ἀναγκαῖα τῶν πραγμάτων αὐτῶν ἐν ἀποκρύφῳ χωννύουσιν οὐδὲν περιττὸν ἐν φανερῷ κεκτημένων καὶ βίον ζῶνται ληστρικόν.

Φιλοῦσι δὲ ἐν τοῖς δάσεσι καὶ στενοῖς καὶ κρημνώδεσι τόποις τὰς κατὰ τῶν ἐχθρῶν αὐτῶν ἐγχειρήσεις ἐργάζεσθαι. Κέχρηνται δὲ ἐπι-

τηδείως ταῖς ἐνέδραις καὶ τοῖς αὐφνιδιάσμασι καὶ κλοπαῖς ἔν τε νυξὶ καὶ ἡμέραις πολλὰς μεθόδους σχηματιζόμενα. Ἐν πείρᾳ δὲ εἰσὶ καὶ τῆς ποταμῶν διαβάσεως ὑπὲρ πάντας ἀνθρώπους καὶ γενναίως ἐγκαρτεροῦσι τοῖς ὕδασιν, ὡς πολλάκις τινὰς αὐτῶν ἐν τοῖς οἰκείοις διάγοντας, αἰφνιδιαζομένους ἐκ περιστάσεως, καταδύναντας ἐν τῷ βάθει τοῦ ὕδατος, καλάμους πεποιημένους μακροὺς διὸλου κεκενωμένους κρατεῖν ἐν τοῖς στόμασιν αὐτῶν μέχρι τῆς τοῦ ὕδατος ἐπιφανείας καὶ κειμένους ὑπτίους ἐν τῷ βάθει δι' αὐτῶν ἀναπνέειν καὶ ἐπὶ πολλὰς ὥρας ἐξαρκεῖν, ὥστε μηδεμίαν ὑπόνοιαν περὶ αὐτῶν γίνεσθαι. Ἀλλὰ εἰ καὶ συμβῇ τοὺς καλάμους ἔξωθεν ὁρᾶσθαι, συμφυεῖς τῷ ὕδατι νομίζεσθαι ὑπὸ τῶν ἀπείρων. Διὸ οἱ πρὸς τοῦτο ἐμπείρως ἔχοντες τὸν κάλαμον διὰ τῆς τομῆς καὶ θέσεως ἐπιγινώσκοντες ἢ κατανύττουσιν αὐτῶν τὰ στόματα δι' αὐτῶν ἢ ἀποσπῶντες τούτους ἀναφέρουσιν ἐκ τοῦ ὕδατος, οὐ δυναμένων αὐτῶν τοῦ λοιποῦ ἐπιμένειν τῷ ὕδατι.

Ὁπλίζονται δὲ ἀκοντίοις μικροῖς δυσὶν ἕκαστος ἀνήρ. Τινὲς δ' αὐτῶν καὶ σκουταρίοις γενναίοις μὲν δυσμετακομίστοις δέ. Κέχρηνται δὲ καὶ τόξοις ξυλίνοις καὶ σαγίταις μικραῖς κεχρημέναις τοξικῷ φαρμάκῳ, ὅπερ ἐστὶν ἐνεργετικόν, εἰ μὴ πόματι τῆς θεριακῆς προκαταληφθῇ ὁ τιτρωσκόμενος παρ' αὐτοῦ ἑτέροις βοηθήμασιν ἐγνωσμένοις τοῖς ἐπιστήμοσι ἰατρῶν, ἢ καὶ εὐθὺ περιτμηθῆναι τὴν πληγὴν εἰς τὸ μὴ κατανεμηθῆναι αὐτὸ καὶ τὸ λοιπὸν τοῦ σώματος.

Ἄναρχα δὲ καὶ μισάλληλα ὄντα οὐδὲ τάξιν γινώσκουσιν οὐδὲ κατὰ τὴν συστάδην μάχην ἐπιτηδεύουσι μάχεσθαι οὐδὲ ἐν γυμνοῖς καὶ ὁμαλοῖς τόποις φαίνεσθαι. Εἰ δὲ καὶ συμβῇ αὐτοῖς κατατολμῆσαι ἐν τῷ καιρῷ τῆς συμβολῆς, κράζοντες ἅμα ὀλίγῳ ἐπὶ τὸ πρόσω κινοῦσι καὶ εἰ μὲν ἐνδώσουσι τῇ φωνῇ αὐτῶν οἱ ἀντιτασσόμενοι, ἐπέρχονται σφοδρῶς· εἰ δὲ μή, εἰς φυγὴν τρέπονται, μὴ σπεύδοντες ἀποπειρασθῆναι τῆς τῶν ἐχθρῶν αὐτῶν δυνάμεως. Προστρέχουσι δὲ ταῖς ὕλαις πολλὴν ἐκεῖθεν βοήθειαν ἔχοντες ὡς γινώσκοντες ἁρμοδίως ἐν τοῖς στενώμασι μάχεσθαι. Καὶ γὰρ πολλάκις πραΐδαν ἐπιφερόμενα ὑπὸ μετρίας ταραχῆς ταύτης περιφρονοῦντα ἐν ταῖς ὕλαις προτρέχουσι καὶ τῶν ἐπερχομένων περὶ τὴν πραΐδαν ῥεμβομένων εὐκόλως ἐπανιστάμενα βλάπτουσι τούτους. Τοῦτο δὲ διαφόρως καὶ ἑκουσίως ποιεῖν ἐπιτηδεύουσι πρὸς δέλεαρ τῶν ἐναντίων αὐτῶν.

ПЕРЕВОД

Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению; они храбры,

преимущественно в своей земле, и выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, [при переходе их] из одного места в другое, охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел [какой-либо] ущерб, принимавший его раньше начинает войну [против виновного], считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая [срок рабства] определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во-свояси, или оставаться там [где они находятся] на положении свободных и друзей?

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы.

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своею смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются [засадами], внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много [разнообразных] способов. Опытны они также и в переправе чрез реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из них из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне [реки], дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их [присутствии]. А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде, лица

же знакомые [с этою уловкою] и распознающие камыш по его разрезу и [занимаемому им] положению, пронзают камышами глотки [лежащих], или вырывают камыши и тем самым заставляют [лежащих] вынырнуть из воды, так как они уже не в состоянии дольше оставаться в воде.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые [с места на место]. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия, или [не воспользуется] другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собою главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились итти на бой, то они, во время его, с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и, если противники отзовутся на их крик, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша в рукопашной схватке померяться с силами неприятелей. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают под воздействием незначительного замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами, с целью заманить противника.

С. ТОКАРЕВ

ПАМЯТНИК ОБЫЧНОГО ПРАВА БУРЯТ XVII века

Публикуемые ниже документы, найденные среди дел Сибирского приказа,[1] хранящихся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (Москва), представляют большой интерес.

Наиболее интересен первый из этих документов — отписка енисейского воеводы Коробьина с изложением „скаски" балаганских бурят (булагатов) 1693 г.[2] Эта „скаска" представляет собой, повидимому, самую раннюю из сохранившихся записей обычного права бурят, — да и не только бурят: по другим народам Сибири до сих пор тоже не обнаружено подобного кодекса обычного права, восходящего к столь ранней эпохе, как XVII в.

Мы имеем в виду прежде всего центральную часть документа — те 11 статей, которые содержат в себе нормы бурятского обычного права. Правда, последнее изложено в нашем тексте более чем кратко. Здесь говорится лишь о взысканиях, полагающихся за некоторые наиболее типичные правонарушения: убийство, увечье, насилие, воровство. На целый ряд других естественно возникающих вопросов, касающихся обычного права, наш документ не дает ответа. Однако уже того, что в нем содержится, достаточно, чтобы оценить его как важный исторический источник.

Точность данной записи заслуживает доверия. За это ручаются обстоятельства ее происхождения, изложенные в самом тексте: мы имеем дело с записью, сделанной царскими властями со слов „лутчих балаганских братцких мужиков", — местной бурятской знати. Последняя была, конечно, заинтересована в том, чтобы при разборе в суде бурятских исков и конфликтов учитывались правовые традиции бурятского населения. Что

[1] Сиб. прик., ст. № 1214, кн. № 1292.

[2] Там же, лл. 181—185.

касается царской администрации, то она в своей судебной практике вообще, как известно, считалась с нормами местного обычного права, хотя, конечно, и не считала их для себя обязательными. Во всяком случае она находила полезным познакомиться с тем, как „преже сего" вершились судебные дела туземцев. Значит, ни с бурятской стороны, ни со стороны русской администрации нет основания предполагать существенных искажений бурятского обычного права при его письменной передаче.

Хотя запись сделана в самом конце XVII в. (1693 г.), более чем через полвека после появления русских в Приангарье, и через 40 лет после постройки Балаганского острога, — у нас нет причин подозревать наличие русского влияния в тех правовых формулировках, о которых идет речь. Против такого предположения говорит и самый текст документа („изначалу по их иноземному извычаю бывало и по се время тако ж ведется"), и характер самих норм, не имеющих ничего общего с духом русского уголовного права XVII в.

В этом отношении очень интересно сравнить наш текст с другой, более поздней записью обычного права бурят как раз того же Балаганского района, — с „Приговором" балаганских бурят 1818 г., опубликованным М. Н. Хангаловым („Юридические обычаи бурят": см. „Этнографическое Обозрение", 1894, № 2). При первом же сравнении бросаются в глаза те глубокие изменения, которые произошли в общественной жизни балаганских бурят за протекшие 125 лет. Фиксированные в документе 1818 г. юридические нормы бурят, с широким применением телесных наказаний, лишения свободы и пр., явно выдают очень сильное влияние полуторавековой практики царского суда. Да и самый круг дел, входящих в юрисдикцию местных органов власти (бурятских старшин), сильно сузился: им остались подсудны лишь мелкие дела — кражи, ссоры, незначительные тяжбы и пр., тогда как более серьезные преступления — убийства, грабежи и другие важные уголовные дела — уже давно перешли в ведение царского суда. Таким образом от самобытных бурятских правовых понятий и практики здесь осталось очень мало.

Тем большую ценность приобретает в наших глазах „скаска" бурят 1693 г., фиксирующая правовые нормы бурят в их нетронутом царской судебной практикой виде.

Откладывая до другого случая более подробный разбор данного памятника, я ограничусь здесь только самыми общими замечаниями по поводу него. Как мне кажется, этот документ проливает свет на нерешенный до сих пор вопрос о том, что представлял собой общественный строй северных бурят в эпоху царского завоевания? „Скаска" бурятских нойонов 1693 г. рисует нам картину общества переходного типа, еще много сохранившего от старого родового устройства, но уже идущего по пути классового развития. О родовой мести за убийство и обиду речи уже нет, месть заменена материальным возмещением: „анза" [1] — историческая параллель древнерусской виры и головщины, древнегерманского вергельда. Но, с другой стороны, едва ли случайно отсутствие в „скаске" указаний на роль в судопроизводстве „князцов" (о которых мы кое-что знаем из других источников). Если они и участвовали в разборе судебных дел, то во всяком случае „анза" взыскивалась, по всей видимости, не в пользу „князца", а в пользу потерпевшей стороны, — и в этом сказывается чрезвычайно архаический характер данных правовых порядков.

Что касается классовой структуры общества, то единственная классовая градация, отраженная в нашем тексте, это деление на свободных и рабов, причем различие в правовом положении тех и других подчеркнуто чрезвычайно резко: если за убийство свободного, напр., платится „анза" в размере 66 голов скота (33 головы за убийство женщины), то за убийство „холопа" или „холопки" взимается только конь с седлом и уздой, или взыскивается покупная цена убитого. Ценность раба определяется его покупной ценой. За убийство или кражу, учиненную рабом, отвечает, собственно, не сам раб, а его хозяин, который должен „выдать головой" этого раба потерпевшему, но может и „окупить" его, уплатив следуемую „анзу".

Все это показывает, между прочим, что „холопи и холопки" нашего документа — это именно рабы, а отнюдь не крепостные крестьяне. Это важно отметить потому, что о рабстве у бурят XVII в. мы вообще до сих пор имели лишь единичные и сомнительные указания.

С другой стороны, внутри свободного населения никаких правовых (сословных) градаций наш памятник не устанавливает,

[1] Ср. в монгольском письменном яз. anzu (ᠠᠩᠵᡠ) взыскание, штраф.

БИБЛИОТЕКА

если только не считать неравноправия полов („за женской пол вполы"). Нойонство и рядовые общинники еще имеют одинаковые права перед судом. Хотя этот наш вывод основан лишь на отрицательном свидетельстве („silentium") источника, тем не менее он едва ли ошибочен: ведь наша „скаска" исходит именно от нойонов („лутчих мужиков"), которые не преминули бы оговорить для себя привилегированное правовое положение, если бы только имели возможность опереться в этом на существовавшее обычное право. Если они этого не сделали, — очевидно, в правовой практике они не нашли для этого данных. То же самое относится, кстати сказать, и к отсутствию упоминаний о судебных правах „князцов", о чем выше говорилось.

Словом, хотя наш документ оставляет без ответа целый ряд существенных вопросов, касающихся общественного строя бурят XVII в., однако историки, изучающие последний, едва ли отныне смогут игнорировать „скаску" 1693 г.

Значение нашего памятника, впрочем, выходит отчасти и за пределы вопросов бурятской истории. Данный кодекс обычного права ангарских бурят XVII в., несмотря на его скромные размеры, представляет собой известного рода аналогию „Русской Правды" (и западных так называемых варварских „правд"). По архаичности же своей, по чистоте от влияний чуждой высокоразвитой государственности он превосходит даже все известные „leges" германских и славянских племен, носящие на себе в той или иной мере отпечаток наслоений западно- или восточноримского права.

Более близкую географически и хронологически аналогию нашему памятнику представляет известный кодекс права монголо-ойратских племен — судебник Джунгарского Батур-хунтайчжи 1640 г.[1] Этот судебник, который сам составляет своего рода степную варварскую „правду", отражает, однако, более высокую ступень общественного развития, чем „leges" германских племен второй половины первого тысячелетия н. э., а значит и подавно более высокую, чем наша „бурятская правда" 1693 г.

* * *

Вместе с отпиской Степана Коробьина, в том же столбце (Сиб. прик., ст. № 1214) сохранились также: докладная выписка, сделанная в Сибирском приказе на основании этой отписки

[1] См. К. Голстунский, Монголо-ойратские законы 1640 г., СПб., 1880.

(лл. 40—44); помета (резолюция) начальника приказа князя Репнина по этой выписке (л. 45); наконец, черновой отпуск грамоты, посланной енисейскому воеводе согласно этой помете и в ответ на его отписку (лл. 49—51). Основное содержание документа — „скаска" бурятских „лутчих мужиков" — повторяется дословно и в выписке и в грамоте. Поэтому мы печатаем текст выписки с пропуском части, совпадающей с содержанием отписки, и помету. Последняя характеризует отношение московских властей XVII в. к подобным юридическим казусам.

* * *

Остальные из публикуемых ниже документов интересны главным образом как дополнение к тому, что дает первый памятник. Показание иркутских служилых людей, сделанное в Москве в 1701 г., в связи с сыском об илимском воеводе Челищеве (см. Сиб. прик., кн. № 1292, л. 523), подтверждает господство среди бурятского населения принципа материального возмещения за всякого рода правонарушения. Здесь прямо подтверждается и то, что это возмещение шло в пользу потерпевшей стороны, — точнее, потерпевшего рода. Это означает, что подобные дела решались между заинтересованными сторонами — родами.

Челобитная Верхоленского шуленги Базигидая Ахагалова от 23 января 1701 г. (Сиб. прик., кн. № 1292, л. 75)[1] интересна тем, что она указывает на существование у верхоленских бурят (ихиритов) тех же правовых порядков, как и у соседних балаганских бурят (булагатов).[2] Но размеры установленной анзы, если доверяться приводимым в челобитной цифрам, здесь значительно выше. Можно, впрочем, подозревать здесь наличие известного преувеличения, допущенного из вполне понятных побуждений. Во всяком случае важно указание на то, что в состав выкупа за кровь могли входить рабы („по два человека людей").

Интересен ход дела по челобитной Базигидая (там же, лл. 75—77). Челобитная была подана в Москве, куда шуленга

[1] Этот документ любезно указан мне В. П. Гирченко, за что считаю долгом выразить ему глубокую благодарность.

[2] Разграничить эти две соседние племенные группы бурят XVII в. вообще трудно. Тот же князец Соса (Цоса) Богунов упоминается и в судебных документах Верхоленского острога.

Базигидай со своим товарищем Борчиханом Муксановым приехали по своим делам. Нам неясно, что заставило обоих бурят, вслед за поданной одним из них этой челобитной, просить в Сибирском приказе об отмене вообще взимания головщины и об установлении жестоких телесных наказаний за убийство и воровство. Можно предполагать инспирацию со стороны царской администрации. Во всяком случае помета начальника приказа, думного дьяка Андрея Виниуса, чрезвычайно характерна, в особенности по сравнению с пометой Репнина по поводу бурятской „скаски" 1693 г. Если помета 1693 г. составлена целиком в духе консервативной и нерешительной политики московской бюрократии XVII в., то помета 1701 г. уже отражает, быть может, веяние петровского времени, — более решительное вторжение государства во внутреннюю жизнь покоренных племен. Эта политика, очевидно, совпадала с интересами местной знати. Резолюция дьяка Виниуса 1701 г. и соответствующая грамота, посланная в Иркутск („поголовщины против прежних иноземских обыклостей отнюдь имать не велеть"), составляют для северных бурят начало тех перемен, которые вскоре привели к полному разрушению их старинного обычного права.

1а. — 1693 г. *Отписка Енисейского воеводы Степана Коробьина в Сибирский приказ.*

Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу (титул) холоп ваш Стенка Коробьин челом бьет.

В нынешнем, великие государи, в 201 году, апреля в... день, писал ко мне, холопу вашему, из Балаганского острогу приказной Енисейской сын боярской Борис Серебряников, а в отписке иво написано:

В нынешнем де в 201 году, с приезду ево в Балаганской явилось по розным челобитьям руских людей и иноземцов Балаганские ясачные люди в розных делех. И он де Борис взял у лутчих Балаганских братцких мужиков, у Сосы Багунова с товарищи, скаску о том: которые преж сего братцкие мужики и жонки кого до смерти братцких мужиков и женок побивали, или у кого что крадывали, и тем людем за убивства и за воровства какой ваш великих государей указ чинен, и как по их иноземскому преж обыклому делу о таких делех делано бывало,

и как у них изначала повелось? Также хто кого обесчестит или изувечит, и тем людем наказанья ль чинены или за бесчестья и за увечья что имано?

И они, лутчие братцкие мужики, посоветовав, подали ему Борису за своими знамены скаску, а в скаске де написано:

В прошлых де годех, как Балаганского острогу не было, и после того, как поставлен Балаганской острог, изначалу бывали де у них братцких мужиков меж собою смертные убийства и драки и розные кражи, и за то де им братцким людем никакой казни и наказанья не бывало.

А изначалу де по их иноземскому извычаю бывало и по се де время також ведетца:

Емлют де на виноватых, буде хто убьет кого до смерти, анзу, а по руски головщину, за мужской пол за человека по штидесят по шти скотин лошадми и рогатою животиною, болшими и малыми.

А за женской пол вполы, по тритцати по три скотины.

А за холопа и за холопку по коню доброму с седлом и с уздою, или что за него цены дано.

А будет холоп или холопка убьет кого до смерти ж, и их за убитых отдают головою, или хозяин их окупат [sic] головщиною.

А за драки де, хто чем изувечит, емлют де на лекарство и на ежу, смотря на увечью, скотом же.

А хто де украдет лошадь или какую иную рогатую животину, и за такие де кражи, за всякую скотину по 7 скотин.

И за иные де всякие кражи, опричь скота, за всякое де место по 5 скотин.

А буде хто кого чем обесчестит, и с них де емлют, на чем буде помирятца.

А буде хто у кого насилием своим обесчестит блудом жонку или девку, и у того де, на чем он приедет, и что на нем есть какого платья и ружья, и то де у него все емлют.

А буде холоп или холопка что у кого украдет, и их де за то емлют головою. А которой де хозяин холопа своего пожалеет, и он де миритца на чем может.

А буде де хто где найдет что чюжее и никому не объявит, а после де за то найденое поимаютца, а на них де емлют головщину потому ж, что и за краденой скот.

А при прежних де Балаганских приказных людех за убийственные головы по их де приказных людей приказу имана головщина болшая, скотин по сту и болши, и искали де такие головщины лет за 10 и за 20 и болши. И оттого де им чинилось разоренье и тягость, потому что де ис той болшой головщины имали они приказные люди себе скотом же многое число.

Да генваря де в 25 день они ж братцкие лутчие люди Соса Багунов с товарищи подали ему Борису в приказной избе за своими знамены скаску, а в той их скаске написано:

Которые де по их иноземскому челобитью в Балаганску в приказной избе всякие исковые дела промеж собою у них у всех братцких людей бывали, и те де исковые дела в Балаганску в приказной избе записываны и по суду вершены, а иные не вершены, и им де братцким людем тех своих исковых прежних вершеных и невершеных судных дел чтоб не всчинать и вам, великим государем, не бить челом, и на исцах де и на ответчиках потомуж прежней взятой анцы [sic] по всяким делам назад не имать же.

А которые де воровства прежних годов взыщутца, а за те де воровства по совету и по приговору их, братцких мужиков, имать анзы по одной скотине за скотину, хто в чем на ком чего искать будет.

А хто де на кого будет в чем бить челом вам, великим государем, в каких своих исках, в нынешнем в 201 году и впредь при ево Борисове сиденье, и на виноватова бы де по суду имать анза по вашему, великих государей, указу и по прежнему их всех братцких людей приговору.

И впредь против вышеписанных иноземских сказок о таких людех против их ли иноземского извычаю, как у них было преж сего, о том что вы, великие государи, укажете?

На обороте 1-го листа: Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всея Великие и Малые и Белые России самодержцам.

202 г., сентября в 13 день подали Енисейские казаки Андрюшка Михайлов с товарищи.

Помета: Выписать и справитца с прежними делами, какие великих государей указы о иноземцах, и что об них в наказех воеводам пишут.

1б. — 1693 г. сентябрь. *Докладная выписка, сделанная в Сибирском приказе.*

В нынешнем в 202 году, сентября в 16 день, писал к великим государем, царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу (титул) из Енисейского стольник и воевода Степан Коробьин, а в отписке иво написано.

Писал де к нему из Балаганского прикащик Борис Серебренников: с приезду де иво Борисова в Балаганской явилось по розным челобитьям руских людей и иноземцев и [sic] балаганские ясачные люди в розных делех. [*Далее следует повторение содержания отписки Степана Коробьина.*]

И как впредь о том против иноземского челобитья в розных их исках росправа и указ чинить или против их вышеписанных сказок, о том бы великих государей указ учинить.

А по справке в Сибирском приказе Сибирских городов и Енисейским воеводам в указе великих государей и в наказех пишут, велено им промеж иноземцов во всяких их искех суд давать и росправа чинить по указу великих государей безволокитно, вправду.

А с судных дел пошлин с ясачных иноземцов имать не велено.

А какая росправа промеж иноземцы чинить и за какие их иски что на виноватых имать, того в наказех имянно не написано.

А ныне по указу великих государей велено быть в Енисейску воиводою стольнику Михаилу Римскому Карсакову.

И ему Михайлу в Енисейской наказ по челобитью ясачных иноземцов в розных их делех, что ему расправа чинить и как иски на виноватых имать, имянно писать ли, и буде писать, против ли их сказок, как о том выписано выше сего из отписки Степана Коробьина.

1в. *Помета:* 7202 года, декабря в 23 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича (титул), боярин князь Ив. Б. Репнин, слушав сей выписки, приказал в Сибирь в Енисейск послать великих государей грамоту, велеть в Енисейску в съезжей избе справитца: по иноземским челобитьям против их иноземских сказок, как написано в сей выписке, такие дела бывали ли, и те иноземские дела против тех ли их сказок вершены. А справясь, как

такие иноземские дела вершены, писать к великим государем к Москве подлинно. А в Сибирском приказе во всех столех справитца ж, бывали ль такие иноземские дела на Москве, и как они вершены. И выписать из государева указу и из Соборного Уложения, как о иноземских делах написано.

2. — 1701 г. февраль. *Из допроса в Сибирском приказе сибирских служилых людей — об Илимском воеводе Челищеве и пр.*

Иркуцкие сын боярский Остафей Перфильев, служилые люди Савка Золотых, Лучка Корчажинской, Титко Евсевьев, Мишка Миршень, таможенные головы Дмитрий Каменщиков, Симон Малыгин, сказали:

У иноземцов де, когда учинитца меж собою убойство, а за то де убойство на тех людех, которой такое убойство учинит, берут в тот род, коего убьют, поголовщины. И шаманов, и то де у них обыкновение изстари такое, как которой иноземец у них занеможет, и они де к тому больному приведут иноземца ж, которой шаманить умеет, и тот де больной после того его шаманства встанет, и того шамана сродники больного дарят, а буде тот больной умрет, и того шамана убьют. А чают, что де тот иноземец умер бутто от ево шаманства, и в том у них за того убитого род его берут у них поголовщины скотом и иным чем прилучится. А унять де от того их и в умирение приводить невозможно.

3а. — 1701 г. 23 января. *Челобитная Верхоленского шуленги Базигидая Ахагалова.*

Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу (титул) бьет челом сирота твой Верхоленской брацкой шуленга Базигидайко Ахагалов. В прошлых, государь, годех, тому назад лет з 10, отца моего сироты твоего, Ахагала Чидулгеева, убил до смерти наш брацкой мужик имянем Дагор на дворе брацкого мужика Бадана Жахаева, за то, что отец мой с ним з Дагором побранился, и в той брани отец мой ево Дагорову лошадь застрелил. А он Дагор взяв отца моего убил до смерти. А у нас, сирот твоих, изстари договор у всех брацких мужиков, по нашей вере: буде кто кого до смерти убьет, и тому за убойство дают по 2 человека людей, по 2 верблюда, по 3 куяка, по 3 котла с кубами, по 10 коней добрых, по 10 быков самых больших ужинных, по 300 скотин крупных больших,

опричь овец. А он Догор мне сироте твоему Базигидайку уплатил только 16 лошадей, 4 коровы, а достального обычного ничего не платит. А ныне он Дагор умер, а после ево остались з животы дети ево, 3 сына, Хабай, Абулай, Галбай. Милосердый великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич (титул), пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, за убойство отца моего, за голову, чего он Догор не доплатил мне, сироте твоему, доплатить детем ево, Догоровым, и о том вели, государь, в Ыркуцкой к воеводе послать свою, великого государя, грамоту. Великий государь, смилуйся.

На подлинном: знамя Базигидайково *в виде лука со стрелой.*

3б. *Помета:* 1701 года генваря 23 дня, по указу великого государя, послать великого государя грамоту на Верхоленской к воеводе, велеть ему против сего челобития его великого государя указ учинить по наказу, до чего доведетца.

3в. *Выписка и скаска.* А по справке в Сибирском приказе в наказе Иркуцкому воеводе Ивану Николеву за убийство о головщинах ничего не написано.

И к вышеписанному челобитию Верхоленские ясачные брацкие люди, Борчиханко Муксанов, Бизигидайко Ахагалов, сказали: Которые де их братья наперед сего друг друга убивали, и за то убойство правили у них по их вере головщину большую, как о том в вышеписанном их челобитье написано имянно. И от того де платежу головщины многие их братья ясашные иноземцы разорились вконец, и ясаку платить стало им нечем. И великий государь пожаловал бы их, велел их братью иноземцов, которые впредь учнут друг друга убивать до смерти, и им бы чинить великого государя указ, чего доведутся, а поголовщины б не имать. А которые их братья крадут у своей братьи ружье, с которым оне ходят для звериного промыслу, также и лошади, на которых работают, за воровство резать носы, чтоб те воры перед своею братьею добрыми людми были знатны. А краденое б править на тех ворах, и отдавать тем, у кого оне что покрали.

На подлинном знамена: Борчиханово и Бизигидаево *в виде луков со стрелами;* подписал по их велению переводчик Федотко Мунгалов.

3г. *Помета:* 1701 года генваря в 24 день, по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича (титул), думной дьяк Андрей Андреевич Виниюс с товарищи, слушав вышеписанного челобитья и скаски, приказали: послать великого государя грамоту в Ыркуцкой к воеводе Юрью Шишкину, велеть ему, которые ясашные люди учнут меж собою друг друга побивать до смерти, и тем убойцом чинить великого государя указ по уложению, при многих людех повесить, а поголовщины против прежних иноземских обыклостей не имать, для того, что в том многим ясашным иноземцом чинитца разоренье и ясаку убавка. А которые ясашные люди у своей братьи учнут красть ружье, с которым оне ходят для звериного промыслу, также и лошади, на которых оне работают, и для промыслу ездят, и тех по явному свидетельству при многих людех бить на козле кнутом, да сверх того резать носы, чтоб те воры перед своею братьею были знатны. А покраденое сыскивать и отдавать, у кого покрадено. А которые иноземцы учинят иные небольшие какие воровства, и тем чинить наказанье, смотря по их винам, кто чего достоин. А поголовщины против прежних иноземских обыклостей отнюдь имать не велеть.

И. СМИРНОВ

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА СТАРИЦКОГО

Публикуемая ниже жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого А. А. Карачеву (вместе с дополнительными к ней документами) представляет интерес в двух отношениях.

Во-первых, она дает некоторые данные для общей проблемы о характере иммунитета в феодальной Руси.

Выдвинутое К. А. Неволиным и развитое затем Н. П. Павловым-Сильванским положение (правильность которого особенно подчеркнул А. Е. Пресняков) о том, что иммунитетные права феодала вытекали из его вотчинных прав, — княжеские же пожалования лишь санкционировали эти права, — вполне согласуется с марксистским пониманием природы феодального иммунитета как атрибута земельной собственности.[1]

Это общее положение о землевладельческой основе иммунитета прекрасно иллюстрируется грамотой А. А. Карачеву. Возвращение ему конфискованной у него вотчины означает вместе с тем и возврат вотчиннику иммунитетных прав. Что такая связь между вотчинными правами и иммунитетными представляла собой нечто само собой разумеющееся, видно не только из того, что оба акта (возврат вотчины и предоставление несудимости) соединены в одной грамоте, но и из этого, что духовная грамота А. А. Карачева, излагая историю земельных владений завещателя, отмечает лишь факт возврата вотчины ее владельцу, не считая нужным упомянуть о получении иммунитетной грамоты.

Но публикуемые документы представляют едва ли не больший интерес в другом плане. Дело в том, что они позволяют

[1] Капитал, т. I, гл. 11.

установить несколько новых штрихов в сложной и запутанной политической истории Московского государства первой половины XVI в., в частности — в вопросе о взаимоотношениях между московскими великими князьями и их удельными родичами.

История вотчины А. А. Карачева, как она рисуется по данным публикуемых документов, очень несложна. Начинается она покупкой А. А. Карачевым в 1524—1525 гг. у И. В. Фофанова д. Безсолиной и половины пустоши Болдырева в волости Синей Старицкого уезда; позднее вотчина А. А. Карачева увеличивается за счет двух третей сельца Ревякина с пустошью, заложенных А. А. Карачеву тем же И. В. Фофановым, и покупки остальной трети сельца Ревякина. Заканчивается она включением вотчины А. А. Карачева в состав владений Троицко-Сергиева монастыря по вкладу А. А. Карачева в 1546—1547 гг.

Но в этой истории имеется один момент, который и представляет главный интерес. В промежуток времени между 1525 и 1537 гг. вотчина А. А. Карачева была конфискована князем Андреем Ивановичем Старицким „за то что отъезжал он от отца нашего в Литовскую землю". Эта опала была снята с А. А. Карачева в 1544 г.: он получил свою вотчину обратно вместе с жалованной несудимой грамотой.

В жалованной грамоте кн. Владимира Андреевича возврат вотчины А. А. Карачеву изображается как добровольный акт, пожалование, — как выражение и проявление суверенных прав старицкого князя на подвластную ему территорию. Однако эта суверенность представляет собой лишь внешнюю юридическую форму. Существо же этого политического акта в корне иное. Оно вскрывается следующим местом из духовной А. А. Карачева: „Да пожаловал меня князь Володимер Ондреевич по великого князя приказу отдал мне мою куплю д. Безсолину" и т. д. Итак, то, что жалованная грамота изображает как самостоятельный акт, в действительности оказывается выполнением „великого князя приказа", распоряжения московского великого князя.

Для того чтобы правильно оценить значение отмеченного факта, необходимо обратиться к рассмотрению истории взаимоотношений между московскими великими князьями и старицкими удельными князьями.

Как известно, старицкий удельный князь Андрей Иванович, после неудачного выступления против московского правитель-

ства в 1537 г., был заключен в тюрьму и вскоре умер „в нуже, страдалческою смертию".[1] Жена князя Андрея, княгиня Евфросинья, и сын, Владимир Андреевич, продолжали находиться под стражей вплоть до 1541 г. В этом году „пожаловал князь великий Иван Васильевич всея Русии, по печалованию отца своего Иоасафа митрополита и боляр своих, князя Владимира Андреевича и матерь его княгиню Ефросинию, княже Андреевскую жену Ивановича, из нятства выпустил, и велел быти князю Владимиру на отца его дворе на княже Андреевском Ивановича и с материю".[2] Несколько позднее (в декабре 1541 г.) кн. Владимиру Андреевичу была возвращена и вотчина его отца. Летопись сообщает об этом в следующих выражениях... „вотчину ему отца его отдал и велел у него быти бояром иным и дворецкому и детем боярьским не отцовским".[3] В приведенном рассказе обращает на себя внимание подчеркивание летописью факта замены прежнего княжеского двора старицкого князя новым, повидимому, с вполне определенными политическими целями. В 1537 г. вместе с князем Андреем репрессии обрушились и на „бояр княже Андреевых, которые его подмолвливали" на выступление. Их было предписано „соромити торговою казнию до пометати в Наугольную стрелницу".[4]

Устанавливая новый состав двора старицкого князя, московское правительство создавало в лице своих ставленников надежный оплот против возможного повторения кн. Владимиром Андреевичем попытки его отца.

Но контроль московского правительства над князем Владимиром Андреевичем не ограничивался прикомандированием к нему московских эмиссаров.

Публикуемые документы позволяют более полно выяснить характер политики московского правительства по отношению к старицкому князю.

Повидимому, предоставив кн. Владимиру Андреевичу формальную самостоятельность, правительство Ивана IV непосредственно вмешивалось в дела Старицкого удела, предписывая

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 121.

[2] Там же, стр. 135.

[3] Там же, стр. 140. (Разрядка моя. *И. С.*)

[4] Там же, стр. 118.

кн. Владимиру проведение тех мероприятий, которые оно считало нужными.[1]

Случай с А. А. Карачевым и явился одним из таких эпизодов, в котором вскрылась со всей отчетливостью эфемерность „независимости" Старицкого удела.

Мотивы, которыми руководствовалось московское правительство в вопросе о вотчине А. А. Карачева, вполне очевидны.

Будучи враждебно настроен по отношению к Андрею Старицкому, потерпев от него и оказавшись в опале, А. А. Карачев, естественно, представлялся московскому правительству лойяльным элементом, настроенным против децентрализаторских тенденций удельных князей (факт отъезда А. А. Карачева в Литву в расчет не шел: во-первых, А. А. Карачев „отъехал" не от московского великого князя, а из Старицы, а во-вторых, он вернулся в Московское государство). Предписывая кн. Владимиру Андреевичу вернуть А. А. Карачеву его вотчину, правительство Ивана IV демонстрировало свою политику и указывало на ту группу, на которую оно опиралось в проведении этой политики.

Дело А. А. Карачева интересно и вот в каком отношении. В своей статье „Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в."[2] я пришел к выводу, что 1542 г. — год прихода к власти Макария — является переломным в истории 30—40-х годов, и что с этого момента начинается процесс ликвидации господства княжеско-боярских группировок. Публикуемые документы подтверждают это наблюдение.

В декабре 1543 г. Иван IV, „не мога того терпети, что бояре безчиние и самовольство чинят", „велел поимати первосоветника их князя Андриа Шюйского" и казнил его. После этого сообщения в летописи имеется перерыв вплоть до декабря 1544 г., когда Иван IV наложил опалу на сторонника Шуйских кн. Кубенского. Между тем грамота А. А. Карачеву датирована маем 1544 г. и заполняет пробел в летописях. Вряд ли может быть сомнение, что возврат вотчины А. А. Карачеву стоит в закономерной связи с политикой разгрома княжеско-боярских группировок. Развивая эту политику, правительство Ивана IV, с одной стороны, усиливало контроль над

[1] Характерно, что грамота А. А. Карачеву была дана „на Москве", т. е., очевидно, во время пребывания там кн. Владимира Андреевича Старицкого.

[2] Проблемы истории докапиталистических обществ, № 9—10, 1935 г.

старицким удельным князем, а с другой — укрепляло материальную базу антибоярской группировки, интересы которой выражала эта политика.

Вынужденный характер „пожалования" А. А. Карачева „по приказу" московского правительства очень хорошо иллюстрирует процесс умирания политической самостоятельности удельных князей.

А. Е. Пресняков продемонстрировал этот процесс на примере духовной князя Михаила Андреевича Верейского, сохранившейся в двух редакциях. Первоначальная редакция духовной имеет следующую надпись: „Список с того списка духовные, что был князь Михайло Андреевич прислал со князем с Васильем с Ромодановским, а хотел такову духовную писати, и князь велики тот список велел перечинити"; окончательная редакция характеризуется так: „Таков список послан со князем с Васильем с Ромодановским к князю к Михаилу к Ондреевичю, а велено по тому духовная писати".[1]

Но совершенно так же, как правительство Ивана III „велело писати" духовную грамоту князю Михаилу Андреевичу, — правительство Ивана IV „приказало" князю Владимиру Андреевичу выдать жалованную грамоту А. А. Карачеву.

Итак, грамота А. А. Карачеву позволяет проследить начальные моменты политики правительства Ивана IV по отношению к Владимиру Андреевичу, — политики, дальнейшими этапами которой можно считать запрещение Владимиру Андреевичу в 1554 г. принимать к себе на службу людей; лишение его Старицкого удела, проведенное в форме обмена землями с Иваном IV в 1566 г. и, наконец, казнь Владимира Андреевича в 1569 г.

Публикуемые документы находятся в Собрании грамот Коллегии экономии, хранящемся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи, по Старицкому уезду № 5/11645 в „Книге копий с разных документов на вотчины Троице-Сергиева монастыря". Книга эта была составлена по случаю переписи и межевания поместных, вотчинных и монастырских земель 7192(1683 — 1684) г. Состоит из 62 листов и содержит документы от 7033 до 7180 г. В начале книги имеется челобитная монастыря о признании правомочными копий документов,

---

[1] А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, стр. 420, примечание.

а затем идет самая книга копий под таким заголовком: „Списки Тро(и)цкого Сергиева монастыря с крепостей из духовных и з закладных и с купчих и с меновых записей Старицкого уезду на вотчины и на села и на деревни и на пустоши и на починки и на рыбные ловли и на всякие угодья“ (л. 4).

В „Списке жалованных грамот служилым людям“, приложенном к исследованию С. Б. Веселовского, „К вопросу о происхождении вотчинного режима“, — отсутствует.

---

1. *1524—1525 гг. — Купчая на д. Безсолину и половину пустоши Болдырова волости Синей Старицкого у., купленную А. А. Карачевым у И. В. Фофанова.*

Доложа боярина и наместника Старицкого князя Федора Дмитриевича Пронского, се яз Офонасей Александров сын Карачев купил есми у Истомы у Васильева сына Фофанова его вотчину деревню Безсолину да половину пустоши Болдырова в Новом Городищу в волости в Синей со всем тем, что х той деревне и к полу-пустоши к Болдырову истари потягло. А купил есми себе и своим детем впрок без выкупа, а дал есми ему на той деревни и на полу-пустоши пол-пятадесять рублев. И князь Федор Дмитриевич вспросил Истомы Васильева сына Фофанова, продал ли еси Офанасью Карачеву свою вотчину деревню Безсолино да половину пустоши Болдырова, со всем, что изстари потягло, и пол-пятадесят рублев у него емлешь ли? Истома Фофанов тако рек: продал есми, господине, Офонасью Карачову свою вотчину деревню Безсолину да половину пустоши Болдырова в Новом Городищу в волости в Синей, со всем с тем, что х той деревне и к полупустоши к Болдырову истари потягло. А взял есми у него на той деревни на Безсолиной и на полупустоши Болдырова пол-пятадесят рублев, а продал есми ему впрок без выкупа. А вольно Офонасью та деревня и половина пустоши менять и продать и по душе отдать. А выльгут на ту деревню Безсолино и на половину пустоши на Болдырова у кого кабалы, и мне Истоме Фофанову до Офонасья до Карачова и до той деревни и до полу-пустоши Болдырова того долгу не довесть, а тот долг мне окупят собою. А на докладе были у князя Федора Дмитриевича Григорей Каша Васильев сын да Володимер Семенов сын Кузьмина да Юрьи Васильев сын Ромейков. А купчюю писал подъячей Веришка

Матвеев сын. — К сей купчей грамоте боярин князь Федор Дмитриевич и печать свою приложил. Лета 7033-го.

А подписал князя Андрея Ивановича диак Исак Иванов сын.

(лл. 6—7)

2. *1542 г. мая 5. — Жалованная несудимая грамота кн. Владимира Андреевича Старицкого А. А. Карачеву на вотчину в Старицком у.*

Се яз князь Володимер Андреевич пожаловал есми Офонасья Александрова сына Карачова, что в нашей отчине в Старицком уезде в Новом Городище в волости в Синей его купля деревня Безсолино да половина пустоши Болдыревские, да в той же в Синей волости заложили у него Иван да Микифор Васильевы дети Фофанова свою отчину две трети сельца Ревякина да половину пустоши Болдыревския во 60 рублех. И отец наш князь Андрей Иванович тое его куплю деревню Безсолино и две трети сельца Ревякина в деньгах закладных и с пустошью взял на себя в своей опале, за то что отъезжал он от отца нашего в Литовскую землю. И я князь Володимер Андреевич Офонасья Александрова сына Карачева пожаловал тое его куплю деревню Безсолино, по его купчей || грамоте, да и в деньгах в его в закладных две трети сельца Ревякина и с пустошью, отдал есми ему и его детем впрок по старине. И хто у него в той деревне и в дву третех сельца Ревякина и на пустоши учнет жити людей и християн, — и наместницы Старицкие и Нового Городища и волостели Синие волости и их тиуни, тех его людей и християн не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным. А праведчики и доводчики поборов своих на них не берут и не въезжают к ним ни по что, а ведает и судит тех своих людей и християн Офанасей сам во всем, или кому прикажет. А случитца суд смесной тем его людем и християном з городцкими людьми или с волостными, и наместницы старицкие и Нового Городища и волостели Синие волости и их тиуни те(х) его людей и християн судят. А Офонасей или его приказщик с ними же судит, а присудом делятца наполы. А кому будет чего искати на самом Офонасье или на его приказщике, ино их сужу яз князь Володимер Андреевич или мой боярин введеной. А дана грамота на Москве. Лета 7052-го маия в 5 день.

У подлинной грамоты печатью на черном воску.
У подлинной же пишет: Князь Володимер Андреевич.
(лл. 10 об.—11 об.).

3. *1546 — до 16 января 1547 г.*[1] *Духовная грамота А. А. Карачева.*

Во имя отца и сына и святого духа. Се аз Офонасей Александров сын Карачева пишу сию грамоту духовную свои целым умом и разумом, кому мне что дати и на ком мне что взяти. Дати мне Василию Клушину 10 рублев денег по кабале. А в тех деньгах писался с мною Болдырь Иванов сын Пятого да Каша Васильев сын Огаркова, а шли те деньги к нам по долем. И игумен бы Троицкой да и келарь пожаловали те деньги мою выть заплатили. А взяти мне на Низовце на Михайлове сыне на Кузмине 15 рублев денег по кабале, а в тех у меня деньгах заложил пустошь свою Патрекееву. И игумен бы Троицкой пожаловал после моего живота велел на нем те деньги взяти, да и заплатили бы пожаловали Василью Клушину мою долю. Да дал есми в дом живоначальные Троицы да и к пречистой богородице да к чюдотворцу Сергею наперед сего при своем животе село Станишино по своих родителех, а игумену было меня пожа || ловать за тем же вкладом постричи в черницы, да и келья мне им дати, да и в сенаник написати во всейдневной да и в сельники. Да что мне игумен да и келарь дали пожаловали сельцо Совостьяново и с деревнями, а взяли у меня за то сельцо 70 рублев, ино им то сельцо после моего живота в дом же живоначальной Троице по душе по моей. Да пожаловал меня князь Володимер Ондреевич по великого князя приказу отдал мне мою куплю деревню Безсолину по моей купчей да и пол-пустоши Болдырева да две трети сельца Ревякина, да полпустоши Болдырева в закладных деньгах во 60 рублех. И та деревня Безсолина и две трети сельца Ревякина, пустошь Болдырева в дом же живоначальной Троице по моей душе после моего живота. Да купил есми Ондреевых детей у Фофановых у Семена да Ондрея да у Костянтина треть сельца Ревякина, а дал есми на той трети 50 рублев денег. И та треть сельца Ревякина в дом же живоначальной Троице по моей душе после

[1] Венчание на царство Ивана IV произошло 16 января 1547 г., между тем в духовной Иван IV именуется „великим князем".

моего живота. Да дал есми при своем животе игумену и келарю и казначею и на всю святую братию на похороны 7 рублев денег, да третины 7 же рублев денег, да на девятины 7 же рублев денег, да на полу-сорочины 7 же рублев денег, да на сорочины 7 же рублев денег. И игумен бы пожаловал и келарь и казначей пожаловали справили то по моему приказу, да меня бы пожаловали написали в сенаник во вседневной да и с сельники с моими родители. — А на то послуси князь Никита княж Васильев сын Замыцкого да отец мой духовной Троицкого монастыря священный инок Александр. А приказываю душу свою государю игумену Троицкому Сергиева монастыря и келарю и казначею и священником и братье — ведает бог да они, чтобы пожаловали учинили по моему приказу. А сию духовную грамоту писал Якуш Зило Григорьев сын. Лета 7055-го. А дьяк Балахонец. Отец духовной священник || Александр у духовное сидел и руку свою приложил.

У подлинной пишет: Князь Микита послух Чернятинской руку приложил.

Послух Василей (Василей) Замыцкой руку приложил.

(лл. 12 об. — 14).

Н. ТИМОФЕЕВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВЫХОДЫ КОНЦА XVI века

Вопрос о закрепощении свободного крестьянского населения вызвал большую дискуссию в исторической литературе. Этой проблеме посвятили специальные работы как буржуазные, так и советские историки. Привлечение в качестве материала по этому вопросу правительственных актов оказалось недостаточным, чтобы выйти за пределы догадок и гипотез.

Публикуемые нами извлечения из пяти приходо-расходных книг Иосифова Волоколамского монастыря,[1] содержащих много любопытных данных о разных сторонах монастырской жизни и организации монастырского хозяйства, представляют особую ценность, ибо посвящены вопросам о крестьянских выходах и порядах в вотчинах монастыря, а без изучения таких материалов не может быть освещен процесс превращения зависимых крестьян в крепостных.

Иосифов монастырь пользовался особым благоволением Грозного, нередко посещавшего „свое царское богомолье“ и делавшего значительные денежные приношения, а игумены монастыря были частыми гостями Грозного не только в „Слободе“, но даже на станах во время его походов.[2] В обогащении монастыря участвовало и боярство.

К концу XVI в. богатства Иосифова монастыря были настолько значительны, что иноземец опричник Штаден нашел необходимым отметить в своем фантастическом плане обращения Московии в имперскую провинцию, „что этот монастырь можно будет пограбить, а награбленнное увести в Кремль“.[3]

[1] Основан Иосифом Саниным в 1479 г. вблизи родовой вотчины Саниных в 18 верстах от г. Волоколамска.

[2] Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря, №№ 2, 3 и 4.

[3] Генр. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника, стр. 73.

Иосифов Волоколамский монастырь несомненно сохранял традиции его основателя известного Иосифа Санина (ум. в 1515 г.), ярого защитника неприкосновенности монастырского недвижимого имущества. Известно, какую роль играли иосифляне в борьбе с „нестяжателями" за неприкосновенность накопленных богатств, и как сильно было влияние иосифлянского духовенства на верховную власть.

Волоколамский монастырь, будучи одним из крупнейших монастырей-феодалов и являясь владельцем обширных земельных угодий в пяти уездах: Владимирском, Волоколамском, Московском, Рузском и Тверском, свое управление вотчинами, повидимому, строил по системе приказного управления. Указания на деление вотчин на „приказы" мы находим в публикуемых приходо-расходных книгах[1] и более подробные сведения об этом, а также о количестве вотчин и размерах ведения полевого хозяйства, находим в ужинной и умолотной книге 1599—1600 гг.[2] В это время монастырю принадлежало 33 села, 5 селец и 3 приселка, управление которыми было сосредоточено в шести приказах, причем во главе каждого приказа стоял старец.

Насколько обширно было полевое хозяйство монастыря показывает нам та же книга: „всей ржи ужато во всей монастырской вотчине в шести приказех на монастырских десятинах и на пустошах и на пустых долях и что взято третной", 5893 сотницы 93 снопа; обмолочено на семена 2035 сотниц; „умолочено 3477 четей с осминою" (около 27 800 пудов) „и та рожь высеяна на монастырских десятинах, пустошах и пустых долях". Следовательно, посевная площадь занимала около $2^1/_2$ тысяч десятин (считая на десятину 10—12 пуд.). Оставалось „за семенами" 11 677 четей с осминою, из которых „отсыпано в монастыре на годовой обиход 2000 чети ржи, да по селом отсыпано во всей монастырской вотчине и в монастырь на солод и к Москве и и в Осташкова на обиходы 1885 чети", всего на монастырский обиход израсходовано 3885 четей. Остаток после удовлетворения всех монастырских потребностей 7792 чети с осми-

---

[1] Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря, № 3, 1579—1580 гг. (л. 26 и др.) № 6, 1587—1588 гг. (лл. 156—168).

[2] Ужинная и умолотная книга Волоколамского монастыря, № 9, 7108 (1599—1600) г. Копия, принадлежащая акад. Б. Д. Грекову.

ною, или более 62 300 пудов[1] — это уже товарный хлеб, который несомненно поступал на рынок. В таких же размерах засевалось и яровое поле.

К сожалению, мы не имеем документальных данных о хозяйстве Волоколамского монастыря за период, к которому относятся приходо-расходные книги, но можно предполагать, что и в два предшествовавшие десятилетия велось такое же большое хозяйство, требовавшее соответствующего количества рабочих рук. Все это должно было побуждать монастырские власти принимать соответствующие меры к привлечению крестьян на свои земли и такие меры действительно принимались (напр. в приказе старца Павла Мачехина в Туровских селах: „да третные ржи (собрано) 20 сотниц и та рожь отдана в наделок крестьяном, кои ново поредились, дер. Колесникова").[2] Здесь мы наблюдаем новые, не предусмотренные Судебниками, условия поселения крестьян на монастырской земле: они уже не только „выходят" за монастырь, но и „поряжаются".

Из приходо-расходных книг Волоколамского монастыря нами использовано пять, из которых четыре: 1573—1574 гг., 1579—1580 гг., 1581—1582 гг. и 1587—1588 гг. под №№ 2, 3, 4 и 6 принадлежат ГАФКЭ и одна — 1575—1576 гг. Институту истории Академии Наук СССР; все в четверку, из них две в переплетах и три без переплетов; за исключением книг № 2 и принадлежащей институту, — сравнительно хорошей сохранности.

Рассмотрим их по порядку.

Книга № 2, на 298 лл., начало и конец плохой сохранности, первого листа нет. Содержит в себе записи прихода и расхода с 1 мая 1573 по 29 апреля 1574 г. Эта книга, как и следующие, обычно начинается „входом" казначея в „большую казну", т. е. принятием наличия денежной суммы и других ценностей, оставшихся от предшествовавшего казначея. 1 мая 1573 г. такой „вход" совершил старец Никифор Морин (Марин) после казначея старца Боголепа Окорокова. После учета ценностей и наличия денежных сумм следуют записи поступлений в виде вкладов, церковных доходов, сборов оброчных денег с сел и деревень, от продажи скота, получений по кабалам и, что весьма

[1] Ужинная и умолотная книга Волоколамского монастыря 7108 (1599—1600) г., № 9. Копия, принадлежащая акад. Б. Д. Грекову л. 43—43 об.

[2] Там же, л. 1 об.

важно для данного вопроса, получений за „выходы", „пожилое", „старую пожиль". Все сборы за „выходы" происходят строго в рамках закона, установленного Судебниками 1497 и 1550 гг.[1] В наших книгах различаются два вида поступлений: с „выходцев" и „входцев". С „выходцев", проживших за монастырем 4 года, берется по 1 руб. 4 алт. с „ворот" (двора), независимо от наличия тягла, в том числе 2 алт. „за повоз" или „с хлеба"; те же, которые жили меньше 4 лет „и за полувороты", платят меньше, в зависимости от числа прожитых лет. Полтину и 2 алтына уплачивают, очевидно, те, которые жили „в лесех, где 10 верст до хоромного лесу".[2]

Кроме того, с „входцев" и „выходцев" за монастырь получаются суммы, дававшиеся монастырем заимообразно для расплаты с землевладельцами, у которых они жили раньше. 30 января 1574 г. (л. 294) в этой книге последняя запись: „ с новых входцев взято с выти вполы оброку пол-5 алтына". Этот вид налога взимается независимо от „пожили". „Пожиль" берется и с крестьян, переходящих из одной деревни в другую в пределах того же монастырского владения (лл. 28 и 32).

„Нововходцами" называются, несомненно, крестьяне, впервые переходящие на монастырские земли, в отличие от „старожильцев", повидимому, когда-то живших за монастырем и опять вернувшихся на его земли.

Около Юрьева дня осеннего приказчикам монастырских сел выдавались деньги на раздачу „крестьяном на выходы". Суммы выдавались различные — от полтины до 5 руб. Старым выходцам даются деньги „впрок"; Степану Михайлову отдается полтина денег за то, „что он вшол за монастырь старожилец и за то ему отдана старая пожиль" (л. 179 об.).

С 30 ноября массовая выдача денег прекращается, что вполне совпадает с требованиями Судебника, разрешавшего „крестьяном отказыватися из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю по Юрьеве дни осеннем".[3] Записи получения денег с „выходцев" после этого числа носят случайный характер и касаются главным образом возвращения денег „старожильцам".

[1] АИ, т. I, №№ 105 и 153. Судебники царей Ивана III и Ивана IV, 1497 и 1550 гг., ст. 88.

[2] Там же, ст. 88.

[3] АИ, т. I, № 153, Судебник царя Ивана Васильевича, 1550 г., ст. 88.

В этой книге „выходы“ из-за монастыря и „входы“ за монастырь уравновешиваются: из 50 случаев 24 „выхода“ из-за монастыря и столько же „входов“ за монастырь, и 2 случая перехода из деревни в деревню того же монастыря.

Книга 7083—7084 (1575—1576) гг. принадлежит Институту истории АН, 4°, на 156 лл. в мягком кожаном, порванном сзади, переплете в виде „конверта“, с трудно читаемой надписью вязью: „Книги старца Ермана Чоглокова“. Нижняя часть рукописи сильно повреждена сыростью, разрушается. Содержит в себе приходо-расходные книги казначея старца Германа Чоглокова, который „пошел в большую казну“ после казначея старца Арсения Ржевского 26 июля 1575 г. Начинается приходною частью (лл. 1—57), где записываются денежные вклады Грозного и приношения его приближенных, среди которых первое место занимают семьи Скуратовых — Бельских, Годуновых, Шуйских и др.;[1] поступления церковных доходов, за сдачу земли в наем, продажу скота, случайные получения „оброков с сел и деревень“, (так как в конце рукописи имеются особые „книги оброчные“), получения по кабалам с крестьян, „за новгородские подводы“ и за „выход“ или „пожилое“. Эта последняя сумма складывается из двух видов получений: возвращения крестьянами займов, выдававшихся им для расплаты с прежними помещиками (3 случая), и „пожилых“, уплачиваемых крестьянами при выходе из-за монастыря (13 случаев), за переход из волости в волость (1 случай), „менялись долями“ (1 случай).

В расходной части (лл. 62—118), среди расходов на различные хозяйственные покупки, на поездки игумена и старцев по монастырским делам, уплаты мастерам за исполнение разных работ, раздачи денег взаймы, мы встречаем один случай посылки денег в Москву „на выход“, один случай возврата денег крестьянину, которые у него брал приказчик „крестьянину на выход“, четыре случая выдачи денег „старым выходцам“ и один случай выдачи на избу вновь поселившемуся крестьянину.

Рукопись оканчивается записью раздачи „оброков“ слугам „молодым“, поварам, конюхам, детенышам и мастеровым людям (лл. 125—144) и книгами оброчными: „иманы оброки с сел и з деревень и овчинные деньги“ (лл. 145—156).

[1] Крупными вкладчиками являются даже крестьяне; напр. „Вишерской волости крестьянин Влас Фролов сын, из деревни Дятловой, (дал) вкладу 5 рублев денег“ (л. 4).

Как курьезы должны быть отмечены записи: в этой рукописи под 30 и 31 февраля (лл. 32—32 об.); а в рукописи № 2 — 30 февраля (л. 294).

Книга № 3, на 174 лл., кроме первых трех листов, хорошей сохранности, содержит в себе приходо-расходные книги казначея старца Венедикта Зазиркина, который „пошел в большую казну" после казначея старца Никифора Морина (Марина) 7 апреля 1579 г. Начинается эта книга записью поступлений от приказчиков различных сборов и в том числе „за выходы". Особенность этой книги та, что кроме обычных поступлений за „выход" и „пожилое", здесь появляется „перебылое", которое берется в различных суммах, повидимому, в зависимости от „пережитого" срока. Таких плательщиков оказалось 12 человек, из которых половина платит полполтины; 11 алтын 2 деньги берется с тех, которые „жили год"; та же сумма берется с живших два года „за полувороты". Самая меньшая сумма взята: „из Кирилова вшол Гриша, взято с него перебылого 4 алтына" (л. 38 об.); с одного взята полтина за то, что он „пережил за сроком".

За „выход" и „пожилое" здесь берется обычная с проживших за монастырем 4 года сумма — 1 руб. 4 алт. Таких случаев из 54 — 30. Есть плательщики и большей суммы: 1 р. пол-30 алт. (25 алт.), 1 р. 14 алт., и эта же сумма берется с двоих, повидимому, живших „за полувороты"; 1 р. 10 алт. и меньше обычной суммы (1 р. 4 алт): 30 алт., 28 алт. („жил 3 года"); в 12 случаях — полтина и 2 алт., 12 алт. („за год"), полполтины и 1 алт. („жили за вороты на чети"), полполтины и самая меньшая сумма — 4 алт.

С 7 апреля 1579 г. начинается и расходная книга записью возвращаемых „перенятых на выходе" денег, т. е. взятых больше, чем полагалось по Судебнику, или непосредственно крестьянам или приказчикам землевладельцев, к которым уходили крестьяне. Возвращено: двум крестьянам — 24 алт. и одному — 1 руб.; „старова выходу" — 24 алт., „старой пожили" — 20 алт. вышедшему за Чудов монастырь; выдано ссуд „новым входцам" на постройки клетей и избы: двоим по 15 алт., одному 4 гривны и полтина (на избу); выдача займов мелкими суммами от 10 алт. до полтины (4 случая).

Любопытно, что в этой книге совершенно отсутствует массовая раздача денег „на выходы", как это было в книге № 2.

Здесь мы встречаем только два таких случая: 22 ноября (1579 г.) „дано старцу Данилу на крестьянские выходы 2 руб. 15 алт. 2 д.“; 23 ноября „дано крестьянину Афанасу Матвееву сыну на выход рубль денег, а взял на него те деньги приказчик Степан Катеринин“ и он же „тот рубль заплатил казначею Гурью“; 15 февраля (1580 г.) записано три случая выдачи непосредственно крестьянам „на выход взаем“ — одному 1 р. и двоим по полтине.

Здесь особенно важно отметить значительный рост крестьянских „выходов“ сравнительно с предшествовавшими годами. В 1573—1574 гг. 50 случаев „выходов“ (24 выхода из-за монастыря и столько же входов за монастырь, и 2 случая перехода в пределах монастырских владений); в 1575—1576 гг. 25 случаев. В 1579—1580 гг. случаи „выходов“ увеличились почти вдвое против 1573—1574 гг. и вчетверо против 1575—1576 гг.: 96 случаев, причем выходы из-за монастыря (76 выходов) превышают почти в четыре раза „вход“ за монастырь (20 входов). Это особенно важно потому, что в следующем 1581 г. „выходы“ совершенно прекращаются.

Книга № 4, на 197 лл.; за исключением первого и последнего порванных листов — хорошей сохранности. Обнимает время с 1 мая 7089 по 18 мая 7090 (1581 — 1582 гг.) и содержит в себе приходо-расходные книги казначея старца Никифора Морина (Марина), принявшего казну после казначея старца Гурья Ступишина. В приходной части записаны приношения разных лиц, в том числе и приношения царя в дни своих приездов в монастырь, напр. 11 июля (л. 19) и 19 сентября (л. 32), вырученные от продажи продуктов монастырского хозяйства суммы, сдачи в наем пустошей и, конечно, основного дохода — сбора „оброков с сел и деревень“, сбора „данных“ денег с сохи по пол-30 (25) руб. и „полоняничных“, и только одна запись 7 сентября 1581 г. получения денег с „выходца“ Степана Евдокимова, крестьянина с. Мамошина. Б. Д. Греков высказывает предположение, что эти деньги остались от прошлогоднего выхода.

В расходной части записываются покупки на монастырские потребности, выдача „оброков“ деловым людям и одна любопытная запись (л. 116 об.): „Тово ж месяца (ноября) 7 д. (1581 г.) послана (со) слугами с Козарином с Тучином да с Шевригою с Васильевым к Москве 100 рублев денег по государеву ноказу (sic) платить в подмогу“.

Книга № 6, на 217 л., в начале плохой сохранности (первые три листа порваны; лл. 77 — 97: нижняя часть наполовину оторвана). Содержит приходо-расходные книги казначеев старцев: с 1 декабря 1587 г. по 24 мая 1588 г. Никифора Морина (лл. 1—121), с 24 мая по 30 ноября 1588 г. Ефрема Нащокина и старцев разных „приказов" (лл. 126—217). Помимо обычных записей прихода и расхода денежных сумм, интерес этой книги заключается в том, что в ней, при сборе „дани" и „полоняничных" денег, с 6 марта 1588 г. впервые появляются записи о беглых: „а не взято на худых крестьянех и на беглых". До этого беглые нигде не упоминаются; но здесь совершенно отсутствуют „выходы".

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ

I. *Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря, № 2, 1 мая 1573 — 29 апреля 1574 гг.*

1. Книги приходные казначея старца Никифора Морина (Марина).[1]

л. 3 об. (Лета) 7081 (1573 г.). Того ж дни (маия 9) взято на детеныше[2] на Трешке оброку 12 алтын 3 д., а платил деньги порутчик его Васка Захаров сын, стрелец, потому что Трешка пошол прочь, а полугоду не дожил (на поле: взят у детеныша оброк).

л. 5 ...у Венедихта[3] выхо(д)ны(х)[5] ... (начало и конец записи оторваны).

л. 7 Тово ж дни (июня 7) взято у Ондрея Мохова[4] выходных денег[5] 2 рубля, что давали Ивановским[6] крестьяном на выход[5] взаймы.

л. 8 об.* Тово ж месяца в 16 д. взято у старца Венедихта[3] выходных[5] денег пол...* носу на выход, а преж того взято на нем рубль (на поле: выход).

л. 11 Тово ж дни (июня 30) взято у старца ж Венедихта полтина денег, что он взял в Лествицыне[7] на крестьянине з деревни с Омелфина,[8] что ему давали на выход[5] взаймы (на поле: выход).

---

* *Оторвано.*

Тово ж дни (июля 12) взято на Туровском[9] крестьянине л. 14
на Васке на Коняшине полтина, что ему дано было взаймы на выход[5] (на поле: выход).

Тово дни (августа 29) взято у слуги у Исака,[10] привез из л. 20
Обобурова[11] полтину денег, взял на выходце в Обобурове на Миките (на поле: выход).

Лета 7082 (1573) г. л. 21

Тово ж месяца (октября) в 9 день взято на Мамошинском[12] л. 28 об.
крестьянине на Степанке Исакаве полтина денег, что он перешол из деревни Буланина[13] в село в Мамошино (на поле: пожилое).

Тово ж месяца (ноября) в 26 день взято на Марке на Бори- л. 32 об.
сове сыне пожили[14] полтина и 2 алтына, что он перешол из Литвиновской[15] волости з деревни з Золева[16] в Рогушинскую волость[17] в деревню на Любятино[18] с трети выти[19] на штину.[20]

Тово ж месяца в 30 день взято у Ондрея у Мохова[4] из л. 33
Отчищевыские (sic) волости[12] из села ис Покровского[22] с выхотца с Ывашка с ворот[23] рубль и 4 алтына с трети выти,[19] да у Ондрея ж взято с выхотца с Ыстомки ис Покровского же с ворот рубль и 4 алтына с чети выти.[19]

Месяца декабря в 1 день привез Андрей Трубников[24] пол- л. 35
4 рубля да кабалу[25] в полтине из Спаские волости,[26] взято на крестьянех.

Тово ж месяца в 4 день взято на Судниковском[27] приказщике на Третьяке[28] рубль полтретья алтына, а взял те деньги на выходце на Семене на целовальнике из деревни ис Подсоричья.[29]

Тово ж месяца в 13 день взято у Курьяновского[30] приказ- л. 36
щика у Вортемья[31] выходных[5] денег рубль 4 алтына да оброку 2 ал., вышел крестьянин из деревни ис Тарасенкова[32] с полувыти,[19] да выходных[5] же денег взято полтина 2 алтына да оброку пол-3 ал. Вышел крестьянин из Гаврина[33] с полувыти[19] ис полудвора,[23] а на другой половине крестьянин остался.

Тово ж дни (13-го) взято на Курьяновском[30] приказщике на л. 36 об.
Ортемье[31] рубль, что он доправил в селе в Курьянове на Федоре, а имал он тее деньги на выход,[5] платил за нево тее деньги Истома Курбатов.[34]

Тово ж месяца в 16 день взято у Туровского[9] приказщика л. 37
у Посника[35] с выхотца с Никулы с Яковлева з зятем, жили на полувыти,[19] взято выходу[5] рубль 4 алтына. Да на них же взято оброку 4 алтына з деньгою.

л. 37 об. У Посника[35] ж взято с выхотца с Щербака пожили[14] рубль 4 алтына с полувыти.[19] Да на нем же взято оброку 4 алтына з деньгою.

У Посника[35] ж взято с выхотца с Ыванка з Добычи с чети выти[19] рубль 4 алтына. Да на нем же взято оброку 2 алтына с полуденьгою.

У Посника[35] ж взято с выхотца с Михалка с четверти выти[19] пожили[14] полтина 2 алтына, жил два году (sic). Да на нем же взято оброку 2 алтына с полушкою.

У Посника[35] ж взято с выхотца с Сури с полувыти пожили[14]
л. 38 рубль 4 алтына. Да на нем же взято оброку 4 алтына з деньгою.

У Посника[35] ж взято с выхотца с Ульяна с трети выти пожили[14] рубль 4 алтына. Да нем же взято оброку 3 алтына без деньги.

У Постника[35] ж взято с выходца с Юри со штине[20] пожили[14] четверть рубля, жил год на лготе.

л. 39 Тово ж месяца в 24 день привез Яким[36] старец выходных денег[5] из Ыевлева,[37] на крестьянине взял с полувыти[19] пожили[14] полтину 2 алтына, да оброку пол-13 алтына.

л. 39 об. Да Яким[36] же привез из Ыевлева,[37] взято на крестьянине пожили[14] 8 алтын; жил год. Да на нем же взято оброку 8 алтын.

л. 40 Тово ж дни (24-го) ис Туровские волости[9] з деревне с Чиклина[38] взято на Офонасье на Шиле рубль денег, а привез тот рубль в монастырь, взяв на нем, Кузма Каменой.[39]

л. 40 об. Да Кузьма ж привез полтину денег, взял в деревне в Хотькове[40] на Иване на Петрушине.

Да Кузьма ж привез полтину денег, взял в деревне на Чорном Омуту[41] на Ермоле на Иванове сыне.

Месяца генваря (1574 г.).

л. 45 Тово ж дни (2-го) привез старец Данило[42] из Обобурова[11] 12 рублев, хлеб продавал и на крестьянех имал выходы.[5]

л. 46 Тово ж месяца в 12 день привез из села из Судникова[27] приказщик Иван Борщов[43] с выхотца с Третьяка, с чети выти[19] полтина 2 алтына, з деревни с Прожирина.[44]

л. 47 Тово ж дни (16-го) привез из Зубова[45] приказщик Федор[46] выходных[5] денег рубль 4 алтына, взято з деревни с Монякова[47] на Куземке с полувыти.[19]

Тово ж дни (пр)ивез Трызновской[48] приказщик Иев Рукин[49] выходных[5] денег полтину 2 алтына, взято в деревне в Терехове[50] на Кондрашке, жил на штине.[20] л. 47 об.

Тово ж месяца в 30 день взято у Лествицынского[7] приказщика у Некраса[51] выходных[5] денег рубль 4 алтына; вышел Иван Фурсов з деревни Заскова[52] с трети выти[19] ис целого двора.[23] л. 50

Да у Некраса ж взято рубль 4 алтына выходных[5] денег, вышел из деревни со Фролкова[53] Овдей с чети выти ис целого двора.[23] л. 50 об.

У Некраса ж взято выходных[5] денег рубль 4 алтына, вышел из деревне из Бородавицына[54] Овдотьинской волости[55] Иванко Немец, с трети выти,[19] ис целого двора.[23]

Месяца февраля.

Того ж дни (11-го) привез старец Деонисей Гуща[56] выходных[5] денег из Луковниковской[57] деревне з Даровой,[58] вышли два крестьянина, взято на них пожили[14] рубль и 2 алтына. л. 53 об.

Тово ж месяца в 19 день взято на богоградном священнике на Пахнутье[59] полтина денег, а взято на нем за то, что он имался порукою по Олешке по Карлове и тот Олешка збежал за его порукою, а году не зжил. л. 54 об.

Месяца апреля.

Тово ж дни (8-го) дал Василей Верещагин[60] выходных[5] денег 30 алтын без 5 денег. л. 68

2. Книги расходные казначея старца Никифора Морина (Марина).[1]

Лета 7082 (1573) месяца сентября.

Тово ж месяца в 30 день отдал казначей старец Никифор соцкому Первому Ондрееву[61] сыну 20 алтын денег, что взяты были на выхотцех Отчищевской волости[21] на Суботке Скалеева да на Даниле на Лапуне из Никольского,[62] да на Ондр(е)ю на Григорьеве сыне из Никольского же охотнику на ям, и игумен Тихон[63] те денги велел те денги назад* 20 алтын. л. 118 л. 118 об.

Лета 7082-го (1573 г.) месяца октября.

Тово ж дни (27-го) дано Семену Гаврилову[64] пол-2 рубли без гривны, что он здилался (исправлено из ездил) с выхотцы л. 129 об.

* Так в рукописи.

с Возмицкими[65] крестьяны да з Болашковскими,[66] что посылали по него и по крестьян пристава в переимке.[67]

Месяца ноября.

л. 140 Тово ж месяца в 10 день дано Иевлевскому[37] приказщику Тарасу Ляле[68] рубль денег крестьяном давати на выходы.[5]

л. 140 об. Тово ж дни дано Данилу Романову сыну Чювасу[69] да Третьяку Павлову[28] сыну 2 рубля денег, в село в Веньеминово[70] крестьяном давати на выходы.[5]

Тово ж дни дано Ильицынскому[71] приказщику Офоне Олексееву[72] полтора рубли денег крестьяном на выходы,[5] дати Трофимку Ильину сыну, да Степанку Иванову сыну да Иванку

л. 141 Созонову сыну, а порядились они в деревню на Кобылью Лужю[73] и те денги даны им впрок, потому что они старые выходцы.[74]

л. 142 Тово ж дни (15-го) Васьяну[75] ж дано старцу 2 рубли в Бужарово[76] крестьяном давати на выход.[5]

л. 142 об. Тово ж дни (15-го) послано к старцу Горонтею (Геронтию)[77]

л. 143 с Васильем з Болотовым[78] 6 рублев денег крестьяном давати на выходы,[5] и тех денег осталось у Василья 20 алтын, взято в казну.

Тово ж дни (16-го) дано Ширяю Пробоевскому[79] в село в Раменку[80] да в село в Трызново[48] крестьяном на выходы[5] 5 рублев денег.

Тово ж дни (15-го) дано Ондрею Мохову[4] на старого жильца[74] полтретьяцать (25) алтын денег на выход впрок, а преж того на нем же взято.

л. 143 об. Тово ж дни (16-го) послано с Тонким з Гавриловым[81] в Савельевское[82] к приказщику Григорью Навоторжцу[83] рубль денег давати крестьяном на выходы.[5]

л. 145 Тово ж дни (17-го) дано в село в Турово[9] приказщику Поснику Васильеву[35] полтина денег дати крестьянину на выход.[5]

Тово ж дни (19-го) дано Ондрею Мохову[4] рубль денег крестьянину на выход,[5] что ему отказывать из-за Бориса из-за Сукина.[84]

л. 148 Тово ж месяца в 20 день взял Яков Панов[85] рубль денег крестьянину Житу на выход,[5] а идет на Буйгород,[86] а взят тот рубль на нем же и отдан ему назад впрок.[74]

л. 154 Тово ж дни (30-го) послано с Лопатою[87] ж в Бужарово[76] к старцу Васьяну[75] 5 рублев денег, давати крестьяном на выходы.[5]

Месяца декабря.

Тово ж дни (1-го) дано старцу Якиму[36] рубль денег и 4 алтына, а дал те денги Семену[64] в селе в Кондратове.[88] л. 157

Тово ж месяца в 24 день давал старец Денисей Гуща[56] писцом денги, дал писцом 2 рубли, да тем же писцом дана полтина за корм за столовой обиход, дал полтину в Старицы[89] подо лготную грамоту, да истобнику в Зубцове[90] дал 10 алтын, да в Болашкове[66] истобнику дал 10 алтын, в Кузьмодемьянском[91] дано истобнику 10 алтын, дано в Кузьмодемьяньском дворнику полтина, да прислал казначей старец Никифор[1] три рубли денег с Микулою сь* Яковлевым,[92] и те денги даны в Кузмодемьяньском пятмя крестьянином на выход,[5] да в Луковникове[67] дано истобнику 4 гривны. И всех денег дано писцом, и истобником, и дворником и крестьяном 8 рублев без дву гривен. л. 166 об. — л. 167

Месяца января (1574 г.). л. 177 об.

Тово ж месяца в 13 день дал Никифор Тырков[93] от вывозные грамоты полтину и тех денег взято на мужике полполтины, а другую ему полполтины игумен отдал.

Тово ж дни прислал Семейка[64] росход денгам, что Никифор Тырков 5 рублев денег привез и... тех же денег дал от Кузьмодемьяньские[91] вывозной грамоты 8 денег и всех денег в росходе 4 рубли 20 алтын з гривною. л. 178 об.

Тово ж дни (16-го) дано старцу Кирилу[94] полтина денег, отдали ему те денги Степанку Михайлову сыну, что он вшол за монастырь старой жилец[74] и за то ему отдана старая пожиль; пришол в деревню на Росольниково.[95] л. 179 об.

Тово ж месяца (января) в 30 день дали крестьянину в Лествицынской волости в деревне в Омельфине[8] Ондрюку Тотаренкову рубль 4 алтына, отдана ему старая пожиль,[74] что он жил в Успленской волости[96], сел на четверти выти.[19] л. 187 об. — л. 188

Месяца апреля.

Тово ж дни (4-го) приехал старец Макарей Заецов[97] с Москвы, денег у нево в росходе... л. 220 об.

...богоявленскому игумену Аврамью[98] дал за выход[5] рубль и 9 алтын.** л. 222

---

* Так в рукописи.

** *С этого числа прерывается выдача денег за выход и появляются записи выдач оброков деловым людям, взаймы по кабалам (л. 223—292).*

л. 283 Лета 7082 г. (1574) месяца генваря в 2 день. Книги оброчные казначея старца Никифора Марина[1] сельские.

Месяца февраля 17.

л. 292 Да Болашковской[66] же приказщик Василей[60] привез полтину оброку с выхотьца с Степанка с выти[19] со ржи, а на Филисие взять сь яри полтина же оброку.

л. 292 об. З Болашковской[66] же деревне с Лукина, с выти оброку полполтине, итого с 4-х вытей[19] 2 рубли, да с пятые выти с нового вхотца взято полполтины сь яри.

З Болашковские ж деревне з Заечкова заплатили з дву вытей оброку рубль, а по гривне им отдано по игуменскому приказу.

л. 293 З Болашковских[66] же деревень з Деденева[100] да с Никитина[101] да с Благинина[102] с выти[19] по полтине оброку, итого с осми вытей 4 рубли, а з девятой выти[19] взято 10 алтын без дву денег, отдано им за то, что они новые вхотцы.

л. 294 Тово ж месяца (февраля) в 30* день заплатил с села Турова[9] приказщик Посник Васильев[35] с 16 вытей без чети, с выти[19] по чети рубля, итого 5 рублев без дву алтын с полушкою, да с новых вхотцов взято с выти вполы оброку пол-5 алтына.

II. *Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря 26 июля 1575 — 24 июля 1576 г.***

1. Книги приходные казначея старца Германа Чоглокова.[103]

л. 1 Лета 7083-го (1575 г.) месяца июлия в 26 день по благословению игумена Еуфимья...[104]

Приход деньгам.

л. 3 Месяца августа в 1 день, принес старец Гурей Усов[105] пол-2 рубли денег, взял те деньги на крестьянине в Спаском,[26] а давыны ему на выход.[5]

---

* Так в рукописи.

** Собрание рукописных книг Архива ИИНА, № 1028.

Месяца сентября (7084 г. — 1575 г.).

Тово ж дни (сентября 28), принес старец Гурей Усов[105] рубль л. 11 об.
денег, а взял он на выхотце на Федоре на Киселе по кабале;[25]
вышел из с Курьяновской[30] волости за Федора Тархова.[106]

Тово ж дни (ноября 14). л. 17 об.

Да у Лариона ж взято з Быковских[108] крестьян, (крестья)-
нина с Ортемка Федорова ж сына по кабале же[25] 20 алт.

Да у Лариона[107] ж взято с тех же крестьян пожили[14] на год
полтина 2 алтына, да оброку 9 алтын, да алтын за овчину.

Тово ж месяца (ноября) в 19 день взято у Новлянсково[109]
приказщика у Нелюба Рядового[110] пожили[14] рубль 4 алтына,
да оброку 2 алтына с полушкою, а взял он на крестьянине на
Темникове[111] на Нефеде, жил на четверти[19] с обе вороты.[23]

Тово ж месяца (ноября) в 29 день принес Новланской при- л. 18 об.
казщик Нелюб Рядового[110] пожили рубль и 4 ал., да 2 алтына л. 19
оброку с полушкою, а взял он на выходце на Юре Лучников-
ском,[112] жил с обе вороты[23] на четверти.[19]

Месяца декабря в 3 день, принес Иван Лапшин[113] пожили[14] л. 20
рубль 4 алтына, да оброку 2 алтына 2 д., а взял Иван на Мар-
тияне в селе в Очищеве,[21] жил на четверти выти[19] с обе вороты.[23]

Тово ж дни принес Буегороцкой[86] приказщик Ларион Гав- л. 20 об.
рилов[107] пожили[14] рубль 4 алтына, 2 алтына оброку, взял на
Конанке в Шабанове.[114]

Да Ларион[107] же дал рубль 4 алтына пожили,[14] 2 алтына
оброку, а взял на Первушке на Быковском,[108] а жили по своим
воротом.[23]

Месяца генваря (1576 г.)

Тово ж дни (7-го) принес Данило Карлов,[115] Кузьмодемьян- л. 24 об.
ской[91] приказщик пол-2 рубли, взял пожили[14] на крестьянине.

Тово ж дни принес Дементей Сеславин 19 алтын 4 д. да
кабалу в рубле и в 22 алтынех, а взял он те деньги на Зубцов-
ском крестьянине на Иванке на Понамаре.

Тово ж месяца в 29 день принес старец Венедихт[3] 22 ал- л. 27
тына, а взял он те деньги в Кузьмодемьянском на нововхотце
на Грише на Сухаре, даны ему были на выход.[5]

Тово ж месяца (февраля) в 16 день дал старец Иона Осорьин[116] л. 31 об.
рубль 4 алтына, взял выходу[5] на Ортеме в Вельяминове.[70] л. 32

Да у Ионы ж[116] взято рубль и 4 алтына, взял выход[5] в Лест-
вицинской волости на Игнашке с Осинок.[117]

Да у Иены[116] ж взято выходных[5] денег 8 алтын 4 д., взял на Степане Окуловском.[118]

Да у Ионы ж[116] взято 22 алтына, перепущал крестьян из волости в волость.

л. 33 Тово ж дни (февраля 31 *) взято на Кондратовском[88] крестьянине на Иванке Роспопе рубль денег, менялся долями с Окунинским с Некрасом.

л. 35 Тово ж дни (марта 12), дал Истома Курбатов[34] 2 рубли денег, а взял их на крестьянех в Трызновской[48] волости выход[5] на Шарапе да на Нефетке.

л. 53 Месяца июлия в 1 день.

Тово ж дни взято у Микифора Тыркова[93] выходных[5] рубль денег, а взял он на выхотце на Онисимке из деревни Боровицины.[119]

л. 53 об. Тово ж месяца в 7 день взято на Ракитинском[120] крестьянине на Самойле Левонове сыне из деревни Семеновской[121] полтина денег; даваны ему о Юрьеве дни на пожиль.[14]

л. 62 2. Книги расходные казначея старца Германа Чоглокова.[103]

л. 63 Лета 7083-го (1575) месяца июля в 26 день.

Тово ж дни розход монастырским деньгам.

Послано к Москве к Богдану[122] рубль денег на выход.[5]

л. 63 об. Тово ж месяца (июля) в 28 день, дано Обобуровскому[11] крестьянину Федоту Обросимову сыну пол-2 рубли денег в посоху.

л. 69 Месяца сентября в 1 день (7084 г. — 1575 г.)

л. 82 Тово ж дни (ноября 15) дано Успенскому приказщику Шевриге[123] рубль денег, а ему те деньги отдать крестьянину на выход[5] старому выходцю.[74]

л. 82 об. Тово ж месяца (ноября) в 20 день, дано Шестаковскому[124] приказщику Федору Назарову[46] рубль денег, а ему те деньги от (дать) старому выходцю[74] Михаилу в деревне Мамаеве.[125]

л. 83 Тово ж дни дано Федору ж Назарову[46] рубль и пол-30 алтын, а ему же деньги отдать осенним выходцом Офонаску Дьякову да Василью в Коверино,[126] да в Починок да в Мамаево[125] Михаилу, што на них взяли выходу[5] осенесь.

* Так в рукописи.

Месяца генваря в 3 день (7084 г.—1576 г.). л. 91

Тово ж месяца (марта) в 11 день дано Раменскому[80] ключ- л. 100 об.
нику Грише Негодяеву[127] 20 алтын на сено; да ему ж дана л. 101
полтина на избу крестьянину Иванку Иевлевскому;[37] сел на четвертине выти.[19]

Тово ж месяца в 15 день, дано Раменскому крестьянину Илейке Семенову 10 алтын, а сказывает: у нево взял Василей Яковлев[128] крестьянину на выход.[5]

III. *Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря, № 3, 7 апреля 1579—29 марта 1580 гг.*

1. Книги приходные казначея старца Венедикта Зазиркина.[3]

Лета 7087 (1579) г. л. 3

Приход деньгам.

Тово ж месяца (апреля) в 12 день принес Отчищевской[21] приказщик Посник Васильев[35] рубль 4 алтына пожилых,[14] вышел с сь* Ефимьева[129] Гаврилко.

Тово ж дни принес Посник[35] же 11 алтын 2 д., взял на Смольникове[130] на Ваське перебылово,[146] жил 1 год.

Да Посник[35] же принес 11 алтын 2 д., взял на Ядрееве[131] на Федоре перебылово,[140] жил 1 год.

Да ис той же деревни вышел Нестерко, взято на нем бере- л. 3 об.
были (перебыли)[146] 11 алтын 2 д., жил 2 года за полувороты.[23]

Месяца мая.

Того ж дни (25-го) принес Митя Бушмин[152] 12 алтын л. 12 об.
пожилых[14] денег, взял в Веньяминове[70] на Гришке, жил 1 год.

Месяца июля.

Того ж дни (8-го) взято на Литвиновском[15] крестьянине на л. 20 об.
Позняке на Степанове, што вшол из-за Гаврила,[133] рубль по кабале.[25]

Того ж дни (13-го) принес Дементей Сеславин[134] 61 алтын, л. 21 об.
имал у старца Гурья[135] на выход[5] крестьяном.

Того ж дни (13-го) принес Ивановской[6] приказщик Меркур[136] л. 22
полтину, взял в Митрофанове[137] да в Присеткине[138] на дву крестьянинех перебылово.[146]

* Так в рукописи.

Того ж месяца в 15 день взято на Бужаровском[76] крестьянине деревни Гавриловской[139] на Ивашке на Дмитрееве рубль 15 алтын з деньгою.

Месяца августа.

л. 26 Тово ж дни (29-го) дал старец Иев Болотов[140] 8 алтын, взял в своем приказе[141] на выходце перебылого.[146]

Месяца декабря.

л. 36 об. Того ж месяца в 9 день дал Меркур Окоемов[136] рубль
л. 37 4 алтына пожили,[14] да оброку 4 алтына з деньгою, а взял он те деньги на выходце в Очищевской[21] волости на Гри[шке] на Сороке.

Да Меркур[136] же дал рубль 10 алтын, взял выходу на Ефимке на Родивоновском.[142]

Того ж дни (9-го) дал Митя Угримов[143] рубль 4 алтына, 2 алтына оброку, взял в Бельской волости[144] на Истомке Полого.

Да Митя[143] же дал полтину 2 алтына, да 2 алтына оброку з деньгою, взял пожили[14] на Истоме на Белоглазе.

л. 37 об. Ди Митя ж Угримов[143] дал полтину 2 алтына, да оброку алтын, взял пожилого[14] на Пояр, а жи(л) за полувороты[23] на осмой доле.[19]

Да Митя[143] ж дал рубль 4 алтына, да оброку 2 алтын(а) 4 де., взял выходу[5] на Гри[шхе] на Татарском.

Да Митя[143] ж дал рубль 4 алтына, да об(року) 2 алтына
л. 38 з деньгою, взял на Пятышке в Бельской волости.[144]

Да Митя[143] ж дал рубль 4 алтына, да оброку 4 алтына з деньгою, взял на Ивашке да на Ларьке выходу.[5]

Да Митя[143] ж дал рубль 4 алтына, да оброку 2 алтына з деньгою, взял на Дее в Мамошине[12] выходу.[5]

Да Митя[143] ж дал рубль 4 алтына, да оброку 4 алтына з деньгою, взял выходу[5] с Ывашки с Касиревского.[145]

Да Митя[143] ж дал рубль 4 алтына, да оброку 4 алтына з деньгою, взял выходу[5] на Кокиревских[145] на Ивашке да на Трифилке.

л. 38 об. Да Митя[143] ж [дал] полполтины 2 алтына, взял перебылого[146] на Митьке на Крюковском.[147]

Да Митя[143] ж дал рубль 4 алтына да оброку 3 алтына без дву денег, взял з Данилка с Крюковского[147] пожили.[14]

Да ис Кирманова[148] вышол Гришка, взято с него перебылого[146] 4 алтына.

Того ж дни (11-го) дал Буегороцкой[86] приказщик Тонкой л. 39
Гаврилов[81] рубль 4 алтына да гривна оброку, взял пожили[14] на выходце на Петруше на Поповкинском,[149] жил на трети.[19]

Тово ж дни дал Курьяновской[30] приказщик Ширяй Пробоевской[79] полтину 2 алтына, взял пожили[14] на Соболе; жил за полувороты,[23] да оброку 2 алтына.

Да Ширяй[79] же дал полтину 2 алтына, взял пожили[14] на Власе на Чюховском.[150]

Да Ширяй[79] же дал полполтины, взял на Ондрейке пере- л. 39 об.
былого,[146] да оброку 2 алтына, а жил за полувороты.[23]

Да Ширяй[79] же дал полтину 2 алтына, да оброку алтын, взял пожили[14] на Волотьке, жил на четверти.[19]

Того ж месяца в 16 день дал Успенской[96] приказщик Шестак л. 40
Трубников[151] рубль 4 алтына, взял пожили[14] на Иване на Рогушинском,[17] да оброку с чети 2 алтына.

Да Шестак[151] же дал полтину 2 алтына, да оброку 2 алтына, взял выход[5] на Ишуте с Еремеевского,[152] жил на чети.[19]

Того ж дни дал Спаской[96] приказщик Леонтей Пашков[153] л. 40 об.
рубль 4 алтына, взял з дву выходцов сь Якуша с Талалыки да с Лари с Коняшинского,[154] оброк не взят.

Да Левонте(й)[153] ж дал рубль 4 алтына, взял на Исаке да на Ондрюше с Мяняковских,[155] жили за однеми вороты,[23] а оброк не взят.

Да Леонте(й)[153] же дал полтину 2 алтына, взял на Сеньке на Каране* деревни Маняковской,[155] оброк не взят.

Да Леонтей[153] же дал полполтины перебылого,[146] взял на Кузьме на Чертовском,[156] жил за вороты.[23]

Да Леонтей[153] же дал полполтины да алтын, взял на Фролке л. 41
Чертовском,[156] жил за вороты[23] на чети.[19]

Да Леонте(й)[153] же дал полполтины да алтын, взял перебылого[146] на Сеньке, а жил на чети.[19]

Да Леонтей[153] же дал 4 рубли 32 алтына з деньгою своего збору, собрал в Спаском, живучи на вере.

Того ж дни (20-го) дал Бужаровской[76] приказщик Семен[64] рубль л. 42
4 алтына, взял выходу з Демеха да с Шеверни Сотниковских,[157] л. 42 об.
жили за однеми вороты[23] на полувыти, да оброку 3 алтына.

---

* Или Ракане, п. ч. слог „ка“ надписан над слогом „ра“.

Да Семен же дал пол-30 алтын, 3 алтына взял на Истомке на Волкове пожили,[14] да оброку полтретья алтына, жил три годы.

л. 43 Да Семен[64] же дал рубль 4 алтына, да оброку пол-8 д., взял пожили[14] на Онтонке на Яковлеве сыне Синцовском.[158]

Да Семен[64] же дал рубль 4 алтына пожили,[14] да оброку пол-3 алтына, взял на Игнашке на Кулигинском.[159]

Да Семен[64] же дал полтину 2 алтына, да оброку пол-3 алтына, взял на Луньке на Коптягинском.[160]

Да Семен[64] же дал полтину 2 алтына ж, оброку пол-3 алтына, взял пожили[14] с Нефетка с Сазонова.

Да Семен[64] же дал полтину 2 алтына, да оброку пол-3 алтына, взял на Ваське на Савине.

л. 43 об. Того ж дни (20-го) дал Иевлевской[37] приказщик Некрас Плещеевской[51] 30 алтын, взял на выходце на Ширяйке, да на нем же взял 2 алтына в дань.

Того ж дни дал Буегороцкой[86] приказщик Тонкой Гаврилов[81] полти(ну) 2 алтына, взял пожили[14] на Ефиме на Поповкинском[149] с полуворот,[23] да оброку пол-3 алтына с чети.[19]

Того ж дни дал Дементей Сеславин[184] рубль 4 алтына, взял
л. 44 пожили[14] на Некрасе в Савельевском,[82] да оброку 2 алтына с полувыти.[19]

Да Дементе(й)[134] ж дал рубль 4 алтына, взял пожили[14] на Михалке, да оброку пол-8 д.

Того ж дни дал Успенской[96] приказщик Шестак Трубников[151] рубль 4 алтына, взял в Болобановской[162] деревне в Веньяминове[163] на Иванке на Носо(ве) да на Куре, да оброку 5 алтын без деньги.

Да Шестак[151] же дал полполтины, взял перебылого[146] на Истоме на Муранове, жил с сыном за полувороты,[23] да оброку пол-3 алтына.

Тово ж дни дал Буегороцкой[86] приказщик Тонкой Гаврилов[81] рубль 4 алтына, взял пожили[14] на Максимке на Сыровском,[164] да оброку пол-3 алтына.

Тово ж дни дал Раменской[80] приказщик Василей Верещагин[60] рубль 4 алтына пожили,[14] взял на выходце на Фетьке на Рамановском,[80] да оброку пол-8 д.

л. 45 Да Василей же дал полтину 2 ал., взял пожили[14] на Дутке на Иванке на Рамановском[80] же, да оброку пол-8 д.

Того ж месяца в 22 день дал Луковниковской[57] ключник Шарап Пробоевской[165] 8 рублев с четвертью, собрал живучи (на) вере в Луковникове;[57] да он же дал три рубли.

Того ж дни (22-го) дал Белковской[144] приказщик Дмитрей Лекарев[166] рубль 4 алтына, взял пожили[14] на Онуфрее деревни Воротовы,[167] да об[року] 4 алтына з деньгою. л. 46

Да Дмитрей[166] же дал рубль 4 ал., взял пожили на Никифоре на Воротовском,[167] да оброку 4 алтына з деньгою.

Того ж месяца в 28 день привез Иван Борщов,[43] Трызновской[48] приказщик, рубль 4 алтына, да оброку 2 алтына, да за овчину и за сыр 5 д., полонских и емчюжных 2 гривы, взято с выходца с Мини. л. 46 об.

Месяца генваря (1580 г.).

Того ж дни (9-го) привез приказщик Иев Рукин[49] из Ракитина[120] выходных[5] денег рубль и 14 алтын з деньгою, вышли два крестьянина. л. 49

Да Иев[49] же привез выходных[5] денег рубль и 10 алтын 2 д. с третьево крестьянина.

Тово ж месяца в 12 день привез старец Макарей Зайцов[97] из Обобурова[11] 2 рубли денег, взяты на выходцах. л. 49 об.

Того ж месяца в 13 день привез приказщик Перво(й) Наумов[168] села Зубова[45] выходных[5] денег 2 рубли и 8 алтын, взято на дву крестьянинех на Олексея (sic) да на Степане. л. 50

Того ж дни (18-го) [привез] приказщик Кондратовской[88] Посник Васильев[35] полполтины да 2 алтына, взял перебы(ло)го[146] на крестьянине на Иванке Спиченке из деревни Занина.[169] л. 50 об.

Того ж дни привез Балашковской[66] приказщик Иван Софонов[170] пожилых[14] денег по(л)-30 алтын, а взял на Федоре на Толстикове за Рудака.

Да Иван же привез полполтины денег, а взял на Карпике пожили.[14] л. 51

Того ж дни (23-го) привез Митя Угримов[143] 4 рубли денег выходных[5] из села из Мамошина.[12] л. 52

Того ж дни (23-го) привез Туровской[9] приказщик Яков Панов[85] рубль 4 алтына, а взял пожиль[14] на Петрушке, вышел из Новошина.[171] л. 52 об.

Да Яков[85] же дал рубль 4 алтына, я взял пожиль[14] на М(и)те на Бритике.

Да Яков[85] же дал рубль 4 алтына, а взял на Степанке да на Петрушке пожили, [14] а вышли с Черного Омута.[41]

Да Яков[85] же дал рубль 4 алтына, а взял пожили[14] на Парше на Туровском.[9]

л. 53 Да Яков[85] же дал рубль 4 алтына, а взял пожили[14] на Ор(те)м(ь)е Туровском.[9]

л. 53 об. Того ж дни (26-го) привез Семен Гаврилов,[64] взял на выхотце за пъсковскую подводу 33 алтына з деньгою.

Того ж дни привез Лествицинской[7] приказщик Мисюрь Трофимов[172] рубль и пол-30 алтын, а взял на крестьянине пожилое.[14]

Месяца февраля.

л. 57 Того ж дни (5-го) привез Литвиновской[15] приказщик Меньл. 57 об. шик Ортемьев[173] 2 рубли 8 алтын, а взял на крестьянех пожили[14] на Иване да на брате его на Мише в Остахине.[174]

Да Меньшик[173] же (да)л рубль 4 алтына, взял пожили[14] на крестьянине на Филипе в Остахине.

л. 58 Того ж дни (12-го) привез приказщик Михайло Вышегородов[175] 20 алтын, а взял на Веньяминовском[70] крестьянине на Нечае дана ему на ход (sic), как шел из за Остафья Пушкина.[176]

Месяца марта.

л. 60 об. Того ж месяца в 3 день взята с Новлянского[109] крестьянина с Василья с Куска полтина денег, перепустили его на Шемякинскую долю.

л. 60 об. Того ж дни (11-го) взята на Мите на Чермном полтина за то, што он пережил за сроком в Бужарове[76] на Ключе.

2. Книги расходные казначея старца Венедикта Зазиркина.

л. 92 Лета 7087-го (1579) месяца апреля в 7 день по благословению игумена Еуфимья[104] и по савету саборных старцав чернец Венедихтишка[3] пошол в казну после казначея старца Никифора Морина.[1]

Расход деньгам.

Месяца маия.

л. 101 об. Того ж дни (29-го) отдано Пятровым крестьянам Мижюева[177] Спирьку, да Лукьянку, да Алешке 24 алтына, что перенел на них на выходе приказщик Суханя.[178]

Месяца июля.

Того ж месяца в 11 день отдано Ангиловскому[179] крестья- л. 110 об.
нину Матюшке полавина старай пожили[14] 20 алтын, выходил за Чюдов монастырь.[180]

Того ж месяца в 19 день отдано Андрееву приказщику л. 112
Нагова[181] Ивану Абалдуеву[182] рубль, што перенел Белковскай[144] л. 112 об.
приказщик Данила Карлав[115] на выходе.

Месяца сентября (7088—1579 г.)

Того ж месяца в 11 день дано старцу Исаку Садыкову[10] л. 119 об.
36 алтын 4 де., а ему те деньги давати на Буегороде[86] от жетья от детинай пашни.

Того ж дни (11-го) дано старцу Исаку Садыкову[10] полпол- л. 120
тины, а ему те деньги дати на Буегороде[86] от жетья.

Месяца октября.

Того ж месяца в 24 день... в Ан(г)илове[179] ж нововходцу л. 124—125
Иванку Самойлову дано на клеть 4 гривны.

Месяца ноября.

Того ж месяца в 22 день дано старцу Данилу[42] на крестьян- л. 129
ские выходы[5] 2 рубля 15 алтын 2 де.

Того ж дни (23-го) дано крестьянину Афонасу Матвееву сыну на выход[5] рубль денег, а взял на него те деньги приказщик Степан Катеринин.[183]

На поле: Июн(я) в 28 день Степан Катеринин[183] тот рубль заплатил казначею Гурью.[135]

Месяца декабря.

Того ж месяца в 24 день отдано Белковскому[144] крестьянину л. 134 об.
Матюшке деревни Обатурова[184] старова выходу[5] 24 алтына.

Месяца генваря (7088—1580 г.).

Того ж месяца в 9 день взял старец Васьян[75] новому входцу л. 139
Афремку на избу полтину денег, да тому ж Офремку взаймы 15 алтын.

На поле: Ноября 14 Ва(сь)ян[75] Офремковы деньги 15 алтын заемные деньги заплатил казначею Гурью.[135]

Того ж дни (22-го) дано в Турова[9] крестьянину Василью л. 140
новавходцу взаймы пол-30 алтын и кобала[25] на него взята.

л. 141 Того ж дни (29-го) дано Покровскому[22] крестьянину новавходцу Гришке на клеть 15 алтын.

Месяца февраля.

л. 145 Того ж дни (15-го) дано Трызновскому[48] крестьянину Купре
л. 145 об. Тереховскому[185] на выход[5] взаем рубль денег.

Да Раменскому[80] крестьянину Ивану Яковлеву сыну* в деревню в Рамановская[186] на выход жа[5] дано полтина денег взаем, а вошли те крестьяня Купря и Иван за монастырь из за Ивана из за Головленкова.[187]

На поле: Иван полтину заплатил.

Да Трызновскому[48] ж крестьянину Ивану Юпе дано на выход взаем полтина денег.

л. 149 Того ж дни (марта 16) дано по игуменскому приказу Спаским[26] крестьяном новавходцам Ивану Черныге да Истоме на лес полтина денег.

IV. *Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря, № 4, 1 мая 1581— 18 мая 1582 гг.*

Лета 7089 (1581) г. месяца мая. Книги казначея старца Никифора Морина (Марина).[1]

л. 31 об. Тово ж дни (7 сентября 1581 г.) привез из Мамошина[12] приказщик Степан Котеринин[183] полтину денег, взял выходу[5] на крестьянине на Степане на Овдокимове.

л. 116 об. Тово ж месяца (ноября) 7 д(ень) послана (со) слугами с Козарином с Тучином,[203] да с Шевригою с Васильевым[123] к Москве 100 рублев денег по государеву ноказу (sic) платить в подмогу.

V. *Приходо-расходные книги Волоколамского монастыря, № 6, 1 декабря 1587—30 ноября 1588 гг.*

Книги приходные казначея старца Никифора Морина (Марина).[1]

Збираны данныя и полоняничныя деньги на 96-й год.

л. 107 Лета 7096-го (1588) марта в 6 день.

л. 115 об. С села с Трызнова[48] с чети сохи взято данных и полоняничных денег 5 рублев 20 алтын 9 де., деньги платили зборщики Степан Семенов[188] с Вертолова[189] да Борис Болотов[190]

да Кирилко сельские, а не взято у них на худых и на беглых крестьянех полтина, в том дан зборщиком срок да Оспожина[192] дни.

С села с Ыльицына[71] с чети сохи взято данных и полоняничных денег 5 рублев 11 алтын; деньги платил Иван Бекет,[193] а не взято на худых крестьянех и на беглых 27 алтын 3 д., в том дан зборщику срок да Оспожина дни.[192] л. 116

С села с Лествицына[7] с чети сохи взято данных и полоняничных денег 5 рублев 5 алтын, деньги платили зборщики Нечай Потапов[194] да Михаило Яковлев,[195] а не взято у них на худых и на беглых крестьянех рубля (sic), в том дан зборщиком срок да Оспожина дни.[192] л. 117 об. л. 118

С села с Ывановского[6] с полусохи и с полтрети сохи взято данных и полоняничных денег 13 рублев с полтиною. Деньги платили зборщики Тимофей Никонов[196] з Дубосекова[197] да Дмитрей Омельянов[198] с Митрофанова[199] да Демех Клементов,[200] а не взято у них с пустых с чатырех вытей[19] со штиною[20] трех рублев без чатырех алтын з беглых крестьян, и в том дан зборщиком срок да Оспожина дни.[192] л. 118 об. л. 119

С села с Литвинова[15] с полчети сохи взято данных и полоняничных денег два рубля 4 алтына 2 де. Деньги платили зборщики Михайло Мотфеев[20] да Гаврила Омельянов,[202] а доняти на них 11 алтын, в том дан срок зборщиком да Оспожина[192] дни; да беглых выть[19] на них жа 14 ал. л. 120

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

[1] Никифор Морин (Марин), соборный старец, казначей, 1573—7 IV 1579 г., с 1 V 1581 г., после Гурья Ступишина, и в 1587—1588 гг.

[2] Детеныш — монастырский сельскохозяйственный рабочий, в Иосифове монастыре преимущественно сезонный; с февраля до „Покрова“ (1/14 окт.) детенышам платили „оброк“ 25—30 алтын, в год — 1 рубль, который выдавался вперед за порукой. Иногда Д. „садились на пашню“. В данном случае деньги взыскиваются с поручителя за недожитый Д. срок.

[3] Венедикт Зазиркин, конюший старец, 1573—1574 гг., келарь, 1575 г., казначей, 7 IV 1579—29 III 1580 гг.

[4] Андрей Мохов, приказчик с. Спасского, 1575 г.; с. Турова, Тверского у., 1581 г.

---

[1] Составлены на основании приходо-расходных книг Волоколамского монастыря, №№ 2, 3, 4 и 6, книги Архива ИИ № 1028, 1573—1588 гг., сотной с книг рузских писцов Г. С. Пильемова и А. Н. Сабурова с товарищами 1569 г. и родословных книг.

[5] Выход, выходные деньги, пожиль, пожилое Судебников.

[6] Ивановское, село Рузского у. Льняниковского стана.

[7] Лествицыно, село и волость Волоколамского у.

[8] Амельфино (Омелфино), дер. Лествицынской вол.

[9] Турово, село и волость Тверского у.

[10] Исак Садыков, монастырский „слуга", 1573—1574 гг. („слугами" называются и приказчики), старец 1579 г.

[11] Обобурово, село Владимирского у.

[12] Мамошино, село Рузского у. Скирманского стана.

[13] Буланина, дер. села Мамошина.

[14] Пожилое, пожиль, см. примеч. 5: выходные деньги.

[15] Литвиновская волость и село Волоколамского у. Некоторые деревни Литвиновской вол. входили в Рузский у.

[16] Золева, дер. Литвиновской вол.

[17] Рогушино, село и волость Рузского у.; в 1569 г. сельцо „что была вотчина Григорья Петрова сына Синего".

[18] Любятино, дер. Рогушинской вол.

[19] Выть, доля в земельном участке, единица обложения налогом.

[20] Штина, шестая часть выти.

[21] Отчищевская волость и село Волоколамского у.

[22] Покровское, село Рузского у.

[23] „С ворот" или „с двора" платил 1 р. 4 алт. крестьянин, который прожил за землевладельцем 4 года, проживший 3 года платил за $^3/_4$ двора, 2 года — за $^1/_2$ двора и т. д. Жившие „за полувороты", т. е. в полудворе, платили половину. (Судебник 1550 г. ст. 88).

[24] Андрей Трубников, приказчик, привез деньги из Спасской вол., 1573 г.

[25] Кабала, письменное долговое обязательство.

[26] Спасское, село и волость Рузского у.

[27] Судниково, село Рузского у.

[28] Третьяк Павлов, приказчик с. Судникова, 1573—1574 гг.

[29] Подсоричья, дер. села Судникова.

[30] Курьяново, село и волость Волоколамского у.

[31] Артемий (Вортемий) Иванов, приказчик села Курьянова, Волоколамского у., 1573—1574 гг.

[32] Тарасенкова
[33] Гаврина } деревни села Курьянова.

[34] Истома Курбатов, „слуга", приказчик села Балашкова, 1579—1580 гг.; села Спасского, 1581 г.

[35] Посник Васильев Внуков, приказчик села Турова в 1573—1574 гг., села Отчищева, июля 1579 г.; села Кондратова, янв. 1580 г.; села Фаустова в 1581 г.

[36] Яким Воронин, старец Иосифова монастыря, привез деньги из Иевлева, 1573 г., продает баранов в 1573—1574 гг.

[37] Иевлево, село Клинского у.

[38] Чиклина, дер. Туровской вол., Тверского у.

[39] Кузьма Каменный, приказчик, собирал деньги в селах Туровской вол.

[40] Хотькова
[41] Черный Омут } деревни Туровской вол.

[42] Данил Жужелица, старец Иосифова м-ря, 1573—1579 гг.

43 Иван Борщов, приказчик села Судникова, 1574 г.; села Трызнова, декабря 1579 г.; села Кузьмодемьянского, 1581 г.

44 Прожирина, дер. села Судникова, Рузского у.

45 Зубово, село Волоколамского у.

46 Федор Назаров, приказчик села Зубова, 1573—1574 гг.; села Шестакова, 1575—1576 гг.; села Курьянова, 1581 г.

47 Монякова, Минякова, дер. села Спасского, Рузского у.

48 Трызново, село Волоколамского у.

49 Иов Рукин, приказчик села Трызнова, 1574 г.; села Ракитина, 1580 г. января.

50 Терехова, дер. села Трызнова.

51 Некрас Плещеевской, приказчик села Лествицына, 1573—1574 гг.; села Ангелова, 1575—1576 гг.; села Иевлева, 1579—1580 гг.

52 Заскова
53 Фролкова } деревни села Лествицына.

54 Бородавицына, дер. Авдотьинской вол.

55 Авдотьинская волость, Волоколамского у.

56 Дионисий Гуща, старец Иосифова м-ря, 1574 г.

57 Луковниково, село Старицкого. у.

58 Дарова, дер. села Луковникова.

59 Пафнутий, свящ. села Богородного, 1574 г.

60 Василий Верещагин, приказчик села Балашкова, 1573—1574 гг.; села Раменского, декабря 1579 г.

61 Первой Андреев, соцкий, 1573 г.

62 Никольское, село Рузского у.

63 Тихон Саввинов Хворостин, игумен в 1573 г. переведен из Угрешского м-ря; 5 июля 1575 г. хиротонисован в архиеп. Казанского (Строев).

64 Семен Гаврилов, слуга, приказчик сел Волоколамского у.: Буйгорода, 1573—1574 гг.; Бужарова, 1579—1580 гг.; Новошина, 1581 г.

65 Возмицыно, дер. Тверского у.

66 Балашково, село Тверского у.

67 „Переимка", поимка беглецов.

68 Тарас Ляля, приказчик села Иевлева, 1573—1574 гг.

69 Данил Романов Чувас, приказчик, 1573 г.

70 Веньяминово, село Московского у.

71 Ильицыно, село Волоколамского у.

72 Афанасий Алексеев, приказчик села Ильицына, 1573—1574 гг.

73 Кобылья Лужа, дер. села Ильицына.

74 Старым жильцам, выходцам за монастырь, давались деньги „впрок", повидимому безвозвратно.

75 Васьян Клушин, старец Иосифова м-ря, 1573—1580 гг.

76 Бужарово, село Дмитровского у.

77 Геронтий, старец мельничный, 1573—1574 гг.

78 Василий Болотов, приказчик села Кондратова, 1573—1586 гг.

79 Ширяй Пробоевской, приказчик села Раменского, 1573—1574 гг.; села Зубова 1575—1576 гг.; села Курьянова, 1579 г. декабря.

80 Раменка, Раменское, село Волоколамского у.

81 Тонкой Гаврилов, приказчик села Турова, 1575—1576 гг.; села Буйгорода, 1579 г. декабря.

82 Савельевское, село Дмитровского у.

83 Григорий Новоторжец, приказчик села Савельевского, 1573 г.

84 Борис Сукин, помещик, 1573 г.

85 Яков Панов, тиун, 1573—1581 гг.; приказчик села Турова, 1580 г.

86 Буйгород, село Волоколамского у.

87 Лопата Юрьев, „слуга", 1575—1576 гг., приказчик села Мамошина, 1581 г.

88 Кондратово, село Рузского у.

89 Старица, гор. Тверской губ.

90 Зубцов; не село ли Зубово? См. примеч. 45.

91 Кузьмодемьянское, село Старицкого у.

92 Микула Яковлев, с ним посылаются деньги в село Кузьмодемьянское крестьянам на выходы, 1573 г.

93 Никифор Тырков, „слуга", 1574 г.; приказчик села Лествицына, 1575 г.

94 Кирик, старец Иосифова м-ря, 1574 г.

95 Росольниково, дер. Старицкого у., (?).

96 Успенское, село и волость Рузского у., Локнышского стана.

97 Макарий Зайцев, старец Иосифова м-ря, 1574—1580 гг.

98 Авраамий, игумен Богоявленский „из за торжку", 1574 г.; участник собора 15 января 1581 г. (Акты Археогр. Экспед., т. I, № 308).

99 Лукино
100 Деденева
101 Никитина
102 Благинина
} деревни села Балашкова, Тверского у.

103 Герман Чоглоков, старец, 1573—1574 гг.; казначей, 1575—1576 гг.; ведал приказом, 1579—1580 гг.

104 Евфимий (Еуфимий) Турков, игумен Иосифова м-ря, из казначеев с 26 июля 1575 г. до 1587 г.

105 Гурий Усов, соборный старец, 1575 г.; келарь, 1579—1580 гг.

106 Федор Тархов, помещик, один из первых родоначальников этой фамилии, пожалованный поместьями (Бобринский, Дворянские роды, т. I, 712); за него вышел крестьянин Иосифова м-ря, 1575 г.

107 Ларион Гаврилов, приказчик села Буйгорода, 1575—1576 гг.

108 Быково, сельцо Волоколамского у.

109 Новлянское, село Рузского у.

110 Нелюб Рядовой, приказчик села Новлянского, 1575—1576 гг.

111 Темниково, дер. села Никольского на р. Сестре.

112 Лучниково, дер. села Никольского на р. Сестре.

113 Иван Лапшин, тиун (управитель) в селе Осташкове, где ведет расходы на дворовые поделки, 1573—1574 гг.; приказчик села Луковникова 1581 г.

114 Шабаново, дер. села Буйгорода, Волоколамского у.

115 Данило Карлов, приказчик села Кузьмодемьянского 1576 г.; села Белкова 1579 г.

116 Иона Осорьин, соборный старец 1575 г., заведывал одним из „приказов" по управлению монастырскими вотчинами.

117 Осинки, дер. села Лествицына.

118 Окулово, дер. села Успенского, Локнышского стана, Рузского у.

119 Боровицына, дер. села Лествицына.

120 Ракитино, сельцо, по книге № 4, 1581 г., Московского у.; по „приговору игумена и соборных старцев Иосифова м-ря 1586 г." — Рузского у.

121 Семеновская, дер. на р. Озерне Рузского у.

122 Богдан Иванов, слуга, 1575—1579 гг.

123 Шеврига Васильев, приказчик села Зубова (Зубцова), 1573—1574 гг.; села Успенского, 1575 г. ноября; Осташковский тиун, июля 1575 г.

124 Шестаково, село Рузского у. на р. Локнаше, „что была вотчина кн. Дм. Ив. Немова".

125 Мамаево
126 Коверино } деревни села Шестакова на р. Локнаше.

127 Григорий Негодяев, ключник села Раменского, 1575 г.; села Отчищева, 1580 г. февраля.

128 Василий Яковлев, приказчик села Раменского, 1575 г.

129 Ефимьево, дер. Волоколамского у.

130 Смольниково, дер. села Покровского, Рузского у. на р. Локнаше.

131 Ядреево, дер. села Кондратовского, Рузского у.

132 Дмитрий (Митя) Бушмин, получал „пожиль" в селе Веньяминове Московского у., 1579 г.

133 Гаврил, помещик, из-за которого вышел крестьянин в село Литвиново, Волоколамского у., 1579 г.

134 Дементий Сеславин, ключник села Луковникова, 1573—1574 гг.

135 Гурий Ступишин, соборный старец, келарь, 1573—1576 гг.; казначей с апреля 1580 г. до 1 мая 1581 г.; участник собора, 15 января 1581 г.

136 Меркур Гаврилов Окоемов, приказчик села Ивановского, Рузского у., 1579—1580 гг.

137 Митрофанова
138 Присеткино, Приселкино } деревни села Ивановского, Рузского у. Льняниковского стана.

139 Гавриловская, дер. села Бужарова, Дмитровского у.

140 Иов Болотов, старец, ведавший одним из приказов по управлению монастырскими селами; „меньшей" казначей, 1576 г.

141 Приказ. В хозяйственном отношении управление всеми селами Иосифова монастыря (33 села, 5 селец и 3 приселка) делилось на 6 приказов, причем во главе каждого приказа стоял старец. (См. книги приходо-расходные Волоколамского м-ря, 1579—1580, 1587—1588 гг. и книга ужинная и умолотная, № 9, 1599—1600 гг., копия принадл. акад. Б. Д. Грекову.)

142 Родивоново, дер. Рузского у. Сестринского стана на р. Локнаше.

143 Дмигрий (Митя) Угримов, собирал оброк в Бельской вол., декабрь 1579 г.

144 Бельская, Белковская волость и село Рузского у.

145 Кокорево, Кокирево, Косирево, дер. Рузского у. Скирманского стана на р. Розсохе.

146 Перебылое, то же что и пожилое, но за кратковременное проживание крестьянина на земле помещика. Перебылым росходная книга называет только мелкие суммы от 4 алт. до 11 алт. 2 д., берущиеся с крестьян, проживших на земле помещика не более 1 года или 2 лет „за полувороты", или „переживших за сроком".

147 Крюково, дер. села Мамошина.

148 Кирманово (Скирманово?), село, стан, Рузского у.

149 Поповкино, дер. Волоколамского у.

150 Чухово (Чухолово), дер. Волоколамского у.

151 Шестак Трубников, приказчик села Успенского, 1579 г.

152 Еремеевское, Еремеево, дер. села Успенского Рузского у.

153 Леонтий Пашков, приказчик села Спасского, 1579—1580 гг.

154 Коняшино
155 Миняково (Мяняково, Маняково) } деревни села Спасского Рузского у.

156 Чертово
157 Сотниково
158 Синцово
159 Кулигино
160 Коптягино
161 Сазоново
} деревни приказа Бужаровского приказчика Семена Гаврилова.

162 Болобаново (Лобаново), село Рузского у. Сестринского стана.

163 Веньяминово, дер. села Болобанова.

164 Сырово, дер. приказа Буйгородского приказчика Тонкого Гаврилова (1579 г.).

165 Шарап Пробоевской, Луковниковский ключник; ср. прим. 79.

166 Дмитрий Лекарев, приказчик села Белкова Рузского у., 1579 г.

167 Воротова, дер. села Белкова Рузского у.

168 Первой Наумов, приказчик села Зубова Волоколамского у., 1579 г.

169 Занина, дер. села Кондратова Рузского у.

170 Иван Софонов, приказчик села Балашкова, Тверского у., 1580 г.

171 Новошино, село Волоколамского у.

172 Мисюрь Трофимов,приказчик села Лествицына, Волоколамского у., 1580 г.

173 Меньшик Артемьев (Ортемьев), приказчик села Литвинова, 1580 г.

174 Остахино, дер. села Литвинова Рузского у.

175 Михайло Вышегородов, приказчик.

176 Евстафий (Остафий) Михайлович Пушкин, помещик, думный дворянин 12 февраля 1580 г.; ездил послом к польскому королю Стефану Баторию в 1581 г.; вел переговоры с папским послом иезуитом Поссевином; в 1592 г. с шведскими послами на р. Нарве (Бобринский. Дворянские роды, т. 1, 228).

177 Петр Мижуев, помещик, 1579 г.

178 Суханя Дементьев, приказчик, 1579 г.

179 Ангелово, сельцо Московского у.

180 Чудов монастырь в Москве.

181 Андрей Нагой, помещик, 1579 г.

182 Иван Абалдуев, приказчик Андрея Нагова, 1579 г.

183 Степан Катеринин, приказчик села Отчищева, 1579—1580 гг.

184 Обатурова, дер. села Белкова, Рузского у.

185 Терехово, дер. Московского у.

186 Романовская, дер. села Раменского.

187 Иван Головленков, помещик 1580 г. Головленковы, дети боярские Торжковского у., пожалованы поместьями в Московском у. 2 октября 1550 г. (Долгоруков, Рос. Род., кн. 4, стр. 364).

188 Степан Семенов, сборщик данных и полоняничных денег в селе Трызнове, 1588 г.

189 Вертлово, дер.

190 Борис Болотов } сборщики данных и полоняничных денег в селе
191 Кирилл } Трызнове, 1588 г.

192 Оспожин, госпожин день, „Успение“ 15/28 августа.

193 Иван Бекет, сборщик данных и полоняничных денег в селе Ильицыне, 1588 г.

194 Нечай Потапов } сборщики данных и полоняничных денег в селе
195 Михайло Яковлев } Лествицыне, 1588 г.

196 Тимофей Никонов, сборщик данных и полоняничных денег в селе Ивановском, 1588 г.

197 Дубосеково, дер. села Ивановского.

198 Дмитрий Емельянов (Омельянов), сборщик данных и полоняничных денег в селе Ивановском, 1588 г.

199 Митрофаново, дер. села Ивановского.

200 Дементий (Демех) Клементов, сборщик данных и полоняничных денег 1588 г.

201 Михайло Матвеев } сборщики данных и полоняничных
202 Гаврила Емельянов (Омельянов) } денег в селе Литвинове, 1588 г.

203 Козарин Тучин, слуга монастырский, 1576—1581 гг.

М. ТИХОМИРОВ

ЗАМЕТКИ ЗЕМСКОГО ДЬЯЧКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII века

В Гос. Историческом музее в Москве (собрание Барсова, № 2014) хранится небольшая рукопись (в 80°, на 119 листах). Рукопись написана двумя почерками: беглым полууставом конца XVII в. (лл. 1—66) и скорописью второй половины того же века (лл. 67—119). В состав рукописи входят следующие статьи: 1) летописные заметки (лл. 1—21 об.), 2) каноны (лл. 22—66 об.), 3) повесть о знамении иконы в Новгороде во время нападения суздальцев (лл. 67—75 об.), 4) житие Никиты Переяславского (лл. 76—119.). Повидимому, мы имеем две части рукописи: в состав первой (лл. 1—66) входили летописные заметки и каноны, в состав второй — повесть о знамении и житие Никиты (лл. 67—119).

При ближайшем рассмотрении состав летописных заметок также оказывается неоднородным. В то время как на лл. 13—21 об. помещены записи, относящиеся, главным образом, к местным событиям на Ваге во второй половине XVII в., на лл. 1—12 об. находятся несколько летописных статей другого происхождения.

Рукопись начинается отрывком статьи о рождестве христове и заметками о церковных событиях. На том же л. 1 помещен киноварный заголовок: „О начале великого княжения московъскаго“, который открывает ряд летописных статей московского происхождения. Летописные заметки оканчиваются известием о рождении царевича Алексея Михайловича в 1629 г. К известию о воцарении Михаила Федоровича другим почерком приписано: „бысть 33 лета“, т. е. „был 33 лета на царстве“. Это заставляет думать, что в первоначальной редакции летописи о смерти царя Михаила еще не говорилось. Приписка тем же почерком говорит о венчании на царство Алексея Михайло-

вича (на л. 7), после чего следует ряд заметок о некоторых событиях второй половины XVII в. Эти заметки продолжены другим почерком и кончаются на л. 7 об. известием о втором браке Федора Алексеевича 15 февраля 1682 г. Продолжение их находим на лл. 9—10, где они кончаются заметкой об обручении царя Петра с Лопухиной в январе 1689 г. На лл. 11 об., — 12 об. следуют краткие заметки о патриархах, самая поздняя из которых говорит о поставлении Адриана в сентябре 1691 г. Все перечисленные выше летописные заметки за малым исключением не представляют большого исторического интереса,[1] но с л. 13 начинаются уже записи совсем иного характера, сделанные, повидимому, одной рукой. Характер этих записей крайне своеобразен: все они относятся к определенному месту и к определенному времени. Местом их написания является Благовещенский погост на Ваге. Этот погост входил в состав Важского уезда и находился при впадении реки Устьи в Вагу.[2]

Благовещенский погост стоял на большой дороге и имел торговое значение. Автор наших записок говорит о постройке на погосте Гостина двора „для торгу благовещенские ярманки", единственный раз упоминая о себе: „а яз, Аверька, у того строения Гостина двора книги писал... пищего я не взял". Это замечание позволяет думать, что Аверька был земским дьячком Благовещенского погоста, на обязанности которого лежало делопроизводство „мирских людей". На это же указывает и самый характер летописных заметок. Аверька сообщает о приезде воевод, писцов, судеек, пожарах, строении и украшении церквей, литье колоколов. Интересы его вращаются, главным образом, вокруг Благовещенского погоста и его округи. Эта особенность заметок придает им колорит непосредственности и свежести. Перед нами не обычные летописные известия, а памятные записи земского дьячка XVII в. Повидимому, Аверька делал свои заметки постепенно, использовав

---

[1] В летописных записях интересны следующие заметки: „В лето 7022-го году князь Василей взял Псков град и Смоленск, а Казань град отнялся". О царе Федоре Ивановиче сказано: „сей бе благь и препрост и милостив". После слов о смерти Бориса Годунова написано: „конець же царства его начаша быти разделения многа в царьском синклите, и от таковыя вины изыде конец греха, израсти плоды смертоносны человекомь во всеи Русии".

[2] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, Приложения, стр. 62.

в качестве записной книжки канонник. Поэтому и записи, сделанные им, хронологически перепутаны. Каждая из них писалась на отдельном листе, после чего новая заметка появлялась уже на свободном месте, между двумя ранее сделанными записями.

Наиболее раннее известие в этих записях относится к 1661 г., наиболее позднее к 1691 г. Повидимому, перу Аверьки принадлежала и повесть о стрелецком восстании 27 апреля 1682 г. (лл. 18—20 об.) Эта повесть крайне характерна для записок Аверьки. Земский дьячок, повидимому, стоял на стороне восставших стрельцов. Но повесть не была оригинальным произведением, автором которого являлся Аверька. Сравнение с известной стрелецкой челобитной 1682 г. обнаруживает иногда почти дословное сходство между обоими памятниками.[1] Повидимому, Аверька просто списал в свою книжку официальный рассказ о событиях 1682 г., разосланный победившими стрельцами по Московскому государству. Таким образом запись земского дьячка сохранила нам любопытный документ по истории стрелецкого восстания 1682 г. Аверька жил еще в 1691 г., но запись 1693 г. о рождении царевны Анны Ивановны сделана уже другой рукой. Таким образом можно думать, что земский дьячок умер вскоре после 1691 г.

В рукописи публикуемый текст помещен на лл. 13—21 об.

1661—1693 гг. Из памятных записей земского дьячка Благовещенского погоста на Ваге.

169 году[а] апреля в 9 день на Вагу приезжал сыщиком стольник князь Иван Михайлович Кокординов, да с ним дьяк Яким Плохой, да подьячей Ларион Ардабьев. В то время приедучи с Москвы в Шенкурском росписывалися с четвертными судейками. А до них после воеводы Данила Чиковлева 14 леть судили на Ваге четвертные судьи.

173-го году[б] в сентябре на Вагу в Шенкурской приехал сыщиком и писцом Степан Федорович Жданов. Того же году по зимному пути приехал с Москвы на Вагу Богдан Григорьев Возницын в подьячие с приписью.

---

[1] См. А. А. Э., IV, № 255.

[а] *1661 г.*

[б] *1664 г.*

175-го году[в] марта в 11 день на ярманку приехал с Москвы стольник Парфений Павлов Сомов. Того же году в лете приехал с Москвы на Вагу подьячей с приписью Корнило Песков.

Во 177-м году[г] в июне приехал с Москвы на Вагу воеводою князь Савелей Иванович Козловской да подьячей с приписью Савин Денисов Михайлова.

Во 179-м году[д] приехал с Москвы на Вагу подьячей с приписью Алексей Ярофеев.

182-го майя[е] в 8 день приехал с Москвы на Вагу, плыв на плоте из Верховажья, воевода Григорей Филимонов Нарышкин. Того же году приезжал с Москвы подьячей Андрей Пестриков.

Того ж году приезжал писцом Кирило Аристархов Яковлев да с ним подьячей Алексей Бушанов.

183-го году[ж] приезжал на Вагу писцом Роман Федоров Матов.

Во 178-м году[з] колмогорец иконник Семен Спиридонов з братом с Никитой у Благовещенья в церкве 75 икон писали и дверь царскую, да икону Варлаама Хутынского в жытии в том же числе писали, а от мастерства от письма ряжено было и дано 75 руб. да 10 мер ржы.

183-го лета[а] у преподобного Варлаама в пределе 20 икон, да воскресенье в житье со страстьми писали каргопольцы Иван Ермолаев, да дети ево Федор да Сава, а от письма взяли[1] ...

Да они же писали Илию пророка в чюдесех, Алексея человека божия в житии, и страшный суд Христова втораго пришествия.

Лета 7183-го году[а] июля в 6 день во фторник от грому и от молнии в вечернюю годину в Шенкурском остроге загорелась соборная церковь Собора архистратига Михаила, да с лета предел нерукотворенного Спасова образа, от западу предел пречистыя богородицы Казанские, с северную сторону предел зго-

---

[в] *1667 г.*
[г] *1669 г.*
[д] *1671 г.*
[е] *1674 г.*
[ж] *1675 г.*
[з] *1670 г.*
[а] *1675 г.*
[1] *В подлиннике не дописано.*

рел праведного Алексея человека божия, а пределы были все вверху на полатех; и от тое церкви розкат и сьезжая изба и воевоцкий двор, и все дворы у посацких людей згорели, при воеводе при Григорье Филимоновиче Нарыжкине да при писце при Романе Федоровиче Матове, да при подьячем Иванне.

187-го году[б] июля вь 25 день от зарону на Благовещенском погосте, на воевоцком дворе, загорелась воевоцкая баня, и воевоцкой двор весь згорел, и во всеи Верхней улице к мельничной деревне згорело посацких оброчных тридцать четыре двора, да проскурнинской белой двор, да церковь Преображения господня над мощьми святаго Захарии згорела ж. А воевода Богдан Васильевичь Яковлев да подьячей с приписью Авдей Карпов в то время были в Воскресенском приходе на большей пастве у истока, досматривали по Савину челобитью земли, что Сава Белеевской имал в оброк около истока пастьвенную землю.

В то же время и на Емановке речке сенные покосы все описаны, за кем, сколько есть.

174-го году[а] октября в 8 день каргополець, родом костромитин, Иван Анофреев переливал колокол, найму с пуда ряжено по 19 алтын по 2 деньги да 6 мерь ржы.

184-го году[б] из Ростовские митрополии при митрополите Иове Ростовском и Ярославском майя в 21 день приезжал из Новаграда Крестнаго монастыря архимандрит Герасим от Новгородцкого митрополита Корнилия. Велено ему по наказу в Новгороцкой митрополии и у нас в Ростовской епархии описать и обложить и деньги взять по станам и по волостем и по приходцким церквам храмы все церковною данью против церковных прихожан с посацкого человека по 6 денег, с крестьянина по 4 деньги, с бобыли и з захребетника по 3 деньги.

Во 178-м[в] и во 179-м годех[г] по отпискам воеводы князя Савелья Козловского на Благовещенском погосте для торгу благовещенские ярманки Гостин двор построили по государеву указу, подьячий Петр Рожин, да целовальники были с ним, Петром, у дворового строения: Друган Родионов Зуев, Федор

б *1679* г.
а *1665* г.
б *1676* г.
в *1670* г.
г *1671* г.

Козмин Костылев, Афанасей Васильев, а яз, Аверька, у того строения Гостина двора книги писал. Гостин двор стал в девятьсот рублев в сорок рублев, пищего я не взял.

Во 184-м году[а] июня в 21 день в судах приехал с Москвы на Вагу воеводою и писцом Богдан Васильев Яковлев да с ним подьячей Авдей Карпов.

185-го году[е] июня в 15 день воевода и писцы Богдан Яковлев да подьячей Авдей Карпов приехали к нам на Благовещенском писцовых книг писать Благовещенского приходу, миром снесли им с обжы по рублю на все дворы.

Во 186-м году[а] июля в 25 день писец Богдан Васильевичь Яковлев да подьячей Авдей Карпов ехали в Верховажье для писцового дела, к нам на Благовещенской погост з большие дороги заезжали, и в старом боярском дворе стояли на стоянке, тот двор загорелся, и в том пожаре згорело посацких 36 дворов.

199-го году[б] февраля в 28 день с Москвы на Вагу приехал стольник и воевода Петр Иванович Взимков.

Лета 7190-го году[а] апреля в 27 день божиим изволением на Московском государьстве учинилось: преставися великий государь царь и великии князь Федор Алексеевичь всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, а на царьский престол сел брат ево государев великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец. И били челом великому государю служивые люди, стрельцы и салдаты всех приказов на полковников и на полуполковников и подали роспись, сколько за кем государева жалованья, денежныя казны, и просили их полковников у великого государя к себе по слободам в стрелецкия приказы. И патриарх Иоаким за них полковников и за голов у стрельцов умаливал. И стрельцы патриарху отказали, и великии государь по их челобитью указал на них полковниках деньги доправить в ыноземском приказе на голове тысячи по две и по три и по четыре и по пяти и по тринатцати тысячь. А на думном дьяке на Ларионе Иванове сорок тысяч.

а *1676 г.*
е *1677 г.*
а *1678 г.*
б *1691 г.*
а *1682 г.*

И майя в 15 день, умысля царьские изменники и всему Московскому государству разорители, сьехалися они, изменники, в Верх к великому государю, князь Юрье Алексеевичь Долгоруков с сыном Данилом,[1] боярин Артамон Сергеевичь Нарышкин, боярин Иван Максимовичь Языков с сыном с Афонасьем, да князь Григорей Ромодановской, боярин и оружейничей Иван Кириловичь Нарышкин з братом, думной дьякь Ларион Ивановичь с сыном, и государевы лекари, Данило Жидовинов с сыном и с товарищем. И удумали они, изменники, вражыим научением, чтоб царьский род извести, а стрельцов и и солдатов опоить лютым зельем и змеями, а иных было побивать, а им бы царством владеть и всею святоруской землею. И тот вор, изменник, Иван Нарышкин, царьскую перьфиру на себя надевал и царем себя он, изменник Иван, называл и на государьское место садился[2] и всякие неистовственые слова говорил.

И божиею милостию и московских чюдотворцов, не хотя господь бог им изменникам в наругательство отдать Московское государство, того же дни майя в 15-м числе в 9-мь часу дни, видя от них изменников таковое умышление, и в городе в Кремле у Спасскии башни в набатной колокол ударили. И служивые все люди, стрельцы и салдаты, со всяким оружьем и з знамянами и з барабанами в Кремль-город к Красному крыльцу збежалися, а московские люди черных слобод и всяких чинов на Красную площадь сходились с ослопьем и з дрекольем, многое множество. И они, служивые люди у великого государя изменьников с Верху просили, и таких изменников великий государь приказал отдавать. И служивые люди тех изменников с крыльца прямо метали и копьями их приимали и на Красную площадь волочили по три дни, и тут их в народе казнили, и головы их на копья выздымали и всему народу оказывали, а иных пытали. И с пытки они сказали про змеи отравные у думного дьяка у Лариона Иванова, и те змеи шестокрылые у него думного находили и всему народу те змеи оказывали.

И с пытки те ж изменники сказывали, будьто они прежних царей и царевичев таким зелием изводили, и многие пакости чинили. А хто будет в те три дни по дворам, что украдет, и тех

[1] *Приписано другими чернилами:* Данилом, Афонасьем.

[2] *Слова* „и на государьское место садился" *приписаны другими чернилами.*

людеи так же на Красной площади казнили, и всех изменьников и всяких людей в три дни больше сорока человек казнили.

И ныне государи цари в великие князи Иоанн Алексеевичь, Петр Алексеевич, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцы, указали изменьничей род розослати по разным украинным городам в ссылку.

189-го году[а] июля в 10 день крест целовали Благовещеньского приходу крестьяне на Благовещенском погосте у Благовещения в церкве за благоверных царей и великих князей, за Иоанна Алексеевича, за Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцев, а ко кресту приводил сын боярской Глеб Иванович Монастыревь при попе Василье Павлове.

Июля в 16 день мимо Слободцкой стан ехал с Москвы в Шенькурской стольник Петр Григорьевич Водорацкой.

191-го году[б] сентября в 26 день казнили в Воздвиженъском московские бояре большого боярина князя Иоанна Андреевича Хованьскаго с сыном с Офонасьем.

193-го году[в] марта в день родился государь царевич Алексей Петровичь.

201-го году[г] февруарийя в 3 день родися государыня царевна Анна Иоанновна.[1]

[а] *1681 г.*
[б] *1682 г.*
[в] *1685 г.*
[г] *1693 г.*
[1] *Слова* „201-го году... Анна Иоанновна“ *приписаны другим почерком.*

В. ШУНКОВ

ЭПИЗОД ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКИХ КУПЦОВ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII века

В 1649 г. английские купцы в связи с высылкой их с внутренних московских рынков били челом „чтоб им долги свои все выбрать на русских людей и на иноземцев, которые им и хозяевам их должны по всяким крепостям". Среди ряда дел, возникших на основании этих и встречных челобитий, имеется дело, начатое по иску Александра Лесли в Приказе сыскных дел в марте 1650 г.

Полковник и рыцарь, шотландец по рождению и космополит по службе, Александр Лесли, попав в Россию в первый раз в 1618 г. в качестве военнопленного, снова возвращается в 1630 г. уже по собственному желанию, прослужив перед этим некоторое время у шведского короля. В 1631 г. он был отправлен московским правительством в Европу для найма офицеров и ратных людей. В связь с этой деятельностью нужно поставить и упоминаемые в деле закупки солдатского обмундирования.

Активный участник смоленской войны, крепко осевший на выгодной службе, он по своим служебным отношениям был ближе к русским, чем к иностранцам, в частности к англичанам — членам английской компании. С последними он находился в явно враждебных отношениях. Убийство состоявшего на русской службе английского полковника Фомы Сандерсона, которого А. Лесли застрелил под Смоленском при ряде свидетелей, нашумевший ввод А. Лесли в 1634 г. в члены Английской компании, вызвавший протест большинства английских купцов, поддержанный английским правительством, — вот известные нам факты из жизни Лесли. С представителем этих англичан, английским приказчиком Иваном Азборном, и повел указанное дело Лесли. Взаимная отчужденность шотландца и англичанина ясно выразилась в челобитных и расспросных речах.

Используя свое положение и знание политической обстановки, Александр Лесли выбрал острый для англичан момент, чтобы попробовать получить от своих противников свои изрядно-таки устаревшие долги. 1 июня 1649 г. московский двор лишил англичан торговых привилегий и выслал их из внутренних городов Московского государства. Решение это аргументировалось среди прочих соображений также и тем, что „царскому величеству ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти". Убитого короля московское правительство объявило „glorieux martyr". Эти факты, так же как и сношения московского двора с Карлом I в период острой борьбы в Англии, а позже с его сыном, будущим королем Карлом II, снабжение первого хлебными запасами (миссия Луки Нейтингаля и Бонде), предоставление второму в 1650 г. займа в 20 000 рублей (миссия Кулпепера), — все это и не для такого человека как Александр Лесли делало ясной позицию Москвы по отношению к республиканской Англии, позицию, по другому случаю ясно сформулированную московским дипломатом: „республики суть не что иное, как матери заблуждений и возмущений".

Это настроение московского правительства А. Лесли усиленно использует в своих челобитных, в которых он делает намеки на связь английской колонии в Москве с республиканцами-англичанами. Авторы встречной челобитной Иван Азборн с товарищами, с одной стороны, пытаются парировать обвинение Лесли отрицанием своей связи с республиканцами и отрицанием виновности в убийстве короля лиц, перечисленных в челобитной Лесли, а с другой стороны, дискредитируют самого Лесли, указывая, что в королевском бунтовстве „не токмо что аглинские земли винны и ево Александровы Шкотцкие земли тому винны ж". Так, та и другая стороны вовлекают московский Приказ сыскных дел в лице Ю. А. Долгорукого и дьяков Глеба и Ивана Патрикеевых и Богдана Обобурова в вопросы, лежащие далеко за пределами обычных приказных дел.

Дело состоит из двух частей: а) первого разбирательства по челобитной Лесли от 1650 г. марта 5, и б) второй челобитной Лесли с приложением письма Гаверса. Подлинник хранится в ГАФКЭ в фонде приказных дел старых лет за 1650 г., № 51, лл. 41—80.

1650 г. марта 5 — 1653 г. марта 16. — Дело в приказе Сыскных дел по челобитью полковника Александра Лесли об удержании с английских гостинных приказчиков сумм, должных ему англичанами.

I. 158-го[а] марта в 5 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии полковник Александр Леслий, а в Приказе сыскных дел боярину князю Юрью Алексеевичю Долгоруково, да дьяком Глебу, да Ивану Патрекеевым, да Богдану Обобурову подал он, Александр, челобитную, а в челобитной пишет:

|| Царю [т.] бьет челом холоп твой, старшей полковник л. 42
Александрько Леслий. Взяти, государь, мне Аглинские земли на Джоне Бентоле и на Гильберте Гаверсе с товарищи по крепости за 195 солдатских полных платен 1327 рублев с полтиною, окроме свершков. И те, государь, аглечаня взбунтовали против короля и королю голову отсекли. И, видя, государь, оне, что я, холоп твой, в том бунтовстве им не потокал и служил королю против их бунтовщиков, и оне мне денег моих по крепости не платили, и которое было иное именьишко мое, и то все розорили без остатку, и головы моей искали многое время. А которые со мною же королю противу тех бунтовщиков служили, и оне их переимав головы отсекли, рияса, что оне со мною вместе королю служили. И я, холоп твой, видя, что с ними управитца было нельзя, как оне короля изменою в поиманья взяли, и я отъехал и приехал служить тебе государю на вечную службу, помятуючи отца твоево государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии к себе неизреченную милость и жалованья, и надеяся на твою царскую милость и застоятельство от тех бунтовщиков и воров, которые короля убили, что ты, государь, пожалуешь меня, холопа своево, не велишь им напрасно деньгами моими завладеть. А есть, государь, здесь на Москве тех королевых бунтовщиков и убийцов прикащики, которые хозяева их теми моими деньгами завладели. А тот Джон Бентол у всех у них, которые аглинские компанеи здесь на Москве торгуют, казначей, а за те солдатцкие платья он, Джон Бентол, здесь на Москве и деньги взял, а платье солдатцкое за те деньги мне

[а] *1650* г.

не отдал. А я, холоп твой, в то число, что он платья мне не отдал, покупал салдатцкое платье своими деньгами у Петрова отца Марселесена у Гаврила Марселеса. И ныне по твоему государеву указу здесь тем аглинским прикащиком жить не велено, и посылают в свою землю. И ныне оне бъют челом тебе государю, чтоб им долги свои все выбрать на руских людей и на иноземцов, которые им и хозяевам их здесь должны по всяким крепостям. Милосердый государь[т], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, по моей крепости у тех королевых бунтовщиковых прикащиков деньги мои, чем оне завладели, и на те деньги свершки против тово, как доведется у них
л. 43 в аглинской || земле, заворатить и отдать мне, холопу твоему, чтоб оне теми моими деньгами напрасно не завладели, а мне бы, холопу твоему, от них в конец не погинуть. Царь государь, смилуйся пожалуй.

На л. 42 об. помета: 158-го марта в 5 день. Дать очная ставка с аглинскими немцы и велеть положить крепости. Марта в 7 день быти очная ставка.

л. 44 || И боярин князь Юрья Алексеевич Долгоруково, да дьяки Глеб Иван Петрекеевы, да Богдан Обобуров, выслушав Александрову челобитную Лесли, велели с аглинскими немцы дать очную ставку и велели положить крепости.

И марта в 7 день в Приказе сыскных дал перед боярином перед князем Юрьем Алексеевичем Долгоруково, да перед дьяки перед Глебом, да перед Иваном Патрекеевыми, да перед Богданом Обобуровым Аглинские земли торговые немцы гостинные приказщики Иван Азбарн с товарищи с полковником с Олександром Леслем на очной ставке против ево Александровой челобитной сказали: Джана де Бентола они знают, а торгов де у них и промыслов с тем Джаном никаких нет. А Гильберт с тем Александром платьем торговал в немцах, сидел в лавке в Аглинской земле в городе в Лундоне. А как де сидел в лавке и в те де поры с ними не торговал. А казначей де у них на на Москве был свой рыцарь Фойл. А в Лундоне оне торгуют всяк по себе, а на Москве де они торгуют иные своими торги, а иные от хозяев. А Джан де у него, Александра, деньги имал ли
45 л. и платье || взял ли и про крепости промеж их ни про какие не ведают. А бунтовщиками де их Александр называет и в челобитной пишет напрасно — про королевское де убойство они не ведают, были в те поры на Москве. А торгуют они всяк по себе

а не конпанеею. И государъ бы их, аглинских немец, пожаловал, велел Александру Лесли, по чему он о деньгах государю бьет челом, положить крепости.

И полковник Александр Лесли на очной ставке подал крепость немецкого письма и с той крепости перевод русково письма список, и тот список с подлинною крепостью немецкого письма на очной ставке чтен, смотрел в подлинную крепость аглинских немец стряпчей Иван Иванов Гебдон. А в списке пишет:

|| Ведомо буди всем людем сиим письмом, что господин л. 46
Александр Леслий рицарь Фан Ахентол своим полномочным письмом приказал мне, Якову Чалмерсу, королевского величества лечебному дохтуру, судом искать и доискатца на Гильберте Гаверсте, да на полковнике Гармане Бекмане, да на Юдите Сандерсоновой, да на Рейле Сандерсоне и на иных, которые тому ево иску винны, числом 663 фунта 15 шелинков аглинских прямых ходячих денег, а по руски 1327 рублев с полтиною, которые деньги у них остались, что было им за те деньги преж именованному господину Александру Леслий рицарю отдать 295 полных солдатцких платей. А отдать было ему те солдатцкие платье за давное время. И я, выше сего имянованной Яков Чалмерс имаюся и правдаюся, укрепляюся и утверждаюся сам себя и наследников своих и прикащиков правдою и верною достойностию честно заплатить выше сего объявленному || господину Александру Леслий рицарю или ево наслед- л. 47
ником, или кому он прикажет все деньги сполна и что на те деньги швершки будут, что я или хто моим имянем на тех выше сего имянованных должников возьмет, все отдать выше сево имянованному господину Александру Леслий или наследником ево, ил кому он прикажет отдать, и всем тем деньгам прямой и праведной розчет, как он или хто по ево приказу на мне того станет спрашивать. А для подлинные правды я сие писал и подписал своею рукою ноября в 6 день от рожества Христова 1635-го. А под тем написано: Яков Челмерс, послухи — Лодвих Леслий, Аврам Аш.

|| И аглинских немец стряпчей Иван Гебдон, смотря подлин- л. 48
ную крепость и с подлинной крепости список сказал: Яков де Челмерс был королевский дохтур, а был он не агличенин — шкотченин, а Олександр де Лесли шкотченин же, и та де крепость на дохтура Якова, а не на них аглинских немец, и им де до того Якова дела нет.

И полковник Александр Лесли по допросу сказал: на Якова де Челмерса та крепость взята в Аглинской земле, а на Гильберта, какова у него Александра крепость была, и та крепость подана к судному делу в Аглинской земле, а искал по той крепости Яков на том Гильберте тех ево Александровых денег в Аглинской земле. И в то де время учинилось бунтовство и управы ему по тому делу не учинили. А которые де Гильберту товарыщи писаны в Яковлеве крепости, и тех в крепости,
л. 49 которая на Гильберта была, не написано. А у Якова де || суд был со всеми с ними в Аглинской земле, потому что они стояли с ними.

Да истец же полковник Александр Лесль допрашиван: челобитье ево по той крепости на аглинских немецких гостиных приказщиков на Москве государю было ль. И полковник Александр Лесль по допросу сказал: челобитья де ево по той крепости на Москве ни на кого по се время государю не бывало, потому что приехал к Москве тому 3-й год.

Да били челом Аглинские земли гостиные приказщики Иван Азборн с товарыщи, чтоб челобитье их записать: той де крепости лет с 15, а рознь де в Аглинской земле меж короля учинилась тому лет с 8 или з 9. А только б по той крепости Александру было какое дело, и он бы в те годы, как было мирно, бил челом.

И истец полковник Александр Лесль сказал — Яков де Челмерс по той крепости до бунтовства на Гильберта бил челом, а бунтовство де застало, и им указу не учинили.

л. 50 || И ответчики Аглинские земли гостиные приказщики Иван Азбарн с товарыщи бил челом: до Гильберта де им дела нет, и суд у них был, про то они слышали, только им до тово дела нет. Да они же после сказали: почему Александр на том Гильберте искал и тех ли денег или иных, того они не ведают, и за Гильберта они не отвечают, потому что они дела того не ведают.

Да на очной же ставке не сходя полковник Александр Лесль подал другую челобитную. А в челобитной пишет:

л. 51 || Царю[т.] бьет челом холоп твой старшей полковник Александрько Леслий. Положил я холоп твой денег своих Аглинские земли у Аврама Аша на зберженье. И тот, государь, Аврам Аш тех моих денег отдал без моего ведома и веленья аглеченину ж Райли Сандерсену 2222 руб. 8 алт. 2 д. И тот Аврам

Аш умер, а товарищи ево Аглинские земли, которые вместе с ним в одной компанеи в Аглинской земле торговали, Францоз Аш с товарищи взбунтовали против короля и королю голову отсекли. И видя, государь, оне, что я холоп твой в том бунтовстве им не потакал и служил королю против их бунтовщиков, и оне мне денег моих и на деньги свершки не платили. И которое было иное именьишко мое, и то все розорили без остатку и головы моей искали многое время. А которые со мною же вместе королю противу тех бунтовщиков служили, и оне их переимав головы отсекли, рияса, что оне со мною вместе королю служили. И я холоп твой, видя, что с ними мне в те поры управитца было нельзя, как оне короля изменою в поиманье взяли, и я отъехал и приехал служить тебе государю на вечную службу, помятуячи отца твоего государева блаженные памяти великого государя[т] неизреченную милость и жалованье и надеяся на твою царскую милость и застоятельство от тех бунтовщиков и воров, которые короля убили, что ты, государь, пожалуешь меня холопа своево, не велишь им напрасно деньгами моими завладеть. А есть, государь, здесь на Москве тех королевых бунтовщиков и убойцов Францоза Аша с товарищи приказщики, которые хозяева их теми моими деньгами завладели. И ныне по твоему государеву указу здесь тем аглинским приказщиком жить не велено и посылают в свою землю. И ныне оне бьют челом тебе государю, чтоб им долги свои все выбрать на руских людей и на иноземцев, которые им и хозяевам их здесь должны по всяким крепостям. Милосердый государь[т], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, по моей кре || пости у тех королевых бунтовщиковых приказщиков л. 52
деньги мои, чем хозяева их напрасно завладели, и на те деньги свершки против тово, как ведетца у них в Аглинской земле, и у них взять в приказ, где ты, государь, укажешь до своево государева указу, чтоб оне теми моими деньгами напрасно не завладели, а мне бы, холопу твоему, от них в конец не погинуть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 51 об. помета: — 158-го марта в 7 день. Была очная ставка.

|| И Аглинские земли гостиные приказщики Иван Азбарн л. 53
с товарыщи, выслушав челобитную, сказали: Франца де Аж они знают — торговой человек, с ними торги ево у приказщиков ево есть, а до Обрама де, у которого он деньги оставил, им

дела нет. И тот де Обрам тому лет с 15, и деньги какие клали или нет, того они не ведают, и им до тово дела нет. А Райли Сандерсон был служилой человек и с Олександром был вместе под Смоленским. И у Аврама деньги имели или нет, того они не ведают, и в тех деньгах ни за ково они не отвечают.

Да на очной же ставке Францов Аж прикащик Иван Ульянов сказал: как де не стало Аврама Аша, и хозяину ево Францу приказал дочь свою, покаместа взмужает. И как де та Францова дочь взмужала, и Франц выдал ее замуж со всеми Аврамовыми
л. 54 животами. || А как у Оврама Александр деньги оставил, и кому Аврам деньги отдал ли, и он, Иван, того ничево не ведает, и дела де ему до того нет.

И полковник Александр Лесль подал на очной ставке крепость немецким письмом и с крепости перевод руским письмом. И тот перевод чтен с Иваном Гебдоном, а в переводе пишет:
л. 55 Перевод с крепостей аглинского письма, а в них написано: Ведомо чиню всяким людем, что я Райли Сандерсон, царьского величества иноземского войска судья, приказал и велел по приказу господина Александра Леслий и еще приказываю и велю Авраму Ашу заплатить аглинские кампанее торговым людем на Москве на аглинском дворе 2222 руб. 8 алт. 2 д. из ево господина Александра Леслевых денег, которые деньги у нево Аврама Аша на збереженье положены. И имаюся я выше сего имянованной Райли Сандерсон преж имянованному Авраму Ашу от всякого убытка очищать и убытка в том никакова ему не довесть. Только будет он, господин Александр Леслий, того оспорит, и я имаюся те деньги 2222 руб. 8 алт. 2 д. заплатить ему господину Александру Леслий или Авраму Ашу. Для подлинного укрепления я сие письмо своею рукою подписал генваря в 29 день лета от рожества христова 1633-го году по аглинскому щоту. А под тем написано Райли Сандерсон.
л. 56 || И аглинские земли стряпчей Иван Гебдон, смотря в крепость, на очной ставке сказал: та де крепость на Райли Сандесара, а им де до того Райли дела нет, и был де он служилой человек, а крепость де писана на Москве тому лет с 16 или с 17, и мочно де было по се время на того Райли Сандесара бить челом. А что де написано — взять деньги в конпанее, и те деньги даны ли или нет, того они не ведают за давными годы. А он де Иван Азборн в смоленскую службу был на Москве, да и иные немногие из них, и про те деньги они не ведают,

и тех денег в конпанею не имали, и даны ли те деньги, того не ведают. А Олександр де Лесль после смоленские службы в Аглинской земле был многие годы вместе с Оврамом Ашу и с Ралем Сандесарам.

А полковник Александр Лесль на очной ставке сказал, что он после смоленской службы был в Аглинской земле 1 месяц а Аврам в те поры был жив и вместо денег то письмо ему дал. А после того был в Аглинской земле, как учинилось бунтовство.

|| А Иван Ульянов сказал, что на Москве и в Аглинской л. 57
земле с тем Аврамом и с Райлем Сандесором Александр Лесль по многие времена был вместе, и до них ему дела не было. А ныне бьет челом на них государю, замотчав многие годы, напрасно, и им до того Райли, на ково у него крепость, дела нет.

А полковник Александр Лесль сказал: как де был он в Аглинской земле после смоленской службы с месяц, и Аврам был жив, а после того он, Александр, поехал вскоре к Москве, а Аврам умер, и ему, Александру, в те поры бити челом было неколи. А после того, как он был в Аглинской земли в бунтовство, и ему на Раля и на Француза Аша бити челом было не мочно.

А Иван Ульянов сказал: сказывает де на очной ставке Александр Лесль, что после смоленские службы Оврам умер вскоре. А Оврам де после смоленской службы был жив лет с 6. А только 6 де || Александру до того Аврама дела, и он бы л. 58
де приказал на того Оврама бить челом тому же дохтуру Якову Чанбарсу, которой за него Александра искал в Аглинской земле по прежним делам. Только де они про все ничево не ведают.

И Александр Лесль сказал: долго ли и много ли лет после смоленские службы Аврам жив был, того он не ведает, и Якову Чанмерсу он, Александр, тех денег по той крепости на Овраме взять не приказывал, потому что и по прежней крепости Яков ничево не учинил.

И Иван Азборн с товарыщи бил челом, а сказал: сказывает де Александр Лесль, что по прежней крепости Яков ничего не учинил, и та де крепость старее прежней крепости, что Александр приказывал Якову по той крепости, которая была на очной ставке, выше сего.

А Александр Лесль сказал: Якова де было ему заставить на силу по своей крепости бити челом о деньгах не мочно.

л. 59 || И Аглинские земли гостиные приказщики Иван Азборн с товарыщи били челом, чтоб челобитье их записать: шлютца де они на государеву жаловальную грамоту в том, что по государеву жалованью велено им торговать по розным торгам всякому, у ково что есть особ, а не смесным торгом вместе и написано про то в государеве жаловальной грамоте.

А полковник Александр Лесль сказал, что Аглинские земли гостиные приказщики Иван Азборн с товарыщи торгуют вместе.

И Иван Азборн с товарыщи сказали: шлютца де они в том на государевых торговых людей на москвичь и на городовых, что они торгуют порознь, всякой от себя, у ково что есть, а не вместе.

И государю [т.] полковник Александр Лесль бил челом, чтоб ево челобитье записать, только де ему, Александру, на
л. 60 агличен не бити челом государю на Москве о своих деньгах, || и ему де тех денег взять не на ком, потому что в Аглинской земле на аглинских немец бити ему не мочно, отсекут ему, Александру, голову.

И Иван Азборн с товарыщи сказали: не всех де им агличен деньги платить.

И боярин князь Юрья Алексеевич Долгоруково, да дьяки Глеб Иван Патрекеевы, да Богдан Обобуров полковника Александра Лесли и Аглинские земли гостиных приказщиков Иван Азборна с товарыщи речи их велели записать. А на очной ставке за полковника Александра Лесля толмачил Посольского приказу переводчик Яков Ниенборх, а за аглинских гостиных приказщиков за Ивана Азборна с товарыщи толмачил Аглинские земли стряпчей Иван Гебдон.

л. 61 || И марта в 27 день в Приказе сыскных дел боярину князю Юрью Алексеевичю Долгорукого, да дьяком Глебу да Ивану Патрекеевым, да Богдану Обобурову Аглинские земли иноземцы Иван Иванов сын Азборн с товарыщи подал челобитную, а в челобитной пишет:

л. 62 || Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии бьют челом Аглинские земли иноземцы Ивашко Иванов сын Азборн с товарыщи. В нынешнем, государь, во 158-м году бил челом тебе государю старшей полковник Александр Лесли. А в челобитных своих — по первой ищет, будто Аглинские земли иноземцы Джана Бентола и Гильберта Гаверса

с товарыщи по крепостям за 195 салдатцких полных платен 1327 рублев с полтиною окроме свершков ему полковнику должны; да он же в челобитной своей пишет, будто те прежеименованные агличане взбунтовали против короля и королю голову отсекли и будто те агличане, видя, что он, полковник, в том бунтовстве им не потокал и служил королю против тех бунтовщиков, и для тово будто они тех ево денег по крепостям не платили, и будто они именье ево разорили и головы ево искали, и будто есть здесь на Москве тех прежеименованных королевских бунтовщиков и убойцов приказщики; да он же, Александр, в другой своей челобитной пишет, будто агличенин Аврам Аш тому лет 18 Александровы деньги отдал аглинским конпанеем по приказу версково судьи Ралей Сандерсона 2200 рублев без ево веленья; да он же, Александр, в той же своей челобитной пишет и указывает на бунтовщиков и на королевых убойцов. И в том, государь, мы иноземцы надежны на твое государское от бога одаренье великого милосердого и милостивого рассуждения. И тебе, государю, извесно есть, чо ево королевского величества убили ратные воровские люди, а не те прежименованные, которых он Александр в челобитных своих написал, что он сказывает на тех людей крепости в обеих своих искех. И в том он, Александр, бьет челом тебе государю ложно, у распро || сных речей на тех людей их руки и никакие л. 63
крепости не положил. А в том, государь, что он сказывает, будто они именья ево разорили и будто головы его искали, и про то мы иноземцы не ведаем, то делалося у нево Александра в Шкотцкой земле, а не в Аглинской земле. И тем, государь, он, Александр, нас клеплет напрасно. А про королевское, государь, бунтовство не токмо что аглинские земли винны и ево Александровы Шкотцкие земли тому винны ж, и то все тебе, государю, извесно, как те шкотчане, забыв свое крестное целованье королю своему к тем нашим бунтовщиком для корысти в помочь пришли и им помогали.

Милосердый государь [т.], пожалуй нас бедных, разореных иноземцов, не вели, государь ево, Александрову, ложному и поклепному челобитью поверить, и вели, государь, сю нашу челобитную к делу взять и доложить себя государя и по тому делу нам иноземцом свой государев милостивой указ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Помета: 158-го марта в 27 день. Дело положить.

64 || И боярин князь Юрья Алексеевич Долгоруково да дьяки Глеб да Иван Патрекеевы, да Богдань Обобуров, выслушав аглинских иноземцов Ивана Азборна с товарыщи челобитную, велели дело положить.

На л. 41 об. — 64 об. по склейкам: Дьяк Глеб Патрекеев.
На л. 60 об. Справил Ивашко Семенов.

Далее на лл. 65—73 следует запись очной ставки от 7 марта с рукоприкладствами на обороте и повторение челобитной Александра Лесли от 5 марта, воспроизведенные выше.

II. || Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом холоп твой Аврамко Лесли. В прошлом, государь, во 158-м году бил челом тебе, государю, я, холоп твой, на аглинских торговых людей на прикащиков, которые здесь на Москве на Ивана Азборна да на Ивана Гебдена с товарыщи, что взяти мне их аглинские каппанеи на их казначее на Джоне Бентоле, да на Гильберте Гаверсе с товарыщи по крепости за салдатцкое платье 1327 руб. 16 алт. 4 д., окроме свершков. А по твоему государеву указу велено им с Москвы ехать в свою Аглинскую землю. И ты, государь, меня, холопа своево, пожаловал, велел мне перед своим государевым боярином перед князем Юрьем Алексеевичем Долгоруковым в Сыскном приказе с ними дать очную ставку. И очная, государь, ставка у меня с ними была. И на очной, государь, ставке правдались они ложно, сказали, будто они не их прикащики. А после, государь, той очной ставки писал из Аглинские земли к Москве тот Гелберт Гаверс посыльную грамоту своею рукою из Аглинские земли к прикащику и к толмачю к Ивану Гебдену, что за них агличан со мною был на очной ставке. И в том своем письме, он, Гильберт, своею рукою написал и объявил, что сверх уговорные цены 2000 салдатцких платьев, за что всего было по уговору 8000 рублев, взял лишку за всякое платно по полтине, и того 1000 рублев. Да он же в том своем письме написал и объявил, что осталось у него тех же салдатцких 295 платьев ценою по уговору против ево письма 1027 рублев с полтиною. И с той ево Гилбертовы посыльной
л. 77 грамотки тот их прикащик и толмач Иван Гебден || дал мне, холопу твоему, список своею рукою. А только бы он, Иван Гебден, приказщик и толмач был не их каппанеи, и он бы Гиль-

берт к нему, Ивану, для своево лживого оправданья такие грамотки и не писал. Милосердый государь [т], пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, вели с тое Гильбертовы с посыльные грамотки список, что дал мне их аглинской прикащик и толмач Иван Гебден своею рукою, и с той грамотки перевод взять к делу и по тому в тех деньгах по их аглинскому извычаю в свершках и против того, как тот Гильберт на 8000 рублев в малом времени взял свершок большой 1000 рублев, свой царской указ учинить. А в том, государь, письме, что тот Гильберт за платья 1000 рублев взял лишку и салдатцкими платьями на 1327 руб. с полтиною завладел напрасно объявитца и их неправда тем письмом обличена будет. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 76об. помета: „161-го марта в 16 день. Выписать от старова дела, как у них очная ставка была. А будет, что у нево ныне какие на их улики прибыли сверх старой очной ставки, и в том их поставить с очей на очи и распросить и крепость им какова у Александра положить".

|| Перевод з грамотки, что писал из Аглинские земли к Ивану л. 78
Гебдену агличанин Гилберт Гаверс своею рукою.

В прошлом во 140-м году уговорился я с полковником с Томасом Сандерсоном, что поставити мне на 2000 человек салдатов немецкого платья, на всякого человека по курте да по штаном суконных, да по двои ступны, да по 2 рубахи, да по чюлкам, да по шапке. И та одежда вместе поставити по уговорной цене на человека за платно взять по 4 рублев. А деньги мне за то платье взять было тогда, как то платье поставлю. И у того полковника за те платна денег не достало, и он полковник в тех достальных деньгах дал мне переводную память на господина Александра Лесли, ил хто иной будет у Архангельского города государевых людей камисарусов, чтобы, на ту память смотря, платили по той переводной памяти за всякое платно по 4 рубли с полтиною. И того довелось 9000 рублев. А как он, полковник, здеся стольких салдатов учетом сполна не нанял, и он тех платьев оставил у меня 295 платьев, увязаны в кипах. И на то платье дал яз ему, полковнику, память за своею рукою, что мне те платна в будущей год прислать куды он прикажет. Как переводная память о моих деньгах пришла к Архангельскому городу, и тут не объявился ни господин Александр Лесли, ни иной какой государев камисар, кому бы

было та переводная память принять и деньги заплатить. Только по большим учаском полковник Сандерсон к Архангельскому городу приехал, чють поспел и караблей у города застал, и он
л. 79 с великою доступою добился, что тем деньгам только учинилась половина платежу не против || уговорного времени. И в том мне учинилось убытку много. А о другой половине деньгах отсрочено мне было в платеже до Москвы з добрым посулением, что платеж мне будет доброй тем другой половине истинным деньгам и с росты и с убытки. А как яз приехал к Москве, и я ничево не учинил, только с большими проторьми близко 800 рублев, окроме того, что целой год за тем прожил, едва платеж свой воротил только истины свои деньги, а росты мои и простой и убытки и проести остались не взяты. И после того, как я взял свои достальные истинные деньги, и полковник Сандерсон отписал ко мне, чтобы я те достальные салдатцкие 295 платей к нему прислал. И яз так по тому и учинил — отдал те платья Джону Бентолу и дал ему наказ, чтобы он те платья отдал ему полковнику на том, будет он, полковник, заплатит мои росты и убытки. А до привозу тех платен тот полковник был убит от господина Лесли. И он Джон Бентол платье и наказ свой объявил ево полковникове Сандерсонове жене, вдове, что после ево осталась, и ево полковникову брату Рали Сандерсону. И они того платья не приняли и велели держать у себя за достальное мое прошенье — за убытки. И тогда ни государевы начальники, ни иные нихто то платье принять и убытки платить не хотели. И я, на то смотря, на другой год учинил приказ, чтоб те платья изпродать. И в те поры те платья от долгова лежанья поплесневали и згорелись и гораздо попортились, что их по цене продать было нельза и их опять свезли назад в Аглинскую землю. Да в те же поры приехала в Аглинскую землю бывшая полковникова жена, вышед за другова мужа за полковника Бекмана. И к тем учал приставать о своем платежу в тех своих прежеименованных
л. 80 убытках. И они || мне то ж сказали против прежнего, чтоб я за свои убытки и за свой иск владел теми солдацкими платьи. И яз по их веленью те платья укрепил за себя по нашему земскому указу и уставу и велел те платья верным городовым целовальником оценить. И то платье оценено за 181 фунт старлинков. И то все записано в приказе в гильд Галевшриюсове дворце, которая записка тому делу сполна послушествует. А после того

дела 2 годы спустя приехал господин полковник Лесли к нам и учал того платья на мне спрашивать, что своих, ссылаючись на мою память, что яз преж того дал на те платья, в которой памяти я объявил, что у меня есть на руках 295 платен салдатцких, которая платья отдана ему, господину Леслю, от полковниковы Сандерсоновы жены вдовы в те поры, как она с ним в убойстве мужа своево помирилась, а то она, вдова, ведала, что взятку моево за убытки было больши того, что те 295 платен стоят, а тако бы не так, и она бы у меня те платна и сама к себе взяла. Сия есть полная правда сему делу, которое яз могу сполна свидетельствовать и слатца на многую истинну, и что ко всей полности к тому делу надобно, и то я все описал. Пишу сие яз под сем именованный Гильберт Гаверс июля во 2-й день 158-го году.

На лл. 76 об.— 80 об. по склейкам: „Дьяк Григорей Одинцов".

М. ВЯТКИН

ЖУРНАЛ ОРЕНБУРГСКОГО МУФТИЯ

Автор „журнала“ муфтий Мухамметджан Хусаинов происходил из татарской торговой семьи деревни Султанай в Башкирии. Еще в молодости он был послан Коллегией иностранных дел с секретными поручениями в Бухару и Кабул, где выдавал себя за учащегося, приехавшего для получения высшего духовного образования. По возвращении в Оренбург служил офицером.

В 1785 г. он был назначен казахским ахуном при Пограничной экспедиции, в том же году — первым ахуном и в 1789 г. — муфтием. Несколько раз посылался в Орду для агитации среди казахов в пользу царской власти и принятия от них присяги. С казахскими феодалами у него существовали тесные связи (дочь его была замужем за последним ханом Букеевской Орды Джангиром). Хусаинов не раз награждался царским правительством землями и чинами. Умер в 1824 г., оставив своим детям несколько тысяч десятин земли, множество скота и других ценностей.[1]

Поездка муфтия Мухамметджан Хусаинова в Кулагину крепость в 1790 г. совпала по времени со сменой генерал-губернатора уфимского и симбирского наместничества, в ведении которого находились дела по Малой Орде: на место бар. О. А. Игельстрома был назначен А. А. Пеутлинг. Эта смена сопровождалась изменением методов колониальной политики царского правительства в Казахстане. О. А. Игельстром, назначенный ген.-губернатором в 1785 г., по приезде в Уфу сразу столкнулся с процессом обостренной социальной борьбы в Малой Орде. Эта борьба, связанная с именем батыра Срыма из рода Байбакты, являлась проявлением тяжелого политического и хозяйственного кризиса, переживавшегося Малой Ордой в конце

[1] Эти биографические данные заимствую из примечания № 42 к Собранию документов по истории колониальной политики царизма в Казахстане, т. IV, изд. Института истории Акад. Наук СССР. (Печатается).

XVIII—начале XIX в. Кризис возник в результате углубления феодально-колониального гнета, осуществлявшегося царскими колонизаторами и представителями казахской аристократии фамилии Абулхаир хана, ставшими в своей подавляющей массе со времени хана Нур-Али (хан Малой Орды в 1749—1790 гг.) агентами царской администрации в казахской степи.[1]

Руководящую роль в движении Срыма, несомненно, играли феодалы „черной кости", что и ввело в заблуждение царскую администрацию, которая не сразу разглядела народную основу движения. В действительности это движение выходило далеко за рамки обычной феодальной борьбы. Оно представляется широким демократическим движением, базировавшимся на массах трудящихся казахов. Направленное вначале против царской администрации, оно с 1785 г. перерастает в борьбу и против царских колонизаторов и против партии Нур-Али. Игельстром очень скоро понял, что искать в дальнейшем опоры для царского колониального господства в партии хана бесполезно в виду бессилия этой партии перед лицом широкого демократического движения, возглавлявшегося Срымом. С другой стороны, Игельстрому представлялось целесообразным использовать внутреннюю борьбу в Орде для укрепления царского господства путем внедрения царской администрации в управление казахами. В осуществление этих планов в Малой Орде были учреждены так наз. расправы, коллегиальные советы с судебными функциями, подчиненные „Пограничному суду", организованному в Оренбурге. Но осуществить эту „реформу" Игельстром мог лишь путем привлечения на свою сторону руководителей движения, и прежде всего батыра Срыма; его партия была единственной в середине 80-х годов XVIII в. реальной силой в степи, примыкающей к границе. Эту задачу успешно выполнил тот же Мухамметджан Хусаинов. Посланный Игельстромом в степь в 1785 г., ахун сумел склонить к принятию „реформы" руководителей движения, в том числе и самого батыра Срыма. Однако к 1789 г. обнаружился ряд обстоятельств, побудивших царское правительство вернуться к прежним методам колониальной политики и отказаться от „опасных опытов" Игельстрома.

[1] Об условиях и путях развития этого кризиса см. статью М. П. Вяткина „Колониальная политика российского самодержавия в Казахстане конца XVIII—нач. XIX в". Указ. сборник.

Все же было бы ошибкой считать, что „реформа" Игельстрома не имела никаких практических последствий: она сыграла роль крупного фактора в развитии социальной борьбы в Малой Орде, помогла усилиться партии Срыма, т. е. партии феодалов „черной кости" и нанести удар группировке Нур-Али, основной социальной опоре царского владычества в Малой Орде до середины 80-х годов XVIII в. Такое изменение ориентировки представлялось царскому правительству рискованным, но целесообразным, пока существовала уверенность в преданности Срыма. Но к 1788 г. царские власти получили ряд сведений о сношениях Срыма с агентами Турции, которая в связи со второй турецко-русской войной, повидимому, делала попытки использовать для борьбы с Россией среднеазиатские ханства и казахские орды. Такие сведения мы встречаем в письмах полк. Персидского, командира астраханского полка, гр. А. Р. Воронцову,[1] в донесениях муллы Абдулфятиха Абсалямова и др. Кроме того, ряд сведений представителей местных властей, в частности донос Екатерине II полк. Гранкина на Игельстрома, заставили правительство внимательнее присмотреться к социальной базе движения Срыма. Демократическая база движения, поддержка Срыма массой „простого народа", так наз. „шаруа", оказались, конечно, достаточным основанием, чтобы вызвать и укрепить недоверие к самому Срыму. „Почтенный старшина", как назван Срым в одном из указов Екатерины II, начал превращаться в глазах царского правительства в „известного возмутителя". Мы считаем, что в классовой оценке движения как борьбы „простого народа" правительство едва ли ошибалось. Необходимо еще раз подчеркнуть здесь, что руководство движением находилось в руках феодалов, что программа и тактика этого движения отразили феодальное руководство им, что в конечном счете это руководство погубило движение масс, но все это не исключает того, что база движения была демократической.

Изменение взглядов царского правительства на политику „мирного завоевания" степи нашло выражение в возврате к старым методам колониальной политики, в частности в попытках восстановить влияние в Орде партии Нур-Али. Это обстоятельство вызвало немалое беспокойство среди старшин, примыкавших к Срыму, и среди масс „шаруа" и побудило Срыма

[1] ЛОИИ. Собрание гр. Воронцова, д. № 375.

просить царское правительство о присылке в Орду для переговоров муфтия Мухамметджана Хусаинова. Поездка муфтия состоялась в марте—июне 1790 г. Журнал, который мы печатаем, является подробным отчетом об этой поездке.

Насколько можно судить из записи муфтия в конце журнала, он был составлен на татарском языке и переведен на русский по приезде муфтия в Уфу. Судя по характеру текста, дневник представляет собою не просто переведенные, а переработанные записки: изложение писем муфтия оренбургской и уфимской администрации носит характер позднейших вставок в текст записок. При обработке текста вставлялись и переводы писем от казахских старшин, точно так же и переводы писем муфтия. Для более точного определения происхождения текста дневника у нас нет данных: сохранившийся в делах Азиатского Департамента М. И. Д. сокращенный текст „Журнала", так наз. экстракт донесения муфтия, не дает ничего нового в этом отношении. Возможно, что в переводах с татарского принимал участие М. Бекчурин, сопровождавший муфтия в его экспедиции в Кулагину крепость и постоянно выполнявший поручения местной администрации по переводу татарских текстов.

Содержание журнала позволяет по-новому поставить ряд вопросов, связанных с историей колониальной политики царского правительства в Казахстане и историей внутренней социальной борьбы в Малой Орде. Отметим некоторые из этих проблем. Так, документ совершенно недвусмысленно выявляет роль мулл в социальной борьбе в Казахстане. „Идеология" движений в Малой Орде очень слабо отражена в документах, по крайней мере сохранившихся в центральных архивах. Повидимому религиозная форма, в которую облекалась социальная борьба, имела большее значение, чем это принято думать. Муллы, враждебные России и проникавшие в Орду, доставляли немало хлопот царской администрации. В связи с этим политика бар. О. А. Игельстрома по насаждению школ для обучения детей казахских феодалов, подготовка специальных мулл для казахских орд, учреждение должности ахунов и муфтия являлись эффективными методами царской колониальной политики. Если все же царскому правительству не удалось в достаточно широких размерах использовать специально подготовленных мулл для идеологической обработки казахов в колониальных интересах царизма, то в этом меньше всего виноват рели-

гиозный фанатизм мулл. Здесь сыграли роль те реальные условия, в которых развивалась их агитация. Даже тогда, когда высшая местная администрации из соображений „высокой политики" призывала к „мирному завоеванию" казахов, это оставалось больше в области проектов: в действительности представители низшей администрации, коменданты крепостей, командиры отдельных отрядов продолжали прежнюю политику грабежей и захвата людей, несмотря на формальные запрещения так наз. „барамты". Журнал муфтия содержит достаточно богатый материал, подтверждающий это положение.

С приходом на пост ген.-губернатора А. А. Пеутлинга политика колониального грабежа стала проводиться совершенно открыто. Любопытно отметить, что попытка муфтия и старшин помешать произвольным грабежам казахов прилинейным начальством, путем предложения ген.-губернатору задерживать на мене казахов, действительно виновных в набегах на линию, не была одобрена А. А. Пеутлингом, а муфтий за соответствующее представление заслужил выговор в потворстве казахам.

Из других моментов царской колониальной политики, отраженных в журнале, отметим сведения, относящиеся к вопросу о праве перекочевки казахов на „внутреннюю сторону". Проводимая Игельстромом политика „мирного завоевания" должна была закрепить право казахов перекочевывать на зиму за Урал, вырванное ими у царских властей в 1775 г. путем широких перекочевок на внутреннюю сторону во время зимы 1774—1775 г., т. е. в годы движения Пугачева. Игельстром сделал первоначально попытку решить этот вопрос в соответствии с указом 1784 г., разрешавшим казахам кочевать на землях, фактически не занятых, но формально принадлежавших различным владельцам, лишь за плату. Это вызвало решительное возражение старшин; в 1786 г., в своем представлении Игельстрому, они писали: „что же касается до требуемой от нас с перепускаемого на внутреннюю сторону скота за земли плату, то мы о сем теперь договора учинить и обещания дать не можем: ибо мы, видя вашу справедливость и милость, многие дела исправили, а как за земли напредь сего никогда платы от нас требовано не было, то и ныне от того общество наше оскорбляется".[1]

[1] ГАФКЭ. Фонд КИД, дела киргиз-кайсацкие. К.—61, № 2, 1775—1780 гг., л. 230.

Как позволяет судить журнал муфтия, царские власти должны были в этом вопросе уступить старшинской партии и не только фактически, но и формально отказаться от взимания платы. Впрочем, если в 1790 г. местная администрация еще придерживалась в земельном вопросе линии Игельстрома, то в 90-х годах XVIII в. снова начинаются ограничения права перекочевки казахов на внутреннюю сторону.

Любопытны указания журнала на попытки царских властей укрепить свои связи с рядом феодалов „черной кости", напр. Каратау-бием, на меры, которыми правительство стремилось оградить свои торговые интересы как в мене с казахами, так и по охране транзитных путей в среднеазиатские ханства — Хиву и Бухару.

Наряду с материалом, освещающим различные стороны колониальной политики царского правительства в Казахстане, журнал муфтия содержит много данных по вопросу о взаимоотношениях между различными „родами" Малой Орды, т. е. между различными феодальными союзами, о положении руководящих представителей партии хана в период упадка ее влияния в Орде, в частности о главе этой партии внутри Орды, султане Эр-Али (сам Нур-Али был задержан в Уфе). Интересны данные о связях Срыма с Бухарой и др. материалы. Мы остановимся лишь на вопросе взаимоотношений Срыма и царских властей в конце 80-х гг. XVIII в.

Активизация царской колониальной политики подготовляла условия для нового подъема движения Срыма. Причины недовольства казахских старшин с исключительной ясностью изложены в журнале в форме перечисления претензий, которые Срым предъявил муфтию во время свидания с ним при Кулагиной крепости.

Эти претензии дают достаточно ясные указания на то, почему старшины могли в данный исторический момент возглавить движение масс, задавленных феодально-колониальной эксплоатацией.

Вместе с тем, журнал дает достаточно материала, свидетельствующего, что, стремясь сковать массовое движение определенными рамками, феодальное руководство обескровливало и в значительной мере обезвреживало движение масс, делало его менее опасным для царизма. Исключительно показательна в этом отношении и позиция самого Срыма, крупней-

шего и влиятельнейшего представителя феодалов „черной кости".

Срым несомненно стремился предотвратить назревавший конфликт, найти пути примирения с царской администрацией. Он охотно шел на выдачу русских пленных, находившихся в Орде, способствовал возврату скота, захваченного на линии, принял зависящие от него меры для оживления меновой торговли и т. д. Журнал муфтия не указывает ни одного случая, когда Срым занял бы непримиримую позицию по отношению к требованиям муфтия. Трудности переговоров были обусловлены не непримиримостью Срыма, а нежеланием царских властей пойти на очень скромные требования старшин: освободить безвинно захваченных казахов, прекратить произвольные грабежи и пр. Срым в 1790 г. держался тактики соглашения с царскими властями.

Дневник содержит ряд указаний на заинтересованность казахских феодалов „черной кости" в сохранении хороших отношений с царскими властями и вскрывает причины такого стремления: необходимость для казахов пользоваться для кочевья прилинейными землями, а в зимнее время — землями на „внутренней стороне", торговые связи с Россией, необходимость поддержки со стороны царских властей в борьбе с партией Нур-Али — вот главные из этих причин.

Переговоры муфтия со Срымом окончились безрезультатно, несмотря на личное желание муфтия добиться укрепления союза царских властей и партии Срыма.

В 1790 г. за спиной Мухаммеджан Хусаинова стояли другие люди, чем в 1785 г., когда его поездка привела к примирению Срыма с царской администрацией. Новый ген.-губернатор Пеутлинг был последовательным сторонником возврата к прежним методам колониальной политики. Переписка муфтия с Пеутлингом, содержание которой подробно излагает печатаемый журнал, столкновения муфтия с комендантами ряда крепостей достаточно характеризуют отношение к миссии муфтия как высшей, так и низшей местной администрации.

Журнал не оставляет сомнений в том, что если с 1791 г. Срым встал во главе вооруженной борьбы масс против царского правительства, то это объясняется не его личной непримиримостию к царским властям.

Ряд моментов царской колониальной политики, которые отмечает „Журнал" и о которых мы говорили выше, создавал объективные условия, толкавшие феодалов „черной кости" на совместные выступления с хазахскими трудящимися массами, конечно, обеспечивая их руководство этим движением. При этом мы должны помнить, что давление этой феодальной прослойки на массы при сохранении форм родового быта, прикрывавших отношения феодальной эксплоатации, должно было быть особенно сильным. Теперь же, когда совершенно ясно обнаружился разрыв царской администрации со старшинской партией, когда выявилась совершенно реальная опасность для господства этой партии в степи в связи с назначением в 1791 г. ханом султана Эр-Али, Срым и его партия возглавляют вооруженное выступление масс думая этим путем сохранить свое господство.

Журнал муфтия освещает этот переходный этап в движении Срыма от союза с царскими властями в период 1786—1790 гг. к борьбе против них. В этом его основное значение как источника для истории колониальной политики царского правительства в Малой Орде в конце XVIII в., а также и для истории движения Срыма, народного по основе и самого мощного движения казахов в XVIII в.

Журнал хранится в ГАФКЭ, фонд Коллегии иностранных дел, Сношения России с Киргиз-Кайсаками, 2-я присылка, К—64, № 1, 1790 г., лл. 2—89.

л. 2 *Журнал, веденной отправившимися по высочайшему имянному ея императорского величества соизволению на имя господина генерал-маиора правителя Уфинского наместничества и ковалера Александр Александровича Пеутлинга, последовавшему для свидания и переговоров Киргискайсатской Меньшей Орды со старшинами по Нижно-Уральской линии в Уральской городок и далее муфтием со свитою, по встречавшимся по тракту обстоятельствам и о последующих с теми старшинами переговорах.*

Марта 26-го дня получено муфтием от его превосходительства наставление и при оном с высочайшего ея императорского величества соизволения копия.

Вследствие которой отправясь муфтий с приданною свитою из города Уфы в повеленной путь 30-го числа марта по полудни в 3-м часу и продолжая оной по станциям к городу Оренбургу, 2-го апреля прибыли в Сеитовскую слободу, где за опасностию реки по худости льду имели ночлег, а 3-го апреля отправясь и прибыли пополудни в 8 часов в Оренбург. Отколь 4-го числа отправлены к его превосходительству от муфтия донесения:

1., со описанием жалобы, принесенной подпорутчиком Давыдовым на бургомистра Апикова, в разсуждении, что он и по прибытии нашем не зделав собою, как начальник посада, || должного послушания, уехал в Оренбург, с прошением о отвращении онаго Апикова впредь от таковых поступок и за обиду афицера о поступлении по законам; л. 2 об.

2., в разсуждении дошедших известиях о разных киргиских народов обстоятельствах, и что путь наш продолжится в дальные по линии места и поручение должно выполнено быть, во-первых, з доводами довольных увещеваний священнаго по могометанскому закону писания со внушением киргискайсатскому народу высокомонаршей милости; во-вторых, по обычаем того народа, издавна заведенным, следует употребить на искупление заслуживающим награждение приличных подарков сумму; прошено к прежде отпущенным 350-ти об оссигновании и о выдаче чрез Оренбургскую экспедицию пограничных дел еще 1650-ти руб.

Того ж числа отправлены от муфтия по Нижно и Верхне Уральским линиям обитающим киргискайсатским старшинам, биям и батырям увещеваний следующаго содержания:

Киргискайсатской Меньшей Орды почтенным старшинам тарханам, биям, мурзам и батырям:

При помощи всевышняго пекущаяся матерь о благоденствии тишине и спокойствии всех обитающих в Российской || империи л. 3
разных наций народов, равно и о вашем обществе, всемилостивейшая наша государыня премудрая Екатерина II, высочайшим своим повелением указать соизволила чрез меня вам, моим одназаконцам и единоплеменникам, обитающим в степях, объявить и внушить изливаемые на вас ея имераторскаго величества материи щедроты и особенныи благоволении, дабы из вас всякой со всем своим движимым и недвижимым имуществом

имел пребывание в тех местах, кто где способным изберет, не имея ни от кого ни малейших опасностей. Исполняя волю всеавгустейшей нашей монархини и спеша до истощения всех сил моих оказать усердие во учинении вам, моим единозаконникам, так как в священном нашем Алкоране изображено иметь друг о друге попечение справедливаго вспомоществования, дабы вы, пребывая в покое, наслаждались благоденствием, отправясь из города Уфы со свитою моею, прибыл в город Оренбург вчерашняго числа и из онаго предприиму путь в будущий день к вам, почтенным тарханам, биям, мурзам, батырям и ко всем моим единозаконникам, и по свидании объявить имею изустно вышеизъясненное изливаемое на вас матернее ея императорскаго величества благоволение, и уверить вас музульманского нашего закона правилами, дабы вы не имели никаких опасностей и сомнений, и хотя по прежним вашим обыкновениям и наступило уже время от реки Урала откочевать || в степную сторону, но мне весьма желательно, чтоб вы до приезду моего предостались в ныне пребываемых местах без всякой опасности.

л. 3 об.

По прибытии ж моем, с помощию всевышняго, не премину приложить мои старании к разрешению мнимых ваших сомнений, в чем моим муфтиевым словом чрез священный наш Алкоран и уверяю.

И о скорейшем оных доставлений уральскому атаману полковнику Данскому сношение.

В тот же самой день, пришед в квартиру муфтия, бухарец Ниязбай Барны сказывал, якобы бухарской аталык послал нарочных киргискайсатскому народу о приложении всевозможных стараний о захвате и представлении к нему муфтия.

Сверх же сего уведомил муфтия его превосходительство господин генерал маиор Оренбургской обер-комендант и коваллер Яков Михайлович Зинбулатов, что происходят слухи о приходящих уже в сущую колеблемость киргисцах, ис коих некоторые по приближении весны начали совершенством оную умножать и слышно, что увезли из российских несколько людей.

5-го, получа от Пограничной экспедиции ассигнуемую сумму 350 руб. и скупив лекарствы и разные вещи, для киргискайсатских народов принадлежащие, || и исправя повоски, отправились в путь в 7 час. пополудни, продолжая оной чрез крепость

л. 4

Чернореченскую и прибыв в Татищеву 6-го числа поутру, где по препядствию в даче потребного по слунаю распутия подвод комендантом господином маиором Головиным имели немалую остановку. И между протчем приказано было от муфтия подпорутчику Давыдову заложенных в повосках свиты нашей лошадей количество поверив, дать знать, которой исполняя сие и был в обозе, но пришед объявил с жалобою, что господин комендант Головин, вышед своей квартиры на крыльцо в халате и калпаке и за ним обер афицер один и казак, кричавши чрезвычайно, приказывал подать тростей. Как же оные были поданы, то велел сыскав тащить к себе для наказания оными находящагося из нас при муфтии драгуна; но как посланные от него сыскать ево не могли, то, более огорчась, увидел ходящаго в обозе ево, Давыдова, крычал озартно с неподобною бранью и притом обещанием сорвать с него шпагу, которой де, услыша ево призыв, тот же час пошел к нему и как скоро подошед, то он, Головин, кричав на него, за что бьют из свиты нашей подвотчиков, которой ему объяснился что он никогда и никого не бил, а ударил одного казака плетью, раза три драгун и то по приказанию свиты нашей господина надворнаго советника Бекчурина за необуздание лошадей, которые по тракту при спуске пот гору ево повоски едва не убили, о каковом ево господина Головина поступке того ж числа и отнесся || муфтий с жалобою их пре- л. 4 об.
восходительствам Александр Александровичу Пеутлингу и Якову Михайловичу Зинбулатову, а сами со свитою в разсуждении крайнего распутия с великою нуждою принуждены были отправиться в путь свой на 21-й лошади, продолжая оной по худобе тех подвод и по рухлости снегов большую половину пешие, и прибыли в Озерную крепость уже в 10 часов полудни, где за ночною темнотою и опасностию от воды имели ночлег. В следование ж между оными крепостями повстречался отправленной из Уральской войсковой канцелярии в город Уфу з донесениями к его превосходительству Уральского городка мулла Касым Ишмекеев и при нем под стражею в колодке один киргизец, которой во время муфтиева с ним, Касымом, разговора, подошедшему к нему из находившихся в нашей свите мулле Габейдулле Феткуллину сказывал, что он Увакларского роду и не знает почему в крепости Кулагиной атаманом Мизиновым захвачен и везется к генералу для показания на Сырым тархана.

7-го ис крепости Озерной отправлены донесении к их превосходительствам Александр Александровичу, Якову Михайловичу о немедленном ассигновании и доставлении просимой суммы 1650-ти руб., и отправились в 6 часов пополуночи в крепость Разсыпную. По прибытии во оную принеты комендантом
л. 5 господином маиором || Николаем Лицелем с хорошим приведствием, коим и потребное число подвод з достаточным канвоем приуготовлено было заблаговременно нашего приезда, и ни малейшей остановки не было. И не более как в полчаса отправясь в путь, не заезжая в Ылецкой городок по опасности на реке Урале льда, остановились верстах в 5-ти, где на дорогу выслано атаманом Бородиным также достаточное количество подвод и канвойных. И будучи тамо при перепрежении подвод, явясь живущей около Илецкого городка на хуторах торгующей бухарец Назар Худжи при первом с нами свидании открыл свое порадование, что сей наш по линии проезд не для чего иннаго быть может, как только счастливым и полезным единственно угнетенным безвинно клеветанием киргискайсатскому народу. На сие ево, Назар Худжи, объявление, зделан от нас подробнейший вопрос о притчине чувствовавшего киргисцами утеснения, на что он изъяснился, что киргискайсатской народ с самой ныне прошедшей осени скрытными от стороны российской, от соседствующих по линии произносившими молвами устращиваем, якобы их народу уже никакого покровительства и пощады от России быть не может. Поставляя в предмет свой, что оное клонится единственно к нарушению общаго спокойствия и тишины, а посему не имея себе другаго защищения, хотя и кочуют по рекам Уралу и Илеку, но с великим от того страхом и опасностию. А между тем выехавшим из Уральского городка муллою Касымом в верху и в низу по Уралу и Илеку
л. 5 об. рекам || кочующим киргисцам разславлено, якоб он знает секретно, будто Нур-Али хан возвращается по повелению вышнего правительства по прежнему ханом и с войском, и по возврате всем своим соперникам, держащим якобы сторону вора Сырыма, возмездие воздаст отсылкою всех их в острог; внушая им для чего они вообще с ним, Сырымом, утвердили себя присягою, оставя хана, быть в подданстве России. А потому самому Беричевского роду Аманлык батырь с кочующим с ним народом, оставя Урал реку с таковым воображением, что уже от России лишается милости, откочевал на Сыр Дарью. А видя таковыя

разстройки, Сырым тархан для лутчаго о том достоверия, якобы намерялся отправить брата своего в город Уфу из нас к муфтию; он отправил или нет и не повстречался ль он свите нашей, спрашивал. Мы, слыша таковые ево, Назар Худжи, донесении в тот самый час, дабы разрешить в сомнении киргискайсатской народ и уверить их высочайшею ея императорского величества милостию, что мы следуем по имянному ея величества повелению вниз по Уралу реке для объявления оному народу того монаршаго благоволения, из нас муфтий, сочиня, отправил по Илеку реке находящемуся киргискайсатскому народу увещевание следующего содержания:

|| Почтенныи Меньшей Орды находящияся по реке Илеку л. 6
старшины, бии и батыри.

С немалым моим сожалением получаю я сведении, что вы, почтенныи старшины, и народ, под ведением вашим находящей, наполнив сердца свои колеблемостию и предав себя отчаенностию, по вкоренившим в вас от распутных людей и нехотящих быть в спокойствии внушениям, якоб всеавгустейшая монархиня и всемилостивейшая наша государыня отринула от вас свои щедрот благоволении, и не будите получать от России удовольствиев. Сие внушение ни только заслуживающее какого-либо вероятия, но и тот, кто оное произнес в действие, по правилам священного нашего Алкорана и писания, подлежит неизбежному наказанию. Уверяю вас, яко попечитель о благополучии единозаконников моих, словом, свято изображенным в Алкоране, что всемилостивейшая наша государыня, мать отечества, неутомимое свое о вернопотданных имеет попечение и усугубляет наивсегда изливати свои матернии щедроты и старается более о востановлении повсюду тишины и спокойствия, и прекращать правосудием своим ропот угнетенных чрез властей усердно признанным в распоряжениях. Но вы, почтенныи старшины, и народ ваш, из сего вернопотданного народа не исключаетесь, || для чего по прозбе вашей угодно было ея импе- л. 6 об.
раторскому величеству отправить для личнаго переговора меня с вами, куда я уже и следую, а вам, почтенные старшины, надпомня сим и благословляю моим пастырством прекратить все в народе колеблемости и объявить ему, что изливается для всех высокомонаршее благоволение, которое получите в назна-

ченном мною для свидания месте. А вы, почтенныи старшины, спешите отправится вниз по Уралу х кошам, расположенным Сырым тараханом, где можите объяснить мне все свои изнеможении, кои со удовольствием приняты будут и доставлены в вышнее над нами правительство, а потому вы и получите неожидаемого в справедливости награждения. Ныне ж внушите всему подчиненному своему народу, чтоб находился в тишине и спокойствии и ни под каким предлогом не нарушал долг клятвы, учиненной о пребывании в вернопотданическом усердии под скипетром премудрой Екатерины, ведущей вас на путь благополучия, и содержите в ненарушимости закон магометанской, чем наивяще заслужите матерних ея щедрот благоволения и почтиотесь пред богом правядными, о чем долгом моим поставляю ко всевышнему приносить мои молитвы и пребуду к вам наивсегда богомольцом.

л. 7 || Откаль без замедления отправясь в фарпост Кинделю и по ночным временам и опасностию вод имели начлег.

8-го, отправясь в 5 часов пополуночи и прибыли в 12 часов в фарпост Иртек. Из онаго, по смене лошадей отправясь, прибыли в 9 часов в фарпост Генварцов, где имели ночлег и перекладку повозок на ход летней.

9-го, отправясь в 10 часов пополуночи продолжали чрез фарпост Рубежной, проездом же видно было по степи не малое количество уральских старшин и казаков хутор и весьма множество ходившаго по степи их скота, ис чего и заметили, как оной без всякого присмотру, то и уповали, чтоб не могло происходить со стороны киргискайсатских народов каких-либо злодеяниев и обид. Потом прибыли в фарпост Гниловской в 9 часов пополудни и имели начлег.

10-го, отправясь в 8 часов в Уральск, прибыли в 2 часа пополудни, где известясь от живущих в городе Уральске татар: муллы Халиля, Ишмекея, Сюундюка и протчих, всего от 7-ми человек, что киргискайсатской народ был в прошедшее ныне зимнее время в колеблемости, по притчине внушения уральским муллой Касымом Ишмекеевым о прибытии к ним Нур-Али хана в прежнее достоинство, которой якоб намеряется держащим сторону Сырым батыря зделать истязании, и будто из городка
л. 7 об. Уральска || отправлена будет в Киргискайсатскую Орду команда для приведения их в раззорение, почему, отчаясь надеждою от монаршего к ним благоволения, содержа лошадей своих к по-

бегу в готовности на привезях, и не намерены были дать по прежде происходящим обрядам аманатов, а напоследок, известясь чрез муллу, посланного от его превосходительства господина генерал маиора правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Александр Александровича Пеутлинга, Абдулфятиха Абдусалямова о высокомонаршем к ним благоволении и о прибытии муфтия, прекратя свою колеблемость, дав аманатов и радуясь, приготовляются для изъяснения притесняемых их обстоятельств. Разные же де родов старшины Табынскаго Джаныбек батырь, Кердалинского Каржав батырь и протчие дни за 2 до приезду нашего приезжали в Уральск и, услыхав также о скором нашем прибытии, не продолжаясь ни мало, возвратились в свои улусы для извещения о том своему обществу, почему из нас муфтий долгом себе поставил написать открытый с приведствием увещеваний следающего содержания.

Почтенный Меньшей Орды главной старшина и тархан Сырым Датов,

С содроганием моим получил я сведение, что орды вашеи распутные киргисцы, не почитающие правилы священного закона и страхом грозящего Алкорана, могли приступить к богопротивному и весьма предосудительному делу: увлекли з границ российсских едущих из Бухари, так равно и из Оренбурга в Астрахань || из армян купцов Аракиля Давыдова и других л. 8 с караваном и всем их имуществом и тем навлекли на вас, яко правителя народом, неожидаемое поношение, чего крайне жалею и по вернопотданическому моему усердию, яко пастырь магометанскаго закона и попечитель пребывающих во оном народов, долгом моим поставил вас известить об оном чрез посланного от меня нарочно. По получении сего имеете вы о отыскании в Орде вашей пребывающих как выше изъясненных купцов и их имуществ и всех сызтари увлеченных прилагать ваше старание по верноподданическому усердию вашему и обязанности клятвой пред освященным нашим Алкораном в непоколебимом пребывании под скипетром российским, по отыскании коих представьте всех ко мне и окажите себя усердным и верным сыном всеавгустейшей монархине, всемилостивейшей государыни нашей премудрой Екатерине, неусыпно пекущейся о благополучии вернопотданных, чем заслужите неищет-

ных ея матерних щедрот благоволение; и подщитесь внушить киргискайсатскому народу, дабы находился в тишине и спокойствии и не нарушал клятвенное свое обещание. О сыску ж в веренном вам народе российских пленных не отлагайте, что не в ваших находятся они родах, ибо одна Орда, и вы за всех отвечать, яко начальник, должен. В противном же случае по правилам священного Алкорана подвергните себя гневу божию и сочтетеся грешными и не избегните в нынешнем и будущем
л. 8 об. вецех || истезания. О выполнении чего пастырством моим благословляю и о приведении всего предписанного ко окончанию моля всевышняго и пребуду богомольцом.

Киргискайсатской Меньшей Орды почтенному обществу и единозаконникам моим.

С крайним моим сожалением на сих днях получил сведении, что из вас почтенныи старшины Каратау бий вообще с Аманлыком, оставя долг вернопотданического усердия, отдалились в степь от реки Урала с немалым количеством народа. Если сие справедливо, то удивлению достойно. Какая б притчина на то понудить могла, неизвестно, ибо всемилостивейшая наша государыня изливает на всех свои высокоматернее щедрот благоволения и для объявления онаго благоволила высочайше указать отправиться мне к вам и принять от вас изустно обстоятельствы, неудоволствие вам навлекающие, для чего и спешу моим пути продолжением вниз по Уралу, о чем даю вам сим знать и пастырством благословляю. Естли вы и в самом деле отдалились, извольте возвратиться и поспешить приездом под крепость Калмыкову, прежде собрания общества, где получите те щедрот благоволения, каковые всеавгустейшая монархиня изливает на сынов усердных, и объявите обществу, естли будут со внутренней России стороны в степь за реку Урал перегонять свой скот, то б оный перегоняли бес поспешения и не сум-
л. 9 невались, что никакого || похищения и препядствия в перегоне от стороны Российской оному быть не может, ибо я и сам в виде следов ваших путь мой продолжаю и во всех частях справедливости не оставлю учинить вам мое пособие; а вы, почтенныи старшины и единозаконники мои, подщитесь столь изливаемые матернии щедроты всемилостивейшей нашей государыни изъявить в вернопотданничестве усердие и окажите в прямом виде сохранения закона, чрез что получите вы ту благо-

состоятельнейшую жизнь, каковая во всех спокойственных народах обитает. В ненарушении о чем моля всевышняго, пребуду при засвидетельствовании вам моего почтения богомольцем.

Киргискайсацкой Меньшей Орды почтеннейшему старшине и единозаконнику моему Сырым тархану.

По всевысочайшему повелению всеавгустейшей монархини и всемилостивейшей нашей государыни, на сих днях имел честь прибыть с моей свитою в город Уральск и сим вам Меньшей Орды почтенным биям, старшинам, батырям и мурзам знать даю, что всемилостивейшая мать отечества изливает на вас и весь народ киргиской высочайшии щедрот благоволении, кои и получите при самоличном со мной свидании, для чего и должно быть назначено вами, почтенный тархан, место, где вы оное свидание и переговоры со мной учинить разсудите, меня уведомить, а потом по объявлению всемилостивейшаго благоволения можите || получить свое удовольствие, для чего и послал л. 9 об.
к вам испытанного мною муллу Габейдуллу, а вы, почтенный тархан, объявите о сем от меня всем почтенным старшинам и народу с тем, естли они пожелают от реки Волги перегнать свой скот к стороне вашей, то б перегоняли безсумненно в свое время, и уверьте, что во изнурение от стороны российской никаких обид и налог быть не может, для чего и я спешу продолжением пути вниз по реке Уралу, дабы перегон был без всякого вам препядствия.

11-го отправлен с листами во все улусы киргискайсатскому народу разных родов мулла Габейдулла Феткуллин до городка Гурьева, или где старшины и батыри пребывание имеют.

Того ж числа муфтий чрес посланное письмо и неоднократно словесно требовал от господина полковника Данскова сведение сколько по Нижно-Уралской линии находится в задержании захваченных киргисцов, каких оныя родов и по каким преступлениям, которое он по выправке присылкою хотя и обнадежил, однако не доставил, ибо оное нужно было на случай переговоров с киргискайсатскими старшинами, биями и батырями для изыскания справедливости и доказания приступников, нарушающих спокойствие.

|| 12-го объявил муфтию торгующей в городе Уральске л. 10
и по линии казанской татарин Бекмеметь, что он имеет пре-

бывание в торгу уже двенатцать лет и довольно видеть мог уральского войска казаки, как живущие в Уральске, так в крепостях и фарпостах по линии в нынешнем году начели киргисам чинить напрасные приклепы, обнося их якобы воровством лошадей и протчаго скота, таковых, кои у самих их помирают, утопают в воде и продаваемы, и о том по часту рапортуя войсковой канцелярии, по коим киргисцов чинятся не малые взыскании, и тем причиняют угнетении, а потому де и они киргисцы, приходя в разстройство, уже принужденными себя поставляют чинить и россиянам таковые ж возмездии, приполняя при том и сие, что уральскаго войска казаки самой последней имеет у себя ис киргиских лошадей до дватцати или более, о чем подтвердил своим уверением и уральскаго войска господин пример маиор Семен Акутин. Между тем, приходя из уральских жителей многие, подавая записки о захваченных киргисцами у инных детях, женах и родственниках их, просили о возвращении приложить старании, которые принеты и податели оных уверены, что о возвращении пленных непременно употреблены будут всевозможные меры.

13-го, известясь чрез уральскаго атамана господина полковника Данскова, посланной со увещеванием х киркискайсацким старшинам, биям и батырям мулла Абдулкасым Абсалямов
л. 10 об. и с ним канвойной Кажехаровскаго фарпоста казак, || не доезжая Сундаевскаго фарпоста захвачены киргисцами Табынскаго роду, и именно киргисца Иманбая сыном с товарищи в пяти человеках и увезены в их улусы.

Того-ж числа между протчим он-же господин Дансков чрез домоваго его писаря уведомил, что едущей из Бухарии чрез Хиву астраханской армянин с товарами в Киргискайсацкой Орде удержен и с ымевшимися при нем людьми всего шестью человеками, а товар ограблен на 6000 руб. Сыкларского роду старшиной Каратау бием, Бериского Аманлык батырем с товарищи, и, по удержке, чрез несколько ден сам армянин якобы им отпущен, а товарищи предостались. Потом мы того-ж числа из Уральска отправились вниз по Уралу в 5 часов по полудни и прибыли в Чагановской фарпост, где за ночным временем имели начлег.

14-го, отправясь и продолжали путь чрез фарпосты Кошсицкой, Бударин и доехав до Кажехаровского, за ночным временем имели начлег. А в пути видно было довольно расположенных

уральскими жителями хутор и при них ходившаго не малое количество разного рода скота.

15-го Кажехаровскаго фарпоста есаул Иван Купренинов объявил, что захваченные киргисцами мулла Абдулкасым Абдусалямов и казак того фарпоста вывезены в Сундаевской фарпост и мулла отправился по принадлежащему тракту. || Захват же от киргисцов последовал якобы за украденных у него, Иманбая, пять лошадей, ис коих найдены две, вышеписанного фарпоста у казака ж в доме, за коих имевшияся при захватыванном казаке лошади киргисцами за неполучением удовольствия удержаны до приезда нашего. Да во оном же фарпосте у упоминаемого есаула под смотрением находится захваченной киргизец Курман-Таминскаго роду Исенгилда Итбасаров, о котором он показал, что содержится за захваченнаго в прошедшую осень их роду киргисцами уральскаго казака, и сказывают де, что тот казак находится того ж роду у кочующаго з байбактинцами киргисца Зиняка Бухарова, для исходайства коего и отправился в улусы того киргисца Исенгилды родственник. И потом из онаго фарпоста отправясь в 6 часов пополуночи, не доезжая до Сундаевскаго фарпоста, на половине дистанции, встретились с едущим обратно от Сырым тархана с разными известиями муллой, отправленным от г. генерал маиора и ковалера Пеутлинга Абдулфятихом Абсалямовым, которые состоят в нижеследующем: л. 11

1-е. В бытность де ево в киргискайсатской степи известился он чрез Сырым тархана, что в первых числах марта месица, бывши по Уралу реке по некоторым обстоятельствам около крепости Саранчиковы и Баксаевы, господин уральской атаман и полковник Дансков с командою, ис числа киргисцов ими убито 8 чел., да 3 чел. взято с собой и в случае де той экстры растерялось немалое количество скота. Каковое нападение и несносные претеснении видя, они || киргисцы, и вообразя, что л. 11 об. со стороны России открываются воинския действии, известя в соседстве обитающих кочевьем Сыкларского роду Каратау бия, Бирическаго Аманлык батыря и протчих родов старшин, биев и батырей, начели откочевывать оттоль в дальнейшии в степь места и при случае той открывшейся скорой экстренности растеряли малолетных своих детей и лишились не малого количества разного роду скота. Но под самой тот случай приехав он, мулла Абсалямов, к Сырым тархану, уверил ево,

что послан для извещания о приезде нашем и притом вручил посланные с ним как от господина правителя Уфимского наместничества и ковалера Александр Александровича Пеутлинга, равно и от муфтия увещевательные письма, изъявляющие к ним высокомонаршее благоволение, коим бы порадовавшись и по совету ево, Абдулфятиха, отправил ко откочующим в степь старшинам, биям и батырям немедленно с нарочными таковые ж письменные известии, и с таким предписанием, чтоб они откочевкой вдаль остановились до прибытия нашего и явились бы для переговору к нему в улусы, ис коих некоторые уже возвратились, а другие, как то Каратау бий и Аманлык батырь остались во отдаленности, о возвращении коих как и выше значит из Уральска послан нарочной мулла Габейдулла со увещеваниями.

2-е. О захваченном ниже Гурьева городка астраханском армянине Аракиле Давыдове в числе шести человек с караван-
л. 12 ном || Чиклинскаго рода Сигизовым сыном с числом десети или слишком человек, он Абдулфятих объявил, что Алимулинскаго роду расправной началник Сигизбай Имрат бий удерживают их от распродажи армянскаго как товаров, так и людей, а старается все оное по приезде муфтия возвратить, что видя чиклинцы, почитая себя обиженными, продолжают с ними распри. Между протчих же Сырым тархан изъявил Абдулфятиху, что он крайне сожалеет о разстройстве разных родов киргискайсатского народа, каково де не от иннаго чего последовать могло, как только от захвату и содержания российскими и разных родов киргискаго народу, то за удобность сочел отправить ево, Абдулфятиха, к господину правителю Уфимскаго наместничества Пеутлингу с тем, чтоб всех безвинно содержащихся киргисцов приказал, освободя, возвратить в их улусы. Да муфтий бы приездом в их Орду поспешил и о разбирательстве претензей и доставлении удовольствий испросил от господина губернатора повеление, прислал к муфтию писменную прозьбу. А притом ко всем старшинам, биям и батырям отправил и еще от себя нарочных с письменными известиями, чтоб они приехали к нему для совету и изъявления разных их нужд и уверя их, что по прибытии муфтия объявлена будет высокомонаршая милость и без надлежащаго удовольствия не отстанутся. Слышел он от
л. 12 об. Сырым тархана, что бывшаго в Киргискайсацкой Орде || ис кундровских нагайцов ахуна казы Мухамметя брат родной, на-

ходившейся во оной же Орде, отпущен в прошлом году главнокомандующим для свидания с ево родственниками, живущими около Кизляра, которой, быв там, в минувшем марте месице возвратился в тое Орду чрез Гурьев городок, и во время чрез Урал реку проезда сказывал расположившимся на зимовье кочевья киргисцам, что он имеет от Мансур Шиха к Сырыму известие, которой и поныне еще с ним, Сырымом, свидания не имел, и когда с ним увидится и получит уведомление, обнадежил ему, Абдулфятиху, обо всем открыться.

3-е. Между протчим известился он, Абдулфятих, от киргизских старшин о посланном с уральским муллой Касымом киргисце, что он ездил из своих улусов для собственных ево надобностей на Каракуль и при возвращении оттоль держащие ханскую сторону киргисцы Тулубай с товарищи, приехав в Кулагинскую крепость, находящемуся во оной атаману Дмитрию Мизинову дали знать, якобы тот киргизец Сырымов советник и послан от него в их услусы в виде шпиона и пощряя притом ево к поимке, уверя, будто Сырым батырь, собрався с немалым количеством народа, намеряется зделать военною рукою на оную крепость нападение, почему посланными оной киргизец захвачен. А на другой после того день он же, Тулубай, приехав в тое крепость и онаго захваченнаго киргисца устрашивая, || чтоб он непременно и вышеизясненное ложное оклеветание на Сырым тархана в случае спроса атамана Мизинова утвердил, а иноково де ис под стражи освобожденным никогда быть не может. л. 13

Потом, для нужных посылок в Орду оставя ево, Абдулфятиха, при нашей свите, продолжая путь через Сундаевской, прибыли в 6 часов пополудни в Мергеневской фарпост, где и остановились для ожидания Семиродскаго рода тарханов, старшин, биев и батырей.

Отколь в тот же самой день о скорейшем прибытии тех старшин отправили к ним письменный увещеваний следующаго содержания:

Почтенный Сырым тархан,

Дошло ко мне сведение, что вы, почтенныи старшина, получа мои письма, спеша исполнить волю пекущейся о вашем благоденствии всемилостивейшей нашей государыни, разослали ко всем обществам вашего старшинам, биям и батырям нарочных,

дабы они для переговоров со мною съехались в одно место, не оставил в тот же самой час о доказывающих вами добромыслящих успехах отправить к его превосходительству господину губернатору и ковалеру Александр Александровичу Пеутлингу донесение. О себе ж вам даю знать, что ныне остановился в Мергеневском фарпосте для свидания Семиродскаго рода с почтенными старшинами и батырями, в разсуждении близости и способности от онаго их расположении, стараясь, не обременяя их вызовом во отдаленное место, объявить изливаемое ко
л. 13 об. всему обществу || вашему особенное высокомонаршее ея императорскаго величества благоволение, почему для вызову их и отправил явшагося ко мне того ж рода расправнаго председателя Джаныбек батыря, и сам до приезда их остался во ожидании дни на четыре. А как скоро, с ними увидясь, исполню порученное, то немедля предприиму путь и к стороне вашей, то весьма желательно мне, дабы к прибытию моему постарались собрать потчиненных старшин, биев и батырей блись крепости Калмыковой, где так-же б я воспользоваться мог счастием объявить всем вам изображенный выше сего всемилостивейшей нашей государыни благоволении. Ныне известился я, что от Хаджи тархана армянин, именуемой Аркиль, в обратной ево с товаром проезд з бывшими при нем б-ю человеками задержен Чиклинского роду детьми киргисца, называемаго Сигыза, которого вы, почтенный тархан, стараетесь, отобрав от оных Сигизовых, возвратить. Сие ваше благожелательное и полезное усердие относится к точному выполнению вернопотданнической вашей должности. Искренно желаю видеть, когда б вы оное возвращение безвиннаго армянина с товарищами произвели в существе настоящаго вида; а больше б еще доказали вашей справедливости, когда б от нарушающих спокойствие и тишину отобрав, возвратили из захваченных неизвестно в каком году едущих из Бухарии с товарами армян, и тем бы удостоили себя неоцененных ея императорскаго величества щедрот, да и от десницы всевышняго по писанию священного нашего Алкорана сие освобождение страждующих без награждения не
л. 14 останется, что самое и я сочту великим себе даром. || А между тем, явясь Табынского роду киргисцы Аимамбеть Аккулаев и Куича Тлявбердин объявили, во время де кочевья на внутренней стороне находились они в разнообразном сомнении и не давали по требованиям линейных начальников аманатов, а коль

скоро известясь о скором прибытии нашем, то с великим порадованием, отдав аманатов, и разрешили свои сомнении и потом со внутренней на Бухарскую сторону скот свой перегнали благополучно без всякого урону.

16-го, находящейся по линии для торговли двенатцати летнее время, Казанской слободы татарин Аит Бабакиев объявил, что он будучи в улусах киргискайсатских народов во время кочевья их на внутренней стороне, которые, услыхав о путишествии нашем, радуясь внутренно, что всемилостивейшая государыня, снисходя их желаний, высокомонаршим благоволением соизволила указать отправить муфтия со свитой, приносят ко всевышнему свое благодарение, да и с российской стороны слышат, что расположенные по линии казаки, услыхав о нашем приезде, один другаго удерживают от распутств, причинявших пред сим киргисцам несносные обиды, чтоб не могло открыться каких либо нежелаемых обстоятельств и чрез что не подвергнуть бы и себя высокомонаршему гневу, каковые слухи и влияли в них, киргисцов, радостное ошущание, а потом со внутренней на бухарскую сторону и скот свой з дачею аманатов перегнали благополучно с великим восторгом. || Того ж числа, явясь л. 14 об.
Семиродскаго рода, Табынского колена старшина Джаныбек батырь объявил об отправленных от муфтия из Уральска к разным старшинам, биям и батырям открытых письменных увещевательных листах, изъявляющих прибытие наше в Уральск и требующих вызовом старшин, биев и батырей для важнейших переговоров в крепость Калмыкову, с прописанием во оных высокомонаршаго к ним благоволения, что оные им получены, и ис числа их, ему принадлежащей, он при собрании в ведении ево состоящаго народа прочитал, что слыша все и о простирающемся к ним высокомонаршем благоволении порадовались, чрез что и ожидают во всем для них принадлежащем достигнуть законнаго удовольствия. А потом и к другим подобным ему старшинам, биям и батырям с нарочными следующие листы отправил немедленно, которого того ж дня для вызову Семиродского рода Тлянчи бия, то есть главнаго их старшину, и протчих биев, батырей для свидания с нами в Орду чрез Мергеневской фарпост отправили. Поставляя ж он, Джаныбек, свои к России услуги важными, беспрестанно беспокоил о награждении, что слыша мы и видя в сим существе полезные ево услуги, не вытерпя беспокойств, а притом вообразя, чтоб и не огорчить

и тем не отженить ево усердие, принуждены наградить, коей и награжден от нас разными взятыми на кредит вещами, всего
л. 15 на 22 руб. Во время ж бытия ево у нас || уверен, что он, вместо задержаннаго в Кажехаровском фарпосте Таминскаго рода киргисца, увезеннаго того ж рода киргисцами русскаго человека непременно в выручке приложит старание и сюда доставит, за коим уже от него и нарочные отправлены. А дотоле просил он, чтоб тот киргизец непременно находился во оном фарпосте под стражей. Между протчем же изъяснился, что киргискайсатской народ в ныне прошедшей зиме с самой глубокой осени столь был в разстройном состоянии и колеблемости, что он, сколько сил ево доставало, старался как своих подчиненных, а не менее и других родов, в буйстве находящихся, увещевая, склонять к спокойному житью и тишине, и ездил вверх и вниз по Уралу реке на своем коште, а в случае за усталью лошадей брал, представляя тех фарпостов начальникам о выше писанных обстоятельствах, и подводы, но из них некоторые, не уважая все ево предъявляемые обстоятельства, хотя и давали, но только с промедлением, да и таких, которые только с нуждою довозили до половины станции, которых принужден был оставлять на дороге и продолжать путь пешим. И тем старался отвращать зловредников от их намерений. Недача ж подвод последовать могла по повелению и перемене благорасположения полковника Данскова.

17-го зделаны донесении к его превосходительству господину генерал маиору, правителю Уфимскаго наместничества и разных орденов ковалеру Александр Александровичу Пеутлингу:

1-е. О разрешении неудобствах в киргискайсатском народе
л. 15 об. || уральским муллой Касымом и о невероятии представляемым им объяснением о содержании ево до возвращения муфтия под присмотром в Уфе, и об отпуске посланного с ним киргисца в ево улусы.

2-е. О выпуске находящихся в разных крепостях и фарпостах безвинно киргисцов и об отдаче на попечение муфтия, о чем из Уральскаго войска атаману полковнику Данскому с таковым же требованием писано.

18-го ожидали прибытием киргиских старшин, биев и батырей. Между тем, получены от отправленного от нас муллы Габейдуллы да от Сырым батыря письма со уведомлением, что

в силу насланных из нас, от муфтия, ко оному Сырым батырю извещательных о прибытии нашем и о собрании киргискайсацких старшин, биев и батырей предписаней, писем, от него, Сырыма, к находившимся в разных отдаленных местах вторично нарочные разосланы, которые де в назначенное им место для свидания с нами немедленно и явятся. А между протчем мулла Габейдулла пишет, что и захваченные армяна Сырым батырем конечно выручены будут.

19-го ожидаемый нами Семиродскаго рода Тлянчи тархан с лутчими ево биями, батырями и старшинами и протчим народом в числе 70 человек к Мергеневскому фарпосту на песок Урала реки прибыл (для котораго накануне приезда ево, по уведомлению о том бытии Джаныбек батыря и старшин Кучукбая, изготовлена была ставка, составляющая в палатке из нас муфтием привезенной), куда собравшись мы со всею нашей свитою, || взяв для умножения с нашей стороны людства и церемонии из находящихся в том фарпосте лутчих казаков и прибывшаго под тот случей ис Калмыковой крепости отделенного от Оренбурскаго пограничнаго суда присудствия господина майора Спыткова с находившимися при нем двумя киргискими заседателями и войска Уральскаго, в том присудствии бывшаго дипутатом, Акутина, переправились за реку Урал. Видя он, Тленчи тархан, тое нашу переправу, не мог утерпеть, чтоб не зделать нам встречу, пришел к самому почти краю того песка, зделал, во-первых, из нас муфтию по духовенству законное почитание и изустное приведствие, потом, по старшинству оказывая всем откровенные ласковости, вел из нас муфтия до той назначенной ставки под руку, изъявляя благодарность всеавгустейшей нашей монархине об отправлении нас, а особливо муфтия, и вернопотданническое свое повиновение. По прибытии куда, сев по обычаю их каждой и из нас по назначенным местам, прочел муфтий с простертыми дланми о многолетном ея величества и высокой ея фамилии здравии и благополучии вернопотданных российской державе всевышнему молитвоприношение. После чего объявлял председящим всем х киргискайсатскому народу особливое высокомонаршее благоволение, увещевая их, дабы они находились законной || власти в повиновении, представляя на то из священного Алкорана ясные доказательства, что всегдашнее спокойствие и тишина служит каждому вечными блаженством, а разстройство лишает всякаго

л. 16

л. 16 об.

полезнейших выгод и доводит до совершенной гибели в сим и будуших вецех, показывая пример о несогласных единозаконных их в азияцких владений народох, впадших, держась кривотолкующих увещевателей, в поробощении. На что он, Тлянчи тархан, объяснился, что со всем ево народом старается быть всегда по вернопотданической ево должности в повиновении, но только не знает с чего между кочующими ниже ево по Уралу реке Алимулинцами и Байулинцами выходили было, чрез убивство несколько киргисцов уральскими казаками, нежелаемые следствии. Видя ж де таковые обстоятельства, принуждены народа их лутчие люди для учинения о произшедшем разбирательства испросить чрез главное начальство об отправлении из нас муфтия, по разсмотрении коего надеится тот их народ получить справедливейшее удовольствие и тем утвердится обоюдная тишина и спокойствие. О подчиненных же своих объявлял, что они хотя и находятся в повиновении, но некоторые из них содержутся вместо других родов по захвате Уральским войском в линейных крепостях под стражею безвинно; о освобождении коих просил, с наупоминанием прежнего положении, и исходатайствовать повеление. И между протчем
л. 17 || изъяснял, что он имеет вражду с вышедшими из ево послушания и совета Айчувак султана киргисцами Дюсыбаракам, Илекбаем, Бармаком, Бибитом и Джантюрем, что они отвращаются против насланных к нему от вышней команды повеленей и имеет в том совестное мучение, однако надеется, что и они, по приложенному ево старанию, в скором времени приведены обществом их будут в надлежащее повиновение.

Потом, отойдя несколько сажен от той ставки, оной Тлянчи тархан вызвал нас к себе и изъявлял нам, что он со всем своим народом, несмотря на шалость других родов, пребывает и впредь находиться будет в точном вернопотданстве без нарекания, уверяя при том, хотя б весь киргискайсацкой народ, нарушив потданническую российскому скипетру присягу, и отдалился в другия краи, и подчиненныя ево выдут ис послушания, то он и тогда не оставит российской стороне донесть, что удаляется не по случаю причинения им какого-либо вреда, а единственно не хотя быть в разлуке от своих родственников. По возврате отталь к ставке из нас муфтий предлагал по духовенству, внушая ему и председящих страх божий, о возвращении захваченных и безвинно страждующих всех российских людей, о коих,

когда и отколь взяты, дана претседателю во оном роду учрежденной расправы Джаныбеку при нем, Тлянчие, записка, по которой и он приказал помянутому || Джаныбеку, выправясь, л. 17 об.
непременно исполнить. А также и на место умершаго в Оренбурском пограничном суде заседателя на требование отвечал, что уже хорошаго поведения их рода человек выбран, но только за дальностию ево кочевки остается без отправления. О общественных же нуждах со изъяснением обстоятельств и приложением печатей послали муфтию письменную прозьбу.

По переговоре с выше писанным тарханом и протчими и по возврате нашем отталь, трактованы они из нас Бекчуриным изготовленным для них чаем и обеденным столом, перевезенным на ту сторону реки Урала, составляющим покупкою рогатаго скота и протчаго суммою в 15 руб., причем ему, Тлянчию, подарено верверету чернаго 15 арш., да сукна синего тонкого 5 арш. и разнаго лекарства по частице, после того как он Тлянчи, равно и протчия старшины, бии и батыри, принося благодарность богу, просили о многолетном ея величества здравии.

И возвратились в свои улусы.

Хотя тогда все при Тлянчи тархане бывшие старшины и распрощались, но в разсуждении ласковаго муфтием с ними обхождения не утерпели и еще из них Джаныбек батырь, старшины Кучукбай, Туктабай, Таштемир || и протчие, переехав л. 18
Урал реку, зделать их посещение и испросить о имеющихся в некоторых законных пунктах сомнениях, яко то между протчем и о бытии под Российскою державою в потданстве их народа разрешения, представляя при том о кривотолкующих о том в Чиклинском и других родах находящихся муллах, на что муфтий, доказывая им, как и выше значит, из священного Алкорана непреоборимыми ясными доводами, уверял об оном бытии в потданстве, что никакой противности закону их быть не может, для чего учиня разрешающей их сомнении лист за подписанием своим и с приложением печати им вручил, которые, получа оной и по частице разных лекарств, с отменным порадованием возвратились.

По прибытии ж того числа вышеизъясненнаго господина маиора Спыткова со свитою, по открывающимся во исполнении порученной мне коммисии обстоятельствам, оставлен при нас из находившихся при нем киргискайсацких заседателей

один Баисала, о чем и к Оренбургскому обер-коменданту господину генерал маиору и ковалеру Якову Михайловичу Зинбулатову от муфтия донесено, да и оному маиору Спыткову письменно знать дано.

20-го послан рапорт к его превосходительству господину генерал маиору, правителю Уфимскаго наместничества и разных орденов ковалеру Александр Александровичу Пеутлингу и при оном полученное от Сырым тархана письмо, изображающее
л. 18 об. порадованием прибытие наше; копия || со уведомлением, что он от себя послал нарочных для вызову и переговору находящихся кочевьем во отдаленных местах старшин, биев и батырей, а притом просит о возвращении захваченных, по продолжающей у них с прошлаго года Уральского и Гурьева городков с казаками претензиям, киргискайсаков; и о собрании уральских атаманов и протчих начальников в Калмыкову крепость; и уведомляя мулла Габейдулла, что Сырым о выручке и возвращении захваченных киргисцами двух армян, двух руских и одного татарина прилагает свои старании, — коим[1] прошено о освобождении киргисцов Уральской войсковой канцелярии учинить предписание, а о протчем предано в рассмотрение его.

Того ж числа получено и еще от реченнаго Сырыма на имя муфтия письмо, коим уведомляет, что в выручке захваченных ныне прошедшею зимою армян в числе 5-ти человек прилагать старание он не приминет, а едущие из Бухарии армяна вывезены в Сарайчиковской фарпост.

21-го пополуночи в 6 час. отправясь из Мергеневскаго фарпоста и продолжали чрез фарпост Каршевской и крепость Сахарную, прибыли в фарпост Каленой, где за ночным временем расположились иметь начлег. В проезд же по выезде из Сахарной крепости встретился Астраханского казацкого полку
л. 19 прапорщик Свешников, отправленной || от господина подполковника Персицкаго с командою, состоящею в числе 400 человек, для поиску и захвату перешедших из-за реки Уралу на российскую сторону воров киргисцов, и, имея разъезды по степям между рек Волги и Урала, нигде оных не нашел. А притом между разговоров объявил о лжепророке и мятежнике шихе Мансуре, что он от горских народов ныне в великом пренебрежении, и никаким ево предсказаниям не верют, а скрываясь

[1] *Т. е. рапортом.*

находится в тех же пределах без всякаго от них почитания, почему оному прапорщику от нас дано знать о наших с киргискими старшинами, биями и батырями переговорах и уверении их, что киргискайсатской народ по приезде нашем пребывание имеет за рекой Уралом на стороне Бухарской спокойно, а также нами никаких зловредностей, к российской стороне открывающихся, непредвидимо да и слухов таковых не имеем, то во отвращение могущих быть как ему, прапорщику, и при нем находящейся команде затруднений и лошедям не принадлежащего изнурения, предложил возвратиться и с командою обратно и явиться к ево начальству, а о нынешнем пребывании в спокойствии и тишине киргискайсаков дано ему от муфтия письменное сведение.

22-го пополунощи в 5 часов отправились в путь, а в 12 прибыли в фарпост Антонов, где представлены начальником того фарпоста к нам киргисцы два человека || и о себе показали, л. 19 об.
что они Алачинскаго роду, один — Бузан Карабаев, а последней Артыкман Арабашев, одержены того фарпоста начальником назать тому слишком 3 месяца и остановлены, во время приезду их для мены, за ушедшаго из Оренбурга одного ссыльнаго и перенятаго кочующим по Илеку реке, которой находится у двоюродного брата Суфрыбиева Тукрыя. Откаль отправясь, продолжали путь чрез фарпост Котельной и в 6 часов пополудни прибыли в крепость Калмыкову, где, остановясь, расположились дожидаться киргиских тарханов, старшин, биев и батырей.

23-го находились во ожидании киргискайсатских старшин, биев и батырей, а в 1-м часу пополудни прибыл от Сырым тархана отправленной нами из Уральского городка мулла Габейдулла Феткуллин и объявил, что Сырым батырь и собравшияся других родов подчиненные ему старшины, бии и батыри до четырех сот человек ожидают нашего прибытия на изготовленное место, состоящее разстоянием от той крепости в 50-ти верстах, потому естли прибыть им для свидания под крепость, то в разсуждении нынешней весны по неимению пищи могут во оном себя изнурить, и ожидают прибытия нашего с великим удовольствием и порадованием, а впротчем, то свидание где быть должно, оставили на разсмотрение муфтия, и какие на то от него будут предложении исполнить || обезуются. А за захва- л. 20
ченном же в прошедшей зиме едущим из Оренбурга в Астрахань

армянине з будущими при нем от себя Сырым батырь, равно и за взятыми с астраханских народов ворами киргисцами калмык для выручки и привозу к себе, послал нарочных и ожидает их привозу в скорости. Бии, батыри и протчие киргискайсатского рода люди, как то Каратау бий, Аманлык батырь письменно ево Сырыма уведомили, когда де высокостепенный муфтий точно к их пределам прибыл, то они непременно для установления обоюднаго покоя и тишины к нему Сырым тархану приедут, которых в скорости также ожидает. Между протчем же он, Габейдулла, объявил, что нуртаицы, то есть держащие ханскую сторону люди пронесли между народом киргиским от себя ложной слух, якобы муфтий следует к ним со освобожденным Нур Али ханом и при себе имеет воинской команды 500 чел., коими велено захватить Сырыма. Наведавшись о сем, Баибактинского рода той же ханской партии киргизец Абил батырь з 10-ю человеками по приезде ево, Феткуллина, к Сырым тархану в 3-ей день к нему, Габейдулле, приехал и о вышеписанном у него спрашивал. На что и отвечал он, Габейдулла, ему, что муфтий следует по имянному ея императорскаго величества повелению единственно для переговору о претензиях ||
л. 20 об. с Сырым тарханом и другими старшинами, биями и батырями, а не для препровождения хана, которой и поныне остался в Уфе под особым ея императорскаго величества покровительством, на каковое ево ответствие сказал он, Абиль, что, ханскую партию непременно оставя, присовокупитца к обществу Сырым тархана.

На другой день того переговора призвав Сырым тархан часто упоминаемого Абиля увещевал, яко ближнего своего родственника, о присовокуплении к себе, предлагая при том ему, естли он, Абиль, тое партию не оставит, которая обносит ложными оклеветаниями российской стороне, будто он, Сырым, приказывает киргискайсатскому народу делать нападении, то подвергнет ево, Абиля, лишению жизни. Которой на то вторично подтвержал, что из воли ево никогда не отступит и впредь таковым слухам, относящимся только с намерением к безвинному оклеветанию и лишению от начальства Сырым тархана, верить не будет.

Так же он, Сырым тархан, об отправленных от него в Бухарию Адайскаго рода киргисцах Кискилбае батыре с товарищи для разрешения, полученнаго им от меня в прошедшей осени увещевательнаго из священнаго Алкорана о кривотолкующих

магометанской закон доказательствами листа слышал и ему, Габейдулле, сказывал, что они возвратились с таковым от тамошняго духовнаго начальника внушением, дабы киргиской народ держался силы содержания того увещевательнаго листа || и впредь ни под каким видом, когда нет со стороны российской л. 21
для их закону противных претеснений, оной не нарушал, а соблюдал бы учиненную присягу, ибо то увещевание основано согласно с существом правил магометанскаго закона, коих непродолжительно прибытием к себе и ожидает. Да и ездившим же в Бухарию для разрешения кривотолков в законе кривотолкующему мулле Телеке от тамошнего аталыка таковое ж дано разрешение, как и посланным от него, Сырым тархана. А между тем к находящимся в Чиклинском роду киргискайсацкого ж происхождения кривотолкующим вышеписанным муллам послал от себя о разрешении со стороны бухарской подтверждением того увещевательного листа с нарочным письменное сведение с предписанием, дабы они по получении того письма к нему приехали и со мною б в числе протчих виделись и изустное мое наставление на законном положении получили, причем бы и высочайшия ея императорскаго величества монаршия к ним благоволении персонально могли услышать. При отправлении ж ево, Габейдуллы, сказывал, когда будет с нами народное свидание, то он в виде огорченнаго человека для лутчей к себе народа привязанности и послушания будет представлять иногда грубые вопросы, тому б мы никак не досадывали, а притом требовал, чтоб их, безвинно содержащихся по линии в крепостях и фарпостах, кроме явных преступников, киргисцов, освободя, возвратить в их пределы. А он так же о возвращении российских разного рода людей, захваченных ворами киргисцами, прилагать будет всевозможныи старании, да и воров сыскав, отсылать для учинения || за содеенные их преступлении л. 21 об.
законнаго наказания в установленные правительства. О находящемся ж пред сим в Киргискайсацкой Орде Уральского городка мулле Касиме между протчем изъяснил, что он киргисцам партии Нур-Али хана разглашал, якоб о хане учинено к ея императорскому величеству представление, и на оное резолюция последует о освобождении ево с прежним ханским достоинством, а потому де и в пределы их немедленно прибудет и как ему, Сырым тархану, так и держащим ево сторону непременно может отмстить истязаниями, чрез каковые ево вну-

шении партии ханской киргискайсатской народ, ожидая ево прибытия с восторгом, наполняет себя на Сырым тархана злобою.

Того ж числа отправлены от меня с вызывательным листом к Сырым тархану муллы Абдулфятих Абдусалямов и Габейдулла Феткуллин, дабы он, Сырым, в разсуждении вышеописанных резонов и наших выехать за границу невозможностей согласился для переговоров с ево обществом прибыть под крепость Калмыкову. О чем, а равно и о учинении предписания Уральской войсковой канцелярии о освобождении содержащихся безвинно в разных крепостях и фарпостах киргисцов и об отдаче на попечение муфтия, со изъявлением во оном прибытия в крепость Калмыкову и повстречавшихся изъясненных выше в сим журнале обстоятельств, и к его превосходительству господину генерал маиору и ковалеру Пеутлингу 24-го числа рапортовано.

л. 22 || А между тем получен писменной отзыв от Уральского войсковаго атамана господина полковника Данскова на посланное к нему от 17-го числа требование о выпуске содержащихся безвинно в Сахарной крепости 2-х киргисцов Елкичитабынского рода и об отдаче на попечение мое, коим он, Дансков, отзывался, что задержены они по предписанию вышняго правительства и зависимостию в делах значат от Уральской войсковой канцелярии, а потому он освободить тех киргисцов и отдать на попечение мое сам собою власти не имеет.

Того ж 24-го числа, возвратясь от Сырым тархана, посланные от меня муллы Абдулфятих Абсалямов и Габейдулла Феткуллин объявили, что Сырым тархан и находящияся при нем старшины, бии и батыри, расположившись разстоянием от крепости в 25-ти верстах, просят, чтоб я и со свитой для переговору и отобрания от них претензий прибыл к ним, чему б весьма они были порадованы и сочли полным для их удовольствием. Сами ж они приездом хотя и не отрекаются, но воображают обряды прежних посольств, ибо де присылаемые особы приезжали всегда в их расположенные коши. А притом сумневаются, чтоб злобствующие на Сырым тархана, держащие партию Нур-Али хана, старшины и все их общество, узнав о том российскому посольству предпочтении, и не могли сочесть, бутто Сырым тархан от России мало уважаем. И естли я со свитой удовлетворю посещением их желании, то они поставлять будут особенным себе счастием, а сопротивники их, видя к нему Сырыму и ево партии особенное высокомонаршее благоволение, будут

о себе помышлять против ево, Сырым тархана, в почтении || уменшенными. А естли де не буду к ним, Сырыму со обществом, л. 22 об
и не удовлетворю желании их, то они, Сырым с товарищи, не оставят настоять жалобой к ея императорскому величеству, и я могу понесть высокомонаршей гнев. С коими муллами и прислали для прошения меня со свитой нарочных из ближних старшинских родственников киргисцов 5 человек, кои, в разсуждении наступившей ночи, препровождены на отведенные квартиры, и с ними прислано письмо следующаго содержания:

Высокостепенной и высокопочтенной милостивый государь мой муфтий, свидетельствую искреннее и душевное мое почтение.

Лехкомысленныя наши народы прежде были дурных поведений, а ныне еще наипаче стремятся оные умножить, по притчине, как безвинно захваченныя наши киргисцы еще с осени и поныне в домы их не отпущены. Марта ж месяца в последних числах Мизинов, ездивши с командою, повстречавшися ехавшим к скоту своему 5 человек киргисцов, наших почтенных людей, убил. Потом Дансков и сам, выехавши с командою ж, не найдя никаких в собрании ис киргисцов, напав на гнавших скот свой, 3-х киргисцов убил же и 3-х увес с собою. И так общество наше, выходя ис терпеливости, няклонялось к сущей колеблемости. Естли бы вы изволили приехать в Калмыковскую крепость, куда и мы блиско прибудем, то невозможно ль и сюда сколько нибуть по возможности вашей прибыть, испрося от его превосходительства господина генерал маиора и ковалера Александр Александровича || Пеутлинга позволения. И потом л. 23
я, обо всех моих обстоятельствах написав письмом моим его превосходительству, пошлю почтенных наших людей.

И прошу вашего высокостепенства находящагося в Пограничном суде заседателя нашего Байсала взять с собою, ибо я уповаю, что от него здесь хотя несколько способия быть может.

Высокостепенному и высокопочтенному господину муфтию старшины Сырым тархана Датова нижайшее донесение.

Для свидания с вами с некоторым количеством общества нашего, ближними биями и протчими старшинами ехать в будущей день приуготовились, для чего и прошу вашего высокостепенства, как по приезде с сим посланным Темирбяном Жана-

таем и муллою Аблюшем не угодно ль будет приказать, естли есть, поставить кибитку в лугах состоящего озера, куда и самим вам пожаловать, чем бы доставили мне великое удовольствие.

В протчем же приказал я объявить вашему высокостепенству словесно, что ежели оставался без свидания до сего времени, то оное б продолжал во ожидании разосланных от меня для выручки и привоза захваченных русских ко мне людей, ис коих один, возвратясь, одного рускаго человека доставил, так же и последней уповательно оттоль возвратится. Вашего высокостепенства покорно прошу, не отлагая на разрешение ||
л. 23 об. его превосходительству господину генералу, о освобождении захваченных киргисцов и кому следует о учинении наказания бес промедления времени обо всем решить вам самим.

А 25-го, пришед в квартиру муфтия, оные ево, Сырыма, родственники 5 человек, где по благосклонном мною со свитою их принятии объявили, что они присланы как от Сырым тархана и других с ним находящихся старшин, биев и батырей для объяснения, что Сырым тархан с товарищи просят о прибытии к ним меня и со свитою ими в назначенное место, где они во ожидании находятся. И сия их прозба состоит не по предлогом каким-либо, вред наносящим, а единственно для персональнаго со всеми переговору и представления разных их нужд, а к тому-ж в соблюдении прежде чинимаго обряда, что посылаемые особы приезжали в их расположенныи коши. Сами-ж они под крепость приездом удерживаются по притчине, чтоб державшие сторону Нур-Али хана старшины и их подчиненные не могли сочесть ево, Сырыма, и при нем собравшихся от российской стороны пренебреженными и непочтительными и чрез то усугубить свои злобы. А естли муфтий со свитой прибытием к ним удовлетворит их в прозбе желание, то они, как и выше в показаниях муллинских значит, сочтут себя счастливыми и ощущать будут удовольствие.

На что мною ответствовано, что я со свитою в пределы здешни прислан не для чего другаго, как только объявления
л. 24 им || особеннаго высокомонаршаго благоволения, к их собственной пользе относящагося, да и последавало сие посольство по собственной их прозбе, а потому и обязуются они приехать для переговору и представления их нужд сами, которые приниманы от них будут с удовольствием, а по отобрании представятся и к ея императорскому величеству; а потом обнадеживал, что

по тем их прозбам ея величество в законном без удовлетворения не оставит. Касательно-ж до пищи, для них принадлежащей, так же обнадежены, что по приезде довольствованы все будут, я-ж со свитою поездкой к ним удерживаюсь, исполняя премую силу, изображенную в высочайшем ея императорскаго величества имянном повелении, в котором о выезде за границу предписания не учинено, чему и должно всякому повиноваться. Однако-ж, довольно уважая желание их, обнадежил, что, разставя палатки за рекой Уралом на песках, со свитой дожидаться приезда их будем. Естли ж и на то предложения не согласятся приехать и не повидавшись возвратятся, то могут для себя восчувствовать, так как неисполнители монаршего повеления и собственнаго своего желания, императорское неудовольствие, а потом и мы воспринять не проминуем обратной путь. С каковыми предложениями всех тех присланных киргисцов к нему, Сырым тархану, возвратил. И с ними отправил к Сырым тархану и протчим с письмом для окончательного в том разрешения муллу Габейдуллу Феткуллина. И в бытность их довольствованы разной пищей.

|| 26-го, приехав в крепость находившейся в Киргискайсацкой Орде из нагайских народов старшина мулла Зябирь Курбангали для ево собственных надобностей и, явясь к муфтию, между разговоров подтвердил объявленные 23-го числа возвратившимся от Сырым тархана муллою Габейдуллой об отправленном им, Сырымом, для разрешения в Бухарию к духовному начальнику полученном от меня увещевательном листе речи в их справедливости, и что он действительно опробован, и в нем ничего противнаго магометанскому закону не предусмотрено, а издан на сущей справедливости, о том и он, Курбангали, известен. л. 24 об.

Того ж числа посланной к Сырым тархану мулла Габейдулла, возвратясь Маскарскаго роду з братом старшины Дюнянбия батыря Тюлечем объявил, что Сырым и протчие чиновники предложение мое, чрез него Габейдуллу им изъясненное, о прибытии их для переговору на пески той стороны реки Урала принели с великим удовольствием, и по собрании всех ожидающих ими из отдаленности начальствующих старшин, биев и батырей чрез 3 дни приездом слишком в числе 1000 человек обещались; и притом он, Сырым, чрез ево, Габейдуллу, меня письмом уверил, что захваченные из распутных киргискайса-

ками армянин с ево товарищами, так же руские и калмыки к возвращению непременно приуготовлены будут, коим и просил, что не имеет он при себе в чем бы приехать для свидания платья, присылкой оного, а письмо ж содержания следующаго:

л. 25 || Высокостепенному и высокопочтенному господину муфтию Мухамметьджану Гусейнову покорнейшее донесение.

От всевышнего желание наше в том, чтоб вам, высокостепенному муфтию, продолжить жизнь во благости и нерушимо. По всемилостивейшему ея императорскаго величества соизволению за отправление вас, высокостепенного муфтия, для киргискайсацкого народа приносим мы с великим восторгом обрадование, наипаче я, будучи в потданстве ея императорскому величеству, и что был в печальных моих мыслях, но, не свидавшись еще с вами и из уст ваших ничего не слышавши, так обрадован, что остался в мыслях моих совершенно спокойным, и надеемся, что много будет вашего благодеяния для того, как уже вы отправлены по повелению ея императорскаго величества, и во всем надеемся и полагаемся только на вас.

При сем же, ваше высокостепенство, милостивый государь мой, прошу с уничижением моим, естли будет вам угодна сия моя прозба, хотя и совершенной мне стыд навлечиот, мне вам донесть невозможность во время свидания с вами, для одеяния прислать мне какую-либо угодно будет вам одежду.

Какое во оном вашего высокостепенства, милостиваго государя моего, приказание будет, зависит от вас, а впротчем еще словесно доложит вам мулла Габейдулла. Естли во оном ||
л. 25 об. есть мои противности и в чем недостаток, то покорно прошу не лишать меня вашими наставлениями.

А притом полагает надежду, когда прибытие мое последовало по высочайшему ея императорскаго величества соизволению, и он удостоен высокомонаршей доверенности, то и их киргискайсаки, безвинно в крепостях и фарпостах по линии содержащияся, получат в судьбе своей разрешении, да и во всех претензиях общество их без удовлетворения остаться не может. Причем писал о взятых у онаго Тюляча 5-ти лошедях, с прозбою о доставлении ему удовольствия. А оной Тюлячь объявил, что те лошади находятся в Харковском фарпосте. Почему для изыскания оных, по словесному муфтия предложению, послан прибывшим в тот самой день в крепость Калмыкову

и явшимся к нам, следующим в Уральской городок снизу реки Урала, находившийся в Кулагиной крепости над расположенными по линии в крепостях и фарпостах казацкими войсками начальником, Уральским старшиною Дмитрием Мизиновым, есаул Никита Логинов, и для узнания лошедей реченной киргизец.

Помянутой же старшина Мизинов между разговоров объевил, что пред сим вывезен ис Киргискайсацкой Орды захваченной ими едущей из Бухарии астраханской армянин с ево товарищами и со всем товаром в Сарайчиковской фарпост и отправился следующим к Астрахане трактом. || Так же и на вопрос, мною л. 26
учиненной в разсуждении ожидающих прибытием в числе большаго количества киргискайсатского народа о безопастном свите нашей канвое, отозвался, что от Уральской войсковой канцелярии предписано ему собрать для того в крепость Калмыкову из ближних фарпостов только 60 человек, которые им и собраны, а более к збору, по неимению у него предписания, приступить смелости не имеет. Находившейся ж в крепости начальником сотник Андрей Калпаков отзывается, хотя в ведении ево казаков 80 человек имеется, но и они должны навсегда быть для охранения крепости, а в канвой свите нашей отлучить их не можно, да и предписания о сем от начальства он не имеет. В разсуждении чего, а особливо видимых нами содержащихся неизвестно по каким делам в сей крепости под стражею нескольки ж киргисцов, остаемся в немалом сомнении и опасности. А об уменьшении приездом киргискайсацкаго людства предложении чинить им никак не можно.

После того, приехав в крепость и пришед в квартиру мою, партии Нур-Али хана Байбактинского рода посланные от Энали султана Тулубай батырь с товарищи в числе 5-ти человек, объявя от них с приведствием должное ему почтение, просили, позволено ль будет муфтием для поднесения оного персонально прибыть самим в крепость, почему я ответствовал, что сие зависит не от меня, а от собственной их воли, объявя при том, как все почитающии духовное начальство имеют ко мне открытый путь, то и для их оной преградою быть не может.

|| 27-го приехав сын Нур-Али хана Энали султан и Зигилды л. 26 об.
бий с товарищи в числе 5-ти человек принеты в квартиру мою всей свитой нашей со особенным почтением, где сначала по обыкновеню принеся ко всевышнему о здравии ея император-

скаго величества и их императорских высочеств молитвоприношение, потом я зделал им по духовенству з доводами священнаго писания приведствие и объявя простирающееся ко всему их киргиского народу высокомонаршее благоволение, относящееся к собственной их пользе и к обоюдному спокойствию, в разсуждении имевшагося у него, Энали султана, с партиею Сырым тарханом и ево обществом между усобной вражды, при начале переговоров изображал им примеры, что все, обитающие под высоким всеавгустейшей нашей монархини покровительством, имеющие обоюдной союз, народы чрез тишину и спокойствие всегда пользуются неоцененным благоденствием, то и ему, Эналию, с ево партиею, подражая сим видимым примером, к приобретению онаго должно, отстав от заблуждения, соединиться в единодушное согласие под особым высочайшим покровительством находящимся Сырым тарханом и обоюдно выполнять высокомонаршую волю, под началом котораго пребывает большинство их чиновников, старшин, биев и батырей и простаго народу, а не так, как он, Энали, с ево товарищами, отделясь малым числом особо, не оставляют оному Сырыму, яко принетому ея имераторским величеством под особое ея высочайшее благоволение, ни малейшаго первенства, и стараются чинить ||
л. 27 между их народами развраты. Представя при том, что всякая вкоренившееся злоба обращается напоследок к собственной самого гибели, ибо от подобных между ими происходящих раздоров и несогласия, где оные происходят, все те народы подвергаются злощастному жребию, да и самые их начальники лишаются таковых достоинств, следовательно, и они, продолжая уже слишком 3 года с Сырым тарханом и ево обществом вражду без всякой выгоды, тщетно, не обязаны ль приттить в раскаяние и, прекратя оную, быть во общественном с ними союзе, чрез что могут себя удостоить и наивяще излиющихся высокомонарших щедрот.

Каковое увещевание выслушав, он Энали султан, ответствовал следующее: когда предки ево, Эналия, обезався быть в вернопотданнстве российскому скипетру, утвердили себя присягою, и они никогда не нарушали, то и они всечастно стараются ее сохранять, представляя при том услуги своего родителя, Нур-Алия хана, и других старшин, биев и батырей и собственно свои, продолжал разговор, что от соединения с Сырымом и ево обществом отвлекаит их ханское поколение, не хотя быть по

таковому их достоинству под ево, как простаго человека, началом.

На что муфтий, изобличая ево, Еналия, и протчих чинимыми ими во время прежних ево посольств и приведения Сырым тархана со обществом в вернопотданническое устройство клятвенному их обещанию явными вероломствами, говорил, когда || угодно было ея императорскому величеству, усматривая л. 27 об усердность ево, Сырыма, всемилостивейше удостоить первенствующим над их народом, то нет ни малейшей противности и ему, Эналию, когда обязуются сохранять присягу, хотя не подвластным у него быть, а к соблюдению обоюдного их благоденствия иметь с ним относящияся ко общественной пользе советы.

Потом Енали, быв несколько безмолвным, и напоследок говорил, что он ис повиновения высокомонаршей власти отступить никак не может и, уважая сие муфтиево наставление, обнадежил для утверждения с Сырымом междуусобнаго союза послать к нему нарочнаго или съездить сам, да и родственникам ево Ир-Али, Айчувак, Ишимом и Пер-Али султаном обещался об оном советовать. А об Ерали султане, между протчем, дал знать, что он находится на Сыр Дарье ханом, начальствующим в Трухменском народе, но и к нему-де для увещания, чтоб и он оттоль возвратился в их пределы и, совокупясь в их общество, находился под покровом Российской державы, ездить не преминет; с чем и возвратились ис крепости в расположенныи их коши.

Того ж числа послано сношение в Уральскую войсковую канцелярию о освобождении и отдаче на попечение муфтия находящихся в разных крепостях и фарпостах киргисцов, и о скорейшей присылке оных в крепость Калмыкову для нечаенной надобности при случае свидания Сырым тархана и уверения оных к возвращению в их улусы, но бес предписания ево превосходительства, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Александр Александровича || Пеутлинга на л. 28 тот раз предостаются и для удобности к выручке захваченных развратными киргисцами россиан.

28-го послано от муфтия к Сырым тархану по прозбе ево чрез присланное письмо с муллою Габейдуллою Феткуллиным, при таковом же в знак изливаемаго к нему особеннаго высокомонаршаго благоволения в подарок плису чернаго 15 арш., выбойки немецкой 15 арш., 1 полушелковой халат, называемой

по-бухарски адрясь, в 25 руб., кисеи 10 арш., персицкой выбойки 4 арш., золотаго шнуру 12 арш., 3 четверти веницейского зеленого бархату, золота 2 цевки, шапка синяя плисовая с собольим околышем.

В тот же день начальник здешней крепости казачей палковник Андрей Калпаков словесно муфтия уведомил, что на оное число в ночи ис Красноярского фарпоста отогнато крупных и мелких до 40 коров, для сыску коих посылана была от него команда. И по дошедшему шляху найдено отогнанных 14 коров у кочующаго блись того фарпоста за рекою Уралом из держащих сторону Нур-Али хана киргисца Хасяна, и возвращены хозяевам обратно, да оставленных на сей стороне Урала не переплавленных 15. А начальник того фарпоста сотник Горбушин объявил, что за возвращением найденных остается еще в неотыскании 12. Помянутой же де киргизец Хясян, оправдая себя в отгоне тех коров невинностию, хотя
л. 28 об. и показывал, якобы отбит им с товарищи || оной скот отогнавших партии Сырым тархана киргисцов, и при том бутто отбое поранено ис товарищей ево, Хасяна, 2 человека и убито 2 лошади, но ко уверению о сем тех пораненаго человека и убитых лошадей не представил, и никакого следу не отвел, в разсуждении чего и примечается, что сие ево, Хасана, показание учинено на держащих сторону Сырым тархана, по продолжающейся между оными двумя партиями вражде, к напрасному обнесению Сырыма и ево подчиненных. А посему о учинении в том разбирательства и по изыскании преступников о поступлении с ними по законам по зависимости подчиненностию и писано от муфтия ко оному Сырым тархану.

29-го о спокойствии и тишине, продолжающейся ныне в киргискайсацком народе, и о скором прибытии Сырым тархана в обществе слишком 1000 человек для переговору с муфтием на пески той стороны реки Урала, а также и о вышеписанном отгоне из Красноярскогр фарпоста и возвращении рогатаго скота репортовано за известие к его превосходительству господину генерал маиору правителю Уфимскаго наместничества и разных орденов ковалеру Александр Александровичу Пеутлингу. А к господину Оренбургскому обер-коменданту, господину генерал-маиору и ковалеру Якову Михайловичу Зинбулатову послано от муфтия сношение и, прописав скорое свидание с Сырым тарханом и протчими чиновниками и повстре-

чатся могущия при том || обстоятельства, прошено об отдаче л. 29
содержащихся по линии в разных крепостях и фарпостах под стражею киргисцов, кроме обличенных преступников, на рассмотрение муфтия.

Того ж числа приехавшей чрез оную крепость с почтою с кавкаской линии выключенной ис тамошняго корпуса в Звериноголовской гарнизонной баталион фурьир на спрос наш, неприметным образом учиненной, о тамошних обстоятельствах объявил, что возмутителя ших Мансура он довольно знает, потому что противу ево с партиею был он с российскими войсками четыре раза в сражениях. Ныне ж де оной ших находится во Анапии в горах с кубанским народом. Потом помянутой мулла Габейдулла, возвратясь обратно, донес, что Сырым тархан посланные подарки принел с великим удовольствием, и для принесения за оные должной благодарности прислал с письмом в числе 20-ти человек лутчих людей и старшинских детей, сына своего Юсуп тархана, которые муфтием и свитою принеты со особливою благосклонностию и были трактованы чаем и, по обыкновению их, изготовленным приличным столом. Причем дали знать, что Сырым тархан с ево обществом для переговору прибудет под крепость непременно маия 1-го числа, и потом, по приведствию муфтия, оной Юсуп тархан с первыми из бывших при нем 5-ю человеками оставлены в квартире муфтия начевать, а последние отведены в постановленную полатку. И с ними получены письма следующаго содержания:

|| Ваше высокостепенство, муфтий! л. 29 об.

Прошу прислать мне шафрану, глазнаго лекарства и несколько бумаги, да от перелому лекарства.

Высокостепенному муфтию.

Покорно прошу вашего высокостепенства прислать мне шафрану, скапитару и прежде присланных при письме вашем рвотных порошков немалым количеством и пластырю желтаго и краснаго, и чаю, и извески, при сем же послал два турсука кумызу, которой прошу принять.

Высокостепенному муфтию.

Прошу прислать мне рвотных порошков и от гнинения языка ярн веницейской; и при сем послал вашему высокостепенству

один турсук кумызу и прошу не осудить, что так мало, ибо жеребята еще не все на привези; турсук же прошу обратно прислать.

Мендияр Михайлычь, я думаю вам в память, обещались мне прислать лекарство от колики нутренной, которое прошу прислать вобще с лекарством Сырым батыря.

Высокостепенному господину муфтию Мухамметьджану.

Условие ваше было, естли пропавшей наш скот отыщется у русских, то их возвращать и воров куда надлежит представлять. Но во время опознания во многих фарпостах лошадей не отдают, отвечая, якоб у киргисцов купили, и мы у тех киргисцов спрашиваем, которыя никак не винятся, и те русския их ||
л. 30 не уличают. И для иску своих лошадей послал киргисцов Бахтыяра, Туляша и Жаная.

Высокостепенный и высокопочтенный милостивый государь, свидетельствуя мое почтение, желаю вам со обществом вашим на много лет здравия.

Отправленное письмо вашего высокостепенства с муллою Габейдуллой я получил, коим изволите писать, что ис киргисцов воры и бездельники угнали небольшее число коров, за коими гнавшись отбили и возвратили, а тех воров самих изловить не могли, по притчине пристреляния у погонщиков лошадей, отчего и ушли. Биричевскаго ж роду Чуйташ батыря содержатся бараны в Антоновском фарпосте у есаула, коих прошу, отобрав от онаго возвратить, а сколько их, объявит вам сын того Чуйташа. По приказанию ж вашего высокостепенства сына моего Юсуп муллу для свидания с вами с некоторыми товарищами ево послал. Мулле ж Габейдулле приказано от меня еще кроме сего письма и о протчих обстоятельствах объявить вам словесно. Общества ж нашего есть желание в скором времени зделать с вами свидание. Брата ж Кукузбия Базарбая о пропавших ево 6-ти лошедях, кой к стороне российской поехал их искать, по обеим сторонам реки Урала вверх и вниз, где ему искать позволит.

30-го поутру во 11 часов по должном ево, Юсупа, и бывших при нем угощении, возвратились все они в их улусы, и в знак отличнаго Сырымова вернопотданническаго усердия оному
л. 30 об. Юсупу || подарено чернаго плису 10 арш., кушак шелковой,

сапоги, малиноваго веницейскаго бархату и 5 арш. тонкого зеленаго сукна, каждой по 3 руб. по 25 коп.

Того ж числа посланной для отыскания лошедей с киргисцом Тюляшем есаул Логинов, возвратясь, донес, что в табуне Харкинскаго фарпоста опознано оным киргисцом из взятых ево пяти 4 лошеди у тамошних казаков Афонасья Полякова, Ивана Кирина, Михайлы Татикова и Ивана Дурманова, которые де ему показали, что выменены ими у разных киргисцов, а о пятом мерине белом объявили, что взят у тех же киргисцов, от коих ими получены походным есаулом Яковым Меркульевым, о чем де не оставит он, Логинов, отнестись рапортом по начальству реченному старшине Мизянову. В тот же самый день, явясь, к муфтию, бывшей заседатель Вазарбай подал записку о пропавших сего апреля 25-го числа Китинского роду у киргисца Какъкузя 6-ти лошедях, описав их шерсть, и приметы объявил, что в краже оных неверку имеет на состоящей блись их кочевки Харковской фарпост.

Между тем, получено муфтием от его превосходительства господина генерал-маиора и ковалера Пеутлинга уведомление, пущенное 9-го апреля на отнесение ево о требуемой в добавок ко отпущенным 350 руб. сумме последующее, что его превосходительство || ко отпуску оной не согласен, а киргискии де старшины и протчие чиновники приличными подарками восползоваться могут в то самое время, когда установлены будут в добропорядочное устройство и о протчем. л. 31

1-го маия находились во ожидании Сырым тархана и протчих старшин, биев и батырей, а между тем присланы от него, Сырыма, 5 чел киргисцов и муллы Абулкасим Абдусалямов и Абдюш, что он, Сырым, назначенное за рекой Уралом нами место для надлежащаго переговора в числе более 1000 чел. непременно 2-го числа сего ж маия прибудет. При чем мулла Абулкасим о притчине захвата ево и бывшаго с ним в проводниках казака объявил, что увезены они между Кажехаровского и Сундаевского фарпостов Семиродского рода киргисца Иманбая детьми и сказывали, что не в виде пленения, а по имевшейся у них с казаками того фарпоста в невозвращении ис числа отогнанных у них лошадей 5 остальных, за отдачею еще 3 претензий, с намерением держать их до решения между ими разбирательства. Однако, узнав о муфтиевом прибытии, еще до онаго приезда, в третий день после захвата возвратили, и казак

поехал в дом свой, а он, мулла, по следующему тракту, в предписанное место к Сырыму, где поныне находился. А Абдюш о Сырыме объявил, что он будет в случае переговоров представлять грубость не для чего, как привязанности народа, то ему в вину не поставить, в чем де он приказал объяснить.
л. 31 об. Потом о приготовлении и наряде для безопасности || канвою, как прикомандированного из разных фарпостов, так и в крепости состоящих казаков и на нечаенный случай артелерии к пребывающему начальником походному полковнику Андрею Колпакову от муфтия послано предложение, на которое он, Колпаков, того ж числа донес рапортом, что все находящияся в ведении ево крепостные и прикомандированные с фарпостов казаки и артелерия в готовности, и по требованию представлены быть имеют.

После того через час прислал оной Сырым с нарочным записку со изъявлением, что общество их прибытие для свидания под крепость представили и назначают оное учинить в избранном ими месте, состоящим от крепости 8-ми верстах, по которой муфтий, соблюдая высокомонаршее соизволение и не выходя нимало из ево пределов, изготовил з довольным оного истолкованием вызывательной лист следующаго содержания:

Каргискайсацкой Меньшей Орды почтеннейшим тарханам, старшинам, биям и батырям, мурзам и протчему народу, собравшемуся для свидания.

Вы, почтенныи старшины и тарханы, на сих днях чрез нарочных почтенных ваших посланников на письмо мое изволили уведомить, что прибудите вы близь Калмыковой крепости, но как в высочайшем ея императорскаго величества соизволении назначено к свиданию и переговорам место, следовательно и вам должно тому повиноваться. До сведения-ж моего дошло,
л. 32 что некоторые из зломыслящих, стараясь нарушить || обоюдное спокойствие и тишину, отвращают добромыслящих от благих намерений, произнося относящуюся к вашему страху молвы, будто прибытие ваше под крепость наводит сомнение и опасность. Я долгом поставляю вам внушить, что всякой благоразумной должен пещись более не о инном, чем как о собственным своим общества благоденствии, а не подражать молвам тех, которые по закоснелому в них распутству, не помышляя об оном, навлекают таковыми разстройствами сами как на себя,

так и на других последовать могущей высокомонаршей гнев. Ибо ныне прошедшею зимою сами вы, почтенные бии, просили его превосходительства господина генерал-маиора и ковалера Александр Александровича Пеутлинга, дабы он от ея императорскаго величества для отобрания ваших жалоб испросил позволение об отправлении меня, которое по всепотданнейшему ево донесению последовало, и я, получа от его превосходителства наставление, для объявления вам особеннаго высочайшаго ея императорскаго величества благоволения и отобрания к доставлению всеавгустейшей нашей монархини ваших претензей в здешния пределы прибыл. Но к немалому моему удивлению, воображаю, что вы, почтенные старшины, останавливаетесь прибытием для свидания исполнить соизволение всемилостивейшей нашей государыни в том месте, где высочайше указать соизволила, и слышать те неоцененные благоволении, которыми вы и прежде сего имели счастие ползоваться, уверяя вас священным || нашим Алкораном, что по отобрании ваших л. 32 об.
жалоб не останитесь без справедливого удовольствия. Когда-ж не разсудите прибыть в просимое место и не увидитесь, то не иначе располагаю, как лишиться можите всех гредущих на вас монарших щедрот. Я ж удовлетворить своим на вашу сторону приездом смелости не имею, ибо о том в наставлении не учинено мне позволения, ис пределов коего и выступить никак не можно.

2-го числа по утру оной лист с муллами Абдулфетихом Абсалямовым, Габейдуллою Феткуллиным, Абдюшем Искендеровым и оставленным при нас Оренбургскаго пограничного суда киргискайсацким заседателем Байсалом Аювовым к нему с надлежащим с подробном им внушении нашего намерения словесным наставлением отправлен. Которой получа, Сырым тархан истолковал содержание оного, в назначаемое нами место пополудни в 3 часа с ево обществом приехал, куда и мы со свитою в надлежащем убранстве и в церемонии канвоя, переправясь чрез реку Урал, прибыли. И для великолепнаго и приличествующаго знатной духовного сана особе оказания посольства, сев на разосланные изготовленные с нашей стороны отменной доброты шелковые ковры, с постановлением по обе стороны взятых ис крепости живущих во оной из магометан старших людей в челмах, слишком до 10-ти человек и при начальном свидании из нас муфтий, по обыкновению

принеся о здравии ея императорскаго величества и их императорских высочеств с простертыми дланями ко всевышнему
л. 33 молитвоприношение, объявили особенное к ним || высокомонаршее благоволение, относящееся к собственному их благополучию, и удовлетворительной желанию их муфтиев приезд. Чему он, Сырым, и бывшие при нем старшины, бии и батыри и все общество, порадовавшись, ощущали полное удовольствие, и изъявляли с восхищением к ея императорскому величеству всепотданническую благодарность за особенные ея матерние к ним щедроты и, подтверждая священным Алкураном в наивсегдашнее вернопотданство учиненную ими присягу, обязывались пребывать в тишине и спокойствии.

Потом муфтий чинил им вопрос о притчине испрошения киргискайсацким обществом ево прибытия, ис коих по началству Сырым тархан объяснился, что побужден к тому их народ для обстоятельнаго донесения ощущаемых ими от уральских казаков несносных обид и вернейшаго доставления их жалоб к ея императорскому величеству, и продолжал при своем обществе о нижеследующем переговоры, изъявляющие их претензию.

1. При начале нынешней весны, еще зимним временем, командующей расположенными по линии казаками уральской войсковой старшина Дмитрей Мизинов с командою ниже Кулагиной крепости напав беспритчинно на едущих вниз по Уралу реке трактом, внутреннею стороною, для обозрения ходивших,
л. 33 об. в разсуждении глубокости || в пребываемых ими местах снегов, Нарым песках конских их табунов, киргисцов и военною рукою убили из них 5 человек.

2. Потом, спустя несколько времени, Уральскаго войска войсковой атаман господин полковник Данила Дансков с командою-ж, в немалом количестве состоящею и артиллериею, отъехав из Уральского городка вниз по линии слишком 300 верст и переехав Урал реку на их сторону, приближась к расположенным киргиским улусам, устращивая их, не объявляя преступления, монаршим гневом и сущим раззорением вооруженною рукою убито ж их киргисцов 3 человека. Каковую нечаенность видя, их киргиской народ принуждены были, из них Бирическаго Аманлык батырь и Сыкларского родов старшина Каратаубий с их подчиненными, принять к спасению своему безвременно во отдаленные от границы места гибели бегство с намерением

от Российской державы вовсе отложиться. И от последовавшей на случай тогдашней великой непогоди претерпели крайнее изнурение, так что у многих померли малолетные дети, а особливо сущие младенцы и большее количество разного рогатого скота.

|| 3. С приказаней оных же Уральскаго войска начальников л. 34
неизвестно им, по повелениям ли вышных правительств, или самим собою чинимых, захвачено в разные времена по линии уральскими казаками, вместо увезенных ворами киргисцами российских, не давая им знать о времени увоза и ниже о преступниках, народа их безвинных киргисцов около 40 человек, и содержатся в крепостях и фарпостах под стражею, в числе коих имеются дети определенных в расправы чиновников из лутчих людей, которые чрез то и чувствуют великое огорчение; а виновники остаются в неизвестности и без должнаго наказания. И просил их о возвращении, представляя в резон, что уральским войсковым начальникам, в случае увоза киргисцами российских, не управляясь собою, должно давать знать письменно о сем по первенству ему, Сырым тархану, и во учрежденные по высочайшему ея императорскаго величества соизволению в их Орде расправы, которые б де и не упустили в возвращении пленных прилагать все удобовозможные меры || и, л. 34 об.
изыскав виновников, поступить с ними по установленным в расправах правилам. А о укрывающихся от поимки ворах не оставили б расправы уведомить в Оренбург и ближайшие российские правительствы, и просить в поимке их вспомоществование, чрез что б и соблюдаем был должный порядок. Но вместо того безвинные претерпевают напрасное страдание, а сущие преступники, по неимению об них и о времени увоза российских сведения, остаются без должнаго наказания.

4. Каковой Уральскаго войска проступок и влиял было в общество их киргискаго народа страх, отчего они и предприяли, приходя в колеблемость, непременное намерение от Российской державы совсем отложиться уездом к Сыр-Дарье и далее, куда некоторые, как и выше значит, уже откочевали. Приполняя притом, он, Сырым, обществу их неприметным образом, а скрытно, что сие предприятие их последовало потому более, как со стороны Турецкой и Кубанскою чрез Бухарию полученными письмами, наклоняем был их киргиской народ ко открытию с Россиею вражды, однако не с намере-

л. 35 нием || стороне российской причинять злоупотреблении, а в рассуждении их лехкомысленности, от того грозящаго страха, отчаеваясь впредь высокомонаршего благоволения. Но им, Сырым тарханом, с товарищи, по прилагаемым всегда неусыпным попечениям, раздраженные киргисцы от тех предприятей удержены. А между тем, не пропуская удобнаго времени для наилутчаго духовными наставлениями их устройства, он, Сырым, и сочел себе отменную удобностию испросить от ея императорскаго величества муфтия. Ныне ж весь их киргискайсацкой народ, услыхав о высокомонарших к ним милостях, до ево еще прибытия от даленных перекочевок остановились и находятся в тишине, обезуясь выполнять все последующия с Российской стороны затребовании.

5. Видя описанные выше сего несносные киргискайсацкому народу от уральских казаков обиды, приводящие их общество в сущее разстройство, он, Сырым, написав как на имя ея императорскаго величества, так его высокопревосходительству Осипу Андреевичу барону Игельстрому и его превосходительству господину генерал маиору и ковалеру Пеутлингу
л. 35 об. з жалобою обо всех обстоятельствах представлении, || для доставления оных двоекратно отправлял нарочных, сначала двоюрдного своего брата Джанатая бия, а потом киргискайсацкаго старшину. Но только оные в Уральском городке господином полковником Дансковым не знамо для чего одерживаны и те посланные нарочные возвращены, почему он и остался в немалом сомнении. Но под случай к счастию ево и разстворению закрытаго пути Дансковым и Мизиновым, последовал наш приезд, ибо их общество оставалось в великом неудовольствии. И просил либо об отрешении их от начальства, или о беспрепятственном киргискому обществу позволении, во избежение могущих быть нежелаемых следствий, удалиться в другие места. И представлял о себе, что по всемилостивейшем удостоянии ево в тарханское звание, и сие начальство предпочтен будет и со стороны российской в их Орде первенствующим. Притом оной господин полковник Данков все ево, Сырыма, и протчих старшин сношении принимает с небрежением и не делает им, а особливо ему, как пользующемуся
л. 36 особенным || ея императорскаго величества всегдашним благоволением, на оные не только з должною благодарностию, но и никакого ответствия и ни малейшаго почтения. А потому

и жалованную грамоту с ее достоинством почитает быть при себе не нужною, ибо де она со стороны тех уральских начальников обращается ему палящим огнем.

6. Потом объявил он, Сырым, что и разосланных от муфтия в декабре месяце 1789 года, опробованных его высокопревосходительством Осипом Андреевичем бароном Игельстромом, к ним в Киргискайсацкую Орду увещевательных листов, обнаруживающих последующия в их Орде от мул, в Чиклинском роду находившихся, в законе кривотолки, и кривотолкующия их || сочинения по одному листу для разрешения из них л. 36 об. на которой либо стороне справедливости, посыланы были с нарочным в Бухарию и Хиву, к бухарскому аталыку и хивинскому начальнику и их духовным особам и возвращены обратно — первой со утверждением, что основан на существе священнаго Алкурана и других духовных правил и с таковым уверением, что магометанским законникам обитать под Российскою державою не малейшаго препядствия закону их не имеется. А притом де и оному посланному внушено, чтоб киргиской народ обитал во всякой тишине и спокойствии, естли никаких зловредностей от России в законе их не будет, чем народ киргиской и разрешил свое сомнение. О чем де, а равно и обоюдном з Бухариею союзе и тишине, з донесениями между протчаго еще в бытность онаго посланнаго их ея императорскому величеству от него, аталыка, и отправлен посланник, и кривотолкующие || муллы опровергнуты и находятся ныне л. 37 с пренебрежением в великом неудовольствии. А киргиской их народ добромыслящие, то муфтийское увещевание приняв в полное понятие, обезуются непременное по оному чинить исполнение, о чем Сырым тархан и протчие старшины, бии и батыри и письменно с приложением своих печатей муфтия уверили, которое он при себе имеет. Но крайне сожелеет он, Сырым, что, избавясь от того развратнаго заблуждения, народ их претерпевают описанные выше сего от Уральскаго войска притеснении, и от того некоторых родов разстроенные пред сим киргисцы, подражая кривотолкам, в приведении себя в настоящей порядок наводят излишную ему, Сырыму, тягость; однако он и таковых лехкомысленников старается привесть на путь истинный благосостоянии. Но для возстановления того просит, не благоугодно ли будет ея императорскому величеству на непредвидимые, яко начальнику, екстронужнейшия расходы

учинить вспомоществование, во один раз ассигнованием суммы до 6000 руб.

На все оные их жалобы и затребовании со стороны нашей
л. 37 об. ответствовано: Когда угодно было || ея императорскому величеству всемилостивейшей нашей государыне принять их киргискайсацкой народ под высокое ея покровительство, то и имеет она в числе протчих в ея державе обитающих народов и об их обществе равенственное матернее ее попечение, дабы обитало во всех языков обоюдное спокойствие и тишина. Внушая при том муфтий всему их обществу з довольным истолкованием приличествующих духовных магометанскаго закона правил, и наупоминая тот опробованной Бухариею, изданной им увещевательный лист и последующее о исполнении ево в настоящем существе утверждение, что каждой сын отечеству, в соблюдении соответственнаго своего благоденствия, обязан хранить установленный порядок. О причиненных же Уральскаго войска начальниками и казаками их киргискому обществу вышеизъясненных обидах и прозбах, муфтий предложил, что он послан не для разбирательства прозб, а единственно для переговоров и увещевал их чрез священный Алкуран, чтоб они показывали справедливо, а безвинно никого не обносили. Естли показание их окажется ложно, то будут они подвергнуты под неминуемой
л. 38 гнев || божий и законное суждение. На что они единогласно подтвердили справедливость своих прозб, почему и уверил, что в справедливости не оставит донесть правительству. Да и всемилостивейшая государыня высочайшим своим повелением указать, посредством установленных начальств изыскать премую справедливость и, обнаружа преступников, поступить с ними по изданным узаконениям, не оставит, чрез что обиженные воспользуются полным их удовольствием.

Притом, продолжая муфтий свои разговоры о задерженных киргисцов, что расположенные по линии казацкия войска приступили к тому их захвату по притчине беспрерывнаго со стороны их киргиской, в нарушение учиненной присягою обязанности, воровста, как то и незадолго приезда нашего захват армян с товарищами и с таварами и астраханских кардонов одного хорунжего, 4 калмык и отгон немалого числа лошадей, а также в прошедшее лето с сенокосов Уральского войска казаков, и во всегдашнее время всякаго звания российских мужеска и женска полу, кто б им не повстречался. Ис коих

об уральских и других, дав || ему, Сырыму, записку, требовал л. 38 об.
как их, так и всех находившихся в Киргискайсацкой Орде Российской державы пленных о непременном возвращении, толкуя ему, Сырыму, и всему обществу, что сия их наглость и клятвопреступление магометанскому и другим законам весьма противны, за которые преступники в будущем вице[1] от всевышнего получить будут неизбежное страдание. И когда за сим не пресекут наглые покушении и не приидут в раскаяние, то за нарушение обоюдного ему благоденствия навлекут на себя неминуемой и высокомонаршей гнев обращением на собственную их погибель храбрых российских войск, которых победоносное оружие всему свету и им довольно известно.

Которое Сырым тархан признав справедливостию, говорил, что во всех национальных народах не можно быть, дабы не имелось между расположенными в хороших поведениях воров и распутных, влекущих себя на неизвестную отчаенность своего благополучия. А особливо, как повсюду не безызвестно о расположениях их киргискаго народа, что оный, изстари пребывая в вольности необузданным, может ли в столь короткое время привыкнуть к существу установленнаго порядка; к тому ж и о виновниках по притчине неведения, как выше ||
в 5-м пункте написано, начальникам по столь обширному в степи л. 39
Орды расположению совсем узнать никак не можно. Однако он, Сырым, уважая муфтиево прибытие, подтвердил свое верноподданническое обязанность и объявил, что в соблюдение оной еще до приезду нашего, услыхав об оном, из захваченных с кардонов калмык одного отыскав, отправил Уральскаго городка с толмачем Узбеком к господину полковнику Данскову. Другой неизвестно куда ушел, и уповают, что выбежал в Россию. А следующия из Бухарии армяна и со всем товаром, возвращены в Арапиковской фарпост, да и удержаны были Турмамбеть бия сыном и к скорейшей выручке захваченных киргисцов. За другими-ж де пленными русскими, армянами и калмыками во все подчиненные ему улусы, кроме неподвластных, для отыскания и привозу уже в третий раз разослал нарочных и по возврате, сколько отыскано будет, непременно возвратит.

Потом муфтий и паки подтверждал ему, Сырыму, о пленных затребование, утверждая ево и все общество, что никаких

[1] *Должно быть*: веце, т. е. веке.

их оправданий, на другие роды относящихся, уважаемо быть не может, потому как все они пребывание имеют под названием одной Меньшей Орды, следовательно, быв все виновными, а особливо начальники, яко уже пользующие высокомонаршею особою милостию и благоволением, то и обязаны, в каких бы то родах пленные не находились, по долгу присяги единодушные в выручке их иметь попечении, ибо в Киргискайсацкой Орде российских пленных быть в противность законов никак не могут.

Которое предложение Сырым тархан и протчие, приняв
л. 39 об. в полное || понятие и не требовав более киргисцов, уверили клятвою во исполнении нашего затребования приложить о сыскании российских пленных всевозможное старание и послали нарочных в Орду, а потом просили освобождения содержащихся киргисцов, куда надлежит учинить представление и соглашались до фундаментального во всем разрешения, остаться под крепостию во все время нашего тамо бытия и до приезда посланных. Но просил он, Сырым, что в то их пребывание, в разсуждении отдаленности кочевьем их улусов и нашего в подъездке к ним отзыва, он и бывшая при нем свита довольствованы были с нашей стороны обыкновенною пищею из высокомонаршей суммы.

На что муфтий им ответствовал, в продовольствии столь великой их свиты до окончания переговоров и до разрешения обо всем их пищею не имеет он ассигнованной на то и ему выданной суммы, а притом и повеления. Хотя б и из собственнаго своего кошта постарался их удовлетворить, но по малости здесь селения не можно достать покупкою, однако ж обнадежил их содержать оною 3 дни со условием, дабы они поспешили письменным окончанием их обстоятельств и нужд, которые, согласясь на то, под крепостию и предостались, а мы за наступившею ночью до следующаго дня возвратились в крепость.

3 го маия пришед в квартиру нашу Кердалинскаго рода старшина и расправной заседатель Тляп бий в числе 20 человек объявил, что находится он в сей должности в учрежденной для их роду вообще с Табынским и Таминским родами расправ, ис коих на многих по распутной жизни выходят в увозе российских людей, в воровствах разного скота и в других преступлениях великии подозрении. А в их Кердалинском роду таковых

бездельников ни одного не имеется, но будучи сообщенными в одно общество, претерпевают и они в том || безвинное нарекание, в минование коего и просил об отделении их роду особо и об учреждении во оном особой расправы и децкаго училища, определя к тому ученаго муллу и при школе наставника, так же и о построении ему, Тляпу, противу Будиринского фарпоста дома, объясняя притом, что он принел намерение, предоставя перекочевки, завести еровое хлебопашество и сенокошение, которое в прошедшее лето уже и начел, но представляя ко обзаведению онаго надобность о знающих то искуство людях для обучения их народу и просит с коронной стороны в том вспомоществования. А притом явясь из нас к Бекчурину, держащей ханскую сторону Байбактинского рода киргизец Байгилда бий Яркинбаев сын объявил Уральскаго войска о атамане полковнике Данском, что он Данскова уверял ханскаго сына Ен-Али султана, якоб отец ево Нур-Али по всевысочайшему соизволению возвращается по прежнему в их Орду, и советовал, до прибытия ево к большенству народа чтоб партия ханскаго отнюдь не приобщалась. Чему порадуясь, Ен-Али, возвратясь в свое общество, уверял их и порадовал тем Утевли бия, который так же собрав своих подчиненных и в знак благодарности доставил к Данскому самолутчую лошедь, мерина бураго. А старшина Дмитрей Мизинов з брата ево Байгилды Вилгилды бия снял за то ж черну яки и один шелковой халат. И потребовал он Байгилда уверения, действительно ль будет к ним хан, и сообщаться ль ему з бальшенством их общества к партии Сырым || тархана. Почему ему и предложено, чтоб сообщиться лутче к большенству, а не находиться распутным и безначальства; почему он и обезался исполнить предложение, с каковым намерением и возвратился. Пополудни в 3 часа, переправясь мы со свитой за реку Урал на изготовленное место, по свидании с Сырым тараханом и другими лутчими старшинами, биями и батырями, имели о нижеследующем разговоры. Сырым тархан и все их общество, напоминая изъясненные выше сего Уральскаго войска от начальников чувствуемые киргискайсацким народом разные обиды, требовали со огорчением, изъявляя в себе жалость, господина полковника Данского и старшину Дмитрия Мизинова для самоличнаго при нас в их несправедливостях обличения, и тем хотели обнаружить свою невинность. Представляя при

л. 40

л. 40 об.

том, что для того единственно и понудился он, Сырым, от ея императорскаго величества испросить прибытие муфтия, с тем, когда неугодно будет всеавгустейшей монархине по верноподданническому повиновению оказать им защищения, то они охотно и без всякого сопротивления предают себя под ея высокомонаршей гнев, и хотя в малом преступлении он, Сырым, ими, Данским и Мизиновым, будет изобличен, то тое ж минуту подвергается смертной казни.

Выслушав сие, муфтий с должным по духовенству увещеванием и благопристойностию им ответствовал, что собствен-
л. 41 ное || их от ея императорскаго величества испрошение ево прибытия в здешние пределы для одних с ними о их надобностях и нуждах переговоров, которые от них и представляются, а не для разбирательств имевшихся между ими Уральскаго войска с начальниками претензей, а посему и к самоличному изобличению господина Данскова и Мизинова представить он власти не имеет. А уверил их народ, что всемилостивейшая государыня конечно не оставит приказать изыскать справедливость, но только б они беспричинно никого обносить удержались, под опасением, как и выше значит, божескаго гнева, а в прямом виде и не только Данскова или Мизинова, но хотя б кто ни был преступник, наказать законною строгостию, в разсуждении чего и отчаеваться со огорчением от ея матерняго ко всем благоволения, когда с их стороны сохранено будет всегдашнее благоустройство, ни малейшей притчины не имеют и не должно.

Потом бывшее киргиское общество и особливо Алимулинскаго роду Наурузали бий с ево подвластными, сказав с озартом, что и с муфтиевой стороны к Уральским начальникам наклоняется сущая понаровка, закрычав Алачь, то есть по их наречию, чтоб приготовлялись к уезду, и побежав все к своим лошадям, начели седлать. Между тем Сырым тархан оставшись с нами один, дабы мы простили их лехкомыслие, и с тем для возвраще-
л. 41 об. ния их от нас уехал || в свое собрание, говоря притом муфтию, чтоб он и еще постарался внушить им из священнаго Алкорана и духовных правил душеспасительныя наставлением свои увещевании. И чрез которое время помянутой Наурузали и протчия, паки возвратясь к нам, продолжали разговор, что реченные господин Дансков и Мизинов без самоличнаго от них обличения конечно употребят все меры к своему оправданию, и их обще-

ство, как во отдаленности находившаяся и незнающие российских обрядов, ложными оклеветаниями оставить в безвинном поношении. На что им с нашей стороны довольным священнаго Алкорана и духовных правил истолкованием ответствовано, что немалому удивлению достойна их лехкомысленность, возбуждая себя к беспритчинному разстройству и нарушающая тем учиненное ими клятвенное обещание и обоюдное спокойствие, ибо во всех языках и законех наблюдается справедливость не иначе, как изысканием существа, следовательно, возможно ль только подумать, чтоб мог кто либо в понаровку виновников преступить святейшия премудрой нашей монархини узаконении и чрез то навлечь на себя собственную погибель и высокомонаршей гнев. Ис чего не должны ль они здравым своим разсудком восчувствовать, сколь сильна справедливость противу распутства и, войдя из заблуждения их лехкомысленности, терпеливо и без огорчения ожидать и основаннаго установленными законами правосудия и удовлетворения. || И доказав им те священнаго писания и Алкорана правилы, л. 42
что они за столь неограниченные поступки неминуемому подвергают себя истезанию. Которое увещевание выслушав, все их общество, прося за их грубость извинения, продолжали, что они, будучи столь много огорченными, не могли инако сократить горящую в сердцах их досаду, но, умяхча оную, предают во всем на высочайшее соизволение августейшей нашей монархини.

Просил он, Сырым тархан, о подтверждении расположенным по фарпостам и крепостям на линии казакам, дабы они приводимых киргисцами для продажи лошадей и протчей скот покупали, брав уверении от кочующих в близости тех мест киргиских чиновников, а в случае их отдаленности, у старших в улусах людей, что продаваемой скот собственно тех продавцов. И потом бы записывали у своих начальников в книги, в какое время, у кого и за какую цену и по чьему уверению куплено, чрез что и пресекутся со обоих сторон чинимые воровства, и тем возстановиться может спокойствие.

Выслушав сие предложение, с нашей стороны обнадежен он, Сырым, и их общество тем заведением, и притом требовано, когда они в своей верноподданической обязанности столь неколеблемы и благо мыслят о возстановлении || спокойствия, л. 42 об.
то б постарались, как возможно наискоряе, возвратить всех

исстари находящихся российских пленных в их Орде и в Оренбурге открыть мену, также воздержать от наглости в их Орде распутных воров киргисцов, а найденных и изобличенных в том, отослать к законному суждению.

На которое они о пленных подтвердили свои обнадежении, а о мене объявили, что в разсуждении бывшей ныне благополучной весны и довольнаго в прошедшую зиму к продовольствию скота корму, благовременнее прежних лет мену в Оренбурге открыть могут и просили о скорейшем приготовлении ко въезду их гостинного двора кого надлежит о уведомлении.

Посему за обнадеживание выручкой пленных и открытие мены, относящееся ко отечественной пользе, приносима была с нашей им стороны похвальность, и уверены, что об оном муфтий не оставит с кем надлежит иметь сношение.

Потом Сырым тархан объявил следующее:

Нынешнею де весною в бытность у него, Сырыма, для некоторых надобностей Уральскаго городка татарскаго муллы
л. 43 || Касыма, показывал он, Сырым, для прочтения себе ему, Касыму, полученное от его высокопревосходительства Осипа Андреевича барона Игельстрома секретное письмо, требующее о освобождении Нур-Алия хана ево согласия. Которые де по выезде от него, разъезжая по разным улусам, разглашал их киргискайсацкому народу, что оной хан по соизволению ея императорскаго величества возвращается с прежним ханским достоинством в Орду и непременно ему, Сырыму, и под начальством ево пребывающему обществу отмстит за все свое страдание возмездием, и тем народу их навел безпокойство и колеблемость. И отведя муфтия от общества на уединение, более часа продолжал секретно следующее. Просил он, Сырым, когда действительно о возвращении хана воспоследует разрешение, то в виде якобы оное открылось по прозбе ево Сырыма, о доставлении онаго к нему, чрез что б удобнее он мог все происходящие между киргиским народом развраты установить в общей союз. А до воспоследования о ханском освобождении разрешения просил, не угодно ли будет возвратить из находившихся при нем Байбактинскаго роду Утявли биева сына и ево товарища, чрез коих бы в разсуждении требования онаго Утявля бия с ханскою партиею иногда можно было скоряя к пресечению их вражды изыскать средство. И о прошедших,

последующих от кривотолкующих закон муллах, обстоятельствах изъяснял, || что они влияли в народ чувства те, чтоб отнюдь л. 43 об.
под державою России не находилось, яко б противны закону и грешны пред богом, о чем и ему неоднократно Алкураном чинили внушении, видя ево к России верноусердие, называя гауром, то есть беззаконником, почему он и находился в сумнении, да и народ начал выходить из границ усердности. Но ныне по случаю разрешения Бухарией посылаемаго листа, учиненнаго муфтием, в непротивном бытии под скипетром Российским киргискайсацкому народу, получил он совершеннейшую отраду и народ вышел из заблуждения. То как Сырым тархан имеет удобность распространять свое ныне правительство с превосходными выгодами, но только притчина ко установлению порядка в их народе и ко истреблению воров киргисцов неимение воинскаго при нем народа и определенной суммы, чрез что б де поспешнее мог выполнить от России повелении и привесть всю Орду в надлежащее повиновение, естли б снабжден был суммой. А ныне де посылает, куда надобность востребует, в дальные места на собственных своих лошадях, которых уже да и имения, а так равно и жалованья лишается, а в случае надобности выполнением для разсылки в дальнейшия места просит у других в том бога ради споможествование, почему и не может выполнять скоро затребовании, что остановляется не чрез какое либо недоброжелательство, а от того единственно, как и выше значит. Припомня притом и то, || естли де и весь л. 44
народ не будет в послушании, а он в верноподданничестве клятву учиненную не нарушит, в чем и под смертной жребий себя подвергают.

После чего на спрос наш, благопристойным и неприметным образом учиненной, о мятежнике лжепророке шихе Мансуре о состоянии Бухарии, о расположениях Ен-Али и Айчувак султанов оной Сырым тархан ответствовал:

1. От Мансура шиха доходил ему сторонней слух, бутто отправлен к нему, Сырыму, нарочной с прошением о учинении ему при случае нападения на Россию военною рукою со своим обществом вспомоществования, но только де тот нарочной к нему еще не приезжал, а хотяб де и персонально от того посланнаго слышел сии затребовании, то-б и в таком случае, в разсуждении утвержденнаго бухарским и хивинским начальниками муфтиева увещевания, в нарушение учиненной им Россий-

ской державе присяги, не только оному шиху, но хотя б и сущей пророк был, то и ему, преступя клятву, ни малой помощи оказывать не может и уважать таковые прозбы никогда и никому не обязуется, в чем нас и уверял священным Алкураном. О точном же ево пребывании по неимению в нем надобности отозвался незнанием, а по наслыху де находится в прежних пределах.

л. 44 об. || 2. О Бухарии, Хиве и Трухменцах он, Сырым, уведомляет, что оные владении, ведая пребывание их киргискайсацкаго народа под высоким ея императорскаго величества покровительством, наблюдают ныне всегдашнюю к ним благосклонность и все ево, Сырыма, случающияся затребовании стараются выполнять в их силе. А притом де он, Сырым, и о сем известен, что между теми владениями оставлено первенство Бухарии, и обитает ныне союзность; кроме что Бухария, имея с Персиею военную вражду, взела под свое владение многие персицкие города, даже и столичной Маур, и по убитии персицкаго Байремали хана установлен Бухариею другой.

3. О Ирали и Айчувак солтанах между разговоров он, Сырым, дал знать, что они зимовку имели первой на Куван Дарье, а последней в вершине реки Ембы, где уповательно и ныне находятся, и никаких от них развратов не предвидится. А только пребывающия с Айчувак солтаном Семиродскаго роду киргисцы, издавна в тех местах кочующия и не вошедшие под началство сво, Сырыма, Дусы Барак и протчие, в разсуждении чинимых ими Российской стороне зловредностей, от страха удалясь от тамошней блись Уральской линии, имеют с каракал-
л. 45 паками вражду. Однако де он, Сырым, старается || привесть и их в сущее раскаение и обратить в должное повиновение. И потом до следующаго дня возвратились мы в крепость, а они предостались в их ставках.

4-го числа пополунощи в 10 часов паки соединясь мы со свитою на песках той стороны реки Урала с ним Сырымом и ево обществом, где будучи при начальном свидании в знак усерднаго к ея императорскому величеству их повиновения, без всякого с российской стороны затребования в перемену из содержащихся киргисцов представил из российских пленных отобраннаго от воров захваченнаго ими сего 1790-го году в феврале месяце и под самой тот случей к нему, Сырыму, привезеннаго, Астраханской области, из расположенных по

рекам Волге и Ахтубе кардонов между Балхонскаго фарпоста и Сетертинскаго бекета, Черноярской казачей команды харунжего Михаилу Плеханова. А притом и виновников в увозе ево киргисцов 9 человек, для должнаго наказания, лично объявил; но мы, не вмешиваясь в их суждение, предоставили на разсмотрение ево, Сырыма, и учрежденных в Орде || расправ и Погра- л. 45 об.
ничнаго суда.

Потом он, Сырым, изъяснял о удерженном Оренбургскою пограничною експедициею следующем определенным к должностям старшинам, биям и батырям жалованье и просил о выдаче онаго, с кем надлежит о учинении сношения, предлагая, наконец, сверх того наедине, дабы мы для приведения им, Сырым тарханом, киргискайсацкаго народа в наивящее повиновение и фундаментальнаго устроения между ими порядка, предосталисъ на некоторое время здесь, в Калмыковой крепости, почему мы и обнадежили зделать в том ему удовлетворение.

И на конец всего вышеписаннаго оной Сырым тархан объяснялся, что их обстоятелствы еще не окончены, то и остались на 2 дни и просили о снабждении пищей. И слыша он, Сырым, ежечасное от муфтия о возвращении российских пленных напоминание, уверил прилагать свое усердие и подтверждал учиненную им присягу священным Алкораном || с тем, хотя б л. 46
вся Азия, то есть турки, крымцы, кубанцы, бухарцы, хивинцы, ташкинцы и трухменцы согласились иметь с Россиею военную вражду, но он, Сырым, и в таком случае со всем подвластным ему киргискайсацким народом не только претерпя описанные в их жалобах от российских притеснении, но естли б и наивящее какое-либо, кроме поношения магометанскаго закона, угнетение ощущал, то, перенеся и оное, клятвопреступление учинить ни мало не намерен. Выговоря сие, отозвав муфтия на сторону, говорил, что он имеет некоторое сомнение, дабы бежавшие из России в Бухарию муллы Уральскаго городка из татар, казак Хасян и еще таковой же Абдрахим, как находятся у тамошнего аталыка почтении, не могли вновь еще какими-либо зловредными своими внушениями и подражениями вселить в него противные к стороне российской мысли, и чрез то Бухарию и киргисцов наклонять к нежелаемой разстройности. Однако и в таком случае обнадежил употреблять к разведыванию о сем всевозможные меры и доставлять обстоятельныя сведении.

л. 46 об. || За каковое ево доброжелательное расположение с нашей стороны принесена приличная похвала. И потом, подтвердя ему, Сырыму, и всему их обществу о непременном выполнении наших затребований и тем ко учинению себя достойными неоцененных августейшей нашей монархини благоволений, распрощались, и они возвратились в состоящия поблизости той крепости улусы, со условием, дабы от них каждонедельно уведомляемые были о происходящих обстоятельствах чрез присылаемых нарочных посланников.

По возврате-ж в крепость муфтий, искупя на собственные свои деньги коров 6, баранов 6, пшена с 6 пуд суммою на 61 руб. на 60 коп., и на пищу двухдневнаго их Сырым тархана со обществом под крепостью пребывание отослал к ним.

5-го и 6-го находились в крепости в ожидании от реченнаго
л. 47 Сырыма изготовляемых писем. || И того 6-го числа оные чрез нарочно присланных и получили, ис коих 2 адрисованныя ея императорскому величеству и его превосходительству оставлены при муфтии, а третее на имя ево по переводе приобщено под сей журнал.

7-го числа, пребывая в крепости, занимались запискою вышеписанных переговоров. 8-го маия отправлен от муфтия к его превосходительству, господину генерал-маиору, правителю Уфимскаго наместничества и ковалеру Александр Александровичу Пеутлингу с нарочным муллою Габейдуллой Фетхуллинным рапорт, в коем, соображая обстоятельствы тех переговор, донесено суждение ево, муфтия:

1. От скораго киргискаго желания открыть в Оренбурге ярмонку бес пропущения удобнаго время может быть несравненно против прежних лет казенным доходам приращение, и российской народ ощущать будет выгоднейшее удовольствие.

2. Чрез освобождение безвинно содержащихся киргисцов в народе их обитаемое спокойствие наивящее утвердится, и все
л. 47 об. нужные с российской стороны затребовании || непременно выполняемы будут, освобождение ж их весьма быть может не бесполезным.

3. В разсуждении предписания о незахвате самовольно Уральскими начальниками киргисцов, а чрез требовании от Сырым тархана и расправ, прекратится в киргискайсацком народе злоупотребление, и преступники скоряе представляемы быть могут к суждению, а российские пленные возвращаться в Россию.

4. Когда ж киргискайсацкое общество всего обещеннаго не выполнит, то захватить удобнее можно по надобности из них в осеннее время при кочевьях, в чем и Сырым тархан уверил делать помоществование.

И прошено к разрешению онаго немедленной резолюции, дабы, не пропущая удобнаго время, чрез скорейшее получение оной можно было изыскать всенужнейшия к пользе отечества меры. Со учиненнаго ж вывезенному ныне харунжему Плеханову допроса приложена при том засвидетельствованная копия, и чрез кого повелено будет отослать ево х команде испрашивано от его превосходительства повеления. О захваченном же киргисцами следующем из Бухарии с караваном армянине знать дано, что он перед самым || нашим приездом л. 43
киргисцами отпущен и чрез Кулагину крепость куда следовало отправился.

9-го. Получены от его превосходительства, господина генерал-маиора и ковалера Пеутлинга муфтием предписании, пущенные:

1. От 30-го минувшаго апреля последовавшее по дошедшему его превосходительству известию от отправляемаго прошлаго 1789-го года в сентябре месяце его высокопревосходительством, господином генерал порутчиком, разных орденов ковалером, Осипом Андреевичем бароном Игельстромом, из Троицкой крепости в Бухарию канфидентов Казанскаго татарина Абзелиля Рязиева, что от Бухарскаго аталыка отправлен в Россию послом Кара Кази, и из Бухарии выехал прежде ево, Рязиева, отбытия за день, о немедленном и наивозможном разведании, где ныне оный посол находится, и к которым он местам уповательно выедет на Российские границы, и его превосходительство о уведомлении.

|| 2. От 2-го сего маия изъясняющее, что его превосходи- л. 48 об.
тельство с самого прибытия в город Уральск от муфтия о успехов в производстве препорученной коммисии не получал никакого извещения и о протчем, и просил о неукоснительном и подробном к нему донесении о всех здешних начинаниях и с каким видом, благоутешным ли, или противным оные происходят.

Того ж числа сношении:

1. От 3-го маия из Оренбургской експедиции пограничных дел, при котором прислан, вследствие предписания его пре-

восходительства, господина генерал-маиора и ковалера Пеутлинга от 26 апреля, пущенное находившимся в задержании по Нижной Уральской линии в разных местах киргисцам с показанием, по каким претензиям они взяты, и кто на них доказатели именной список, для повеленнаго муфтию в выручке российских пленных исполнения.

От 5-го из Уральской войсковой канцелярии, которым на
л. 49 затребование муфтия уведомляет, что || о зборе содержащихся по здешней линии киргискайсаков в Калмыкову крепость и отдаче на попечение муфтия представлено в Оренбургскую експедицию пограничных дел, от которой де без особаго повеления Войсковая канцелярия приступить собою смелости не приемлет.

На которые предписании 10-го числа изготовлены к его превосходительству донесении и 11-го отправлены с нарочным казаком Осмининым.

На 1-е. С прописанием об отправлении Бухарскаго посланника, последующаго 2-го числа с Сырым тарханом и протчими переговора 7-го пункта з донесением следующаго: что оной посланник уповательно прибудет в Оренбург, в Орскую или в Троицкую крепости. В продолжении ж ево пути зловредных киргискому народу внушений нимало не слышно, да и быть не может, потому что сам их аталык, опробовав муфтиев увещевательной лист, не нашел противности о бытии под Российскою державою киргискому народу, следовательно, и положения не нарушит. И притом муфтий просил, естли кто будет разгла-
л. 49 об. шать || с Бухарии какие-либо к стороне российской неприятные известии, не иметь оным вероятия. Коль же скоро упоминаемой посланник прибудет на границу, то не благоугодно ль будет его превосходительству, не допущая его пребыванием в Оренбурге, а особливо в Каргале, истребовать к себе в Уфу и, приняв, содержать благосклонно и оказывать политическое до приезду муфтия ласковостию удовлетворение; ибо тот посланник ему человек известной, от котораго де о всех тамошних внутренних обстоятельствах разведать он может. Во время ж пребывания ево в Уфе определить к нему для охранения и препровождения время из духовных испытаннаго им в верности деревни Каршиновой муллу Сулеймана Мустафина и преподать ему наставление, дабы он в случае приходящих мог изъяснять его превосходительству случившияся с посланником разговоры

да и сам бы ничего ему не доказывал и многих для развратных разговоров к нему не допущал, а всегда находился при нем. О времени ж ево прибытия в Уфу просил о уведомлении.

|| На 2-е. Муфтий объяснялся, что он, имея ясно изображающее всевысочайшее ея императорскаго величества повеление и данное от его превосходительства наставление в незабвенной ево памяти, и повсюду стараюсь оное в премом виде исполнить, по вступлении ево в первоначальное производством дел действие, за непременной долг сочтя, из Мергеневскаго фарпоста от 17-го, да по свидании Семиродскаго роду со старшинами, биями и батырями и объявлении им высокомонаршего благоволения от 20-го, и по прибытии нашем в крепость Калмыкову из оной от 24-го и 29-го числ минувшаго апреля с подробными обстоятельствами к его превосходительству отправил репорты, но, не получа на первые резолюции, еще от 8-го числа маия со описанием всех последующих переговоров послал таковой же и нарочнаго муллу Габейдуллу, с которых репортов препроводя точныя копии, изъевлял он, муфтий, свое сожеление о обременении его превосходительства беспокойствами от ходящих из разных мест донесениев, относящихся на киргиских старшин Сырым тархана и Каратаубия, якоб в приуготовлении ими нападениям на российские границы и в чинении разбойничеств, чего (кроме бывшей в прошедшую зиму от некоторых, а не от Сырыма) ныне по прибытии || нашем совсем нет, и что он, не обождав от муфтия, яко с полною доверенностию и наставлением отправленнаго, обстоятельнаго сведения, ея императорскому величеству учинил всеподданнейшее о том донесение. Доложа притом, что за неполучением о успехах ево сведения, ко успокоению киргискаго народа и для обеспечения границ империи и верноподданных ея императорскаго величества, от взетья в том мер его превосходительство изволил удержаться весьма благоразумно, ибо в сих краях обитает в киргиском народе совершенное спокойствие и тишина и никаких шалостей не предвидится. А говоря притом и мулле Абдулкасиме с канвойным, что они Семиродскаго роду киргисца Аманбаева детьми на короткое время хотя и были увезены в их улусы, но не в виде пленения, а по имевшейся у них с казаками того фарпоста в невозвращении ис числа отогнанных у киргисцов 5 остальных лошедей претензии, с намерением держать их до решения между ими разбирательства. Однако,

л. 50

л. 50 об.

узнав о муфтиевом прибытием приближении, до ево еще приезда возвращены, то сего им, киргисцам, и в преступление вменить не можно. Что ж принадлежит о приложении старании в выручке астраханских армян и других российских пленных,
л. 51 то о сем донесено, что || муфтий еще до свидания неоднократно посылал затребовании к Сырым тархану и протчим старшинам, биям и батырям, а потом при переговорах и лично требовал, которые, уверяя ево священным Алкораном, о возвращении оных обнадежили приложить свои всевозможные старании. Причем прошено и о иследовании о притчине продолжения в пути прежде отправленных репортов.

Того-ж числа и еще отправлены к его превосходительству донесении.

1. На полученное от него предписание, что требуемой муфтием в добавок ко отпущенным 350 руб. суммы на подарки киргиских старшин ассигновать его превосходительство не может и о протчем, со изъяснением, что по оному муфтий впредь исполнение чинить не приминет; а сколько им задержено на починку повозок и другие непредвидимые расходы, т. е. на трактамент пищею киргиских чиновников и их свиты, собственных ево денег, о том по возврате представить имеет вернейшую записку.

2. О полученном из Оренбургской експедиции пограничных дел именном содержащимся киргисцам списке, с тем, что до получения онаго с киргискими старшинами в касательном переговоры кончены. А хотя таковое сведение, на тогдашней случей
л. 51 об. почитая нужным, в бытность еще в Уральске, муфтий || от господина полковника Данскова неоднократно и требовал, но, неизвестно почему, о сем знать не дано. И без онаго муфтием, исполняя данное от его превосходительства наставление, все имевшия в Орде российския пленныя, как и выше в сим журнале явствует, повсечасно требованы и объявлено от киргиских старшин, что разосланы за ними нарочные и по привозе обезались представить. О написанных же в том полученном списке о содержащихся киргисцах и пленных, оставленной при нашей свите отделеннаго експедиции присудствия киргиской заседатель Байсала Аювов объявил, что из них, киргисцов, многие освобождены и ис пленных некоторые возвращены, да из оставших киргисцов инные находятся безвинно, да и ныне де в задержании киргисцы, неизвестно ему, Байсалу, по каким делам,

совсем другие, почему, списав со объявленнаго списка копию, и по показанию онаго Байсалы и Семиродскаго рода расправнаго судьи старшины Дженыбека, учиня против каждой статьи прежде задерженных киргисцам отметки, муфтий при том донесении отправил к его превосходительству, испрашивая еще о освобождении безвинных разрешения.

|| При самом отправлении помянутых донесений, получил л. 52
муфтий от Сырым тархана чрез нарочно посланных письменное сведение, изъявляющее в их народе совершеннейшую тишину и спокойствие. И при том уведомлен о находящихся до сего кочевьем по Сыр-Дарье и дальнейших в степе местах Алимулинскаго рода Сегизбае, Мратбеке и Тулубаи биях и прочих старшинах и батырях, что они, известясь от посыланных им Сырымом о последовавшем киргискайсацкому народу высокомонаршем ея императорскаго величества благоволении, относящемся к собственному их благополучию, и о нахождении нашем в сих пределах, с восхищением порадовавшись, оставя по Сыр Дарье и дальнейшия в степи для кочевки места, со всем своим обществом ныне предприяли путь и, продолжая оной для обоюднаго с Сырым тарханом и ево подчиненными пребывания и кочевки по реке Уралу, приближаются к границам здешним и везут для возвращения российских пленных, как-то астраханских армян и протчих, которые де уповательно без дальнейшаго продолжения времени и прибудут. А поблизости кочующее киргиское общество, в разсуждении тишины и спокойствия, перекочевку || имеют ближее к Оренбургу, вверх по реке Уралу л. 52 об.
и спешат более для произведения мены. И к последнему свиданию и переговору он, Сырым тархан, и протчие старшины, бии и батыри назначают место в городке Илецком. По каковому о прикочевке Алимулинскаго роду Сигизбая и протчих сведению, до прибытия их и совокупления во общество Сырым тархана и предостались мы пробыть еще в крепости Калмыковой. А коль скоро они приближась и вверхь по реке Уралу мимо сей крепости проедут, то, не мешкав ни мало, положили намерение отправиться к Илецкому городку. О чем и к его превосходительству того ж числа отправленным особым донесением знать дано, и притом прошено, в разсуждении прикочевки немалаго количества киргискайсацкаго общества к линии, о нечинении им обид и притеснений, а о показании всяких благодеяний, о предписании по Верхне и Нижно-Уральской линии господам

комендантам и протчим начальникам так, как и от его высокопревосходительства, господина генерал порутчика и разных орденов кавалера, Осипа Андреевича Игельстрома чинимо было, дабы в случае от кого либо обид, не могло киргиское общество приттить во огорчение.

л. 53 || В вышеизъясненном же письме он, Сырым тархан, между протчем уведомляет, приехав де к нему от кочующих близь Верхнеозерной крепости Таминскаго рода киргизец объявил, что в прошедшую зиму по приказанию той крепости коменданта, еще до бывшаго неустройства за учиненную барамту, то есть за отгон скота, отобрано от них 500 лошадей, 800 баранов, и 30 коров, о чем также во оном донесении его превосходительству объяснено.

12-го числа до сведения муфтия дошло, что ис числа содержащихся в сей крепости, вместо захваченных киргисцами с Астраханских кардонов казачьего харунжего и калмык, 9 человек киргисцов один, Алтыбаш Алачинскаго роду Малкара, одержим крайнею болезнию, то дабы не мог он в сим заключении и умереть, и другия б киргисцы в разсуждении их лехкомыслия не могли причинять крепостным обывателям мщения, в минование коего муфтий, хотя от его превосходительства и не получил еще о освобождении киргисцов разрешение, чрез

л. 53 об. данное от себя крепостному начальнику || полковнику Калпакову предложение вытребовав ево, Малкару, отослал для доставления в ево улусы с нарочным к Сырым тархану, о чем 13-го числа и к его превосходительству донесение отправил.

13-го числа получены муфтием от его превосходительства, генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера, Александр Александровича Пеутлинга предписании, пущенные от 26-го минувшаго апреля:

1. О живейшем внушении всему киргискому народу муфтиевыми наставлениями, что беззаконные их, киргисцов, границ здешняго и Кавкаскаго наместничеств востревожении и тем нарушение обоюднаго спокойствия, естли скорым искреннейшим раскаянием и усердным обращением к верноподданнической своей должности не предуспеют приобрести себе высокомонаршего благоволения, подвергнуть могут себя неизбежному наказанию; и ко имении сношений и советов с господином полковником и войска Уральскаго войсковым атаманом Дансковым, и о протчем.

|| 2. Последующее на жалобу муф ия Татищевской крепости л. 54
на коменданта маиора Головина, с последним подтверждением о неоказывании муфтием никаких излишеств и пышностей начальствованием самопроизвольно воинскими чинами, и что его превосходительство за сим уже побужден будет всеподданнейше донести ея императорскому величеству.

3. С приложением учиненнаго в канцелярии его превосходительства киргисцу Татаю Сигизбаеву, задерженному под Кулагиной крепостью, возмущении именем Сырыма батыря Чиклинскаго роду киргисцов допроса, о употреблении написанных во оном свидетелей ко обличению Сырыма в его неблагодарности и вероломных злоумышлениях и ко обращению к истенному раскаянию и верноподданической должности.

Ис коих по 1-му того ж числа писано от муфтия с прописанием онаго к господину полковнику и войска Уральскаго войсковому атаману Данскому, со изъяснением, что муфтий с самаго начала ево на Нижно-Уральскую линию прибытия о дерзостных поступках к стороне Российской киргискайсацкаго народа, кроме бывшего пред сим разстройства, || никакого л. 54 об.
сведения не имеет. И прошено ево уведомления, не имеет ли он, или Уральская войсковая канцелярия от кого в произшедших со стороны киргиской на границы здешняго и Кавкаскаго наместничеств наглостях донесении, и буде есть, то какие по совету ево, Данскова, должно принять ко уничтожению оных меры.

14-го, 15-го и 16-го числ находились во ожидании от Сырым тархана о состоянии их общества и о пленных сведения.

А 17-го получил муфтий чрез находившагося при Суфры бие муллу Абдулкасыма Абдусалямова и Алачинскаго рода киргисца Байгилду Кутранова с товарищи и Черкескаго рода Сыламат бия от Сырым тархана письмо следующаго содержания:

Высокостепенному и высокопочтенному господину муфтию Мухамметь Джану Хусеинову.

Отправленное маия от 12 числа письмо вашего высокостепенства получил и, прочтя оное, и за отпуск киргисца Малкару весьма мы || порадованы. В сходственность вашего предписа- л. 55
ния о уведомлении о разных обстоятельствах, то имею честь донести, от приезжающих из Бухарии и Хивы, кроме благо-

устройства, ничего не слышно, и во всем де обитает тишина и спокойствие. Ис Хивы ж сего года многое количество вышло караванов и ныне уже будут в киргисцах, и вожатыя киргисцы, получа письменныя виды, к ним отправились. Алимулинскаго ж роду, Мрат бий, Чунканкан бий, Тулыбай бий, дали мне знать с нарочным, что они с некоторым числом людей едучи остановились разстоянием от нас в дневной езде по случившемуся междуусобному в Сыкларском роду у киргисцов небольшому делу, и везут с собою одного арменина и одного рускаго и татарина. А за другим де арменином и рускими посланы во все стороны искать нарочныя, о чем точно бутте уверены. И что вы сюда изволили прибыть, тому весьма обрадованы. И того рода общество, Мрат бий и протчия бии свидеться с вами ласкуют себя надеждой. В немаловажных их делах донесено ея императорскому величеству и его превосходительству, и что по воспоследовании повеления обещались не оставить без обследования. Сверх того, наведались мы, что
л. 55 об. отдачею || Чуйташевых баранов удерживаетесь, что у сына ево есть две руския лошади, чему никак не извольте верить, ибо у него таковых лошадей нет, и общество наше огорчается, что, таковым ложным руских людей словам поверивши, не изволите решить малыя претензии. Женатая ж, по болезни ево, послать никак было невозможно. И как вы киргисцов наших, содержащихся внизу р. Урала, изволили обнадежить всех собрать в Калмыкову крепость, то собраны-ль оныя, и какия есть уведомления сверху р. Урала и от разных мест не оставьте меня уведомить.

При сем же уведомляю вашего высокостепенства, что к возвращению армян и руских приложили старание Мрат бек, Чункакан бий и Тулабай бий, которых и должно награждением вашим не оставить.

Вышеписанной-же мулла Абдулкасым объявил: из приезжавших к Сырым тархану, следующаго ис Хивы и Бухарии каравана вожаков, Сыкларскаго рода киргизец, бывшей в Хиве Ирали Бердалиев на спрос Сырымов, куда отправленной от Бухарскаго аталыка посланник на границы Российски выедет, ||
л. 56 сказывал, что слышел он, якоб сперва будет к нему, Сырыму, а потом продолжит путь свой к Оренбургу и следует с тем, чтоб со стороны Российской оставлена была продолжающая с Турецыею кампания, и киргисцам бы з границ Российских не

малейших обид причиняемо не было. А в противном случае оной аталык не приминет, сообщась всею Азиею, открыть войну. Когда ж от стороны Российской киргисцы не ошущают никаких притесненей, то наставлении ево киргискайсацкому народу, чтоб они, соблюдая обезательство учиненной ими клятвы, находились в совершенном спокойствии и тишине и никаких продерзостей не оказывали. И с прописанием всего вышеписаннаго того ж числа к его превосходительству, господину генерал маиору, правителю Уфимскаго наместничества и ковалеру, Александр Александровичу Пеутлингу донесение отправлено.

Сверх же прописаннаго объявил упоминаемому ж мулле Абдулкасыму Байулинскаго рода, Черкескаго колена киргизец Бикмембеть, председателя Турмамбеть бия сын, что слышел он от посыланнаго Сырым тарханом в Бухарию посланника, Адайскаго рода Кискилды, в бытность де ево у тамошнего аталыка находившияся || в препровождении бежавшаго ис протекцыи рос- л. 56 об.
сийской уральскаго казака муллу Хасана, Алимулинскаго рода ис кривотолкующих существо магометанскаго закона муллы Телека, на вопрос онаго аталыка ответствовали, хотя де они с своими сообщниками и употребляют всевозможные меры склонять киргиской народ иметь на российские границы нападении, но они, не приступая к тому, как сами, так и их удерживают. Отзываясь тем более, что они всем обществом имеют к России такую привязанность: 1-е, пользуются касательными к человеческому употреблению плодами; 2-е, покупкою для платья разных вещей; 3-е, в зимнее времена всегда конские их табуны имеют пропитание на внутренней Российской стороне. И притом повторяют к непременному склонению киргиское общество на их стремление. На что бухарской аталык предлагал им, когда киргиской народ не ощущает от России наносящих вред притеснений и не имеет к войне согласия, то им свое намерение должно оставить, дабы беспритчинным кровопролитием не могли восчувствовать || безвинные, а особливо малолетные, л. 57
гибели. Которые с тем и предостались безмолвными. Хасана ж де муллу и другаго еще таковаго ж Абдрахмана с их семействами принял он, аталык, под особое свое покровительство и наградил их землею, а Хасана и деньгами 300 червонных.

А притом он, Абдулкасым, Саламат бий и Байгилда батыри и о сем объявили, что Сырым тархан, по возврате после пере-

говоров в улусы, обществу своему изъясняя видимое к муфтию от всех бывших в свите почтение, предлагал, что августейшая монархиня столь милосерда, невзирая на различие веры, но усмотря усердную и верную к отечеству службу и их единозаконника, то есть муфтия, удостоила в великое звание. Следовательно де, и им всякому должно, видя сей пример, исполнять ее высокомонаршую волю с рачением и чрез то пользоваться ея неоцененными благоволениями, которое все бывшие при том киргисцы выслушав, отзывались Сырым тархану за такое благоразумное наставление благодарностию, обещаясь всегда подражать сим примерам.

л. 57 об. || Того ж числа отправил муфтий к Сырым тархану муллу Абдулфятиха Абдусалямова для выручки российских пленных: астраханскаго, из армян, купца и других, и разведывании о следующем из Бухарии в Россию посланнике и разных обстоятельств, с письмом следующаго содержания:

Почтенным киргискайсацкой Меньшей Орды тарханам, биям и батырям, старшинам и протчим мурзам.

Маия 17-го числа последовало мне от его превосходительства, Уфимскаго наместничества господина губернатора и разных орденов кавалера, Александр Александровича Пеутлинга по воспоследовавшему на имя его от ея императорскаго величества соизволению повеление. Отправлен я для личнаго свидания с вами и объявления всему народу вашему особеннаго ея императорскаго величества матерняго благоволения, каковые и при прежних с вами свиданиях имел счастие вам изъ-
л. 58 евлять и пользоваться вашею || благодарностию, со уверением справедливостию закона нашего о всегдашнем вашем непоколебимом пребывании и верноподданическом усердии. Мне-ж предписать его превосходительство изволил внушить вам, почтенному Киргискайсацкой Меньшей Орды обществу, должность и верноподданническое усердие, которое состоит в том, дабы вы за изливаемые на вас ея императорскаго величиства щедроты в знак благодарности постарались всех в Орде вашей находившихся российских пленных, изыскивая, возвращать, чего я по высочайше возложенной на меня доверенности от вас непременно и требую, которое и вы обязаны в самой точности исполнить. И я ползуюсь удовольствием вашего уверения письмом, чрез присланного от вас Байгиля батыря полученным,

и что особенно вы, почтенныя бии, захваченных астраханскаго армянина Аракиля с товарищи, оставших калмык и других, написанных в данном вам от меня регистре, пленных обнадежили ко мне доставить, чего нетерпеливо ожидаю. И сии знаки ваших усердностей не примину объяснить его превосходительству, которой и сам торжественным своим обещанием предписывает уверить вас, почтенное киргискайсацкое общество, о ево к вам || во всех ваших надобностях благорасположении. С сим л. 58 об.
же моим письмом за нужное почел отправить находившагося при нем в верности испытаннаго муллу Абдулфятиха Абдусалямова.

Отправлены донесении к господину генерал маиору, правителю Уфимскаго наместничества и ковалеру Александр Александровичу Пеутлингу для ведома о требуемом муфтием от оренбургскаго обер коменданта, господина генерал маиора и ковалера Зембулатова подлекаре с принадлежащими медикаментами и инструментами для пользования ево по случаю одержимости болезней и других, в свите находящихся, и сообщении господину генерал маиору и оренбургскому оберкоменданту и ковалеру Якову Михайловичу Зимбулатову:

1. О получении сообщения из Оренбургской експедиции пограничных дел, от 3-го маия пущеннаго, с приложением при оном регистра о содержащихся по Нижно-Уральской линии в разных крепостях и фарпостах киргисцам, захваченных российских пленных киргискайсацкими ворами, коим знать дано, что ис числа || российских пленных, захваченных с Астраханских кардонов, харунжей Михайла Плеханов выручен и находится в свите, а вместо ево, находящейся в крепости Калмыковой, ис числа захваченных за того харунжего и 4-х чел. калмык, 9 чел. киргисцов, одержимой тящайшею болезнию, Алтыбашева роду киргизец Малкара освобожден ис под стражи и возвращен в их Орду. А притом о захваченных астраханском из армян купце, одном руском и одном татарине, что они Сырым тарханом от воров киргисцов чрез нарочно посылаемых отобраны и для возвращения к нему везутся, и о следуемом ис Хивы весьма немалом караване и скором прибытия онаго в Оренбург, и также о скорейшем открытии киргискайсацким народам мены. л. 59

2. О присылке для пользования муфтия и в свите находящихся с принадлежащими медикаментами и инструментом подлекаря в крепость Калмыкову.

18-го получены предписания от господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Александр Александровича Пеутлинга: ||

л. 59 об. 1. От 23-го числ[а] минувшаго апреля о утверждении киргискайсацкой народ в верноподданническом пребывании под Российской державой, об отвращении полезнейшими и душеспасительными для них наставлениями от всех предпринимаемых злоумышленных поступок, разнообразных толкованиев и о замечании в добром и верноподданническом усердии находящихся киргискайсацких старшин, выручке пленных российских и их имущества, а равно увлеченных на дороге от Гурьева к Астрахани армянскаго купца з будущими при нем 5-ю человеками и захваченных Кавкаскаго наместничества с Сетертинскаго бекета 4-х человек калмык, и о точнейшем разведании Сырым тархана, в каком он ныне находится расположении. А притом он, господин правитель, подтверждает, чтоб киргискайсацких старшин не какими подарками не награждать, и не приемлет в щет казенной суммы, употребленной муфтием на подарки киргискайсацким старшинам, и о протчем.

2. 7-го маия, последующее на отнесении от 17-го и 21-го числ
л. 60 минувшаго апреля от муфтия отправленные, || коим изъесняет о уральском мулле Касиме, якоб он о возвращении Нур-Али хана в Орду с прежним достоинством разглашения и ложных слухов в киргискайсацкой народ не внушал и рекомендуется в верности испытанным, а притом о киргисце, отправленном из Уральска с тем муллой, Татае, якоб и он по научению Сырым тархана имел в киргискайсаках разъезд к склонению киргисцов для возстановления войны и нападения на российские границы, около крепости Кулагиной расположенным, и чинил внушении, в чем де утвердил себя взятым его превосходительством допросом, с которого прислана копия, а киргизец для надлежащего по закону суждения отослан в Оренбургской пограничной суд; и против показания киргисца желательно его превосходительству, чтоб Сырым тархан во всем оправдался. В чем предписывает о внушении киргискайсацкому народу, чтоб пришол в совершеннейшее в злоумышлении их раскаянии, и объявить им, что за предоставлением вредительнейших намерений, а по совершенно подданническому и спокойственному их пребыва-
л. 60 об нию, могут получить неоцененные || ея императорскаго величества к ним милости, и уверять их, что все их задерженные

киргисцы непременно по возвращении российских пленных возвращены в их Орду будут. О выручке ж российских, и какие Сырым тархан с Бухариею имеет переписки, о узнании всего прилагать старании; а к раздаче киргиским старшинам подарков не приступать, и о протчем.

Сообщении:

1. От господина генерал маиора, Оренбургскаго обер-коменданта и ковалера Якова Михайловича Зембулатова от 11-го сего ж маия, с прописанием во оном резолюцыи его превосходительства, господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Александр Александровича Пеутлинга, последующей на отнесение муфтия, отправленное от 17-го минувшаго апреля, о выпуске содержащихся по Нижно-Уральской линии в крепостях и фарпостах киргисцов и отдаче на попечение муфтия, на таковое же и к нему, господину Зимбулатову, отправленное знать дает, что выпустить киргисцов и отдать на попечение муфтия зделать разрешения не может, а прописывает, что от господина генерал маиора Пеутлинга предписание об оном || учинено, и можно правилами ево во оном л. 61
пользоваться.

2. Из Оренбургской експедицыи пограничных дел от 11-го сего ж маия под № 306, с прописанием во оном разбирательства, учиненного пример-маиором Степаном Акутиным по жалобе Байулинского отделения главнаго киргискаго старшины Каратаубия войска Уральскаго на войсковаго есаула Солодовникова с командою в разграблении якобы одной киргиской кибитки и в заколотии будто бы до смерти копьем одного киргисца, и о протчем. Каковое разбирательство учинено по справедливости и опробовано его превосходительством господином генерал маиором, правителем Уфимскаго наместничества и ковалером Александр Александровичем Пеутлингом. А имевшееся при деле во удовольствии разбирательством от Каратаубия письмо, препроводя Експедицыи, предписал чрез муфтия истребовать от него формально письменной отзыв, свидетельствующей ево, Каратаубия, и обиженных киргисцов совершенное во всем удовольствие. Вследствие его превосходительства предписания || и требует Експедицыя, тот отзыв л. 61 об.
отобрав, во оную доставить для изобличения ж Каратаубия, в противном случае недачи отзыва приложено при оном ево письмо.

21-го числа маия отправлены к его превосходительству, господину генерал маиору и ковалеру Пеутлингу от муфтия донесении на полученные от него предписании 13-го числа:

1. О живейшем внушении всему киргискайсацкому народу, естли не придут они в раскаение, подвергнуть себя могут неизбежному наказанию, и о имении сношении и советов с господином полковником Данковым, и о протчем. Касательно де до внушения о спокойствии и пребывании в верноподданнической должности киргискайсацкому народу, при свидании муфтия и разговорах с старшинами, биями и батырями до получения еще сего предписания, прописанные во оном правилы в живейшем виде смысла оных, з довольными доводами священнаго писания по могометанскому закону, им предложены, которые киргискайсацкой народ приняв во уважение, относился довольл. 62 ным, что из веденнаго журнала по возврате ево, ваше || превосходительство, обстоятельно усмотреть изволите. Ныне-ж в Киргискайсацкой Орде обитает совершеннейшая тишина и спокойствие, то более по сему внушать содержание сего предписания кажется уже долгу и не настоит. О прописанных же его превосходительством дерзостях и разбойничествах киргискайсацкаго народа, о возтревожении границ здешнего и Кавкаскаго наместничеств удивлению достойно. В какое время оное происходило, нимало сведения не имеет, окроме что в ныне прошедшую зиму между Уральским войском и киргиским народом произшедших неудобствах и захвате Астраханских кардонов четырех калмык и одном харунжем, то за особой долг сочел, держась силы сего его превосходительства предписания, сообща к господину полковнику Данскому, просил о всем оном подробнаго сведения, однако ж и поныне в получении онаго не имеет. Естли ж после бывших ныне в прошедшую зиму происходящих неустройств вновь о чинимых киргискайсацким народам кто либо к сведению его превосходительства относился, то едва ль можно почесть их вероятными; в разсуждении ево, муфтия, здесь пребывания, довольно б он мог иметь вернейшии сведении и не оставил бы к его превосходительству донесть подробно. Принадлежательно ж до замечания в верноподданническом усердии находящихся киргискайсацких старшин, все оное выполнить и по возврате ево представить не приминет.

л. 62 об. || 2. По жалобе муфтия Татищевской крепости на коменданта, господина маиора Головина, что муфтий побужден к при-

несению жалобы на помянутого коменданта по притчине недачи им потребнаго количества подвод, которых и то напоследок уже собрано было в упрежь только 21 (а не 36, как он, Головин, в своем ответе прописывает), на каковом количестве, хотя его превосходительство и полагает, что в большинстве оных не имелось надобности, но по тогдашнему сущему распутию и в логах о трухлости снегов немалой глубины, а особливо и по худобе лошадей, отправиться никак было не можно. Однако, видя азартной онаго господина коменданта Головина неимением более лошадей отзыв и угрозы, с необычайным с крыльца ево квартиры криком на находившегося при нем, муфтии, подпорутчика Давыдова арестом, а драгуна телесным наказанием, принужденным нашелся отправить о сем донесении к его превосходительству и к господину генерал маиору, Оренбургскому обер-коменданту и ковалеру Якову Михайловичу Зимбулатову и следовать в принадлежащей ему путь, продолжая оной в тракте до Озерной крепости со всею свитою большую половину пешия. Командования ж ево воинскими чинами ни только не было, || но и мыслить о том расположения не имел, л. 63
да и какое бы оное и над кем было. А особливо о пышности, относительной к единственному ево обнесению, не изволил удостоить ево сведением, по которому б и не оставил доказать ево невинность, но, сверх ево чаяния, видит из онаго его превосходительства предписания в последний раз подтверждение, и что за оным понудится уже всеподданнейше донесть ея императорскому величеству, якоб в чинимых им, муфтием, самопроизводствах, каковые выговоры и суще обличенные в подобных сему преступлениях переносить могут с великою тягостию. То о сем изъяснено, что сколь не трудно будет претерпеть оные беспритчинно таковой духовнаго сана особе, которая пользуется высочайшею ея императорского величества доверенностию и благоволением, а притом должно, дабы сие надменное взыскание, а особливо и во взятье им излишних подвод и к немалому ево сожалению сущее уменьшение во всех предписаниях всемилостивейше возложенного на него вероятия, не могло понудить и с ево стороны поднесть таковое ж, мыслящее его превосходительством, всеподданнейшее ея императорскому величеству донесение, чрез которое иногда обнаружиться может ныне, что ему с сопряженною с ним свитою не только в самое распутное вешнее время, но и в ныне настоящее сухоть на

таковом назначенном в подорожней малом числе, то есть на
л. 63 об. 10 лошадях || упразниться и поспешить никак было невозможно. Касательно ж до той цели, для которой он отправлен, то о успехах оной уже не предвидит надобности объясняться, а изволит усмотреть из отправленных ево донесений.

3. О утверждении в верноподданническое пребывание киргискаго народа, о разведывании, в каком положении Сырым тархан находится и о протчем, к выполнению всего предписаннаго в предписании муфтии и до получения онаго, держа повсюду в незабвенной ево памяти всевысочайшее ея императорскаго величества повеление, а также и данное от его превосходительства наставление, о всем оном по свидании и переговоре ево с киргискайсацкими старшинами, биями и бытырями всезвозможнейшии прилагал старании. И какой в том происходил успех и с какою пользою, почасту его превосходительству доносил, ис чего усмотреть изволит, на что и ссылается. Но при сем долгом себе поставлял и сие донесть: в пребывание ево по Нижно-Уральской линии никаких о злоумышлениях Сырым тархана и других киргиских старшин слухов до сведения не доходит, как только обитает тишина и спокойствие. Да и Сырым тархан, замечает он из всех обстоятельств, не имеет никаких других расположениев, а единственно старается изъявлять навсегда верноподданическое ево усердие, а об оном внушать и киргискайсацкому народу. Но без достойного удивления выразумевает он, муфтий, ис предписания его превосходительства, что со всех сторон подтверждается слух, якоб о зломышлениях Сырым тархана, но судит он, муфтий, почему и кем
л. 64 такое || безвинное на него поношение произнесено в действие, ему ни мало не известно, чего б желательно хотел на бумаге видеть, но не мог другова изъяснить, как выше упомянуто, — назвать ево в верноусердности пребывающим. О выручке ж армянскаго купца з будущими при нем неусыпные прилагает старании, которой в числе 2-х, одном руском и одном же татарине, Сырым тарханом чрез нарочно посланных от воров киргисцов отобраны и везутся к нему. А где они ныне пребывают, из отправленного к его превосходительству от 17-го сего маия донесении усмотреть изволит. За коими послан от него, муфтия, к Сырым тархану нарочной, которой еще не возвратился. Касательно ж до непринятия его превосходительством употребленных им прогоны 20 руб. денег и подаренных за усердность

в верности киргискайсацким старшинам вещей на щет казенной суммы, то все сие им, муфтием, чинено было к приобретению отечественной пользы, а потому и ни мало не поставляет, естли б и неприятно было, себе за потерю. Для пользы отечества ни только употребить столь малой суммы он желает, но обязан не щадить своей и жизни. А притом полагает безсумненную ево надежду, что по исполнении || порученной ему комис- л. 64 об.
сии, всеавгустейшая монархиня, всемилостивейшая наша государыня, не оставит изъявляемые труды всех усердных сынов отечеству наградить своим высочайшим благоволением, да и правительство без расмотрения не оставит.

О изобличении Сырым тархана чрез написанных в приложенной при том з допроса киргисца Татая копии свидетелей в ево вероломных злоумышлениях и о протчем: хотя киргизец Татай в учиненном ему допросе и показывает, якобы в бытность ево в ныне прошедшую зиму в улусах Сырым тархана слышал происходящей у него с киргисцами совет о неукоснительном намерении к нападению на крепость Кулагину, и бутто б ево просили, чтоб он кочующим близь той крепости Чиклинского рода киргисцам объявил от Сырыма о скорейшей откочевке, и чрез то б не помешали они в выполнении ево предприятия, каковое ево показание едва ль дойстойно вероятию, потому как он, повстречавшись с муфтием на дороге, объявил при нем находившемуся мулле, что он отправлен в Уфу ис подобстрастности для показания на Сырым тархана, бутто бы в намеряемых им предприятиях. А к тому ж и с ним || отправлен из Уральска, л. 65
яко от имевшагося с Сырым тарханом претензию места муллой, которой по подчиненности своего начальства, а также зная не менее по случаю внушения ево в киргискайсацком народе неистовых разглашениев винность, непременно старался к прикрытию всего онаго внушить в него, киргисца, ко оклеветанию по безвинности Сырыма меры. О чем пред сим от него, муфтия, к его превосходительству обстоятельно донесение послано, ис коего не трудно будет усмотреть всю справедливость. А к тому же не без достойного есть замечания, что Сырым тархан как уже по прошествии зимы и совершенной весны никаких вред наносящих поступок нимало не оказывал, а не менее в пребывание муфтия по Нижно-Уральской линии также никаких слухов о его злоумышлении или развратностях к сведению ево не доходит, как только оказывает верноподданническое усердие

и выполняет все чинимые муфтием затребовании. Также о всех вновь последующих в их Орде известиях, как чрез нарочно посланных, а так и письменно к сведению ево доставляет и более печиотся о установлении в киргискайсацком народе спокойствия, что уже и обитает. О чем неоднократно к его
л. 65 об. превосходительству от него донесении отправлены. || А потому самому муфтий и полагает предписанное правило ко изобличению ево, чрез прописанных в допросе свидетелей, ныне в разсуждении, чтоб при столь изъявляемом к пользе российской ево усердии не могло навлечь огорчения и в подчиненном ево народе, почитающем Сырыма достойнейшим над собой начальником, по лехкомысленности их не вкоренить какое либо ко отечественной пользе неудобство, поставляя все оное в предмет и совершенно к выполнению предписанного предоставить.

5. О торжественном от имени его превосходительства киргискому народу объявлении в отдаче всех задержанных киргисцов, а им о возвращении российских пленных, также об уральском мулле Касыме и о протчем. Означенной-де мулла Касым хотя его высокопревосходительством Осипом Андреевичем бароном Игелстромом и его превосходительством в верности усердия и замечен, но по дошедшему к нему, муфтию, о сем ево в возвращении хана разглашении, поставляет непременно справедливыми, потому более, что киргисцы не имеют ни малейшей притчины взводить на него ложные оклеветании; а он, Касым, иногда мог себя на то употребить, подражая своему начальству, и именно: войска Уральскаго войсковому атаману,
л. 66 господину полковнику || Данскому и протчим, на которых имеют киргискайсаки все их претензии и неудовольствии, дабы чрез то умножить имеющуюся у Сырым тархана и ево общества з держащею ханскую сторону партиею междуусобную вражду и вкоренить в Сырыма с ево единомыслящими таковыми о хане слухами огорчение и тем довесть их до разстройства, которые б Уральскому войску послужить могли непреоборимым оправданием. О каковых ево, Касыма, несправедливых произношениях им, муфтием, киргискайсацкой народ при переговорах довольно уже чрез Сырыма и уверен. Касательно же до киргисца Татая, то почему ево показание не произведено им в действо, из особаго ево, муфтия, донесения, сего ж числа отправленнаго, усмотреть изволит. И чтоб Сырым и протчие противные клят-

венному их обещанию имели з Бухариею чрез послов переписки, того нимало в них не замечает, а изъявляют при каждом свидании подтверждение их верноподданнической обязанности и стараются, соблюдая спокойствие и тишину, приобресть неоцененные || высокомонаршия ея императорскаго величества л. 66 об.
благоволении. А в каком смысле муфтий полагает себе предприятие во освобождении задержанных киргисцов служащим пользою отечеству, и какое их на муфтиевы увещевании в возвращении российских пленных обнадежении, да и с нашей стороны, на случей последовавшей от них в том несправедливости, к принятию мер имеются способы, обо всем оном из прежних ево, муфтия, донесений обстоятельные имеет уже сведении, по коим и находился во ожидании окончательнаго разрешения. К тому ж осмелился донесть, что и о взятых им на кредит вещах и употребленных из них некоторых в подарки киргиским старшинам, он ни малейшаго соболезнования не имеет и за неумышленную ошипку нимало себе не поставляет, то и о сем из особаго муфтиева уведомления усмотреть изволите.

22-го и 23-го, 25-го, 26-го и 27-го находились во ожидании по посланным к его превосходительству с муллой Габейдуллой Фетхулиным и казаком Осмининым донесением его резолюцыи. А между тем, 24 числа получено от его превосходительства предписание, пущенное 14 маия, о нечинении муфтием киргискайсацкому народу потворства в их требованиях и о обличении их в противных || присяге и верноподданической обязанности л. 67
поступках, и о предавании муфтиевых советов во отвращении от допущения киргискайсацкими старшинами своих подчиненных до наглостей, и о протчем.

28-го числа возвратился посыланной к Сырым тархану мулла Абдулфятих Абдусалямов и при письмах от него, Сырыма, и Мратбек бия привес присланных с киргисцами 3 человеками, Саламат батырем с товарищи, ис числа захваченных ворами киргисцами ниже Гурьева городка 5 человек армянской нацыи, купца Аракиля Давыдова и астраханскаго 1-ой гилды купца Каловстова прикащика, астраханскаго ж из нагайцов татарина Исая Зиянова. А последних с ними пленных и о пограбленном имуществе уверяют, что и другой арменин и ис казаков один к нему, Сырым тархану, нарочно присланными от него везутся и немедленно в Россию возвращены будут, а по собрании и имущество. Да и других пленных отыскивать они стараются,

а с российской стороны требует, чтоб и их, содержащихся как за армян в городке Гурьеве и в других крепостях и фарпостах, киргисцов, освободя, возвратить в их Орду, почему б де удобнее и им было от воров отбирать российских пленных
л. 67 об. и привесть киргиской народ в наивящее повиновение || и тем преступников изобличать в их зловредных поступках. А оной мулла Габдулфятих донес, что в киргиском народе в бытность ево никаких злоумышлений он не заметил, кроме как Сырым тархан и Мратбек бий с протчими старшинами стараются выполнить отысканием российских пленных наши затребовании и пребывает во всей Орде спокойствие. Каковые-ж обстоятельствы вывезенные пленные арменин Давыдов и татарин Зиянов объявили, и сколько у них ограблено при захвате имущества, о том отобраны от них скаски и регистры и за их рукоприкладством приобщены ниже сего журнала.

А присланное письмо следующаго содержания:

Высокостепенному и высокопочтенному магометанскаго закона муфтию.

Письмо вашего высокостепенства с муллою Габдулфятихом Абдулсалямовым получить честь имели и, поняв содержание онаго, сим отвечаем.

Алимулинскаго роду главной старшина Мратбек бий Аибашев, приехавши, к нам сообщился и ныне прошедшей зимою увезеннаго воровски Чиклинскаго роду бездельником киргисцом Осенем с товарищами армянина Аракиля з 2-мя товарищами привез, ис коих 2-х при сем препровождаю, одного рускаго нимало немедля доставлю, да и оставших ево 2-х товарищей не премину отыскать и возвратить.

л. 68 || Увезенныя ж от реки Волги бездельниками киргисцами российския калмыки отысканы и возвращены быть имеют. Посланныя ж за ними нарочныя по отдаленности мест и поныне еще не возвратились, а также увезенныя и угнатыя с российской стороны ворами киргисцами люди и скот, естли окажутся, то во отыскании и возвращении оных, оставя наш покой, не преминем приложить неусыпные труды, исполнить чрез то постараемся клятвенное наше обещание. Естли ж изволили получить от его превосходительства господина генерала милостивое повеление о выпуске содержащихся киргисцов, покорно просим приложить ваше старание, не удерживая, их выпустить.

При сем же покорнейше усердно просим ездившаго в обще с Мратбек бием за оным арменином Аракилем для отыскания с великим старанием и притерпением великия изнурений Черкескаго роду Аллабергана бия, брата Саламат батыря, котораго при сем посылаем, содержавшихся ево 2-х братьев в Гурьевом городке Вазирбека и Алдана, хотя за заслуги ево, не удерживая отпустить, и ево без отдачи оных не возвращать, ибо оной Аллаберган бия брат и сам батырь и справедливой человек, то нам весьма нужен во всех вспомоществованиях ево, о стараниях коего и оной арменин может уверить. Увосчиков же || реченнаго л. 68 об.
арменина Аракиля Алимулинскаго Чиклинскаго роду киргисца Усеня с товарищи, того ради киргисцы и родственники их зимовали по близости Кулагиной крепости, коих хотя той крепости атаман Дмитрий Мизинов и намерялся захватить, но взяв у них 6 хороших лошадей и 1 черной яргак и протчия вещи, оставя тех в близости кочующих Чиклинскаго роду киргисцов, вместо их захватил Баиулинскаго и Черкаскаго родов Аллаберган бия братьев, и как того Усене родственников Чиклинскаго роду не захватя оставил, то от того и было промедление в возвращении в скорости того арменина.

29-го муфтий ис присланнаго из Оренбургской експедицыи пограничных дел задерженных по линии киргисцам списка усмотрел, что в Гурьеве городке за увоз помянутых армян с товарищи содержатся Черкескаго роду киргисцов 2 человека, которых реченные Сырым и Мратбек бий, показав имена первому Узербек Алибаев, второму Алдин Бараков, требуют о возвращении, то и писал муфтий с нарочно отправленным нашей свиты подпорутчиком Давыдовым Гурьева городка в должности коменданта господину секунд маиору Денисову с требованием о доставлении именуемых киргисцов для возвращения в их Орду к нему, дабы чрез возвращении их, не пропуская нынешнего удобнаго случая, можно было к получению других российских пленных приобресть выгоднейшее средство.

|| Того ж числа изготовлено к его превосходительству на л. 69
предписание, сего 24-го числа полученное, донесение, со объяснением, хотя муфтий представлениями своими и настоял о освобождении киргисцов и об отдаче на ево попечение по Нижно-Уральской линии в разных крепостях и фарпостах содержащихся, но не для суждения и разбирательства их претензей, а единственно для уверения киргискайсацкаго народа, что они

наивсегда в готовности, дабы удобнее приступить к требованию российских пленных, которые-б без искания пользы никак и выданы им не были. А посему кажется, что он, муфтий, нимало не вступал во власть суда гражданскаго, да и ничего несообразнаго российским законам не вчинал, а усмотрел чрез то могущую быть отечеству пользу и о всем представил на рассмотрение его превосходительства. Что ж касается до безвинно содержащихся киргисцов, он полагает свою надежду, что его превосходительство из отправленных пред сим от него, муфтия, ведомости усмотреть изволит, то и не оставит о освобождении и возвращении в их Орду, куда надлежит, учинить немедленное его предписание. Принадлежательно ж до пристрастия и потворца киргискайсацкаго народа и преподавании ево советов во
л. 69 об. отвращении зловредных их поступок, то и о сем его || превосходительству доложил муфтий, что нимало к ним пристрастия не имеет, да и потворства никакого не чинит, как только повсечасно держит в незабвенной ево памяти всевысочайшее ея императорскаго величества повеление и прилагает ево всевозможнейшии старании к постановлению обоюднаго покоя и тишины более, по легкомысленности того народа, благосклонною ласкою, каковым образом и в ымянном ея императорскаго величества повелении поступать предписано. То сие еще ни есть пристрастие или потворство, а полезнейшее средство ко установлению порядка и приобретению пользы, чрез что уже муфтий как всевысочайшее имянное ея императорскаго величества повеление, так и наставление, данное от его превосходительства, выполнил. И ныне в киргискайсацком народе обитает совершенное спокойствие, о чем нередко к его превосходительству, уповательно, доходят муфтиевы донесении. А более-б еще влияло в киргискайсацкой народ о изъявлении верноподданническаго усердия, и естли б его превосходительство, по разсмотрении отправленной от него, муфтия, о содержащихся киргисцах ведомости, безвинных возвратить предписал, то-б наивящее могла
л. 70 последовать отечеству польза. Да и действительные || виновники в увозе российских пленных представлены были, а чрез их и пленные скоряе могут возвращены быть в Россию потому более, что ныне содержатся многие совсем не тех родов киргисцы, которые злу участники, то и не могут сих содержащихся родственники о возвращении российских оказать успехов, ибо один род другаго нимало по лехкомыслию их не уважает.

А неминуемо должны быть в задержании тех родов, которые в захвате российских учавствующие, коих, кажется, не трудно захватить во время мены в Оренбургском меновном дворе, или в осенне время при кочевьях, расположенных около крепостей и фарпостов линейных. О указании ж оных Сырым тархан уверил во всегдашнее время прилагать старании.

30 поутру отправил муфтий к Сырым тархану и Мратбек бию и протчим чиновникам присланных от них киргисцов Саламат батыря с товарищи с письменным приветствием и с прошением, дабы они для последнего с нами переговору и увещевания о верноподданническом их пребывании и требования вывозу всех российских пленных, в их Орде находившихся, прибыли под крепость Калмыкову.

|| А потом, того ж числа, получены от его превосходительства на имя муфтия предписании, пущенные с муллою Габейдуллой Фетхуллинным 23-го маия: л. 70 об.

1. О неукоснительном доставлении к его превосходительству о содержащихся в разных крепостях и фарпостах безвинных киргисцах именного списка, и о твердом уверении киргискайсацкой народ, что не только их безвинные в ту же минуту будут освобождены, но и з держащими не упустится поступить по строгости законов, и о протчем.

2. О доставлении с переводом следующих от его превосходительства двух и от графа Александр Романовича Воронцова одного писем к Сырым тархану и к разным киргискайсацким главным и родовым старшинам, биям и батырям, и о взятии с Сырым тархана объяснения против отобраннаго в канцелярии его превосходительства от киргисца Татая Сигизбаева допроса, и о протчем.

3. О наклонении киргискайсацкой народ к скорейшему выбору в Оренбургской пограничной суд в заседатели на место умершаго другаго старшины, и какой по оному успех будет, его превосходительству о уведомлении.

|| 4. Об отправлении к его превосходительству находившагося при муфтие муллу Абдулфятиха Абдулсалямова. л. 71

31-го числа отправлен к его превосходительству при донесении реченной мулла Абдулсалямов и с ним препровождены таковые-ж: вышепрописанное изготовленное 29-го числа, и о вывезенных армянине Аракиле Давыдове и татарине Исае Зиянове, с приложением со взятых от них письменных сказок

точных копий, со изъяснением о посланном сношении, с требованием в присылку киргисцов Гурьева горотка х коменданту, господину маиору Денисову; а притом и на оные предписании его превосходительству ответствовано.

На 1-е, что муфтий означенное предписание внушением в серца Сырым тархана и протчих чиновников ево увещевательных наставлений, относящихся к сохранению собственнаго в их обществе благодействия, и во всем в точной силе выполнить не приминет, объясня притом, что из особаго отправленных муфтиевых донесений его превосходительство о верноподданническом Сырым тархана в доставлении пленных, как то харунжего, армянина Давыдова и одного татарина, усердие усмотреть изволит. Притом и сие его превосходительству не безизвестно, какие он, Сырым тархан, и Мратбек бий при учре-
л. 71 об. ждении || по всевысочайшему ея императорскаго величества соизволению Оренбургскаго пограничнаго дивана и в их Орде расправ, в приведении лехкомысленников и развратных в должное повиновение и спокойствие прилагали отличные попечении. Да и во всем муфтиевым затребованием стараются исполнением доказать свои успехи, ис коих от Сырыма, яко главнаго в Орде начальника и пребывающаго в отменном почитании, всегда зависит такое благоустройство, которому от Бухарии, Хивы и Трухмении отдается особливое от протчих преимущество. Но с нашей стороны при сем случае никакого им удовлетворения возвращением их киргисцов, при бытности муфтия, не благоволил и тем их нимало уважить не изволил, а хотя и уверил, что по возвращении российских пленных не преминет тое ж минуту приказывать освобождать и их, но они, по довольно ведомому их расположению, не получа в то ж время из своих нисколько, едва ль могут принять одноё надежду вероятием, а особливо простой их народ не мог бы приттить в сомнение, что самое муфтий и представляет на его разсмотрение. Он же, муфтий, в разсуждении не в один раз ими пленных представлении, а порознь, дабы по дальному разстоянию за перепи-
л. 72 сками о каждом, подходящем ко освобождению || киргисце, особо не мог продолжиться в здешних местах и еще на долгое время и тем бы не умедлил о подробных обстоятельствах всемилостивейше порученной ему коммисии всеподданнейшим ея императорскому величеству донесением, предприял намерение, зделав им, Сырым тархану и протчим ево, о пребывании впредь

в непоколебимой их верности душеспасительныя увещевании, с подтверждением о вызове, куда им способнее будет, всех российских пленных и обнадежа их неукоснительным возвращением задерженных киргисцов, со свитою и находившимися при нем пленными возвратиться обратно и донесть лично обо всем его превосходительству.

На 2-е, что по прибытии для последняго свидания Сырым тархана и протчих под крепость, полученные от его превосходительства письма по адрисам со учиненным переводом доставлены будут, и в принадлежащем от Сырым тархана объявлении муфтий отобрать не пременет; изъясняя притом, что де надлежит до призыву и спросу киргисцов против киргисца Татая Сигизбаева о справедливости или ложности ево показания, муфтий разсудил сие выполнение предоставить. А какие б тому могли воспрещать притчины, из отправленнаго от 20 числ[а] сего маия к его превосходительству донесения и усмотреть изволит·

|| На 3-е, что в пребывание наше еще в Мергеневском л. 72 об.
фарпосте, во время свидания и переговору с киргискайсацкими старшинами Семиродскаго роду, Тлянчи тарханом и Джаныбек батырем и протчими старшинами, биями и батырями 18-го числа минувшаго апреля, о выборе заседателя муфтием предлагаемо им было. Которые уверили, что на место умершаго, хорошаго поведения их рода человек уже выбран, но только за дальностию ево тогда кочевки остался без отправления, котораго и отправить обещались. Естли-ж и поныне не отправлен, то в обратной путь муфтия непременно вытребован и куда надлежит представлен будет. О чем как его превосходительству донесть, а равно и Пограничной суд известить не преминет.

Того-ж 31-го маия отправлено от муфтия к находившемуся по Нижно-Уральской линии начальником, пребывающему в Кулагиной крепости войсковому старшине Дмитрию Мизинову требование, в коем означа, что известился он чрез приехавшагося из Уральска Калмыковой крепости начальника, полковника Калпакова, бутто Уральская войсковая канцелярия, вследствие предписания его превосходительства, господина генерал маиора и ковалера Пеутлинга о освобождении || безвинно содержа- л. 73
щихся по Нижно-Уральской линии киргисцов и о присылке оных к муфтию для доставления в их Орду, ордером ему, Мизинову, предписала, естли таковаго содержания ордер им получен, то б по оному в нижних крепостях и фарпостах содержащихся

киргисцов доставил к нему. А о присылке по верхней дистанцыи находившимся крепостным и фарпостным начальникам учинил предписании и с ордера к муфтию сообщил копию. Того-ж числа возвратился посланной в Гурьев подпорутчик Давыдов и представил требуемых 2-х человек, содержащихся во оном, Черкескаго да, при донесении от маиора Денисова, киргисцов, следующих в их Орду.

Июня 1-го, 2-го и 3-го находились во ожидании прибытия для свидания Сырым тархана и протчих, а 4-го числа оной Сырым тархан и Мратбек бий доставили в крепость к нам с нарочными ис числа захваченных с армянином Давыдовым Гурьева городка казака Прокофья Герасимова, сына Мелихина, с котораго взятая скаска приобщена ниже сего журнала, уведомляя притом с тем нарочно посланным, что Сырым тархан и Мратбек бий с некоторым обществом 5-го числа к вечеру под крепость прибудут.

л. 73 об. || 5-го числа прислан при сношении от оренбургскаго оберкоменданта, господина генерал маиора Якова Михайловича Зимбулатова подлекарь Шмит с принадлежащими медикаментами, и отправлены к Сырым тархану присланные из Гурьева горотка при сношении маиора Денисова с подпорутчиком Давыдовым Черкескаго рода 2 человека киргисцов. А пот тот случай уведомлены, что Сырым тархан со обществом под крепость прибыл, почему и отправясь пополудни в 2 часа за реку Урал в разсуждении водоразлития к расположенной их ставке, отстоящей от крепости в 10 верстах, в лотках, и по надлежащем при начальном свидании с нашей стороны приветствии продолжали следующие переговоры.

Сначала приехавшей из отдаленности Алимулинскаго роду главной старшина Мратбек бий объявил, что он, по получении от Сырым тархана чрез нарочно посланных сведения о простирающемся высокомонаршем ея императорскаго величества к их обществу благоволении, и о прибытии во удовлетворение их прозбы муфтия, весьма порадован, и со всеми своими подчиненными в знак всеподданнической своей благодарности приносили ко всевышнему о здравии ея императорскаго величества и их императорских высочеств по закону своему должное молитвоприношение. И потом, соблюдая учиненное им клят-

л. 74 венное || обещание, как прежде не быв никогда колеблемы, также и ныне изъявляя ево усердие, стараясь изыскивать в их

Орде разных родов у непостоянных и распутных киргискайсаков находившихся российских пленных, и чрез разные ж посредства нашед, взял захваченных ис под Гурьева городка одного армянина, Аракиля Давыдова, и из бывших при нем одного татарина и Гурьева городка казака Мелехина, которых и отослали с нарочными к нам, уверяя при том единожды под клятвою как он, Мратбек бий, равно Сырым тархан и все бывшие при свидании чиновники и старшие люди, что последних их товарищей с товарами и имуществом и всех находившихся в их Орде российских пленных ко отысканию и возвращению приложат всевозможные старании. И приняли то, а особливо они, Сырым и Мратбек бий, на собственное свое попечение, приказывая при том оставленному при свите нашей Оренбургскаго пограничнаго суда заседателю Байсале Аювову, дабы он для скорейшаго вывоза тех пленных в Оренбурге при мене указывал, кому надлежит, ис приезжающих киргисцов тех самых родов, у коих российские люди находятся, настоящих в увозе преступников, или в случае самих небытия, их родственников; а нас просили, чтоб чрез кого || следует приказано было тако- л. 74 об.
вых по указанию ево, Байсалы, до вывозу пленных задержать. О находившихся-ж по здешней Нижно-Уральской линии в задержании киргисцах з бывшими при них лошадьми и екипажем настоят, что находятся все безвинно, в разсуждении вышеписанного ими принятия генерально о возвращении всех пленных во один раз, об отпуске к ним в Орду. И притом на затребование наше Сырым тархан доставленнаго от него харунжего Плеханова за отнятое у него увощиками имущество, показанное суммою на 80 руб., приказал удовольствовать из взятых с содержащимися за него, Плеханова, в Калмыковой крепости Алтыбашева роду киргисцами лошадей.

Почему с нашей стороны за их верноподданническое усердие и старание в доставлении полученных нами пленных, а равно и за благомыслящее их к пользе отечества Российскаго намерение, приносима приличная похвала с прошением, дабы они предприятии свои постарались без отлагательства выполнить настоящим существом. Уверяя их притом, что всякая отличность не останется без награждения, то и они, как пекущияся сохранить собственное общество своего благоденствие, могут воспользоваться неоцененными || ея императорскаго величества л. 75
щедротами и благоволениями. Касательно ж до отпуска содер-

жащихся по линии киргисцов, о сем им я объяснился неимением на то от главнокомандующаго предписания, а уверял их, что конечно все их справедливые прозбы, по прибытки нашем в Оренбург и по донесении куда следует, без удовлетворения не останутся. Потом Сырым тархан и Мратбек бий с обществом, повторяя прежде представляемые их Уральскаго войска наначальников, господина полковника Данскова и старшину Дмитрия Мизинова свои неудовольствии, наупоминали о непременном их отрешении и просили, чтоб взял я на один день терпение, а они, между тем изготовя, отправят с нами к его превосходительству и еще свои донесении. Ис содержащихся ж киргисцов, когда не можно всех освободить, настояли об отдаче хотя одного в сей крепости в тяжкой болезни находившагося Алтабышева роду киргисца Таштемира Улзина, заверстанием вместо последне отданнаго казака Мелехина.

На что муфтий в подтверждение прежде чинимых затребованиев и еще требовал российских всех в Орде находящихся пленных и их имуществ, а о захваченных их киргисцах, содер-
л. 75 об. жащихся в крепостях и фарпостах, || доказывав присланною из Оренбургской експедиции пограничных дел ведомостию, изобличая их преступлении, за что они содержатся, и потому подходят под законное суждение и гнев божий. Потом, выслушав, Сырым тархан, Мратбек бий и общество со огорчительностию объяснились, что значущияся в ведомости некоторыя киргисцы совсем содержатся безвинно, ибо де не они преступники, а других родов, а хотя доказательства на них и произведены, но неправильно.

После чего, учиня приличные со обоих сторон приветствии и обнадежа, по изготовлении их писем и еще свиданием, отдачею просимаго ими киргисца, распростясь, возвратились в 10 часов пополудни. Куда с нами приехал присланной под случай тот Байулинскаго роду от старшины Каратаубия находившейся при нем мулла Оренбургской округи, деревни Беккуловой татарин Абдулкарим Уразбаев к муфтию с письмом следующаго содержания:

Вашему высокостепенству пастырь наш, муфтий Мухамметь Джан, свидетельствую мое почтение.

Отправленное письмо вашего высокостепенства я получил.
л. 76 А хотя позывом вашим я и доволен, || но ехать мне невозможно,

разве сами вы, приехавши, учините переговор. А притчина моей невозможности, когда я в прошедшей ныне зиме имел по реке Уралу пребывание, в то время, не оставляя мне никакого почтения и порядочнаго ответу, а увеличивая себя, делали на наши улусы нападении, грабя скот наш, побили и захватывали жен и детей наших и держали у себя, и мы оставались в неизвестности, войну ль они открывали, или нет. И естли соблюдется союз, то о разсмотрении произшедшаго, естли можно, преподайте способ и откройте путь доставить всемилостивейшей нашей государыне наши донесении. А когда не откроется сей путь, то здешней стороны общества нашего народы останутся в неудовольствии. Будет угодно зделать нам удовлетворения, то и бес приезду нашего к вам можите в захвате содержащихся людей освободить, в протчих остающихся обстоятельствах отправим всемилостивейшей государыне донесении. Но в случае несвобождения людей наших и не позволения к отправлению донесения, не оставьте уведомить, ибо между нами с его высокопревосходительством, господином генерал порутчиком Осипом Андреевичем бароном Игельстромом было положение, || во всяких делах разбор чинить нам, а в случае каких либо л. 76 об.
нашей невозможности, обещались мы доказывать. Посланные ж ваши предписании в обществе нашем не исполняются по сей притчине, как в нарушение всех ваших обещаний получили мы великия притеснения и обиды, то есть виноватые от безвинных отделяемы и разсматриваны не были, и наши предложении в действие не приниманы, почему мы и заметили, что по тем положениям никакого исполнения не предвидится. Да и сами вы видите, на которой стороне дурныя и добрыя поступки; то обстоятельства оных и изволите вы разобрать и донесть всемилостивейшей государыне. Все-ж сии разстройства последовали Уральскаго войска от атамана Данилы Данскова и от начальника по реке Уралу по линии Митрия Мизинова, которые разобрать, и их от здешней стороны отдалить, естли же в том будет ваша невозможность, то будем просить ея императорское величество. Да сверх того уведомился я, что когда вы изволили с Сырымом иметь переговор, то говорили, хотя де другия киргисцы и не придут, но довольно де и одного ево, Сырыма, а другия никто не потребны. О чем мы думаем, || что те ваши л. 77
слова в действие итти не могут по притчине, что ево, Сырыма, приказания никто исполнять не будет. В здешней же стороне

ис послушных ево предложении никого нет, да и я слова ево исполнять не могу, потому что у него кроме себя никакого нет, а сколько будет моих товарищей, сами услышеть изволите.

Когда в обществе нашем имете надобность, то извольте пожаловать сами к нам в улусы, где и переговор учинить можите. А общества нашего почтенныя люди условились для того собраться в деревню мою, коим и положенное время уже наступило.

В котором он, Каратаубий, на отправленное от муфтия таковое-ж уведомляет, что ему для переговоров приехать к нам никак не можно, в разсуждении представляемаго в том письме Уральскаго войска на господина полковника Данскова и старшину Дмитрия Мизинова неудовольствия, а просит о прибытии нам в его улусы и настоит о открытии пути во отправлении к ея императорскому величеству их донесении.

И того ж числа пополунощи в 1-м часу от войсковаго старшины Мизинова на требование муфтия получено донесе-
л. 77 об. ние, || что о свобождении киргисцов никакого он повеления не имеет, а когда де муфтию открыто, что есть по линии безвинно содержащияся киргисцы, просил уведомления, в которых местах они находятся, по которому и отправлено з замечаниями ко освобождению ведомость.

6-го отправлены письма к Сырым тархану и другим старшинам, следующее от господина генерал маиора Пеутлинга и графа Александр Рамановича Воронцова, при письме муфтия.

7-го числа находился во ожидании сочиняемых к его превосходительству от Сырым тархана и Мратбек бия донесений.

А между тем получены муфтием от его превосходительства, господина генерал маиора и ковалера Пеутлинга 2 предписании, пущенныя от 28-го маия.

1. О скорейшем окончании возложенной на него коммисии.

2. О отписании Джагайбалинскаго роду к старшине Сыгыр Букееву, дабы он в Оренбургской пограничной суд в немедленном времени доставил к производимому во оном над верхнеуральским исправником следственному делу требуемое сведение.

А 8-го поутру, паки прибыв к ним, Сырым тархану и Мратбек бию, в ставку, продолжал относительные до обоюднаго
л. 78 спокойствия и тишины, с подтверждениями || прежних моих увещеваний разговоры. Причем Сырым тархан и Мратбек бий

от общества объявили следующия их намерении, и ныне будущие по реке Кабде всех киргискайсацких Меншей Орды народов чиновников и лутчих людей собрание и советы.

1. О сокращении в их Орде находившихся всех распутных воров киргисцов, наносящих увлечением в плен российских людей, отгоном скота обществу их нарекание, единожды должным наказанием, по возвращении в Россию всех истари в их Орде находившихся пленных. Причем Мратбек бий изъяснил, что для способнейшей поимки воров, отдалившихся под Трухменские и Каракалпацкие границы, изыскал он случай, раздразить трухменские каракалпацкие народы во отгоне теми киргисцами у них скота иметь междуусобную вражду, почему все отдалившияся воры киргисцы и возвратились в их пределы, то они Мратбек бий с товарищи ныне и имеют ко обличению их в преступлениях и виновников к поимке, а тем и ко установлению надлежащего порядка и приведении их к непоколебимое впредь повиновение, удобнейшее средство. Сверх же сего реченной Мратбек бий говорил, что в свое время не оставит он для воспомоществования себе, естли сил ево доставать не будет, и просить при российских начальниках || до 300 человек л. 78 об. башкирскаго войска.

2. О Нур-Али хане, чтоб вообще всеми положить единодушное согласие о уничтожении произшедших между ими с тем ханом разстройств и о бытии всех в обоюдном согласии. По нашей же видимости замечено, что намерение их клонится принесть ея императорскому величеству общественную их прозбу о возвращении в их Орду хана с находившимися при нем детьми и свитою, но, в разсуждении учрежденных в их Орде судебных правительств и во оных начальников, не со властию ханскаго полномочия, а единственно дабы он препроводил остаток жизни своей в отечестве и при своем родстве. Причем полагают и имевшуюся у них междуусобную во ограблении одною стороной у другой скота и протчаго имущества их претензию окончить.

Между тем Сырым тархан и Мратбек бий, объявля свои о здоровье изнеможении тревожением крови, почему и приказано было находящемуся при свите, вытребованному из Оренбурга подлекарю Шмиту оную открыть, которой в точности искуства своего и выполнил. После чего Сырым тархан и Мратбек бий изъявляли ея императорскому величеству, всеми-

лостивейшей нашей государыне, благодарность за столь матер-
л. 79 ния ея к ним щедроты || и относились благодарностию господам генерал маиором Александр Александровичу Пеутлингу и Якову Михайловичу Зимбулатову за присылку подлекаря. Обществу своему внушили со удивлением, что столь милующая человечество всеавгустейшая монархиня, где-б кто не находился, преподает способы от грозящаго страха и смерти, за что и должны подражать примерам российским о бытии в верноподданническом усердии под скипетром российским и прославлять повсюду премудрое правительство бесподобной императрицы, неусыпно пекущей о верноподданных народах.

Потом, отдав мне изготовленные к его превосходительству донесении, представили о доставлении со оными отряженных от них нарочных посланников из лутчих людей Маскарскаго роду старшину Дюнан батыря Итемгенева, Баибактинскаго роду старшину ж Кинзякару Иселбаева, Увакларскаго роду Бамамбетя Сигизбаева, Китинскаго роду бывшаго в Пограничном суде заседателя Базарбая Худайбердинова, которые для забрания екипажа остались за Уралом. А муфтий, учиня им в последний должное по духовенству в непоколебимом их пребывании увещевании и обнадежа за их усердие наивящим высокомонаршим благоволением, а притом и они подтверждая священным Алкораном свою верноподданническую обязанность, разпростився, возвратились обратно в крепость Калмыкову. А между
л. 79 об. тем, спустя часа 3, прибыли к муфтию || вышеписанные старшины и представили 2 письма к его превосходительству Александр Александровичу Пеутлингу, а одно к муфтию, которое следующаго содержания:

Высокостепенному и высокопочтенному господину муфтию.

Июня 5-го отправленное письмо вашего высокостепенства того ж течения 6-го чисел мы получить честь имели и предписание ваше принято нами за благо. Приложенные при оном два письма ж от его превосходительства, господина генерал маиора и разных орденов кавалера Александр Александровича Пеутлинга: 1-е, нашего киргискайсацкаго Меншей Орды общества старшинам, биям и батырям, 2-е, из нас Сырыму тархану, получили со удовольствием. Изображенное во оном его превосходительства повеление, какого б содержания и в чем оное ни было, поставляем себе непременным долгом с истенным усердием во всем выполнять и ваше высокостепенство покорно

просим, уверте его превосходительство, что мы пребываем в нелестной справедливости и непреоборимой преданности. Напоминать изволите, ваше высокостепенство, во оном предписании о приказаниях его превосходительства, которые мы довольно уже чрез справедливыя доводы ваших увещеваний в полное себе понятие вкоренили. И ваше высокостепенство, подтверждая учиненное нами при лице особы вашей клятвенное обещание, искренностию уверили оное содержать в тех верностях, причем и то самое приняв с полным || уважением, л. 80
обязуемся, чтоб имеющих в Орде нашей распутных и бездельников от растройных поступок удерживать и сокращать, изыскивая всех в Орде находившихся российских пленных, как изстари, так и повсюду, когда б то не было захваченных возвращать, каковое наше усердие непременно и утверждаем.

После ж переговоров с нашей стороны они, Сырым тархан и Мратбек бий, изготовленную для их и поставленную за Уралом полатку взяв себе во удовольствие, с тем, что де всемилостивейшая государыня за сие ни мало продолжать гнев не будет, а чья оная и что стоит того наградить не оставит. Хотя муфтий оную чрез нарочно посланнаго и требовал, но, как и выше значит, надеясь на высокомонаршую милость, не возвратили. По возврате-ж в крепость приказано от меня присланному от Оренбургскаго обер-коменданта, господина генерал маиора и ковалера Зимбулатова подлекарю Шмиту просимаго киргискими старшинами об отпуске киргисца Ташбулата в ево болезни освидетельствовать, и как он оказался весьма слаб, то по вытребовании от крепостнаго начальника полковника Калпакова и отослал взамен за казака Мелехина к Сырым тархану того ж числа.

|| А притом истребованы от оного-ж Калпакова и храня- л. 80 об.
щияся в табуне содержащихся киргисцов 5 лошадей, кои с оценки крепостных жителей и одданы в ыск харунжему Плеханову ценою в 59 руб., которыми остався он довольным, подписал оное и под взятою скаскою — 5 лошадей в 59 руб. получил.

Того ж 8-го числа получены сношении:

1. Из Оренбургского пограничнаго суда, пущенное 30-го маия, с прописанием его превосходительства, господина генерал маиора и ковалера Пеутлинга, об отобрании Меньшей Орды от главнаго старшины Сырым тархана и Увайскаго рода

старшины ж Ожедигера Гибайнаева объяснении против показания киргисца Татая Сигизбаева, якобы в намерении нападением вооруженно на крепость Кулагину, так и о спросе родственников Сигизбаевых, были ль они с Сырым тарханом согласны, и, по приведении в ясность, о доставлении во оной.

2. Из Уральской войсковой канцелярии, пущенное 20-го маия, при котором приложена содержащимся в Гурьеве городке и по Нижно-Уральской линии киргисцам ведомость, требовала, чтоб здешних и других пленных людей чрез старшин и родственников содержащихся киргисцов в выручке употребить наивозможное старание, и какой успех будет, оную канцелярию о уведомлении. Когда-ж де с киргиской стороны здешние люди возвращены будут, тогда и задерженных киргисцов походному атаману Мизинову отпустить приказано.

л. 81 || 3 и 4. От господина полковника и войсковаго атамана Донскова, пущенные 26-го маия: 1-е, с прописанием его превосходительства, господина генерал маиора и ковалера Пеутлинга предписании о приложении старания ево с посредничеством муфтия в выручке прежних и недавнаго захвату из Орды киргиской пленных и армянскаго купца с товарищи, увлеченных ис под Гурьева городка, коим требовал в выручении пленных и скота по доставленным из войсковой канцелярии ведомостям о всевозможном попечении; 2-е, на требование муфтия, 3-го числа маия посланное, коим уведомил о разно причиняемых киргискайсатским народом к стороне Российской вредных покушениях, прежде прибытия моего со свитою в сии места содеенных, и о внушении, когда угодно будет мне, их киргискому народу, что всякая дерзость противу тишину пагубна быть может. И если они впредь предприимут нарушать свою верность, то на всякое их злоумышленное покушение всегда готовыми состоят войски при здешних границах.

9-го пополунощи в 7 час. отправились в обратный путь ис Калмыковой и продолжали оной чрез фарпосты Антонов, Каленой, Сахарной, Каршинской, Мергеневской, Сундавской, Кажехаровской, Бударин, Кош-Яик и Чаганов.

л. 81 об. || 11-го пополунощи в 6 час. прибыли в городок Уральской, и того-ж числа получены предписании:

1. От господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и разных орденов кавалера Александр Александровича Пеутлинга, пущенное от 4-го числа того ж июня, после-

дующее на донесении муфтия по жалобе Сырым тархана, якобы о зделанной Верхне-Озерной крепости комендантом барамте, отогнании киргискаго скота. Его превосходительство предписать изволил, что учинил об оном исследовании и всего онаго не оказалось. Причем прислан рапорт Оренбургской експедицыи пограничных дел, и рекомендует, списав со онаго копию, употребить оную ко изобличению Сырым тархана, и впредь таковых жалоб не принимать, а увещевать киргискайсацкой народ, чтоб оной находился в верноподданническом усердии и отвращать от зломышленных поступков; отправить полученнаго от Сырым тархана из российских пленных, захваченнаго с Астраханских кардонов Красноярской казачей команды харунжего Михайлу Плеханова в команду правящему Астраханским кардоном господину подполковнику Перситскому и о протчем.

2. Сношение из Оренбургской експедицыи пограничных дел от 7-го числа июня о свобождении безвинно содержащихся по Нижно-Уральской линии киргисцов, причем со отметками прислана и ведомость.

3. Сношение Уральского войска из войсковой канцелярии, с прописанием во оном извещения той канцелярии господина армии полковника и войсковаго атамана Данскова, вследствие предписания его превосходительства, господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и разных орденов кавалера || Александр Александровича Пеутлинга, о приложении л. 82 старания к возвращению российских пленных и их имуществ из Орды Киргискайсацкой, причем приложен захваченным российским и их имуществу с 1784-го года список.

12-го отправлены отнесении к его превосходительству, господину генерал маиору, правителю Уфимскаго наместничества и разных орденов кавалеру Александр Александровичу Пеутлингу:

1. О учинении переговоров последних Сырым тарханом и Мратбек бием, выручке из плену уральскаго казака Прокофья Мелехина, отсылке ево в команду, так равно о выполнении всего по комиссии; увольнении содержащихся в Гурьеве городке Черкескаго рода 2-х человек киргисцов, вместо полученных из Орды российских пленных — из армян купца Арахиля Давыдова и астраханскаго 1-ой гилды купца Калостова прикащика Зиянова, о прибытии в обратной ис крепости Калмыковой путь в городок Уральск, и о протчем.

2. Об отправлении в Уральскую войсковую канцелярию полученнаго ис плену Черноярской команды харунжего Михайлу Плеханова в ево команду.

3. О окончании комиссии в крепости Калмыковой и о получении ис плену уральскаго казака Прокофья Мелехина и отправлении в Гурьев городок в команду, в выпуске в Орду содержащагося в крепости Калмыковой Алтабашева роду киргисца, в разсуждении крайне одержимой, оказавшейся по свидетельству подлекаря Шмита, болезни, и о возвращении ис Калмыковой, о прибытии в городок Уральской.

13-го посланы сношении в Уральскую войсковую канцелярию:

1. Об отправлении к господину подполковнику Персит-
л. 82 об. скому, командующему || Астраханским кордоном, полученнаго от Киргискайсацкой Орды от Сырым тархана, захваченнаго распутными киргисцами с Астраханских кардонов, Черноярской команды харунжего Михайлу Плеханова, причем и он в войсковую канцелярию послан.

2. О выпуске в Орду содержащихся по Нижно-Уральской линии в разных крепостях и фарпостах киргисцов, вследствие предписания его превосходительства, господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Александр Александровича Неутлинга, по сношению Оренбургской експедицыи пограничных дел в приложенной ведомости назначенных: Бишкаскаго роду Жаилябая Кунгушева; Алачинскаго Жаиля Тоинашева, Бузан Карабаева, Артыкман Хажемергенева; Черкескаго роду Текебай Чигизбаева; Табынскаго роду Чектыбаша Темирова, и об отдаче оных для доставления в их Орду нарочно посланному от муфтия со увещеваниями в непоколебимом и верноподданном пребывании под скипетром российским киргискайсацкаго народа во всяком спокойствии и требовании еще российских пленных к Сырым тархану и Мратбек бию листами, мулле Габейдулле Фетхуллину, и о снабдении ево для беспрепядственнаго вперед и обратно проезда при нем э будущим свободным пропуском, и о протчем.

3. На сношении оной канцелярии о приложении старании в выручке российских пленных, что муфтием прилагаемы были и поныне прилагает не только о тех, что значатся в приложен-
л. 83 ной при оном ведомости, увлеченных || в 1784 году 68 человек, и о всех сызстари захваченных разнаго рода людях и их иму-

ществе. А притом дано знать, ис числа содержащихся в крепости Калмыковой киргизец Алтыбаш-Алачинскаго рода Коштемир Улзин, по случаю одержимости тяшчайшей болезни, по свидетельству подлекаря Шмита которая оказалась опасной, вместо полученнаго ис плену уральскаго казака Мелехина, уволен в их Орду. И сколько получено пленных, и куда отправлены, приложена притом ведомость, И что о приложении к сысканию в Орде российских пленных и имуществ и о возвращении в Россию Сырым тархан и Мратбек бий под клятвою обезались прилагать всевозможныи старании, и о протчем.

14-го из Уральской войсковой канцелярии получены сношении:

1. На сношение муфтия, от 13-го во оную пущенное, извещает, что прописанных во оном ко освобождению киргисцов шести человек, из оных о выпуске трех крепостным начальникам предписала, о двух Алачинскаго рода отпуском рекомендовала удержаться, якобы за увлечением того рода киргисцами в прошлом 1789-м г. в ыюле месяце отставнаго войсковаго есаула Толстова работного российскаго человека. И снабжден нарочно посланной от муфтия мулла Габейдулла Феткуллин для беспрепядственнаго вперед и обратно с одним будущим при нем проезда и даче двух подвод билетом, также и об отправлении ис крепости Калмыковой в степь за реку Урал тамошнему начальнику предписано.

|| 2. О полученном от муфтия, отправленном во оную для пересылки к команде, вывезенном ис плену Черноярской казачей команды харунжем Плеханове знать дано, что он к подполковнику Персицкому, командующему Астраханским кардоном, непременно отправится. А притом требуется об одном захваченном с Астраханских же кардонов, выбежавшем в Россию калмыке, когда и куды он выбежал, и тот ли самой, или другой, уведомления и присылки всех полученных, находящихся при свите муфтия, пленных для отсылки в их команды. л. 83 об.

Того ж числа в Уральскую войсковую канцелярию посланы сношении:

1. Об отправлении в Оренбургской пограничной суд, вследствие сношения Оренбургской экспедицыи пограничных дел, для законного суждения содержащихся в Уральском городке Сыкларскаго роду киргисцов Тюбека Тюлибекова, Жибага Нарталлякова, Бурбая Бекбаулина.

2. На полученное из оной того ж числа сношение знать дано о выбежавшем, ис числа захваченных распутными киргисцами с Астраханских кардонов, калмыке, что оной еще с Нарым песков учинил выбег и явился в крепость Красноярску и вывел ис числа киргиских хорошую лошадь. Причем для отправления х командам посланы полученные ис плену из армян кизлярской купец Аракиль Давыдов и Астраханскаго 1-ой гилди купца Коловстова прикащик Исай Зиянов.

3. О выпуске назначенных Оренбургской экспедицыи
л. 84 пограничных дел ко освобождению безвинно содержащихся || по Нижно-Уральской линии киргисцов и возвращении в их Орду.

Сношение из Уральской войсковой канцелярии, вследствие сношения, того ж числа отправленнаго, о высылке в Оренбургской пограничной суд для законнаго суждения содержащихся в Уральском городке киргисцов Сыкларскаго роду Тюбека Тюлябекова, Хабагу Наарлакова, Бурбая Бекбаулина, коим знать дала, что непременно отправлены будут, о чем де и из Оренбургской экспедиции пограничных дел во оной Войсковой канцелярии получено предложение.

15-го. Отправлен в Киргискайсацкую Орду к Сырым тархану и Мратбек бию нарочной мулла Габейдулла Феткуллин со увещевательными листами, кои сочинены муфтием з доводами священнаго писания и изъявлением высокомонаршаго ея императорскаго величества х киргискайсацкому народу благоволения, чтоб находился под российским скипетром в верноподданническом усердии, в тишине и спокойствии, и о возвращении российских пленных и их имуществ прилагали всевозможнейшия старании, и тем доказали к России свое усердие. Сверх чего Феткуллин снабжден особым наставлением.

16-го получено донесение Гурьева городка правящаго комендантскую должность маиора Денисова, коим просит о учинении выправки о захваченных с Астраханских кардонов харунжем и калмыках, получены ль оные, или где находятся, ево уведо-
л. 84 об. мить. || Того ж числа пополуночи в 10 часов отправились из Уральска и прибыли в час пополудни в фарпост Гнилой, где получено из Уральской войсковой канцелярии сношение, от 5-го числа июня пущенное, последующее на извещание от 27-го числа маия, данное канцелярии от господина полковника и атамана Данскова, вследствие затребования муфтия о чинимых распутными киргисцами к российской стороне неудобствах, как

похищени российских пленных и их имуществ, когда оное происходило — знать дано, причем и ведомость приложена. А потом, отправясь в путь, и продолжали оной чрез фарпосты Генварцов, Иртек, Кинделинской, Заживинской, крепости Рассыпну, Озерну, Татищеву, Чернореченскую и прибыли 19-го числа в Оренбург.

20-го получены предписании от господина генерал маиора, Уфимскаго наместничества правителя и ковалера Александр Александровича Пеутлинга, от 11-го и 19-го числ пущенные.

1. О скорейшем возвращении муфтия со свитой ис крепости Калмыковой к своей должности.

2. О изъяснении благодарности киргискайсацким старшинам Сырым тархану и Мратбек бию за оказанную ими к Российской державе ревность и усердие и за возвращение пленных.

Сношении из Оренбургской экспедиции пограничных дел об отправлении, следующаго от господина генерал маиор Пеутлинга, письма х киргискайсацкому главному старшине Сырым тархану. || Донесение Гурьева горотка от коменданта, господина л. 85 маиора Денисова, коим просит о уведомлении ево, сколько получено ис Киргиской Орды российских пленных, кто именно и где находятся.

Отправлены к господину генерал маиору донесении:

1. В сходность предписания, 14-го от его превосходительства пущеннаго, о изобличении Сырым тархана, якоб о неправо принесенной в Верхне-Озерной дистанции на коменданта прозбе по случаю взыскания им киргисцов за барамту разного скота на удовольствование башкирцов, что по окончании комисии и возвращении ис крепости Калмыковой выполнить средства не предвидится, причем препровожден и рапорт, присылаемой для изобличения Сырым тархана из Оренбургской экспедицыи пограничных дел о производстве над вышеупомянутым Верхне-Озерной дистанции комендантом следствия.

2. О прибытии муфтия со свитой и посланных от Сырым тархана к его превосходительству старшин для изъявления благодарности в Оренбург и об отправлении х киргискайсацким старшинам приведственнаго письма, чтоб они обществом изъявили к ея императорскому величеству вернопотданническое усердие и за изливаемыя ея к ним матернии щедроты благоволения принесли ко всевышнему благодарность; и о неприня-

тии пути его превосходительством из Уфы в Оренбург до прибытия муфтия.

л. 85 об. || Отправлены сношении в Оренбургской пограничной суд:

1. На сношение, от 30-го маия из онаго суда пущенное, о отобрании Меньшей Орды з главнаго старшины Сырым тархана и Увайскаго рода старшины ж Ужедигара Гибаинаева объяснении против показания киргисца Татая Сигизбаева, якоб в намерении нападением вооруженно на крепость Кулагину, так и о спросе родственников Сигизбаева, были ль с Сырым тарханом согласны. И о приведении в ясность и доставление всего онаго в суд знать дано, что Сырым тархан о принадлежащем отправил объяснение к господину генерал маиору, правителю Уфимскаго наместничества и ковалеру Пеутлингу; а последки спросом по выходившим и полезным Россие обстоятельствам, чтоб припядствия последовать не могло, представлены.

В Оренбургскую экспедицию пограничных дел на сношение оной, от 15-го сего ж июня пущенное, об отправлении следующаго от господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Пеутлинга к главному киргискайсацкому старшине Сырым тархану письма, знать дано, что означенное письмо получено уже по приезде в Оренбург, а по отбытию ис тех мест, ис которых бы удобность отправить позволяла, а как за непредвидимостию средства отправлением предоставлено, причем и препровождено в экспедицию обратно.

л. 86 || В Уральскую войсковую канцелярию, вследствие предписания господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Пеутлинга о вырученных из Орды российских пленных знать дано, естли кто из них желает приехать в Оренбург, беспрепятственно позволить.

Гурьева городка коменданту, господину маиору Денисову на донесение, от 9-го числа от него пущенное, о вырученных из Орды российских пленных знать дано, ис числа оных Красноярской казачей команды харунжей Михайла Плеханов отослан для отправления х команде в Уральскую войсковую канцелярию, а ис калмык, захваченные с Астраханских кардонов, один представлен к полковнику и войска Уральскаго атаману Данскому, а другой выбежал из Орды в крепость Красноярску; а о последних к выручке муфтием прилагаются всевозможнейшии старании.

21-го сношении в Оренбургскую экспедицию пограничных дел:

1. На сношение оной Экспедиции, от 11-го минувшаго маия пущенное, о отобрании Байулинскаго рода от старшин Каратаубия формальнаго отзыва, свидетельствующаго ево и обиженных киргисцов совершеннаго удовольствия, по случаю принесенной им, Каратаубием, || жалобы Уральскаго войска на л. 86 об.
войсковаго есаула Солодовникова с командою в разграблении якоб одной киргиской кибитки и протчаго, учиненном по справедливости пример-маиором Степаном Акутиным разбирательстве, коим отзывался письменно довольным. На оное экспедицые знать дано, в пребывание муфтия по Нижно-Уральской линии, за отдаленностию Каратаубия, требуемого отзыва по неоднократным письменным вызовам и самого Каратаубия для личности не получал, а послал и еще письменно, чтоб тот отзыв прямо он в экспедицию доставил, причем увеpительное письмо, присланное из экспедиции, отослано во оную обратно.

2. О употребленной в пребывание по всемилостивейше препорученной коммисии асигнованной господином генерал маиором, правителем Уфимскаго наместничества и ковалером Александром Александровичем Пеутлингом, о выданной из экспедицыи на разные расходы сумме 350 руб. и за недостатком оных издерженных из собственных муфтием 125 руб. 9 коп. и взятых на кредит у казанскаго купца Аита Бакиева и уральскаго старшины Андрея Мизинова, подаренных за вернопотданническое усердие киргискайсатским старшинам, разных вещах, составляющих в сумму 281 руб. || 80 коп., а о всей употребленной по ком- л. 87
мисии 757 руб. 9 коп., причем приобщен подробной щет и требована, издерженная сверх ассигнованных 350 руб., 407 руб. 9 коп. сумма для расплаты кредиторам, и сверх оных на проезд из Оренбурга до Уфы прогонные деньги.

Того ж числа, по случаю принесенной прозбы от разных киргисцов о скорейшем открытии Меновнаго двора вблизи около Оренбурга пребывающим по речкам Донызе, Терятиле киргисцам, послан, бывшей в Оренбургском пограничном суде заседателем ис киргисцов, Базарбай с таким от муфтия приказанием, чтоб он киргискайсацкому народу внушил, что Меновной двор для приезду их изготовлен, и купечества с вещами, для них принадлежащими, достаточно, и открыт Гостиной двор

будет по желанию их непременно, и они б поспешили приездом с пригоном скота немедленно.

22-го получено, чрес посланнаго к киргисцам бывшаго заседателя Базарбая и с ним прибывших 8 чел. Юбирскаго рода Юзбай батырь, Алачинскаго рода Хуземрат бий, Кирилкуртцкаго Зианбай батырь и протчих, сведение о приезде киргисцов и пригоне скота к Миновному двору. Известив об оном муфл. 87 об. тий в Оренбурге обер-коменданта, || господина генерал маиора и ковалера Зимбулатова и правящего должность директора цолнера Масленикова, отправясь со свитой за Урал в степь около Гостинаго двора в собрание киргисцов, изъявя в подтверждение прежде чинимому высокомонаршее для киргискайсатскаго народа благоволение, и доказав в прямом виде общественную чрез открытие мены их пользу, а более по вернопотданническому под российским скипетром пребыванию изливаемые ея императорскаго величества к ним матернии щедроты, и внуша, чтоб наивяще оказать подщились вернопотданническое свое усердие и чрез то приобресть несравненно против неповинующих начальству достойнаго уважения, а по долгу духовнаго сана ко всевышнему принеся молитвоприношение, приличествующее к начинанию мены, яко полезнейшей обществу выгоды, дав свое со увещеваниями по правилам магометанскаго закона благословение, а потом учрежденным на таковой случай правительством мена совершенно и открыта, и общество киргискайсацкое остались в полном удовольствии и послали от себя в степи к пребывающим о прибытии к мене известие; отколь и возвратились в город. И того ж числа послано от муфтия киргискайсацкой Меншей Орды Джагабайлинскаго рода старшине Сагыр батырю затребование следующаго содержания:

Его превосходительство, господин генерал маиор, правитель л. 88 Уфимскаго наместничества и разных орденов ковалер || Александр Александрович Пеутлинг знать мне дал, потребно Оренбургскому пограничному суду с вас к производству в суде над верхнеуральским капитаном исправником следственному делу нужного сведения, давали ль вы знать тому исправнику чрез сына своего Артыя, чтоб находящемуся при вас мулле Валише Гадилбаеву выискиваемой скот для доставления претендателям не отдавать, а отдать, когда от вас лутчие киргисцы присланы будут, иль из ваших детей; во уверение чего прислали вы печать. И хотя о присылке сведения Оренбургской экспедиции погра-

ничных дел трех раз к вам писано и было, но вы на то ничего не ответствовали, каковой ваш поступок весьма непохвален, а более запретителен правилам священному Алкурану. Вы и сами должны знать, что обязались клятвою состоять под российским скипетром в вернопотданническом усердии и выполнять от России затребовании. Я пастырь стада, сохранитель закона и вернопотданничества за долг мой сочел сим напомянуть священные правилы и предписать, чтоб вы требуемое от вас по получении сего ни мало не медля куда надлежит доставили, и тем докажите свое усердие и совершенное законам повиновение и исполните прямое сохранение к вере нашего закона, и наблюдите правилы священнаго Алкурана, а чрез то достигните от всемилостивейшей нашей государыни несравненно изливаемые против других неисполнителей благоволении.

23-го сношении в Оренбургскую экспедицию пограничных дел:

1. О взятии своих мер к захвату при Меновном дворе киргисцов, нарушающих в их народе тишину и спокойствие, || и л. 88 об.
самих тех преступников, которые чинили увоз российским пленным и их имуществу, по указанию присланных для того от Сырым тархана и Мратбек бия старшин Дюнян бия и находящагося в Оренбургском пограничном суде заседателя Байсалы с товарищи, и о поступлении с преступниками по законам.

2. О учинении кому надлежит предписания о доставлении или распродаже составленных в Генварцове фарпосте снабженных от экспедиции под съезд свиты саней.

24-го получено сношение из Оренбургской экспедиции пограничных дел, что она разсматривала отправленной при таковом же о употребленной сумме, полученной на проезд и расходы, 350 руб. и за недостатком оных употребленных из собственных муфтием и взятых на кредит всего 757 руб. 9 коп. щет. Сверх ассигнованных и уже употребленных 350 руб. требуемой суммы выдать експедицыя смелости не имеет, как только на прогоны до Уфы на 360 верст на 10 лошадей — 36 руб. при оном прислала.

И по исполнении письменных дел, того ж числа отправились из Оренбурга в Уфу, продолжали путь с немалою по станциям остановкой по случаю неимения при оных в готовности лошадей и 28-го числа пополудни в 5 часу прибыли в Уфу.

л. 89 29-го отправлено донесение к господину генерал маиору, правителю Уфимскаго наместничества и ковалеру Александр Александровичу Пеутлингу о прибытии в Уфу, со изъяснением сожаления, что он отбыть изволил до приезда муфтия и не удостоив самоличнаго свидания и не получил по коммисии объяснениев, коим прошено, в Оренбург ли веденной журнал и следующие на всевысочайшее ея императорскаго величества имя и к нему господину Пеутлингу от киргискайсатских старшин письма отправить повелено будет, или отправиться со оными в Оренбург для самоличнаго объяснения.

30-го июня, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9-го занимались в переписке журнала и переводом с татарскаго на русской диалект. 10-го получено от господина генерал маиора, правителя Уфимскаго наместничества и ковалера Александр Александровича Пеутлинга о скорейшей присылки к нему в Оренбург веденнаго журнала, а для объяснения самонужнейших обстоятельств о приезде к муфтию предписание. 11-го, 12-го, 13-го и 14-го числ июля занимались окончанием переводов и всех письменных дел.

15-го отослан при донесении к господину генерал маиору и ковалеру Пеутлингу сей журнал и все письменные обстоятельствы.

По листам скрепа: Муфтий Мугамметджан Гусейнов.

Н. БОГДАНОВА

К ВОПРОСУ О ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛОАТАЦИИ КОЧЕВНИКОВ В ЗАКАВКАЗСКОМ КРАЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Мало разработанная пока проблема феодальных отношений у кочевых народов четко намечена в ценной, но, к сожалению, незаконченной посмертной работе академика Б. Я. Владимирцова „Общественный строй монголов".[1]

Исследуя „кочевой феодализм" монголов на протяжении XI—XVIII вв., академик Владимирцов обосновывает свои положения как нарративными, так и документальными источниками. Однако их оказывается недостаточно, чтобы во всей полноте поставить и разрешить вопрос о формах и способах эксплоатации кочевой знатью подвластных им кочевников.

Предлагаемый здесь документ дает яркий материал для изучения этого вопроса. Правда, он относится к поздней эпохе и касается азербайджанских и курдских кочевых и полукочевых племен, живших в Ереванском ханстве (ныне Армянской ССР), но экономические отношения, как известно, отличаются большою устойчивостью и меняются тогда, когда меняются самые способы производства. Это — ведомость о денежных и хлебных сборах по Армянской области за 1828—1830 гг. Она составлена царскими чиновниками, но основная ее часть имеет своим прототипом иранский документ, относящийся к последним годам независимости Ереванского ханства — 1826—1827 гг.

Ереванское ханство до захвата его царизмом входило в состав вассальных владений иранского шаха. В октябре 1827 г. оно было превращено, в результате побед, одержанных царской армией, в Армянскую область, во главе которой был поставлен

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Лгр., 1934, изд. Академии Наук СССР.

ген. Красовский. 10 февраля 1828 г. Туркменчайский договор утвердил за царизмом Армению.

Сразу же после захвата Ереванского ханства началось выкачивание доходов из „области". Кн. Ф. И. Паскевич, за свои победы под Эриванью (Ереван) позднее получивший титул графа Эриванского, в 3-м пункте правил, данных 6 октября 1827 г. Временному правлению Армянской области, предлагал немедленно привести в известность все казенные имущества ханства и все доходы сардаря и перевести их на имя царского правительства.[1] Назначенной для приведения в исполнение этого распоряжения комиссии, возглавляемой майором Меддоксом,[2] вменялось в обязанность прежде всего выявить все прежние ханские (сардарские) доходы, изучить самую систему ханского обложения и затем уже высказать свое мнение о способах эксплоатации страны новыми хозяевами.

Предлагаемая ведомость — результат работ комиссии Меддокса и распоряжений Паскевича о сборах с населения за 1828 г. и на будущие 1829 и 1830 гг. — хранится в Управлении центральных гос. архивов Ленинграда.[3]

Ведомость составлена в 1828 г., 26 декабря того же года она была направлена в Областное управление. В 1830 г. копия с нее препровождена была Паскевичем сенаторам гр. П. И. Кутайсову и Е. И. Мечникову, ревизовавшим Закавказский край (при отношении от 17 мая за № 2212). Ведомость касается обложения всего податного населения бывшего Ереванского ханства — как оседлого, так и кочевого и полукочевого. Здесь печатается лишь часть ее, относящаяся к кочевым народам ханства, племенам курдского и азербайджанского происхождения: Беюк-Чобанкара, Керим-бегли, Кафарлы, Шейхлар, Сарашлы, Дамирчалу, Мили, Али-ханли, Джал-Али, Бильхи-ханлы, Халиханлы, Кизилбаши ушаги, Миссир-Кендли, Курды Зиланы и Карапапахам.

Многие из этих племен были известны Паскевичу, с некоторыми из них, как, например, с курдами, царские военачальники

---

[1] Акты, изданные Кавказск. археогр. комиссией под ред. А. А. Берже, т. VII, Тифлис, 1887, стр. 481.

[2] Там же, стр. 489.

[3] УЦГАЛ. Фонд Сената. Ревизия сенаторов гр. П. И. Кутайсова и Е. И. Мечникова, 1830 г., № 19. „О доставлении сведения о податях по Эриванской провинции". На 31 листе; лл. 20—27.

имели сношения и ранее, еще во время блокады Еревана 1808—1809 гг., и не раз пытались убедить их феодальную знать сделаться вассалами царя.[1]

По камеральному описанию Армянской области 1829—1832 гг.[2] в вышеперечисленных кочевых племенах насчитывалось мужского пола: в Шарурском махале — Дамурчалу 118 душ, Керим-беглю — 199, Джал-Али — 388, в Гарнибасарском махале — Сарашлу — 289, Кафарлю 333, Карабаглу 35, в Ведибасарском махале — Бирюков 620, в Зангибасарском махале — Беюк-Чобанкара — 519 и Карапапахов 8 душ, в Сардар-Абадском махале Сейдлу 11 селений, в которых было 449 душ мужского пола, и Аксаклу 9 селений с 514 душами мужского пола.[3] Убыль в населении, по сравнению с предыдущими годами, объясняется тем, что во время русско-иранской войны 1826—1827 гг. значительная его часть ушла в Иран и Турцию.

Материалом для графы ведомости об обложении населения при хане (сардаре), очевидно, послужила ведомость сбора податей, составленная ханским визирем Мирзою Исмаилом в последний год управления ханством Хусейн-хана.[4] И. Шопен, бывший с 1828 г. председателем Управления по доходам и казенным имуществам в Армянской области, пишет, что для проверки сведений ведомости Мирзы Исмаила комиссией Меддокса в 1829 г. была составлена другая ведомость, основанная на показаниях местных жителей. Однако при сличении обеих ведомостей большой разницы в цифрах не получилось.[5] Цифры печатаемой нами ведомости в большинстве случаев совпадают с цифрами ведомости Мирзы Исмаила.

---

[1] Акты, изданные Кавказской археогр. комиссией под ред. А. А. Берже, т. III, стр. 240, 248.

[2] И. Шопен. Исторический памятник Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852, стр. 1.

[3] УЦГАЛ. Кавказский комитет, 1837, к делу № 7, Приложение литера П. Ведомости о народонаселении разных провинций Закавказского края, препровожденные от бывшего главноуправляющего края, при отношениях к сенатору бар. Гану от 10 сентября № 21, 25 ноября № 7, 4 ноября № 49 и 10 декабря № 78. На 199 листа. Лл. 143—144 об.

[4] Ведомость Мирзы Исмаила частью напечатана, а частью использована в сочинении И. Шопена „Исторический памятник Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи", стр. 994—1058.

[5] Там же, стр. 991—992 и 1059—1120.

3 марта 1828 г. Паскевич писал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу: „По завладении Эривани найдены были реестры имуществу сардаря и векселя, данные ему разными обществами и частными людьми в заборе хлопчатой бумаги, хлеба и прочего, а также и денег, что все составляет значительную сумму".[1]

Как известно, Паскевич приказал Временному областному правлению выявить должников последнего хана (сардаря) и взыскать с них долги в пользу царского правительства.[2]

Последний ереванский хан, сардар Хусейн-хан, родом из азербайджанского кочевого племени Каджар, находился в родстве с царствующей в Иране династией и до пожалования его в ханы был пограничным военачальником в Ереване. До момента вторжения русских войск, в течение 22 лет, он управлял ханством совершенно самостоятельно, находясь лишь в номинальной зависимости от Ирана.

И. Шопен называет Хусейн-хана не только управителем, но и „отличным хозяином".[3] Хусейн-хан, по его словам, „населил пустопорожние места, развел сады, рощи, прорыл новые канавы и привлек из разных мест во вверенное ему ханство множество жителей. Кроме того, он принимал деятельное участие во всяком торговом обороте, снабжал земледельцев скотом, плугами, семенами; купцов деньгами и товарами, и поставил область в довольно цветущее положение в сравнении с тем, что было при его предшественниках".[4]

Таким „благодетелем" для всего населения ханства рисуется царскому чиновнику Шопену этот феодал, занимающийся торговлею и пускающий в оборот выколоченный из населения налог.

Иную оценку Хусейн-хану дает Паскевич в письме к начальнику Главного штаба бар. И. И. Дибичу от 19 января 1829 г.

„Сборы сии (податные. — *Н. Б.*) могли существовать только при сардаре, ибо он действовал как монополист и как откупщик, и не только имел всю торговлю в своих руках, но еще скупал и все произведения земли, продавая их потом гораздо дороже. Если входил в положение поселян, то для того, чтобы извлечь

---

1 Акты изданные Кавказск. археогр. комиссией, т. VII, стр. 485.
2 Там же, та же страница.
3 И. Шопен. Цит. работа, стр. 970.
4 Там же, стр. 450.

из них всю возможную пользу, оставляя им только необходимейшие к существованию средства и не допуская их никогда улучшить свое благосостояние, делая им разные вспоможения, дабы взять с них после гораздо больше; заключал с ними условия и рассчитывал хозяйственным образом всегда с выгодою для себя".[1]

У кочевых народов Ереванского ханства, как азербайджанцев, так и курдов, в момент захвата ханства российским царизмом, пережитки родового строя далеко еще не были изжиты, но феодальные отношения в достаточно развитой форме уже были налицо. Шопен пишет, что „кочующими народами заведывали их родоначальники; курдами Зилан управлял Хуссейн-ага; прочими поколениями заведывали другие старшины, некоторые под непосредственным начальством сардара, другие же зависели более или менее от Хусейн-аги зиланского".[2]

Часть курдских племен вместе со своими феодалами подчинялась непосредственно ереванскому сардару, другая часть, вместе со своими же феодалами, зависела более или менее от Хусейна-аги зиланского, а с ним вместе от сардара. Получается целая лестница отношений господства одного над другим, завершающаяся иранским шахом. На низшей ступени этой лестницы стоят непосредственные производители, так называемые „подвластные" — кочевники илаты.

То же можно наблюдать и у азербайджанских кочевников в Ереванском ханстве.

В рассказе Паскевича о настроениях и передвижениях кочевых вассалов Ирана во время военных действий царской армии в Ереванском ханстве[3] ясно отражается непрочность отношений

[1] Акты, изданные Кавказской археографической комиссией, т. VII, стр. 493.

[2] И. Шопен, цит. работа, стр. 458. Этот самый Хусейн-ага казался Паскевичу настолько сильным сеньером, что он сравнивал его с сардарем ереванским, Хусейн-ханом (Акты Кавказской археографической комиссии, т. VII, стр. 547). Главнокомандующий в Грузии гр. И. В. Гудович, ведший в 1808 г. с Хусейн-агою и Абдулла-агою „куртинскими" переговоры о переходе их под вассалитет царя, в письме к Хусейн-аге от 8 ноября того же года предлагал ему, в случае принятия им царского вассалитета, „сделать его попрежнему старшим над всем «куртинским народом» (курдами), и все те деревни, которыми собственно (он) владеет, также и те из них, которые находятся за Араксом, предоставить в его владение" (Акты Кавказской археографической комиссии, т. III, стр. 248).

[3] Сообщение Паскевича гр. Нессельроде от 27 июня 1827 г. Акты, изданные Кавказской археографической комиссией, т. VII, стр. 547—549.

вассалов к их иранскому сюзерену, а также рознь интересов и настроений у самой кочевой знати даже одного и того же племени, не имеющих единого фронта, действующих врозь и ищущих лишь своих собственных выгод.

У азербайджанского племени-карапапахов можно наблюдать также и противоречия в настроениях и ориентации масс и их правящей верхушки — старшин, выросшей из родовой знати.

900 семейств карапапахов переходят на сторону царя, однако главные их старейшины „не все" и не сразу идут вместе с ними.

Переход совершается и в индивидуальном порядке: к царским военачальникам переходят военные и конновооруженные карапапахи, „лучшие конные силы Хасан-хана", как называет их Паскевич.

„Почтеннейших" из них, т. е. принадлежащих к верхушке кочевой феодализирующейся знати, Паскевич принимает к себе на службу. Он наделяет их вместе с их подвластными землею в Казахской дистанции, захваченной еще несколько ранее и вошедшей в состав Грузии.

Таким образом новый сюзерен в лице царя сменяет иранского шаха.

Каковы были отношения между феодалами кочевниками и их „подвластными", можно видеть из следующего. Азербайджанское полукочевое племя Кенгерлю, жившее в то время в Нахичеванском ханстве на границе с Турцией, находилось под властью хана из их же племени, по имени Ихсан-хан, сторонника царской ориентации. По захвате ханства в 1827 г. царизмом Ихсан-хан остался попрежнему правителем и военачальником Кенгерлю.

Царское правительство, сохранив за Кенгерлю те повинности, которые они несли при иранском владычестве — обязанность давать 200 вооруженных всадников для охраны границ, обложило их еще денежною и хлебною податью (часть племени Кенгерлю уже занималась хлебопашеством, носившим лишь подсобный характер) и, кроме того, заставило выставлять 15 конновооруженных всадников в Конно-мусульманский полк в Варшаву. Семействам ушедших в полк кочевые общества обязывались доставлять хлебное и денежное содержание. „Народ Кангарлинцы платили подать с души, скота и прочего, кроме хлеба 1360 туманов, 3 руб. 60 коп. персидским сере-

бром".[1] Кроме повинностей и налогов в казну, Кенгерлю несли повинности и подати в пользу Ихсан-хана, своего феодала, распоряжавшегося ими как крепостными. В предписании, данном Ихсан-хану командиром отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим на Кавказе и за Кавказом Е. А. Головиным от 20 ноября 1840 г., сказано:

1) „Чтобы вы заведывали ими (т. е. племенем Кенгерлю. — *Н. Б.*) не как подвластными, но как людьми свободными, обязанными службою только государю императору.

2) Чтобы производили наряд их на службу по всей справедливости, соблюдая каждому его черед и отнюдь не давая никому преимущества.

3) Вы должны наблюдать, чтобы на службе Кянгерлинцы имели исправное оружие и хороших лошадей.

4) Чтобы между Кянгерлинцами существовал порядок и повиновение младших к старшим.

5) Между тем вы не должны употреблять Кянгерлинцев для своей надобности и каких бы ни было ваших работ. Но дозволяется вам иметь при себе почетный караул не более, как из 8 человек.

6) Вы также не должны требовать никаких повинностей и поборов от Кянгерлинцев".[2]

Из этого предписания видно: 1) что племя Кенгерлю платило Ихсан-хану подати, 2) что оно несло службу в его войске, 3) что Кенгерлю служили при дворе Ихсан-хана и употреблялись им для разных работ и 4) что Ихсан-хан распоряжался ими как „подвластными", т. е. несвободными, феодально зависимыми. Ленин говорит: „Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина".[3]

О том, что феодализирующаяся верхушка племени Кенгерлю стремилась закрепостить непосредственного производителя-кочевника, имеются и более ранние сведения — это прошение

---

[1] Материалы по истории народов СССР. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. I, изд. Института истории Акад. Наук СССР. М.—Л., 1936, стр. 207.

[2] Там же, стр. 152—153.

[3] В. И. Ленин Развитие капитализма в России. Соч., изд. третье, т. III, стр. 140.

раийятов[1] и кочевников Нахичеванского ханства от 1768 г тогдашнему верховному правителю Ирана Керим-хан — Зенду, чтобы он запретил бек-заде[2] обращать их в гулямов (т. е. в состояние домашнего рабства) для себя. „Кто гулям, тот пусть будет оставшимся от отца или гулямом, купленным на деньги, или из чужестранцев. Чтобы из крестьян (раийятов) и кочевников (илятов) Нахкрая не было бы (того), чтобы их обращать в гулямов".[3] Так заканчивается это прошение. Оба приведенные документа достаточно ярко рисуют нам зависимое положение непосредственного производителя от своего феодала, доходящее до полного его закрепощения.

И. Шопен пишет, что азербайджанское кочевое племя Айрумлу, жившее в Даракенд-Парчинском махале Ереванского ханства, в начале 1830-х г. вносило в пользу „родоначальника" своего Мухаммед-Джафар-хана с каждого дыма по 1 батману масла, по 1 вьюку самана и по вьюку дров.[4]

В „Положении о способах содержания карапапахских агаларов, родоначальников кочующих под разными наименованиями народов, обитающих в Армянской области", составленном начальником Армянской области кн. В. О. Бебутовым в 1836 г., перечислены следующие повинности, которые должны выполнять в пользу своих агаларов и родоначальников их подвластные: 1) помогать людьми при постройке или починке дома агалара или родоначальника, 2) 1 день в году каждый двор обязан своими плугами и сохами (что у кого есть) пахать пашню агалара, затем убрать с полей его хлеб, обмолотить и свезти в ямы (очевидно, это относится к тем из кочевников, которые стали заниматься частично и земледелием), 3) давать прислугу для домашних работ, 4) предоставлять в пользу агалара или родоначальника $^1/_{10}$ часть дозволенной военной добычи, если во время военных действий они сами предводительствовали подвластными им, и 5) кроме этого по „издревле" установив-

---

[1] Раийят — арабское слово: феодально-зависимый оседлый крестьянин в отличие от илята — кочевника.

[2] Бек-заде — тюрко-персидское слово, рожденный беком (господствующий класс).

[3] Передняя Азия в документах. Книга I. Нахичеванские рукописные документы XVII—XX вв. Тбилиси, 1936, изд. Грузинск. филиала Акад. Наук СССР, стр. 66.

[4] И. Шопен, цит. работа, стр. 991.

шемуся обычаю „добровольно“ приносить подарки своим агаларам и родоначальникам в день женитьбы и в праздник байрама. Последнее положение имеет следующую оговорку: „кои, имея хорошее состояние, при подобных случаях по существующему издревле обычаю не сделают агалару[1] и родоначальнику никакого подарка, то таковые останутся в худом у начальства замечании“, 6) на всех родственников агалара или родоначальника работать 1 день в году, 7) давать им прислугу для домашних работ“.[2]

Печатаемая здесь „ведомость“ вскрывает все виды и способы выколачивания знатью прибавочного продукта из непосредственного производителя — кочевника. Эксплоатация кочевника его знатью шла по двум линиям: 1) по линии взимания податей и разных сборов и 2) по линии возложения на него разного рода повинностей.

Первоначально подати и сборы вносились продуктами и предметами от скотоводческого хозяйства кочевника — маслом, сыром, шерстяными мешками, скотом — баранами, овцами. С момента вовлечения кочевника в орбиту денежных отношений продуктовую ренту-налог стала заменять денежная, сначала стоявшая рядом с ней, позднее имевшая тенденцию к совершенному вытеснению первой.

Так, из ведомости мы видим, что зиланские курды, состоявшие из 200 семейств и имевшие 100 000 овец, давали сардару (хану) в год по одной большой овце и по одной малой из каждых 100 да по 5 халваров[3] масла со всех отар.[4]

Племя Хали Канлю, состоявшее из 146 семейств и имевшее 15 отар и 200 баранов, платило деньгами 270 туманов[5] и 9 ми-

[1] Ага — тюркское слово — господин. Агалар — множ. число.

[2] УЦГАЛ. Фонд Кавказского комитета, 1837 г. к № 7 „Приложение i“. Предположения начальника Армянской области об обязанностях обитающих в Армянской области карапапахских агаларов, родоначальников кочующих под разными названиями народов, и о способах содержания их, а равно о некоторых преимуществах и обязанностях к правительству: ханов, беков, султанов, меликов и тиульных владельцев с замечаниями о правах последних. На 32 листах; лл. 4 об. — 7.

[3] Халвар (правильнее — харвар, букв. „ноша осла“) — персидское слово. Мера сыпучих тел, величина которой в разных местностях неодинакова, от 240 до 600 кг.

[4] Отара — пастбищное место, могущее вместить примерно 1000 голов овец.

[5] Туман (тюмень) — монгольско-тюркское слово. Основная монета в Иране в XVII—XIX вв. Равнялся в первой половине XIX в. 10 руб.

налтунов,[1] кроме того, деньгами же с 15 отар и 200 баранов давало 83 тумана 7 миналтунов да продуктами с тех же отар по 12 батманов[2] масла с каждой отары и по 46 шерстяных мешков со всех отар. В данном случае и денежная и продуктовая рента взималась одновременно.

И в этом случае и в других (см. печатаемую далее ведомость) денежная рента взимается, с одной стороны, с отары и, повидимому, заменяет собою взнос непосредственно скотом, с другой — независимо от обложения отары как единицы скотоводческого хозяйства и имеет какую-то другую единицу обложения.

Некоторые племена, как Чобанкара, выплачивали лишь денежную ренту и были обязаны повинностью выставлять около 300 вооруженных всадников и раз в год давать сардарю весь свой скот под возку тяжестей. Что значило для общества дать 300 вооруженных всадников, можно видеть из следующего: тюркское полукочевое племя Кенгерлю, жившее в то время в Нахичеванском ханстве в количестве до 1270 семейств, при иранском владычестве должно было выставлять, по одним источникам, до 200 всадников, а по другим — до 500. Царские феодалы, захватив Нахичеванское ханство, сохранили эту повинность за Кенгерлю. По подсчету в конце 1830-х гг. такой всадник конный и оружный обходился обществу более чем 163 руб. сер. в год плюс жалованье ему 24 руб. 40 к. в год, да для лошади ячменя 2 халвара и саману[3] 20 вьюков. Всадник получал от общества пару пистолетов, саблю, кинжал, одежду с серебряною тесьмою и другими принадлежащими к ней приборами и серебряным лошадиным убором. Если всадник терял этот прибор, общество доставляло ему таковой вновь.[4]

Судя по печатаемой здесь ведомости, почти все кочевые народы Ереванского ханства несли повинность по содержанию конновооруженных воинов, а карапапахи, жившие на границе

[1] Миналтун — тюркское слово, монета, равняется одной десятой тумана, т. е. по курсу начала XIX в. — 1 руб. серебром.

[2] Батман — тюрко-персидское слово. Мера веса, имевшая в разных местностях разную величину. В Ериванском ханстве равнялась 5 кг.

[3] Саман — тюркское слово — солома.

[4] Материалы по истории народов СССР. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. I. Феодальные отношения и колониальный режим 1827—1843 гг. Изд. Института истории Акад. Наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 153—154.

с российскими владениями, обязаны были сардарю лишь одною повинностью — военной охраной ханства и состояли, как замечает русский составитель ведомости, „вроде линейных войск".

Повинность по содержанию конновооруженных воинов являлась как бы службой в ополчении сеньора. Царское правительство, занявшее место иранского, сохранило за кочевниками повинность по содержанию конновооруженных воинов. Известно также, что И. Ф. Паскевич из маафов,[1] Кенгерлю и некоторых других кочующих за Кавказом племен предполагал создать иррегулярную конницу.[2]

Кроме повинности по содержанию вооруженной охраны границ, непосредственный производитель — кочевник исполнял еще целый ряд других: давал сардарю раз в год весь свой скот под своз, доставлял дрова, уголья, саман, обслуживал своего феодала во время перекочевок, обслуживал его скот. Так, племя Чобанкара, кроме денежных податей и выставления конновооруженных всадников, должно было еще содержать сардарский скот.

Мы читаем в ведомости: „Сверх сего сардарь отдавал сему народу, т. е. Беюк-Чобанкара, свой скот на положениях: „1) д и ш п е д и ш, т. е. означенный народ, обязан был возвратить сардарю, чрез сколько бы годов он ни потребовал, то же число овец и баранов, какое он получил, и в тех же летах; с каждой порученной сему народу овцы давал он по пол-батману масла и сыру и по одному стилю[3] шерсти с маленьких баранов, а приплод с овец оставался в его пользу, и по положению 2-му а м а н и, т. е. приплод, и шерсть от скота принадлежал сардарю, с каждой овцы давали жители по $7^1/_2$ стилей масла, с буйлиц по 6 батманов, с коров по 4 батмана масла в год".

„Отдача сардарского скота на помянутых условиях была повинностью", замечает царский чиновник, составлявший ведомость.

---

[1] Мааф — арабское слово, буквально — изъятый, свободный, терминологически — лицо, освобожденное от повинностей в пользу казны и феодала, кроме военной службы.

[2] Материалы по истории народов СССР. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. I. Феодальные отношения и колониальный режим 1827—1843 гг. Изд. Института истории Акад. Наук СССР, М. — Л., 1936, стр. 93.

[3] Стиль — мера веса, $^1/_{30}$ батмана, в разных местностях различной величины.

Шопен пишет, что по положению д и ш п е д е ш у народа Беюк-Чобанкара сардарских овец находилось 2484 штуки, у Керимбеглю 519, у Шейхляр 500, Сарашлю 1000, Бирюков 5000 и Кафарлю 1138 овец, всего 10 641 голова.

По положению а м а н и — у Чобанкара находилось 4219 овец и у Кафарлю 4206, итого 8425 голов.[1]

Содержание сардарского скота на вышеозначенных условиях было тяжелым бременем для кочевника: скот требовал охраны и ухода за ним. Овец и баранов приходилось стричь, сырьевые продукты кочевого хозяйства превращать в предметы потребления и в готовом уже виде — масло, сыр — доставлять феодалу, из шерсти делать мешки и т. п.

По положению а м а н и и приплод и вся шерсть поступали в пользу феодала. Что же оставалось на долю непосредственного производителя? Одна работа на своего господина!..

Повинность по содержанию и обслуживанию скота феодала является, надо полагать, видом отработочной ренты с тою лишь не существенной разницею, что работа на феодала производилась здесь не на господском дворе, а вне его.

Таким образом ведомость вскрывает все три вида докапиталистической ренты, в данном случае совпадающей с налогом, которую выплачивал феодалу непосредственный производитель — кочевник.

Царские феодалы, сменившие иранских, сохранили прежнюю податную систему, стараясь по возможности везде перевести продуктовую ренту на денежную. Так, в ведомости о доходах по Ширванской провинции за 1829 г., составленной исправляющим должность начальника Грузинской казенной экспедиции И. Н. Калиновским в 1834 г., мы читаем: „за масло, за сыр, за ковры, за попоны. Берется с кочующих жигелей. Денежные сборы сии производятся за те вещи, которые давались хану натурою".[2] Сохранили и двойную систему обложения — с семейства и со скота. Естественно возникает вопрос — не был ли феодалом экспроприирован и скот, как была экспроприирована земля, т. е. не все ли средства производства находились теперь в руках феодала?

---

1 И. Шопен, цит. работа, стр. 1127—1128.

2 Материалы по истории народов СССР. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. I, стр. 451.

Акад. Владимирцов считает, что скот был „во владении аратов, которые могли вести индивидуальное пастушеское хозяйство. Но обладание это, — говорит он, — было относительно. Его лучше было бы назвать завуалированным владением сеньора."[1]

Неясность в этом вопросе чувствовал и царский чиновник Виктор Янович, правитель канцелярии главноуправляющего на Кавказе в конце 20-х годов. В записке о податных сборах в Нахичеванском ханстве во время иранского владычества, поданной им в Армянское областное правление 26 декабря 1828 г., он ставит вопрос: „по скольку с каждой штуки скота взыскивалось и за что: за пастьбу ли на казенной земле или же за употребление оного в работу и по мере получаемой от него пользы?"[2]

И, может быть, откупщик казенных пастбищ в Кубинской провинции в 1837 г., так смутивший исполнявшего должность кубинского коменданта Ищенкова своим пастбищным сбором даже с тех стад, которые не выгонялись на пастбища, а оставались в деревнях и кормились сеном или отправлялись в соседнюю Ширванскую провинцию, действовал согласно установившимся отношениям, — по праву, переданному ему путем откупа феодалом, т. е. вместо самого феодала собирал подать с населения не только за пастбища, а и „за право употреблять скот в работу и извлекать из этого пользу",[3] где бы этот скот ни находился.

В проекте положения об урегулировании отношений между владельцами земель, так называемым высшим мусульманским сословием, и крестьянами, живущими на этих землях, составленном в 1846 г. ген.-лейт. П. А. Ладинским, довольно хорошим знатоком социальных отношений на Кавказе, предполагалось взимать с кочевого населения в пользу землевладельца опять-таки двойную денежную подать: 1) за право кочевать на его земле „по установленному издревле обычаю той или другой

---

1 Б. Я. Владимирцов, цит. работа, стр. 162.

2 Материалы по истории народов СССР. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. I. Феодальные отношения и колониальный режам 1827—1843 гг. Изд. Института истории Акад. Наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 206.

3 Там же, стр. 332.

местности“ и 2) за право пасти скот на его эйлагах и кишлагах (зимних и летних пастбищах).[1]

В §§ 27—29 положения Ладинского, одобренного и дополненного Кавказским комитетом, читаем: „Поселяне, кочующие на владельческой земле, не получившие от владельца особых участков для хлебопашества и садоводства, платят владельцам земли за право кочевания по 4 руб. сер. в год с семейства“.

„Кочующие поселяне платят владельцу земли чопбаши за все вообще пасущееся на его земле количество скота в таком размере, как установлено местными обычаями“. Ссылка 28 параграфа на 25, а затем следующий 26 параграф „положения“ разъясняет смысл слов „установлено местными обычаями“ — чопбаши платятся владельцу зимних и летних пастбищ (эйлагов и кишлагов) всеми без исключения пасущими стада свои на его земле „как обязанными ему повинностями, так равно и посторонними поселянами“, „по обычаям, издревле утвердившимся в том уезде или участке, где находится владельческая земля“.[2]

Таким образом получается, что кочевник в пользу своего феодала тянет двойное тягло, — с одной стороны, он платит ему за право кочеванья на „его“ земле, т. е. за право жить, право существовать, а с другой стороны, за то, что скот его пасется на земле феодала.

Положение 1846 г. о взаимоотношениях феодалов и крестьян в закавказских „мусульманских“ провинциях, созданное с целью укрепить союз царской власти с так называемым высшим мусульманским сословием путем наделения его землею, зафиксировало в конечном итоге полную зависимость крестьянина и кочевника от своего феодала со всеми вытекающими отсюда последствиями — обязанностью первых платить подати и выполнять повинности в пользу своего господина даже и тогда, когда они фактически не пользуются его землей и пастбищами.

---

[1] Материалы по истории народов СССР. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в., ч. II. Феодальные отношения и колониальный режим 1844—1863 гг. Изд. Института истории Акад. Наук СССР, М. — Л., 1937, стр. 57.

[2] Там же, стр. 87—88.

1828 г. не позднее декабря 26. — Отрывок из ведомости о денежных и хлебных сборах по Армянской области на 1828—1830 гг. — о податях и повинностях кочевого населения.

Ведомость о денежных, хлебных и прочих сборах по Армянской области, препровожденная в тамошнее областное правление 26 декабря 1828 г.[1]

При бывшем сардаре эриванском Гусин-хане существовали в Эриванском ханстве следующие налоги.

С кочевых народов взыскивались сардарем следующие подати: 1. Зилянские куртины, которых считалось до 2000 семейств, имели 100 000 овец, с каждой сотни брал сардарь по 2 в год, по 1 большой и 1 малой, и по 5 халваров масла со всех отар. Сверх того, давали ежегодно весь прибор для 50 верблюдов, по 1000 быков под своз, когда надобность была, и 1000 человек вооруженных. Сей народ в последнюю войну весь перешел к туркам.

2. Народ Джамандилю, также ушедший в Турцию, выставлял до 250 конновооруженных, да за пастьбу на сардарской земле баранов давал с каждой сотни овец по 2 овцы: по 1 большой и 1 малой.

3. Беюк-Чобанкара, прежде считалось до 300 семейств, три четверти перешли в Турцию; Беюк-Чобанкара разделяется на поколения или роды, именно Керим-беглю, Кафарлю, Шихляр, Сарашлю, Демурчалю и Бирюки. Платили они в год:

Чобанкара 350 туманов; Керим-беглю 150 туманов; Кафарлю 200 туманов; Шихляр 100 туманов; Сарашлю 150 туманов; Демурчалю 50 туманов, да выставляли конновооруженных людей около 300 человек.

Сверх сего сардарь отдавал сему народу свой скот на положениях:

а) Дишпедиш, то есть означенный народ, обязан был возвратить сардарю, чрез сколько бы годов он ни потребовал, то же число овец и баранов, какое он получил, и в тех же летах; с каждой порученной сему народу овцы давал он по пол-бат-

[1] Писана на бумаге в развернутый лист. Графы параллельны одна другой. Мы же печатаем графы одну за другой, в порядке их последовательности.

ману масла и сыру и по одному стилю шерсти с маленьких баранов, а приплод с овец оставался в его пользу.

б) Амани, то есть приплод, и шерсть от скота принадлежали сардарю, с каждой овцы давали жители по $7^1/_2$ стилей масла, с буйлиц по 6 батманов, с коров по 4 батмана масла в год. Отдача сардарского скота на упомянутых положениях была повинностью. Означенный народ давал один раз в год весь свой скот под своз разных тяжестей.

4. Милли и Али-кянлю народ, кочующий вместе, платил ежегодно сардарю по 300 туманов.

5. Джалали разделяется на 5 родов:

а) Сакенлю, в числе 102 семейств, платил ежегодно 219 туманов, 6 миналтунов; кроме сего, как народ сей имел 8 отар и 750 баранов (в отаре полагается 1000 баранов, почему давал в год с каждой отары по $5^1/_2$ туманов, всего 48 туманов $1^1/_4$ миналтун, бараньего масла по 12 батманов и со всех отар 25 пар шерстяных мешков).

б) Бильхи-канлю разделяется на 2 подвластных народа, одна часть, принадлежащая Туш Маль-аге в числе 101 семейства, платила ежегодно 216 туманов $3^1/_2$ миналтуна, да со всех 11 отар баранов 60 туманов 5 миналтун, масла по 12 батманов с каждой отары и 33 пары шерстяных мешков со всех отар. Другая часть, принадлежащая Исе-аге в числе 82 семейств, платила в год 174 тумана 6 миналтун, да с 5 отар и 700 баранов деньгами 31 туман $3^1/_2$ миналтуна, масла по 12 батманов с каждой отары и 16 пар шерстяных мешков со всех отар.

с) Хали-канлю, имеющий 146 семейств, давал 270 туманов 9 миналтунов, да с 15 отар и 200 баранов 83 тумана, 7 миналтунов, 12 батманов масла с каждой отары и 46 пар шерстяных мешков со всех отар.

д) Кизилбаш-ушаги в числе 60 семейств давал ежегодно 127 туманов 3 миналтуна, за $3^1/_2$ отары баранов 19 туманов $2^1/_2$ миналтуна, масла 12 батманов с каждой отары и 9 пар шерстяных мешков со всех отар.

и е) Мисир-канлю в числе 72 семейств платил в год 151 туман да с 7 отар и 300 баранов 40 туманов $1^1/_2$ миналтуна, масла по 12 батманов с каждой отары и 21 пару шерстяных мешков со всех.

6. Карапапахцы ничего не платили, ибо были поселены на границе России и состояли в роде линейных войск.

Мнение комиссии сбора податей, в Армянской области учрежденной, и члена оной майора Меддокса.

О кочевых народах г. Меддокс в мнении своем излагает, что подать с них взималась самая высокая, и потому должно оную уменьшить 4-ю частью и сделать однообразною, полагая на каждое семейство по 6 руб. сер. в год, с каждых 1000 овец по 16 руб. и по 9 батманов масла в год, или деньгами по справочным ценам. С каждых 1000 быков единовременно в год 500 вьюков, более же ничего не брать. Народы сии привесть в известность камеральным описанием и, обложив податью их, как выше сказано, по числу семейств, получать оную, однако же со всего народа по раскладке, утверждаемой Областным правлением. О числе скота, сколько оного имеется, народы сии должны в апреле месяце каждого года доставлять сведения, на основании коих будет взыскиваться положенная подать и наряжаться число вьюков. Хлебопашество кочевых народов оставить на основании сардарском.

По распоряжению главноуправляющего назначается взимать податей на будущие 1829 и 1830 гг.

Большая часть кочевых народов оставила уже ханство Эриванское, почему прежде всего надобно привести в известность число остающихся в наших владениях, но камеральным описанием, по самому образу жизни сих народов, едва ли сего достигнуть можно, и потому в исчислении семейств по необходимости положиться должно на показаниях родоначальников и примерных соображениях. Равными податьми всех кочевых народов обложить нельзя, ибо не все они пользуются ровными угодьями для кочевого их хозяйства; почему и надобно общую подать налагать не иначе, как соображая с примерным числом семейств, с выгодами, которые каждый народ в кочевье своем имеет, и с богатством оного. О сем должно Армянское областное правление ныне же собрать подробные сведения и, войдя в надлежащее рассмотрение всех обстоятельств, мнение свое насчет подати с каждого народа представить порознь.

Сбор со стад можно оставить на положении сардарском, предоставив взнос оного натурою или деньгами, понуждать же

непременно платить оную деньгами невозможно, и для бедных кочевых жителей было бы отяготительно.

Вьюки брать в натуре по положению сардарскому, ибо оные понадобятся и для войск и для перевозки продуктов.

Хлебную подать с тех народов, кои занимаются хлебопашеством, брать по положению сардарскому, уменьшив 3-ею частью.

С народа Сейдлю и Ахсахлю, естьли он не ушел, брать дрова и уголья для войск по положению, бывшему при сардаре.

Скот, отдаваемый сардарем на положениях, привести в надлежащую известность, сколько у какого народа его находится, и доставить сведения, не делая никаких распоряжений до получения разрешения.

По распоряжению главноуправляющего назначается взыскать за 1828 г.

Кочевые народы меньше прочих жителей Эриванской области потерпели от войны, и потому справедливо бы было не освобождать их на нынешний год от подати, но как не приведено еще в известность, сколько семейств из сих народов осталось в наших владениях, то предоставить Армянскому областному правлению взыскать на 1828 г. с сих народов умеренную подать только деньгами, полагая по 5 руб. сер. с семейства или по цене, существующей на их скот, и сверх того потребовать вьюки для перевозки собранных в подать продуктов в Эривань, из хлебной подати сбирать на нынешний год одну половину.

С народа Сейдлю, естьли не ушел, взять дрова и уголь, также в половину противу того, что полагается на будущее время.

О скоте сардарском, находящемся у кочевых народов, сказано в отметке о податях за 1829 и 1830 гг.

Правитель канцелярии *Виктор Янович*

Секретарь *Казаченко*

М. КОРОСТОВЦЕВ

ДЕКРЕТ СЕТИ I В НАУРИ

Сети I — один из наиболее ярких представителей XIX династии. По хронологии Fl. Petrie, подтверждающейся рядом соображений (см. прим. 2), он вступил на престол в 1326 г. до н. э. Год его смерти неизвестен, но, во всяком случае, его царствование было довольно продолжительным,[1] так как им построен ряд высокохудожественных и великолепно выполненных сооружений в Курна, Карнаке, Мемфисе, Абидосе. Памятники Сети I встречаются во всех египетских владениях, начиная от Палестины и кончая отдаленной Напатой.[2]

Сети I усердно разрабатывал золотые прииски на берегу Красного моря и, чтобы облегчить путь к ним через пустыню, выкопал ряд колодцев. Золотым приискам придавалось большое значение. Это подтверждается не только сооружением колодцев, но и постройкой храма по дороге к приискам. Надпись этого храма подробно повествует о добыче золота. Наконец, сохранился план прииска на папирусе, являющийся древнейшим планом в мире. План сопровождается иератическими надписями.

Но деятельность Сети I не ограничивалась этими мирными мероприятиями. Уже в первый год своего царствования он предпринимает карательную экспедицию в Нубию и затем в том же году появляется со своим войском в Ретену — в Сирии, и этой кампанией начинается ряд походов против ливийцев, хеттов и др.

---

[1] Fl. Petrie, A. History of Egypt, II, 10, полагает, что он царствовал 26 лет (1326—1300).

[2] Подробный перечень памятников Сети I дает Fl. Petrie в „A History of Egypt", II. Ср. также A. Z, LXIX, 1933, и „Egypt Exploration Fund Quarterly Statement", 1923.

Военные подвиги Сети I увековечены на северной стене большого гипостиля в Карнаке в виде изображений, сопровождающихся пояснительными надписями. Гробница Сети I находится в знаменитой Долине царей, около Фив (Бибан-эль-Молук). По художественности и совершенству работы она занимает первое место среди гробниц других царей.

Сохранилась и мумия самого Сети I, хранящаяся в Каирском музее.

Декрет Сети I в Наури является одним из важнейших документов, оставленных этим царем. Достоянием науки этот памятник стал лишь в 1927 г., когда его впервые опубликовал и перевел Griffith.[1]

Текст начертан на отвесной скале в местности Наури, в 35 км к северу от третьего Нильского катаракта. Памятник занимает на скале площадь около 5 кв. м и имеет вид стэлы. В верхней части изображена следующая сцена, сопровождающаяся пояснительными надписями.

Слева в полном царском облачении стоит Сети I и в левой руке преподносит статуэтку богини истины Маат стоящим перед ним трем богам: Амону, Ра-Гарахте и Пта. Над фигурой царя начертана его титулатура: „Владыка обеих земель Менмаатра, владыка корон, Мернепта-Сети, одаренный жизнью, подобно Ра". Позади Сети I слова: „вся защита и жизнь вокруг него подобно Ра, навеки".

Между царем и богами изображен жертвенник. Надпись перед ним поясняет: „Преподношение Маат владыке Маат Амону-Ра, владыке престолов обеих стран, владыке неба". Под жертвенником две строки гласят: „Да будет жив добрый бог, владыка обеих земель, Менмаатра. Подношение Маат его отцу Амону-Ра, владыке тронов обеих земель".

Три строки над Амоном и одна перед ним содержат обращение бога к царю:

„Речь Амона-Ра, владыки тронов обеих земель: даю я тебе [Сети I] вечность в царствовании над обеими землями, вечность в исполнении желаний твоего сердца, подобно Ра, навеки, владыка обеих земель". „Даю я тебе под ноги твои юг вместе с севером".

[1] JEA, XIII, 1927. The Abydos Decree of Seti I at Nauri. Издание и перевод текста с примечаниями, исследования нет. С этого издания и сделан наш перевод.

Над фигурой Ра-Гарахте надпись: „Ра-Гарахте, великий бог, владыка неба". Перед изображением бога начертаны его слова, обращенные к царю: „даю я тебе всю жизнь, все счастье и все здравие, как у Ра". Позади фигуры Пта одна строка: „прекрасный ликом, обладатель престола". Эти слова относятся к Пта.

Все строки вертикальны и совершенно не повреждены. Все изображения, исключая Пта, у которого повреждено лицо, хорошо сохранились.

Под изображением расположены 59 горизонтальных строк текста, причем длина этих строк равна длине основания изображения. Строки 60—128, также горизонтальные, расположены в виде столбца, находящегося влево от изображений и первых 59 строк, причем длина каждой из этих строк, примерно, раза в три меньше, чем длина строк 1—59. В первой части, т. е. в строках 1—59, текст сохранился хорошо: здесь нет больших лакун, и только кое-где знаки выветрились. В столбце же, содержащем строки 60—128, две лакуны: одна сравнительно небольшая, захватывающая концы 88—91 строк, и одна очень большая, захватывающая первую половину строк 97—108. Это тем более досадно, что эта часть текста содержит изложение декрета, начинающегося с 29 строки. Весь текст написан справа налево.

Памятник этот, о котором среди местного населения давно циркулировали слухи, в 1924 г. обнаружил Gray и с большими трудностями скопировал его. Малодоступность текста из-за его расположения на отвесной скале сильно затрудняла снятие копии. Вскоре после этого его скопировал также Crowfoot. И Gray и Crowfoot вручили копии текста Griffith'y, который и опубликовал его в 1927 г. После этого над изучением памятника, несмотря на его значение, никто не работал.

Треугольные скобки в переводе содержат восстановленные места текста. В квадратные скобки заключены пояснительные слова переводчика. Не поддающиеся реконструкции поврежденные места текста показаны многоточием. Порядковые номера строк подлинника заключены в прямые скобки.

ПЕРЕВОД

|1| ‹Год›[1] 4-й, первый месяц зимы, день первый. Начало вечности,[2] принятие счастья, сотни тысяч лет мира, миллионы в юбилеях на троне бога горизонта, вечность в царствовании Атума[3]

при его величестве Горе,[4] могучем быке, являющемся в Фивах,[5] дающем жизнь обеим странам, олицетворении обеих владычиц,[6] повторяющем рождения, мощном рукой, покоряющем 9 Луков,[7] Горе[8] золотом, повторяющем коронации, сильном среди варваров во всех землях, царе Верхнего и Нижнего Египта[9] Менмаатра, сыне Ра[10] |2| ‹Мернепта Сети, одаренным жизнью навеки›[11] вечные, любимом Амоном-Ра,[12] царем богов, объявляющемся на троне Гора живущих, подобно своему отцу Ра, ежедневно.[13]

Был его величество в городе Хеткапта,[14] выполняя культ отца Амона-Ра, владыки тронов обеих земель в Ипетсут,[15] Ра-Гарахте,[16] Атума — владыки обеих земель, гелиопольца[17], великого Пта к югу от стены своей,[18] владыки Жизни Обеих Земель,[19] великой Сехмет,[20] любимой Пта, Пта-Сокар-Осириса[21] чтимого в Шетаит,[22] Нофертем-Небка-Гор-Хекену,[23] Горо |3|... ‹Исиды›[24] великой, матери бога и владычицы неба, великой волшебством, Тота — владыки слов бога,[25] богов и богинь Та-Мери[26] сообразно тому, как они дают ему [царю Сети] миллионы лет и сотни тысяч лет мира, тогда как все низменные и гористые страны и племена 9 Луков повергнуты под его подошвы, причем сердце его [царя Сети] радуется вместе с его Ка,[27] подобно Ра, навеки.[28]

Милостивый бог, сын Осириса,[29] защитник Уннофера,[30] дивное семя владыки кладбища[31] |4| ‹Его отец предопределил его правителем›[32] после того, как вышел он из чрева. Установлено было его царствование [когда он был еще] на руках Исиды, матери бога. Дал он [Уннофер] ему [царю Сети] трон Геба[33] и превосходный — сан того, который на небе. Это Ра родил его величество.[34] Это он [Ра] создал его красоту и распознал его среди миллиона[35] людей, чтобы [ему] быть царем

Верхнего и Нижнего Египта на месте его [Ра]; он сделал его силачом |5|... благородный. Каждый бог радуется ему [царю Сети I]. Верхний и Нижний Египет преклоняют свои головы до земли перед ним [царем Сети I]. Он [Ра] создал... то, что есть у него [царя Сети I]. Все, что обходит Атон[36] — под наблюдением его [Сети I]. Объединились боги, чтобы защищать его [Сети I], чтобы удовлетворить сердце Уннофера. Ввели они [боги] его [Сети I] во дворец благородный. Эннеада[37]... в ликовании.[38] Сердца их [богов Эннеады] радостны, воспринимают они радость, говоря:[61] „Прийди, |6| ‹Гор›[39] сын Уннофера. Будешь ты наследником и защитником отца Осириса — Хентиаменте.[40] Ты пребываешь на троне его [Осириса] до пределов вечности. Радостно сердце владыки Некрополя,[41] когда видит он тебя на троне подобно Ра; ты на земле, приводя в порядок обе страны и украшая храмы[42] родившего тебя. Ты делаешь защищенным |7| Абидос[43] снова. Находящиеся в нем помолодели благодаря тому, что было тобой приказано. Ты построил его [Осириса] Дом подобно горизонту неба, и лучи его [Дома] светят в лицо. Сделаны изваяния владык Та-ур.[44] Статуи [владык] покоятся на своих тронах, изображения их [владык] правильны, как во времена Ра.[45] Камни драгоценные вставлены в барку[46] |8| их. Ты преподносишь им Истину[47] ежедневно, так как это то, чем они живут. Приносятся[48] им в жертву листья, цветы и жертвенные хлеба.

Ты возливаешь[49] для них воду вниз по течению в то место, куда он [Осирис] хочет — чтобы снабдить продовольствием владык кладбища.

Дворец в нем[50] весь украшен богато настоящим золотом из лучшего, [что дают] пустыни. При виде его [Дома] сердца |9| ликуют, и все люди воздают славу ему.[51] Величие его [Дома] придает ему [Дому] великолепие, подобное горизонту Ра при восходе его [Ра]. Терраса [в Доме] в виде пола из серебра и сияет, когда смотрят на нее. Ворота [Дома] огромные — из кедра Ливана[52] и покрыты[53] |10| золотом, и[54]... медью на задних их частях. При взгляде на их очертания чувствуется подъем духа.[55] Большие пилоны сделаны из камня — известняка, стенные валы — из камня — гранита. Их великолепие сливается с облаками неба, и они [пилоны] достигают Ра в |11| его горизонте. Озеро перед ним [Домом] подобно морю, пределы которого непознаваемы при взгляде на него, блестя подобно цвету

ляпис-лазури; посреди его папирус и тростник, а лотосы в изобилии ежедневно; спускается лебедь[56] (?), чтобы двигаться туда и сюда; оно [озеро] окружено |12| деревьями, достигающими неба; посажены они подобно кедрам в своей стране. Великая барка Нешмет[57] выплывает[58] на озеро его — чтобы везти отца его[59]... Когда он ликует, экипаж его веселится. Служители Гора[60]... вкупе |?| восклицают:[61] „дайте ему вечность в юбилеях, чтобы умножить |13| ‹года его жизни›[62] на земле при выполнении царства Атума". Дома очищения[63] очищены совершенно, свежая вода наводняет их снова. Они окружены камнями превосходной ‹рабо›ты, их тайны достигают неба[64]... охотно. Жертва водой принята, из канала |14| ежедневно непрестанно с рук херихебов[65] искусных. На их изысканных устах советы и речения, которые удовлетворяют его [Осириса] сердце, чтобы снабдить продовольствием гробницу[66] усталого[67] в ней (?). Эннеада его [Осириса] наделена дыханием жизни. ‹Сокровищницы наполнены драгоценностями›,[68] серебро и золото лежат грудами на земле, |15| царское полотно и материи-мек[69] во множестве, несметное количество оливкового масла, ладана, вина, меда — нет конца в счете их множеству; мирра из Пунта[70] измеряется грудами.

Введены для него [Осириса] жрецы хем-нетер,[71] жрецы — уабы[72]... (?) |16| голосом произнося службы для владык всего Некрополя[73] и которых [жрецов?] будят каждое утро, чтобы открывать лик отца. Миллионы и сотни тысяч всяких прекрасных чистых вещей без предела — чтобы быть пожертвованными благородному его отцу из того, что его [Осириса] сын дарует ему надлежащим образом. Обязанности их... |17| в храме этом, почитая бога горизонта в горизонте его. Воздают они [вероятно, жрецы] хвалу находящимся на небе, чтобы ниспровергнуть врагов рядом с ним и направить ветер к Хепра.[74] Помещена его барка на этом озере[75] (?). Ликует экипаж Ра, и сердца их [экипажа] удовлетворены Истиной. Склады там |18| полны продуктов, жертвы увеличиваются в миллионы раз. Рабы[76] там из детей державцев, уведенных им из страны Ретену.[77] Каждому дано знать его обязанности согласно всем жреческим предписаниям. Пожертвованы им [Сети] ему [Осирису] птицы в болотах их.[78] Число их [птиц] подобно песку на берегу. |19| Дом его при взгляде на него подобен топям Хеммиса,[79] шумящим птицей[80]... и птицами месет,[81] и всякой птицей болот. Вырастил

для него [Осириса] птиц ахет[82] в доме его. Хлевы полны быками-иуа, быками-ренну, длиннорогими быками, горными козлами, антилопами.[83] Тельцы — там в сотнях тысяч и нет счета их |20| множеству. Подати внесены (?) своевременно согласно... правил о храмовом имуществе... Преподнес он [Сети] Истину его [Осириса] Ка. Он [Сети] жертвует ему [Осирису] все, что обходит Атон вдобавок людям его храма.[84]

Умножает он для него всевозможные стада всякого скота, который имеется по всей земле. Быки |21| оплодотворяют, стада имеют прирост, растенья покрываются ростками (?), тростник появляется во-время, умножаются они миллионы раз, и число их увеличивается снова, дано им... снова.[85] Пастухи наблюдают за стадами, находящимися в их руках |22| от сына к сыну, навсегда и навеки. Даны им пастбища в корм[86] (?) с растениями, листьями и зеленью, предоставлена им эта земля для кочевки[87] (?), и никто не теснит их на ней. Быки и длиннорогие быки рассыпаны по лугам и берегам. Взрослого скота |23| полно среди них. Стада полны новорожденными; телята следуют за своими матерями. [Он] создал для него [Осириса] ‹флотилии›[88] судов,[89] чтобы умножить количество травы в его [Осириса] храме. Их множеством [судами] покрыто море: устья реки заполнены судами-иму[90] |24| и судами-керер,[91] укомплектованными экипажами. Каждое в 100 локтей; груз их из трав из Земли бога.[92] Они [суда] швартуются у прекрасной местности, чтобы обеспечить продовольствием местность Та-Ур. Составил он [Сети] для него [Осириса] список на сотни тысяч полей, |25| островов, высоких полей и всяких урожайных пашен, отчислил их пожертвованными для его [Осириса] Ка. Он сделал для него [Осириса] суда-керер[91] для перевозки массы их зерна. Амбары переполнены зерном, и груды его восходят к небу.

Издан декрет, [чтобы] устроить |26| рабов[93] по областям Верхнего и Нижнего Египта. Все его люди под защитой и ограждены[94] подобно гусям[95] на берегу, к которому они стремятся, в то время как все их [людей храма] работы предназначены для его [Осириса] Ка в Большом Номе,[96] который он [Осирис] любит, причем их не будут теснить посторонние и никто не совершит преступления против них, |27| от сына к сыну оставаясь при обязанностях своих до пределов границ вечности.

„Очистил я[97] [Сети] дом мой миллионы раз и снова оградил находящихся в нем. Поселил я рабов,[93] которых я взрастил, в дом мой и не оставлю их. Я начал там с детства вплоть до моего |28| правления...

Дал я ему [Осирису] всю землю Верхнего Египта и землю Нижнего Египта[98] — в качестве жертвенного хлеба для его [Осириса] Ка. Мне не надоест [выполнять] и не забуду приказы как на воде, так и на земле, закрепленные и установленные навеки и |29| навсегда".

Декрет, адресованный в его величестве дворце — да будет он жив, невредим и здрав — в этот день: визирю,[99] серам,[100] семерам,[101] судебному присутствию,[102] царскому сыну Куш,[103] начальникам отрядов, заведующему золотом, князьям и вождям кочевников Верхнего и Нижнего Египта, возницам, начальникам конюшен, носителям знамен, агентам |30|[104] царского дворца, всем людям, посланным с поручением в К‹уш›.

Этот декрет гласит:

Приказал его величество привести в порядок Дом миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе" на водах и на земле, повсюду в номах Верхнего и |31| Нижнего Египта, чтобы воспретить преступления против какого-либо человека Дома миллинов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе" — находящегося где бы то ни было во всей стране — будь то мужчина или женщина;

чтобы воспретить преступления против всякого имущества |32| этого Дома — где бы оно ни находилось во всей стране;

чтобы восп‹ретить увод какого-либо чело›века[105] Дома в порядке реквизиции, из округа в округ или по договоренности[106] в качестве обязанного пахать или в качестве обязанного собирать жатву — со стороны всякого царского сына Куш |33|, всякого начальника отрядов, всякого князя, всякого агента и всякого человека, ‹посланного с› поручением ‹в› Куш;

чтобы воспретить задержание их [людей дома] судов-иму на воде каким-либо стражником;

чтобы воспретить преступления против полей этого Дома |34| Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе", в поле... со стороны всякого царского сына Куш, вся-

кого начальника отрядов, всякого агента Дома,[107] агента царского дворца и человека, посланного с поручением в Куш;

чтобы воспретить увод быков, |35| ослов, свиней,[108] коз и всякого животного[109]... [Дома] миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ посредством грабежа или беспрепятственно со стороны всякого царского сына Куш, всякого начальника отрядов, всякого князя |36| ‹всякого› возницы, всякого ‹начальника ко›нюшни, всякого начальника негров, ‹всякого› агента ‹царского дворца› и всякого человека, посланного с поручением в Куш;

чтобы воспретить преступление против какого-либо ловца птиц и рыб этого Дома миллионов лет Менмаатра [под названием] |37| „Сердце удовлетворено в Абидосе“ (38) на его болотах охоты, на его водах (?) ловли птиц и рыб, на полях, и мешать[110] (?) ему;

чтобы воспретить притеснение рыболова Дома Менмаатра под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ |38| на его прудах ловли, которые во всей стране Куш со стороны всякого царского сына Куш, всякого начальника отряда, всякого князя, агента всей земли Куш;

чтобы воспретить преступление против всех подчиненных людей[111] Дома |39| миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, которые находятся в Куш — будь то мужчина или женщина, сторожа полей, агенты, пчеловоды, земледельцы, садовники, виноградари, |40| ‹рабочие›[112] судов,[113]..?..[114], торговые агенты для чужеземных стран,[115] промыватели золота, судостроители[116] и всякий, выполняющий свои обязанности в этом Доме миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, но будут они |41| защищены и ограждены:[94] причем каждый из них будет делать свое дело для этого Дома миллионов лет Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, не будучи тревожим со стороны всякого царского сына |42| Куш, всякого начальника отряда, всяких серов, всякого возницы, всякого начальника конюшни, всякого носителя знамен, всякого воина войска и всякого человека, посланного с поручением в Куш.

Что касается[117] всякого царского сына Куш, всякого начальника отряда, всякого князя, |43| всякого агента, всякого человека, который уведет какого-либо человека Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ в порядке реквизиции, из округа в округ, [или] по договоренности |44| в качестве обязанного пахать и в качестве обязанного убирать жатву, равным образом, того, который уведет какую-либо женщину или какого-либо человека Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, равным образом их рабов[78] в порядке реквизиции для производства какой-либо работы |45| где бы то ни было во всей стране;

равным образом всякого возницы, всякого начальника конюшни и всякого человека царского дворца, посланного с каким-либо поручением фараона — да будет он жив, здрав и невредим, который уведет какого-либо человека этого Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ |46| из округа в округ, [или] по договоренности в качестве обязанного пахать [или] в качестве обязанного собирать жатву, а равным образом для производства какой-либо работы — закон будет применен против него путем нанесения ему 200 ударов и 5 рваных ран[118] |47| и будет взыскана работа человека Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ с него [виновника] за каждый день, который он [похищенный] будет работать у него [похитителя], причем он будет отдан в Дом Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“.

Что касается (48) всякого царского сына Куш, всякого князя, всякого агента, всякого сера, и всякого человека, посланного с поручением в Куш, который задержит какое-либо судно[119] Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“,

а равным образом какое-либо судно[119] какого-либо агента Дома, который |49| ошвартует его хотя бы на один-единственный день, говоря: „я возьму его [судно] насильно[120] (?) для какой-либо работы фараона — да будет он жив, здрав и невредим, — закон будет применен против него путем нанесения е‹му› 200 ударов и 5 рваных ран |50| и будет взыскана работа судна[119] с него [виновника] за каждый день, который оно [судно] будет [у виновника] ошвартовано, причем он будет отдан в Дом Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“.

Что касается всякого сера, всякого начальника пашен Дома, всякого...[121] (?) — |51| пахания, всякого агента, который совершит преступление против границ пашен Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе", чтобы передвинуть границы их [пашен], — закон будет применен против него отрезанием носа[122] и ушей, |52| причем он будет сделан земледельцем в Доме Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе".

равным образом всякого человека во всей стране, который будет чинить препятствия ловцу птиц и рыб Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе"

|53| на его болотах охоты и на его пруде ловли — закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов и 5 рваных ран.

|54| Что касается какого-либо человека, который будет застигнут в хищении какого-либо имущества Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе", — закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов и будет взыскана с него собственность |55| Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе" в виде возмещения в размере 100 за 1.

Равным образом повелел его величество.

привести в порядок стадо быков, стадо |56| коз, стадо ослов, стадо свиней,[108] стадо птиц, стадо... Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе" на водах и |57| на земле;

воспретить всякие преступления против какой-либо скотины[123] из них;

воспретить преступления против пастухов их;[124]

воспретить увод быков, ослов, |58|, свиней,[108] коз и любой головы скота из них либо насильно, либо беспрепятственно;

воспретить увод... какого-либо пастуха Дома |59| Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе", быка, осла, свиньи,[108] козы Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе" ‹чтобы продать его›[125] другому или |60| пожертвовать другому богу, не жертвуя его |61| Осирису — их владыке в его |62| благородном Доме, выстроенном его величеством;

воспретить притеснение всякого пастуха |63| Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе" на

его пастбище |64| для быков со стороны всякого сера, всякого князя, всякого начальника быков, всякого агента, всякого начальника собак |65| и всякого человека по всей стране;

воспретить увод их жен и |66| их рабов,[126] реквизированных для какой-либо работы фараона — да будет он жив, невредим и здрав.

Против всякого, кто нарушит |67| этот декрет и уведет пастуха Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ |68| в порядке реквизиций или из области в область для какой-либо работы, и пастух скажет: „с тех пор как я похищен, |69| произошла убыль в моем ст‹аде› в одну голову скота, или две, или три, или |70| четыре, — закон будет применен против него путем нанесения ему 200 ударов и будет взыскана с него голова скота, |71| Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, в размере 100 за 1.

Равным образом всякий, |72| который будет застигнут в хищении головы скота Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, —

закон будет |73| применен против него путем отрезания носа и ушей, причем будет он сделан земледельцем в Доме Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ ‹за свое преступление›[127] и (74) будут отданы его жена и дети в челядь[128] начальника этого Дома.

Что же касается всякого начальника быков, всякого начальника собак или |75| всякого пастуха Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, который отдаст голову какого-либо скота Дома Менмаатра |76| [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ другому, равным ‹образом› того, кто пожертвует ее на другом пути,[129] не принося ее в жертву |77| Осирису, хозяину ее в Доме Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, — закон будет применен против него путем убиения его, причем будет он посажен на |78| кол и будут — взяты[130] (?) его жена и дети и все его имущество в Дом Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе |79| и будет взыскана голова скота с того, кому он ее дал, как возмещение в пользу Дома миллионов лет |80| царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ в размере 100 за 1.

Что же касается всякого человека во всей стране, |81| который притеснит пастуха этого Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ на его пастбище |82| для скота, —

закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов и 5 рваных ран;

равным образом повелел его величество |83| упорядочить суда[131] для дани из Куш для Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“,

|84| чтобы воспретить похищать всякому начальнику крепости, который будет в крепости Мернептах Сети в Сехмет[132] (?) что-либо с них [судов] |85| — будь то золото, шкуры,[133] [какая-либо?] д[ань] крепости, какие-либо вещи... беспрепятственно — 86| навсегда и навеки;

равным образом воспретить [уводить] какого-либо солдата с судна,[113] привозящего дань для |87| Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, чтобы заставить его ‹раб›отать на другом маршруте,

равным образом ‹вос›претить всякому царскому сыну Куш, |88| всякому начальнику отряда, всякому начальнику негров страны Куш совершать что-либо против судов[119] Дома Менмаатра [под названием] „Сердце ‹удовлетворено в Абидосе“› и |89| их экипажей.[134]

Что касается всякого начальника крепости, всякого писца крепости или всякого агента ‹крепости›[135], |90| ‹который› вступит на судно[119] Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ и возьмет золото,... |91| шкуру леопарда, шкуру шавашти,[136] хвост жирафы, шкуру жирафы, |92|... ‹тра›вы (?) или какую-либо вещь из Куша, привезенную в качестве дани для Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, — ‹зако›н ‹будет применен против него› путем [нанесения] ему |93| 100 ударов и будет взыскано с него имущество как возмещение Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ в размере 100 за 1.

|94| Что же касается всякого царского сына Куш, всякого начальника собак, всякого агента, всякого писца страны Куш, который вступит беспрепятственно на судно[119] Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ |95| и ‹по›хитит какое-либо имущество с него,

равным образом того, [кто] уведет какого-либо солдата судна[113] Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, чтобы послать |96| с поручением...

закон будет применен против него и будет взыскано ‹имуще›ство с него, в виде возмещения [в пользу] Дома Менмаатра [под названием] |97| „Сердце удовлетворено в Абидосе“...[137] и будет взыскан ‹каждый день›, который он проведет у него;

равным образом приказал его величество |98| устроить... жрецов-уаб, жрецов хери-хебов, рабочих |99|... всех; чтобы воспретить преступления |100| ‹против них, их рабов и их имущества со стороны кого бы то ни было во всей стране, чтобы воспретить увод кого-либо из них› и[138] их женщин и рабов,[139] |101| ‹в порядке реквизиции, из области в область, или по договоренности, как обязанного пахать и обязанного›[140] собирать жатву — со стороны всякого сера, всякого князя и всякого человека ‹во всей стране›.[141]

|102| ‹Что же касается всякого, который совершит преступление›[142] против них, против какого-либо их человека или против какого-либо их имущества,

|103| ‹закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов и 5 рваных ран›.[143]

Если произойдет убыль в каком-либо имуществе Дома |104| ‹Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“ — убыль должна быть пополнена

и если›[144] какой-либо ‹чело›век Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“. |105|

‹пожалуется какому-либо присутствию какого-либо города и скажет: „такой-то агент›[145] такой-то возница, такой-то начальник конюшни, такой-то солдат |106| ‹притеснил меня и отобрал мое имущество“ — судебное присутствие должно взыскать›[146] имущество, которое пропадет у него [потерпевшего] |107| ‹и он получит его обратно от того человека›,[147] который совершил против него преступление. Но его величество сделал, [чтобы] |108| ‹тот, который притеснял их [т. е. людей Дома] не ‹был убит, будучи поса›жен[148] на кол, но чтобы был он [преступник] осужден любым судом любого |109| города, куда они [потерпевшие] пожалуются.

‹Что же касается каких бы то ни было людей, кото›рые[149] во всей стране, которым пожалуются[150] (?) какие-либо люди

Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено |110| в Абидосе“, говоря: „‹такой-то›... совершил преступление ‹против меня› и похитил моего быка, похитил он быка,[151] похитил он |111| мою козу или какое-либо имущество, которое похитят у человека“; или „такой-то агент увел моего человека |112| в порядке реквизиции для производства какой-либо работы“ — и они [те, к кому были обращены жалобы] не бросятся на его зов [потерпевшего], чтобы велеть привести его [пострадавшего] противника на суд поспешно, чтобы судить |113| его [обидчика] —

будет Осирис Хентиаментет, хозяин людей и хозяин всех вещей, преследовать его жену и детей |114|, чтобы покарать его имя, чтобы уничтожить его душу, чтобы не дать его телу упокоиться на кладбище.

Что же касается ‹какого-либо члена (?)› любого суда (?), |115| который находится в любом городе, к котор‹ому› обратится какой-либо человек Дома Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено в Абидосе“, |116| чтобы пожаловаться ему, и он [член суда] останется глухим[152] к нему и не поспешит на зов его [потерпевшего], чтобы спешно |117| рассудить его, —

закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов, |118| ‹причем он будет отрешен›[153] от своей должности и отдан в земледельцы ‹Дома› Менмаатра [под названием] „Сердце удовлетворено |119| в Абидосе“.

Его величество сделал этот [декрет] в виде добрых дел отцу своему Осирису Хентиаментет, |120| владыке Абидоса, ‹что›бы оградить их для него... |121|... потому что (?) Абидос ублажит и удовлетворит |122| его Ка ежедневно, — чтобы дать... |123| то, что в обеих странах перед их наосами, [чтобы] |124| покоились они в своих местах |125|, радуясь всему, что он [Сети] сделал; они [боги] дали |126| ему долголетие Ра и царствование |127| над страной, причем он останется и пребудет и ‹еще раз останется и пребудет› (?) |128| навеки.[154]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Строка 1. [Год] = След знака ⌓ сохранился в тексте. Число лет 4. Для других знаков, предшествующих 4, совершенно нет места. Год 4-й вполне точная и определенная датировка памятника.

[2] Строка 1. В царских текстах слова „начало вечности", кроме текстов Сети I, встречаются очень редко. Griffith приписывает (стр. 196) это характерной для памятников Сети I напыщенности языка, не объясняя происхождения последней.

Это место текста представляет исключительный интерес для египетской хронологии. Как известно, Цензорин указывает на 139 г. нашей эры как на год совпадения начала египетского гражданского года с гелиакальным восходом Сириуса. Отступив от этой даты назад на один период Сотис,[1] мы получаем дату другого такого совпадения 1322 г. до н. э. Писатель IV в. н. э. Феон указывает на эту последнюю дату как на начало нового сотийского периода, который он называет ἀπὸ Μενόφρεως. Об этом загадочном Μενόφρεω много спорили. Наконец, Струве (Struve. Die Ara ἀπὸ Μενόφρεως und die XIX, Dynastie Manethos, A. Z., 63; см. также Струве, „Манефон и его время". Зап., т. IV, 1930, 176—182) показал, что Μενόφρεως является эллинизированной формой части имени Сети I: mr-n-pth. Таким образом указание Феона приводит нас в царствование Сети I. 1322 год должен был быть одним из годов его царствования. Эти соображения хорошо согласуются с хронологией Petrie (Petrie A. History of Egypt, II, стр. 7), относящего вступление Сети I на трон к 1326 г. Несомненно, что „начало вечности" — это начало сотийского периода, а наш текст датирован 4-м годом царствования. Следовательно, вступление на престол Сети I произошло в 1326 г. Что под „вечностью" здесь надо понимать именно сотийский период, вытекает из следующих соображений:

а) Анализируя знаменитую Таниссскую стэлу, Струве установил следующее понимание эпитета Сети I в этой стэле: „постоянный в жертвовании для праздника вечности" (цит. работа Струве о Манефоне, 193). О „празднике вечности" в текстах царей не упоминается.

б) Два памятника, а именно календарь в Мединет-Абу и изображения на потолке Рамессеума свидетельствуют о том, что „праздник вечности" произвел на современное общество большое впечатление (там же, 193—194). Тем более в текстах Сети I, в царствование которого начался новый сотийский период, это событие должно было отразиться. То обстоятельство, что в тексте нет прямого указания на это, а говорится лишь о „начале вечности" в связи с пожеланиями царю сотен тысяч лет мира и т. п., нисколько не опровергает нашего умозаключения: для современников это было общеизвестным фактом,

[1] Период Сотиса — 1460 солнечных лет. После совпадения восхода Сириуса (Сотиса) и солнца на широте Мемфиса Сириус восходил каждые 4 года днем позже, так как гражданский год в Египте был на 1/4 суток короче астрономического. Новое совпадение восхода обоих светил происходило поэтому снова через 1460 солнечных лет. Эти совпадения ознаменовывались торжественными праздниками.

о котором в каждом тексте прямо упоминать не было никакой необходимости.

С другой стороны, совершенно невозможно было умолчать в важном официальном документе о таком событии исключительной важности, не поставив его в связь с царем. И в нашем тексте мы именно и имеем этот термин „начало вечности", понятный всем современникам, и оттеняющий Сети I как царя, при котором начался новый сотийский период.

Как известно, начало сотийского периода должно было быть не в первый день первого месяца зимы — prt (дата декрета), а в первый день первого месяца 3ḫt. Но это нисколько не опровергает нашего вывода: если и в последующие царствования воспоминания о начале сотийского периода были настолько свежи и сильны, что в ознаменование этого события были сделаны упомянутые выше памятники в Мединет-Абу и Рамессеуме, то вполне понятно, что и весь 1322 год, 1-й год сотийского периода, считался „началом вечности".

Возможно даже, что Сети I именно в связи с празднествами в честь начала сотийского периода основал храмовые владения Осириса, о которых идет речь в декрете. Вспомним, что одним из эпитетов Осириса был эпитет: „владыка вечности".

[3] Строка 1. Атум — один из солнечных богов Гелиополиса.

[4] Строка 1. Гор — по египетской мифологии сын Осириса и Исиды. По египетским воззрениям фараоны были живыми богами на троне, унаследованном ими от бога Гора, и отождествлялись с ним. Имя Гора было необходимой и важной частью царской титулатуры.

[5] Строка 1. Фивы — столица Египта в эпоху Нового Царства, крупнейший религиозный, культурный и административный центр, игравший важную роль в истории страны.

[6] Строка 1. „Обе владычицы" — т. е. богиня Нехебт и богиня Уаджет; они почитались еще в до-династические времена (когда Верхний и Нижний Египет существовали как самостоятельные государства), первая в Верхнем, вторая в Нижнем Египте, и наличие имен этих богинь в царской титулатуре подчеркивает, что фараон сосредоточивал в своих руках власть над всем Египтом при поддержке и благословлении этих божеств.

[7] Строка 1. 9 луков — обычный термин египетских текстов для обозначения враждебных Египту племен.

[8] Строка 1. Гор золотой — часть обычной царской титулатуры. Здесь царь опять отождествляется с Гором. Что касается слова „золотой", то значение его в титулатуре, как и происхождение всего термина „Гор золотой", проблематично.

[9] Строка 1. В глубокой древности Верхний и Нижний Египет были отдельными самостоятельными государствами, управлявшимися своими царями. После объединения Египта под властью одного царя, что произошло, по египетской традиции, при царе Менесе, воспоминание о раздельном существовании обоих Египтов сохранилось на всем протяжении истории страны и отразилось, между прочим, и в царской титулатуре: общеегипетский царь олицетворял в своем лице одновременно царя Верхнего и царя Нижнего Египта. „Обе земли" — Верхний и Нижний Египет.

[10] Строка 1. Ра — один из важнейших богов египетского пантеона, бог солнца. По египетским воззрениям каждый царь считался непосредственным

сыном Ра (см. прим. 34). Отсюда неизбежные в царской титулатуре слова: „сын Ра".

11 Строка 2. Реконструкция Griffith'a подтверждается полной титулатурой Сети I, известной из других текстов. Кроме того, она стоит в нашем памятнике под изображением Сети I.

12 Строка 2. Амон-Ра — бог Фив, в эпоху Нового Царства важнейший египетский бог — „царь богов".

13 Строки 1—2. Слова „при его величестве Горе" начинают, а слова „подобно отцу Ра, ежедневно", кончают царскую титулатуру Сети I.

14 Строка 2. Хеткапта — букв. „дом ка Пта" — одно из названий Мемфиса (Erman, W, III, 5). Вавилоняне произносили это ḫikuptaḥ. Возможно, что отсюда происходит название страны Αἴγυπτος (Erman-Grapow Handwörterbuch, 102; см. также Gauthier, Dictionnaire, IV, 137—138).

15 Строка 2. Ипетсут — египетское название Карнака, где был выстроен большой храм Амону-Ра (в Фивах) (Erman, W, I, 66; Gauthier, Dictionnaire, I, 68).

16 Строка 2. Ра-Гарахте — бог солнца, почитавшийся в Гелиополисе.

17 Строка 2. Гелиополец — эпитет Атума, почитавшегося в Гелиополисе, библейском Оне.

18 Строка 2. „великий Пта к югу от стены своей" — общеупотребительный эпитет Пта (Erman, W, II, 453). Пта в египетском пантеоне играл важную роль, являясь главным богом Мемфиса.

19 Строка 2. „Жизнь Обеих Земель" — местность около Мемфиса.

20 Строка 2. Сехмет — львиноголовая богиня Мемфиса, супруга Пта.

21 Строка 2. Пта-Сокар-Осирис — сочетание двух мемфисских богов с Осирисом.

22 Строка 2. Шетаит — название святилища Пта-Сокар-Осириса в Мемфисе.

23 Строка 2. Нефертем-Небка-Гор-Хекену, Нефертем — мемфисский бог, сын Пта; Небка и Гор-Хексну в данном тексте эпитеты Нефертема.

24 Строка 3. (Исида) — реконструкция Griffith'a; полностью подтверждается тем, что последующие эпитеты — специфические эпитеты Исиды. Исида — мать Гора и супруга Осириса, одна из важнейших богинь Египта.

25 Строка 3. „Слова бога" — египетское название священной иероглифической письменности, которая считалось откровением богов, как и вся египетская культура. Бог этот считался покровителем культуры и изобретателем письма (Тураев, История древнего Востока, 1935, I, 177; Erman-Grapow, Handwörterbuch, 74).

26 Строка 3. Та-мери — одно из названий Египта в текстах (Gauthier, Dictionnaire, V, 16).

27 Строка 3. Ка — по египетским представлениям нечто вроде материализованной души, двойник, который имели боги, цари и люди. После смерти тела Ка продолжал существовать; для обеспечения счастливой загробной жизни Ка нуждался в питании и пр.

28 Строка 3. „Подобно Ра" — стереотипная сокращенная формула текстов. Ее надо понимать так: „подобно [тому, как радуется] Ра".

29 Строка 3. Осирис — важнейший бог Египта. С именем Осириса связан целый цикл мифов. Осирис считался повелителем загробного мира и царем мертвых.

30 Строка 3. Одно из широко распространенных названий Осириса.

31 Строка 3. Слова „милостивый бог, сын Осириса, защитник Униофера, дивное семя владыки кладбища" относятся к царю, который отождествлялся с богом Гором, сыном Осириса. „Владыка кладбища" — эпитет Осириса.

32 Строка 4. [Его отец предопределил его правителем] — реконструкция Griffith'a. Подтверждается следующими соображениями: от слова ḥḳ3 правитель в тексте остался знак ḳ и детерминатив. Кроме того, смысл контекста говорит за эту реконструкцию. По размерам лакуны подходит: dì.n sw ỉt. f r ḥḳ3.

Ср. в этой же строке: sỉs n. f sw... r ỉrrt nsw bỉt „распознал он его... быть царем Верхнего и Нижнего Египта".

33 Строка 4. Геб — бог земли, который, по египетской мифологии, еще до Гора царствовал на земле. Отсюда царский трон называется не только троном Гора, но и троном Геба.

34 Строка 4. По официальным представлениям египтян, царь был живым богом на троне, „сыном Ра", не только в том смысле, что царь по своей родословной был прямым потомком Ра, но и непосредственным сыном бога.

35 Строка 4. В тексте: m. ḫnt s n ḥḥ. Должно быть: m. ḫnt ḥḥ n s? (См. Gardiner, Egyptian Grammar, § 262, 2).

36 Строка 5. Атон — солнце, солнечный диск. „Все, что обходит Атон" — вся земля, вселенная.

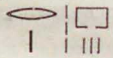
37 Строка 5. Эннеада — девять основных богов гелиопольской мифологии.

38 Строка 5. Место неясно, Griffith переводит: „Эннеада ходит вокруг в ликовании".

39 Строка 6. ‹Гор› — реконструкция Griffith'a, безусловно правильная, подходит по размерам лакуны. Последующие эпитеты свойственны только Гору.

40 Строка 6. В тексте повсюду Хентиаментет вместо правильного Хентиаментиу — эпитет Осириса, „стоящий во главе Запада". На Западе находилось царство мертвых и кладбища. Хентиаментиу — „стоящий во главе западных", т. е. умерших.

41 Строка 6. Эпитет Осириса как повелителя мертвых.

42 Строка 6. „Храмы" написано необычной сокращенной орфографией. Вместо обычного  имеем только Детерминатив ⊗ исключает всякую возможность понимания pr как „дом". Кроме того, украшение храмов являлось одной из почетнейших обязанностей царей.

43 Строка 7. Важный религиозный центр в номе Тинис (см. прим. 44), где главную роль играл культ Осириса.

44 Строка 7. Та-Ур — букв. „большая земля", название Тинисского нома, в котором расположен был Абидос.

Упоминается еще в строке 24 (Gauthier, Dictionnaire, V, 11).

45 Строка 7. Время, когда царствовал на земле Ра. Смысл тот, что изображения выполнены по всем правилам религиозного искусства, унаследованного от времен богов.

46 Строка 7. Барка — wỉs. В египетском культе священные суда играли важную роль. В них перевозили изображения богов.

47 Строка 7. „Истина" — mꜣcṯ, в данном случае речь идет о специальной религиозной церемонии — преподношении статуэтки богини истины, Маат. На изображении над текстом Сети I в левой руке подносит богам эту статуэтку как символ истины и справедливости.

48 Строка 8. ḳbḥ. tw — страдательная форма глагола ḳbḥ — приносить в жертву какую-либо жидкость, „возлиять". Употребление этого глагола в нашем тексте в связи с жертвами, не являющимися жидкостями, — необычно.

49 Строка 8. Буквально: wsḫ. k n. sn mw. ωsḫ mw — „возлиять", приносить жертву водой.

50 Строка 8. — „в нем", относится к слову ḫt „дом" в строке 7.

51 Строка 9. Место, не совсем понятное с графической и граматической стороны; его можно читать двояко: 1) dỉ. sn. n. f (или n. s) ỉsw, допуская, что скриб совершил ошибку и вместо f или s начертал n 2) dỉ. sn nyny. Но этот вариант менее вероятен, так как детерминатив nyny имеет всегда опущенные руки и nyny всегда стоит после глагола irí и не встречается после глагола rdí.

52 Строка 9. Ливанские кедры высоко ценились в Египте и упоминаются во многих памятниках. В Московском музее изящных искусств хранится папирус, содержащий отчет служителя храма в Карнаке, Унуамуна, посланного в Финикию закупать лес для священной барки Амона. Папирус относится к концу XX династии.

53 Строка 9. „покрыты" — букв. в тексте „тела их обиты", т, е. тела ворот. Ср. с нашим выражением: „корпус здания".

54 Строка 10. tis — неизвестный способ работ с металлом: Griffith переводит „bound".

55 Строка 10. В тексте sḫsḫ. tw — безличная форма глагола „зеленеть". Употреблено в смысле „расцветать", „чувствовать себя молодым" и т. п. Ср. эпитет Тутмоса I usḏ rnpwt „зеленый годами", т. е. молодой (Sethe, Urkunden der 18 Dynastie, 94).

56 Строка 11. cšt. У Erman'a в W этого слова нет. Griffith переводит словом „лебедь".

57 Строка 12. Нешмет — священная барка Осириса в Абидосе (Erman, W, II, 339).

58 Строка 12. ḫnm. s šs. s букв. „соединяется с его озером".

59 Строка 12. Место неясное; Griffith переводит: „везти (?) отца его памятника, когда его везут на веслах в нем".

Не ясно, кто отец памятника, и, кроме того, везти на веслах не пишется одним иероглифом лодки.

60 Строка 12. Служители Гора — древнейшие обожествленные цари до-династических времен.

61 Строка 12. „восклицают" передано эллиптически только через ḫr. Строка 15 „говоря" передано эллипсом (Gardiner, Egyptian Grammar, § 321, 436, 506).

62 Строка 13. Реконструкция Griffith'a, по смыслу контекста; подходит по размерам к лакуне.

63 Строка 13. „Дома очищения" Griffith переводит „натроновые залы". По ḥsmn значит не только натрон, но и „ очищать". Перевод „Дома очищения" понятнее, чем „натроновые залы".

64 Строка 13. Griffith переводит „первого неба". После слова pt текст попорчен, и точный перевод рискован. Далее неясное место, которое Griffith переводит так: „so that one is enclosed therein".

65 Строка 14. Хери-хебы — жрецы-чтецы, нечто вроде мага.

66 Строка 14. dst — потусторонний мир, преисподняя, обитель мертвых и Осириса (Erman, W, V, 415). Так же можно обозначать „гробницу".

67 Строка 14. wrḏ — усталый. Ср. с выражением wrḏ-ib, что значит буквально „усталый сердцем" или „успокоенный сердцем" и является одним из эпитетов Осириса.

68 Строка 14. ‹Сокровищницы наполнены драгоценностями› — реконструкция Griffith'a.

69 Строка 15. Материи-мек, употреблявшейся для изготовлений одежды.

70 Строка 15. Пунт — название страны на берегу Красного моря (Сомали—Эритрея), из которой египтяне вывозили экзотические травы и благоухающие травы. С Пунтом сношения поддерживались со времен Древнего Царства (упоминается в Палермском Камне) (Gauttier, Dictionnaire, II, 45).

71 Строка 15. Хем-нетер (ḫm-nṯr) — одна из категорий жрецов.

72 Строка 15. уабы (wcb) — обыкновенные жрецы. Дальше стоит слово mɜcyw, part. act. imperf. от глагола „жертвовать" — „жертвующие". Griffith так и переводит, но прим. 19 и на стр. 198 под знаком вопроса ставит „true men" (дериват от гл. mɜc „быть справедливым" и т. п.).

73 Здесь подразумевается ряд божеств загробного мира, начиная с Осириса.

74 Строка 17. Хепра — бог утреннего солнца.

75 Строка 17. Griffith переводит on this pool (?) Место неясное.

76 Строка 18. ḫm „рабы". Встречается еще в строке 44. В переводе Griffith'a „slaves" (рабы).

77 Строка 18. Ретену — египетское название Сирии и Палестины. Географические рамки строго не определены. Упоминается в текстах со времен Среднего Царства (стэла Секусерта III в Абидосе) (Gautier, Dictionnaire, III, 141).

78 Строка 18. Многие храмы имели своих птиц, которые считались собственностью богов. В отрицательной исповеди 125 главы Книги Мертвых, в которой умерший отчитывается о своих земных деяниях перед судилищем богов, мы находим такую фразу: „Я не ловил в сети птиц богов".

79 Строка 19. sḫ-bit — греческое название этого города — Хеммис.

80 Строка 19. Griffith переводит „шумящему жирной (?) птицей и размножающейся птицей". Вряд ли этот перевод приемлем: после слова wr знаки неясны.

81 Строка 19. Griffith переводит „размножающейся птицей"; здесь стоит какая-то болотная „птица-месет".

82 Строка 19. Птицы-ахет; неизвестная птица.

83 Строка 19. Терминология перечисленных пород скота твердо не установлена.

84 Строка 20. Griffith переводит это место так: „он [царь], преподнес его. [Осириса] Ка Истину, чтобы он [Осирис] дал ему [царю] все, что обходит Атон в дополнение к людям его [Осириса] Храма". С этим переводом никак нельзя согласиться. С грамматической стороны Griffith воспринял ḫrp. n. f.

как subjunctiv: „чтобы он дал ему". Но это может быть и просто s‿m. f. Смысл subjunctiv'a здесь совершенно не подходит и противоречит всему контексту: Сети I основал храм для Осириса, укомплектовал его людьми и все, что производилось в храме, предназначалось Осирису, — это явствует совершенно бесспорно из содержания всего текста. В переводе же Griffith'a получается противоречие, так как выходит, что Сети I преподнес Истину Осирису для того, чтобы Осирис дал ему (Сети I) не только людей храма (которых Сети I дает Осирису), но и „все, что обходит Атон".

Глагол ḫrp + предлог n является термином, выражающим, что царь (или т. п.) „правит для" или „жертвует для" (бога и т. п.) тем-то и то-то (Erman, W, III, 326).

Таким образом логически правильно переводить: „он [Сети I] жертвует ему [Осирису] все, что обходит Атон". Ср. строку 5.

Слово „люди" выражено здесь через ṯst, что означает „отряды рабочих" и т. п. (Erman, W, V, 402—403). Это указывает на организацию рабочей силы храма.

85 В строке 21 после слов „и число их увеличивается снова" стоит следующее: rdiw n. sn mrtwyw m mswt = даны им ? снова. Griffith переводит под вопросом эти три слова так: „given them outright (?) anew", но в примечании 6 дает другой вариант перевода: there are given to them ... s anew". Второй вариант, несомненно, правилен. Слово mrtwyw безусловно не наречие, а какое-то неизвестное существительное, в W Erman'a не отмеченное. Если бы оно было наречием, то, несомненно, известны были бы его варианты по другим текстам. Единственное фонетически подходящее наречие это m rwty „снаружи", но оно здесь, во-первых, не подходит по смыслу, во-вторых, оно имеет совершенно другой детерминатив. Поэтому приходится заключить, что mrtwyw какое-то существительное, тем более что оно стоит во множественном числе.

86 Строка 22. rs-wnmw (?). Этого слова у Erman'a в W нет. Griffith по детерминативу переводит: „птичий заповедник". Ср. слово wnm „корм".

87 Строка 22. для кочевки — wdi; этого слова у Ermana в W нет. Перевод Griffith: „roaming ground".

88 Строка 23. ⟨флотилии⟩ ḫcw — реконструкция Griffith'a подтверждается смыслом последующих слов: „из судов" (Erman, W, I, 222).

89 Строка 23. суда-mnš; этим словом обозначались морские суда, нильские и военные (Erman, W, II, 89).

90 Строка 23. суда ímw; этим словом обозначались речные суда для грузов и военные суда (Erman, W, I, 78, также в строке 33).

91 Строка 24. суда-керер — они всегда упоминаются в комбинации с mnš, морские суда (Erman, W, V, 61. Упоминается еще в строке 25).

92 Строка 24. Земля бога, мифологически — родина бога Гора, страны Востока (Gauthier, Dictionnaire, V, 24).

93 Строка 26. рабы, mr.t еще в строке 27. В переводе Griffith'a „serfs" (крепостные).

94 Строка 26. ḫwy mky „ограждены и защищены". Комбинация этих двух слов имеет особое значение и выражает иммунитет (Spiegelberg, Rec., XXIX, 53—57; Bemerkung zur Ḫwy (MiKi). В большой стэле Тутанхамона (строка 22) о храмовых рабах Амона говорится то же самое (Legrain, Rec., XXIX, в тексте встречается еще в строке 41).

[95] Строка 26. Гуси были священной птицей Амона и как таковые были неприкосновенны.

[96] Строка 26. spt wrt — „Большой ном" — вероятно, имеется в виду Тинисский, в котором был расположен Абидос, центральный пункт осирийского культа.

[97] Строка 27. „Я" — Сети I. Здесь начинается речь Сети I в 1 лице.

[98] Строка 28. В переводе Griffith'a слова „Нижний Египет" пропущены.

[99] Строка 29. визирь tsty. Верховный сановник, первое лицо после фараона, имевший самые разнообразные функции.

[100] Строка 29. Серы — сановники.

[101] Строка 29. Семер — придворный титул, „друг".

[102] Строка 29. knbt śdmyw. Gardiner и Spiegelberg указали, что этот термин обозначает состав суда, суд (Rec., XXVIII, 170—173. Spiegelberg, Die KNBT STMJW und der Titel „Richter").

[103] Строка 29. Царский сын Куш — официальный титул царского наместника в Нубии. Этот титул появляется на памятниках, начиная с XVIII династии.

[104] Строка 29. rwḏ „агент" при царе, визире, гареме, городе и т. д. (Erman, W, II, 413). Функций этих rwḏ были очень разнообразны. (См. подробно о них у Baillet, „Les noms de l'ésclave en Égyptien", Rec. XXVII — XXIX.)

[105] Строка 32. Лакуна, восстановление, несомненно правильное по смыслу контекста и по размерам лакуны; контекст строк 43 и 46 подтверждает эту реконструкцию.

[106] Строка 32. brt. Это слово встречается еще в строках 43 и 46. Оно означает „договоренность" и т. п. Слово, заимствованное в Передней Азии, написано силлабически (Burchardt, Fremdeworte, № 365).

[107] Строка 34. Griffith на стр. 201 переводит это так: rwḏ nb n pr rwḏ n pr nsw „всякого агента Дома инспекции царского дворца" и в прим. 3 предполагает, что в тексте описка.

Но это место можно перевести и так: rwḏ nb n pr rwḏ n pr nsw „всякого агента Дома, всякого агента царского дворца".

[108] Строка 35. „свиньи" šsw. Griffith почему-то переводит это слово „собаки", тогда как оно именно означает свиней (Erman, W, IV, 405). Griffith утверждает (стр. 202, прим. 9), что в строках 58, 59, 64, 74 и 94 стоит другой термин — íw „собаки". íw, действительно значит „собаки". Но в строках 56, 58 и 59 стоит определенно šsw, а не íw. Поэтому в строках 35, 56, 58 и 59 надо переводить „свиньи" šsw, а в 64, 74 и 94 „собаки" íw (tsm ?).

[109] Строка 35. Буквально „голову скота" в смысле штуки.

[110] Строка 37. Здесь стоит слово rpt. Erman'a в W, II, 414, этого слова нет но есть новоегипетское слово rpw, глагол неизвестного значения. Оба детерминатива (A 24 и D 40, Gardiner, Grammar) выражают понятия, связанные с силой и насилием. Возможно, что rpt вариант глагола rpw. Griffith переводит его английским „to anoy" (досаждать).

[111] Строка 38. smdt — коллектив подчиненных людей (Erman, W, IV, 147). Более подробно см. в комментарии.

[112] Строка 40. Сохранились знаки, похожие is.t, но все же лакуна больше, чем is.t. Сохранился остаток детерминатива, указывающий, что здесь стояло какое-то слово, оканчивающееся детерминативом коллектива (человеческого).

113 Строка 40. wsḥ — транспортное судно, встречается еще в строках 86 и 95.

114 Строка 40. (?) gзwt. Griffith под вопросом переводит „packers"; gзwt значит, повидимому, связки, но часто также „дань, подати", и что стояло в разрушенном месте — восстановить с достоверностью невозможно.

115 Строка 40. „торговые агенты для чужеземных стран" šwytyw. Слово šwytyw означает „купец, торговец" (Erman, W, IV, 434) и входит в употребление в эпоху Нового Царства. Griffith переводит „foreign traders" — „иностранные купцы" очевидно из-за слова ḫзst. Но в данном случае перевод этот неприемлем.

Оставляя в стороне вопрос о свободных купцах, мы должны обратить внимание на šwytyw, как людей, принадлежащих храму: они перечисляются здесь в числе других храмовых рабочих, и это место оканчивается следующими словами: „и все выполняющие свои обязанности в этом Доме" и т. д. Следовательно, на šwytyw лежали храмовые обязанности и на них распространялся иммунитет, объявленный декретом, как это видно из строк 39—40. Поэтому нельзя допустить, чтобы они были иностранными купцами. В строках 23—24 говорится о судах храма, перевозивших благовонные травы из Земли Бога в Тинисский ном. Торговые операции храма с Пунтом, а может быть и другими странами, предполагают наличие особых уполномоченных, каковыми и были šωytyw. В близкой по времени к нашему тексту большой абидосской надписи Рамсеса II (так называемой Inscription Dédicatoire) в строке 84 читаем: „привезены для тебя великие диковины из Земли бога и доставляют свое сырье и изделия из золота, серебра и меди".

Таким образом здесь речь идет о том, что имено šwytyw привозят „великие диковины из земли бога" и прочие вещи, но все это предназначено для храма.

Итак, и в нашем памятнике и в абидосской надписи šwytyw работают как агенты храма.

На основе анализа одного места папируса Lansing (55—56) Erman—Lange пришли к выводу, что šwytyw выменивали за границей благородные металлы за изделия Египта.

116 Строка 40. Букв. „верфи".

117 Строка 42. Вместо ír по ошибке ín.

118 Строка 46. Последний знак в строке: 1 — ошибка скриба, так как в начале строки 47 стоит 5. Везде в тексте говорится про 5 ран, а не 6.

119 Строка 48. судно; только детерминатив, фонетических знаков нет; mnš? ímw? Или ḥcw? Gardiner, Grammar. Тоже в строках 50, 88, 90 и 94. Griffith, 207, прим. 10, читает ímw.

120 Строка 49. m nḥm, ср. стр. 58.

121 Строка 50—51. ḳmзy(?) skз. Griffith читает сзm и переводит „keeper of plough — oxen", базируясь на том, что Spiegelberg установил (Rec., XXVIII, „Die demotische Gruppe fur Hirt") в демотических документах Саисской и Персидской эпохи слово „пастух" — дериват иероглифического сзm. Последний термин означает „азиат" и „азиатский раб" (Erman, W, I, 167), тогда как skз значит „пахать". Поскольку храмы получали пленных азиатов, превращенных в рабов, значение „раб", в общем, вполне допустимо. Поскольку в восточной части Дельты скотоводством занимались азиаты, слово азиат стало обозна-

чать пастуха и стало прообразом демотической группы — „пастух". Scharf это место декрета переводит так: „der mit Rindern pflügende Bauer" A. Z. 72, 144—146. Но контекст противоречит такому пониманию; sm skз перечислен среди начальствующих лиц, и затем в случае преступления ему грозит превращение в земледельца; значит, sm skз не работник физического труда и не земледелец.

Кроме того, надо читать ḳmzy, а не sm, так как sm с таким детерминативом не бывает. Ср. также ḳmз „бросать", „веять (зерно)" и ḳmzw „веяльщик" (?); вероятно, ḳmzy skз означает какое-то начальствующее лицо, имевшее отношение к пахоте.

122 Строка 51. В переводе Griffith'a опущено слово „нос".

123 Строка 57. Букв. „головы скота".

124 Створка 57. „их" — śny вместо обычного sn. Эта форма по существу является двойственным числом (Gardiner, Grammar, § 34). В элефантинском декрете (строки 4 и 5) также встречается эта оригинальная форма. Griffith сопоставляет ее с часто встречающимся в текстах XVIII династии собственным именем NB-šny.

125 Строка 59. [и передавать их] — реконструкция Griffith'a (сравни строки 74—76: iw, f rdit tp n iswt nb... m šb n ky).

126 Строка 66. рабы bзk; см. строку 100. В переводе Griffith'a „servants" (слуги).

127 Строка 73. ‹за свое преступление› — реконструкция Griffith'a.

128 Строка 74. ndt — челядь. См. комментарий.

129 Строка 76. Смысл этих слов непонятен. Griffith переводит „direction".

130 Строка 78. Griffith переводит под знаком вопроса forefeiting. Неясно что значат стоящие в тексте mtzw.

131 Строка 83. суда chcw (Erman W, I, 222); это слово обозначает грузовое, судно, рыболовное судно и судно для поездок.

132 Строка 84. [Сехмет] — сомнительная реконструкция Griffith'a. Место сильно повреждено. Такого названия у Brugsh'a в Dictionnaire Géographique и Gauttier, Dictionnaire нет.

133 Строка 85. Слово написано неясно: не то šd, не то mḥ. Вероятнее šdw „бурдюк", чем mh „лен". Трудно допустить, чтобы из Нубии ввозили в Египет лен. Griffith почему-то переводит под знаком вопроса „pelts".

134 Строка 89. [экипажи] — реконструкция Griffith'a следы знаков слова ist отчетливо видны.

135 Строка 89. [форта] — реконструкция Griffith'a, а по смыслу контекста соответствует размерам лакуны.

136 Строка 91. šzwšty или hzwšty; первый знак трудно определить: или š или h. Название неизвестного животного. У Erman'a в W этого слова нет.

137 Строка 97. Griffith восстанавливает частично под вопросом это место.

138 Строка 100. Вольная реконструкция Griffith'a; сравни строки 31—32.

139 Строка 100. рабы bзk, еще в строке 66, см. прим. 126. Здесь это слово Griffith переводит не „servants" (слуги), а „slaves" (рабы).

140 Строка 101. Вольная реконструкция Griffith'a, ср. строку 32.

141 Строка 101. То же, см. строку 31, конец.

142 Строка 102, то же, ср. строки 42, 47, 50, 54, 80, 94.

143 Строка 103. Реконструкция Griffith'a, сравни строку 82.

144 Строка 104. Вольная реконструкция Griffith'a.

145 Строка 105. То же.

146 Строка 106. То же.

147 Строка 107. То же.

148 Строка 108. То же.

149 Строка 109. То же.

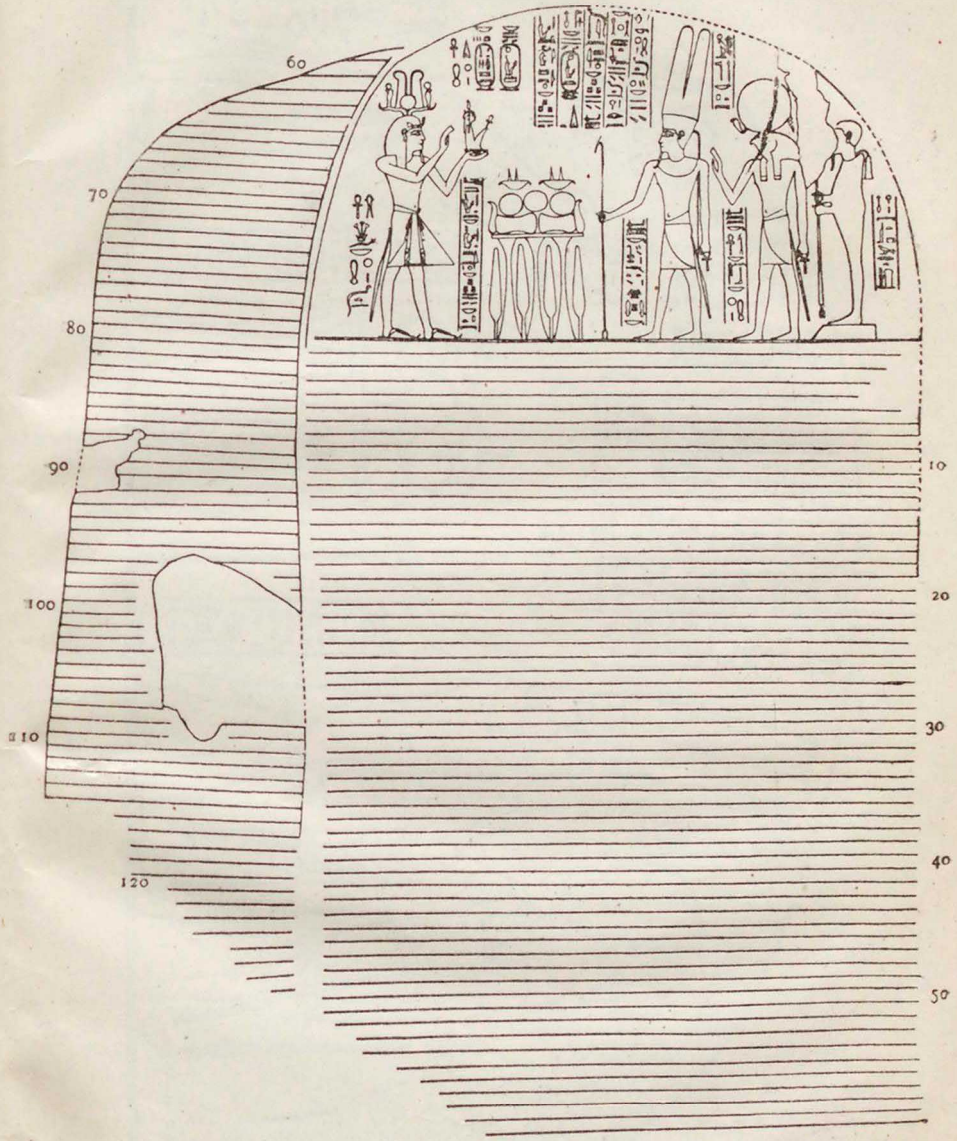
150 Строка 109. В тексте несомненная ошибка: вместо śpr — „достигать", „жаловаться" стоит tht „преступать". Оба эти глагола имеют детерминатив хождения.

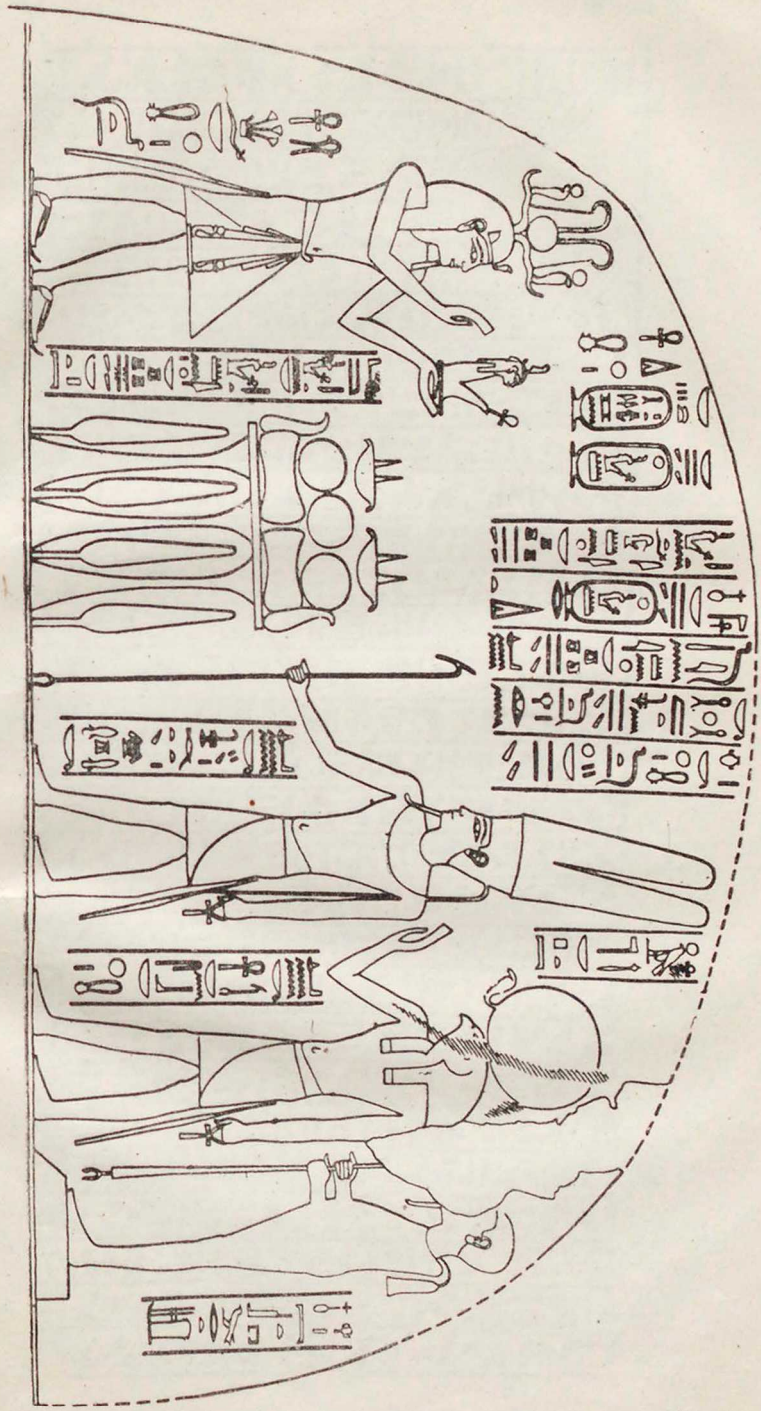
151 Строка 110. Повторение по ошибке.

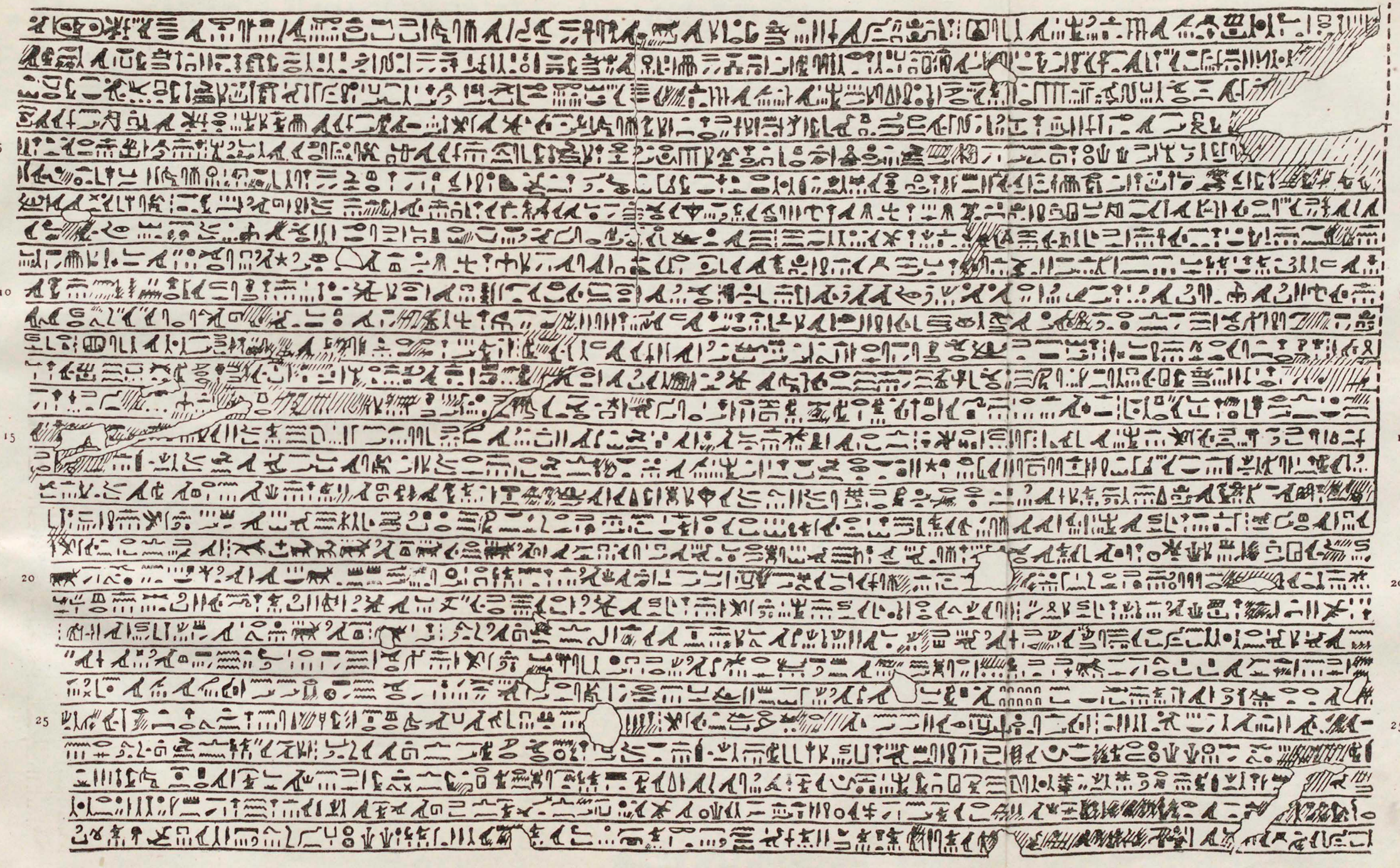
152 Строка 116. sḫ „глухой". Детерминатив по ошибке вместо . В основе этой путаницы лежит сходство этих детерминативов в иератике (Möller, Hieratische Paläographie, II, стр. 11 и 13).

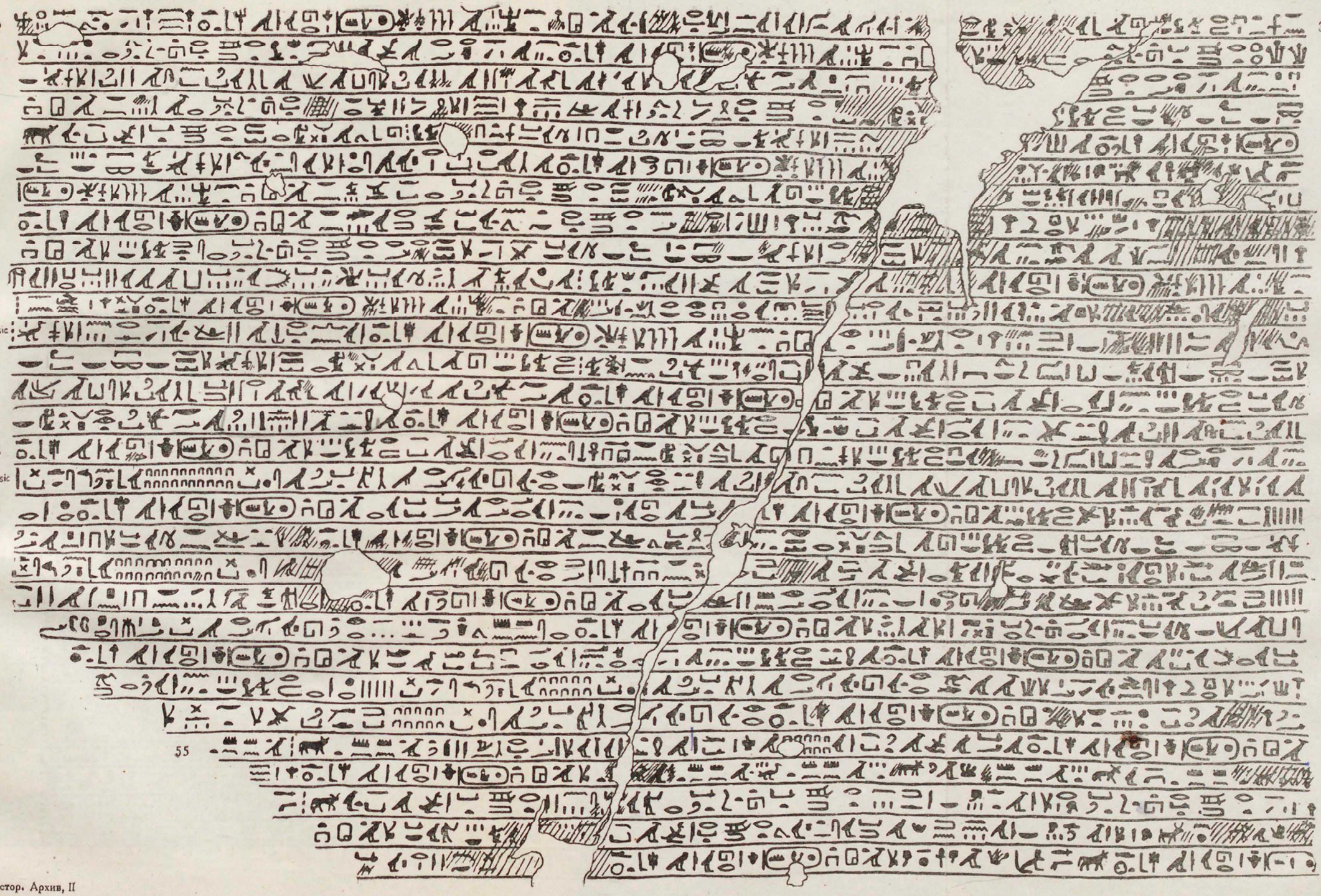
153 Строка 118. [отрешение] — реконструкция Griffith'a.

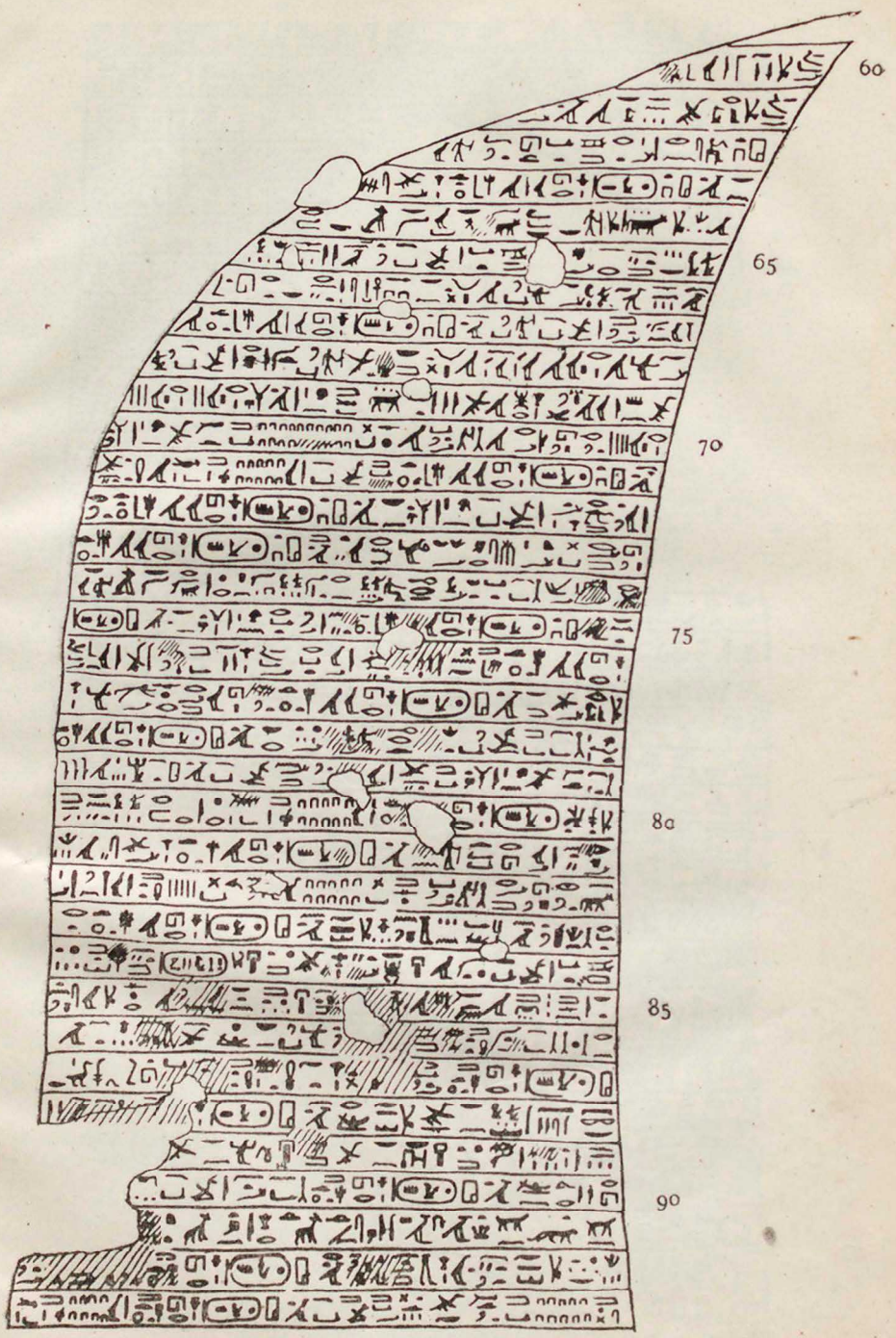
154 íw вместо r; форма, встречающаяся в позднеегипетских текстах, но несвойственная этой эпохе.

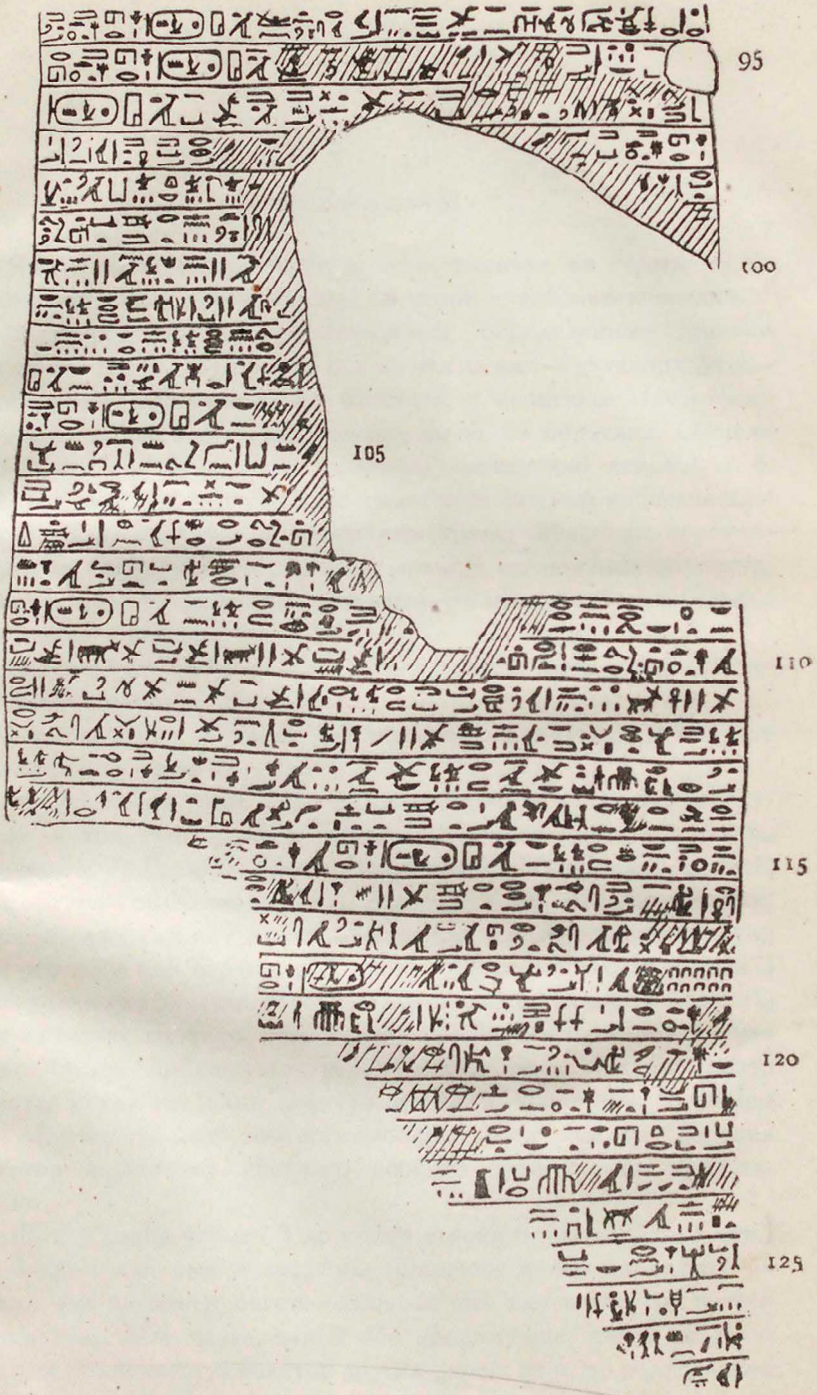

60
70
80
90
100
110
120
10
20
30
40
50






30
35
40
sic
45
sic
50
55


60
65
70
75
80
85
90


95
100
105
110
115
120
125

КОММЕНТАРИЙ

Язык собственно декрета, т. е. начиная со строки 29, — новоегипетский, а язык первых 28 строк — среднеегипетский.

В тексте имеются совершенно определенные ошибки (см. прим. 151 и 152), причем последняя из них — путаница детерминативов — основана на их сходстве в иератике. Начертание в тексте слова wsḫ также заимствовано из иератики. Отсюда напрашивается вывод, что оригинал собственно декрета, т. е. с 29 строки, был написан новоегипетским языком иератическим шрифтом на папирусе и затем уже транскрибирован иероглифами на скалу в Наури, причем отчасти по невнимательности, отчасти по недостаточному знакомству с иератикой исполнители допустили ошибки.

По содержанию весь текст может быть разделен на несколько частей:

I. Строка 1-я и часть 2-й содержат датировку памятника и титулатуру царя.

II. Остальная часть 2-й строки и большая часть 3-й повествуют о том, что царь в Мемфисе отправлял культ богов, Амона-Ра, Ра-Гарахте, Атума, Пта, Сехмет, Пта-Сокар-Осириса, Нефертума-Гор-Хекенну, Гора, Исиды и Тота, которые наделили царя миллионами лет жизни, обеспечили ему мир и низвергнули под его ноги все страны и 9 луков. Лакуна в начале строки 3 несомненно содержала исчезнувшие названия каких-то божеств: это вытекает из того, что лакуне предшествует перечисление имен богов, продолжающееся и после нее. Эти две части текста, исключая слов „начало вечности“ (см. прим. 2), ничем не отличаются от соответствующих мест многих царских текстов и поэтому никакого особого интереса не представляют.

III. От конца строки 3 до конца строки 6. Здесь царь Сети I изображен как сын и защитник Осириса и его наследник на земле, как любимец богов, оказывающих ему всяческое покровительство. Эта часть, как и обе предыдущие, ничем не отличаются от множества текстов других царей; царь по религиозной

традиции считался подобием Гора и на нем лежали сыновние обязанности в отношении его отца — Осириса.

IV. Конец строки 7 (со слов „Ты делаешь защищенным Абидос") до первого слова строки 29 „навсегда" включительно. В этой части описано основанное Сети I для Осириса храмовое владение, его великолепие и богатства.

V. Начиная со строки 29 и кончая 118, самая важная часть: она является изложением декрета, объявляющего иммунитет храмового владения Осириса.

Эти части текста очень интересны и заслуживают подробного изучения.

Эпилог, начиная со строки 119, особого интереса не представляет.

Название храмового владения, о котором идет речь в декрете в полной своей форме, таково: tз ḥt nt ḥḥ m r ꜥpwt n nsw bít mnmзctrc íb hrw m зbdt. В этом виде мы находим его в строках 35, 36, 39, 40 и 41, 79—80. Вариант без n — в строках 30, 31.

Наконец, сокращенная форма tз ḥt mnmзctrc íb hrw m зbdt в строках 34, 37, 43, 44, 45, 47 (два раза), 48, 50, 51, 52 (два раза), 54, 55, 56, 58, 59, 63, 67, 71, 72, 73, 75 (два раза), 77, 78, 81, 83, 87, 88, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 104, 109, 115, 118.[1]

Для каждого из первых двух вариантов (полная форма с опущенным n) Griffith предлагает два перевода: 1) „The House of millions of years of king Men-mac-rēı 'Heart's Ease' in Abydos" и 2) „The House of millions of years «The Heart of king Men-mac-rēı is at Ease» in Abydos".

Для сокращенной формы он предлагает соответственно следующие переводы: 1) «The House of Men-maı-rēı» Heart's Ease in Abydos" и 2) „The House „Heart of Men-maı-rēı is at Ease in Abydos". Что касается слов „в Абидосе", то Griffith указывает, что их можно понимать как указание на местонахождения ḥt, а также как место, где удовлетворено сердце.

Я предпочитаю переводить: „Дом миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра [под названием]: „Сердце удовлетворено в Абидосе", включая слова „в Абидосе" в название. Основанием для этого служит следующее соображение: в строке 14 читаем: „на их изысканных устах советы

[1] В строках 7 и 27 (два раза) — просто ḥt, а в строках 32, 34, 48, 50 и 74—pr.

и речения, которые удовлетворяют его [Осириса] сердце". Удовлетворить сердце Осириса — такова цель „Дома", что видно из всего текста. В словах „сердце удовлетворено в Абидосе", надо полагать, речь идет не о сердце Сети I, а о сердце Осириса. Абидос же был центральным местом культа Осириса, и поэтому вполне естественно, что сердце бога должно было быть удовлетворено именно в Абидосе. Поэтому вполне возможно интерпретировать эти слова как „сердце Осириса, удовлетворенное в Абидосе".

Что касается местонахождения ḥt „Дома", то об этом в тексте нет прямых указаний (если понимать слова „в Абидосе" как относящиеся к сердцу, а не „Дому"; в противном случае „Дом" определенно находился в Абидосе). Зато мы имеем ряд косвенных указаний, говорящих в пользу Абидоса как местонахождения „Дома":

1) в строках 6—7 читаем: „ты делаешь защищенным Абидос снова. Находящиеся в нем помолодели благодаря тому, что было тобой приказано. Ты построил его [Осириса] Дом подобно горизонту неба и лучи его [Дома] светят в лицо. Сделаны изваяния владык Та-ур".

Здесь совершенно ясно говорится об Абидосе и Тинисском номе.

Под словами: „что было тобой приказано" несомненно подразумевается иммунитет, объявленный декретом и относящийся к людям владения. О них же говорится, что они процветали в Абидосе.

2) В строке 12 говорится о священной барке Нешмет, которая была характерной принадлежностью религиозных церемоний в честь Осириса именно в Абидосе.

3) В строке 24 говорится: „они [суда храма] швартуются у прекрасной местности, чтобы обеспечить продовольствием местность Та-ур", т. е. суда эти везли свои грузы в Тинисский ном, где находился Абидос.

4) В строке 26 читаем: „все их [храмовых рабов] работы предназначены для его [Осириса] Ка в большом номе, который он [Осирис] любит. „Большой ном", spt wrt вероятно, означает tꜣ ur „большая земля" [Тинисский ном].

Эти указания совершенно достаточны, чтобы рассеять всякие сомнения относительно местонахождения „Дома" именно в Абидосе.

Но тут возникает вопрос: почему декрет высечен на скале в Наури, в далекой от Абидоса Нубии, и почему в декрете сплошь и рядом говорится о разных лицах, начиная с наместника Куш и кончая всяким человеком, посланным с поручением в Куш, как о возможных преступниках и нарушителях иммунитета?

На этот вопрос можно ответить только таким образом: если резиденция храмового владения находилась в Абидосе, то в Куш были расположены владения „Дома". В строках 38—39 говорится:

„чтобы воспретить преступление против всех подчиненных людей Дома (и т. д.), которые находятся в Куш" [1] (далее следует перечисление этих людей).

Вполне возможно, что декрет был специально посвящен этому владению и высечен в Наури потому, что в отдаленном Куш насилие и произвол были обыденными явлениями и именно здесь для ограждения интересов храма была нужна особая регламентация.

„Дом", как мы видели, был построен в Абидосе: в строке 7 стоит слово ḥt, входящее в tz ḥt и пр., в других местах текста. Из текста ясно, что в данном случае понятие ḥt „Дом" шире, чем „дворец", так как про последний говорится, что он находился „в нем", т. е. в „Доме" (строка 8, см. прим. 50).

Хорошо известен храм Сети I в честь Осириса в Абидосе. Можно ли его отождествить с „Домом" нашего текста?

Против отождествления Griffith выдвигает следующие пункты:

1) декрет датирован 4-м годом, когда храм еще не мог быть выстроен и наполовину. И этот храм достраивался сыном Сети I Рамсесом II.[2]

2) Описание храма в декрете не соответствует абидосскому храму; напр., в декрете в 10 строке говорится об wmt из розового гранита, которого в абидосском храме нет, так как храм построен из известняка.

3) Название „Дома" в надписях абидосского храма не встречается.

Несомненно, что возражения Griffith вполне основательны. Зато можно предположить, что в нашем тексте речь идет

[1] В строке 38, кроме этого, говорится про рыболова „Дома" „на прудах его ловли, которые во всей земле Куш".

[2] Gauthier. Inscription Dédicatoire.

о кенотафе Сети I в Абидосе. Следующие пункты сближают „Дом" текста и кенотаф Сети I:

1) стенные валы (wmt) из гранита (в тексте строка 10) и столбы, потолок и архитравы кенотафа из розового гранита.[1]

2) канал „Дома" (в тексте строка 13) и канал кенотафа.[2]

Название „дом Менмаатра" носил и храм Сети I в Абидосе, и храм в Вади-эль-абад.[3] Таким образом это название было применяемо к разным строениям и к „Дому" текста, в частности.

Но в одном остраконе, найденном в кенотафе, говорится о bḫn n mn-mȝct-rc „замке Менмаатра" и о дворце „Менмаатра полезен Осирису". По предположению Frankfort этот дворец был выстроен Сети I как пункт наблюдения за ходом строительных работ кенотафа[4] и не упоминается в других текстах.

Таким образом в Абидосе был ряд построек, в названия которых входило „Менмаатра". Более точных данных для отождествления „Дома" текста с одним из этих зданий мы не имеем. Во всяком случае „Дом" текста является одним из них, и совершенно невероятно предположение Griffith'a, что в нашем тексте описан воображаемый храм.

Храмовое хозяйство „Дома", как видно из текста, было очень обширным и разнообразным.

Храмовые владения находились, как мы показали, где-то в Куш, но где именно, неизвестно (отчасти, вероятно, в Наури). Некоторые места текста дают основание думать, что владения храма были и в других местностях. В строках 30—32 говорится: „воспретить преступления против какого-либо человека Дома (и т. д.) — находящегося где бы то ни было во всей стране". Слова „во всей стране" несомненно относятся ко всему Египту, что вытекает из слов: „приказал его величество привести в порядок Дом (и т. д.) на водах и на земле, повсюду в номах Верхнего и Нижнего Египта".

Наконец, слова „воспретить преступления против какого-либо имущества этого Дома — где бы оно ни находилось, во всей стране" также свидетельствуют о том, что имущество храмового владения находилось в разных местностях Египта.

---

[1] Frankfort. The Cenotaph of Seti I at Abydos. Egypt Expl. Society, 1933, 17.

[2] Там же, 17—21.

[3] Gardiner и Gunn, J. E. A. IV, 247—248.

[4] Frankfort, 92—94.

К сожалению, более точных указаний об этом мы в тексте не имеем.

Во всяком случае нам хорошо известно, что египетские храмы зачастую имели владения в разных местностях Египта. Для примера можно сослаться на данные иератических надписей на амфорах Рамессеума, из которых мы узнаем, что храмы, расположенные вне Дельты, имели в Дельте виноградники.[1] На амфоре № 2789 из Абидоса, хранящейся в Каирском музее, упомянут „Дом Менмаатра" tз ḥt mn-mзct-rēı. Имеется ли в данном случае в виду „Дом" нашего текста или что-либо другое, трудно сказать.

На основании данных декрета мы можем составить себе представление о характере храмового хозяйства.

Храм владел тремя видами земли:

1) земли для хлебопашества и разведения растений.

В строках 24—25 упоминаются списки „полей" nḫb, „островов", „высоких полей" и „всяких урожайных пашен". Слово sḫt „пашня" встречается еще в строках 33, 39, 50 и 51.

Таким образом данные текста с несомненностью констатируют, что одной из отраслей храмового хозяйства было земледелие на землях храма. Кроме того, в той же строке 39 упомянуты „виноградари", „садовники", kзmyw и kзгyw, что указывает на наличие садоводства и культивирования виноградников. Последнее подтверждается еще и словом „вино" ỉrp в строке 15, в которой также упомянуто „оливковое масло". Разведение виноградников было для храмов обычным явлением и засвидетельствовано, напр., упомянутыми иератическими надписями на амфорах.

2) Земли для скотоводства. Скотоводство играло, несомненно, очень важную роль в храмовом хозяйстве, что видно из многих мест текста.

В строке 19 говорится:

„хлевы полны быками-иуа, быками-ренну, длиннорогими быками, горными козлами, антилопами. Тельцы — там в сотнях тысяч" (см. прим. 83). Допуская, что сотни тысяч цифра преувеличенная, все же необходимо допустить, что скота было

---

[1] A. Z., 58, стр. 28; Spiegelberg. Bemerkungen zu den hieratischen Amphoreninschriften des Ramesseums.

много. Помимо перечисленных видов скота в тексте упоминаются еще:

быки ih, строки 22, 34, 55, 57;

ослы cз, строки 34, 57, 58, 59;

свиньи šзw, строки 35, 56, 58, 59;

собаки iw (tsm?), строки 64, 74, 94.

Быки упомянуты еще в строках 20, 22, 34, 55, 57, длиннорогие быки в строке 22, козы в строках 35, 56, 58. Весь этот скот находился в ведении храмовых „пастухов" mnyw, о которых говорится в строках 21, 62, 67, 68, 75 и 81. Всем рогатым скотом заведывал „начальник быков" строка 74. Для скота были отведены специальные „пастбища", упомянуты в строках 22, 63 и 81.

О том, что определенные земли были отведены специально под пастбища, прямо гласит строка 22: „Даны им пастбища в корм с растениями, листьями и зеленью и предоставлена им эта земля для кочевки, и никто не теснит их на ней".

В строке 56 мы читаем о том, что царь повелел узаконить не только стада, но и „стада птиц".

Уделялось внимание и пчеловодству: в строке 15 упоминается „мед", а в строке 39 говорится о „бортниках".

3) Земли для охоты и воды для рыбной ловли. В строке 37 воспрещается мешать ловцу „на его болотах охоты, на его водах (?) ловли птиц и рыб", в строке 38 приближаться к рыболову на „его прудах ловли, которые во всей стране Куш".[1]

В строке 53 аналогичное место „на его болотах охоты и на его пруде ловли".

Здесь говорится о землях и водах, специально отведенных для охоты и рыболовства.

Кроме перечисленных отраслей храмового хозяйства, широко было развито судостроение и судоходство.

В строке 40 фигурируют „судостроители" wḫr, а в строке 23 повествуется о том, что „созданы для него [Осириса] флотилии судов" (см. прим. 88 и 89).

В тексте встречаются следующие термины для обозначения судов:

1) mnš, строка 23, см. прим. 89;

2) imw, строки 23, 33, см. прим. 90;

[1] Эта фраза также подтверждает местонахождение части храмовых владений в Куш.

3) krkrt, строки 24 и 25, см. прим. 91;

4) chcw, строка 83, см. прим. 131;

5) wšḫ, строки 40, 86 и 95, см. прим. 113;

6) термин, без фонетических знаков, строки 48 (два раза), 50, 88, 90 и 94 (см. прим. 119).

Оставляя в стороне несомненные различия между типами этих морских и речных судов, необходимо подчеркнуть, что некоторые из них достигали 100 локтей mḫ длины, о чем определенно говорится в строке 24. Длина же египетского локтя была равна 523 мм,[1] таким образом длина этих судов была свыше 50 м. Можно полагать, что помимо речного судоходства было и морское: термин mnš часто применяется к морским военным судам.[2] Помимо того, подтверждение этого предположения мы находим в строке 24, где говорится, что суда привозили грузы из Земли бога, куда можно было попасть только морским путем. Главная цель храмового судоходства состояла в доставлении в храм благоуханных трав из Земли бога (строка 24).

В строке 15 упоминаются „ладан" и „мирра из Пунта".

Кроме того, суда привозили в храм разные ценности из Куш (строка 83): „золото", „шкуры леопарда", „шкуры жирафф", „шкуры шавашти" (строки 90, 91, см. прим. 136). Золото и серебро упоминаются, кроме того, в строке 14 среди прочих 6 атств храма.

Но в тексте есть прямое указание и на то, что золото добывалось храмом и на приисках: в строке 40 упомянуты горнорабочие „промыватели золота". Сопоставляя эти термины со свидетельством других памятников Сети I о добыче золота, мы можем совершенно безошибочно утверждать, что добыча золота была одной из отраслей храмового хозяйства.

В строке 15 в числе храмовых ценностей упомянуты „царское полотно" и „материи"-мек. О том, что выделывание тканей в храмах было широко распространено, хорошо известно. Подробнее об этом будет сказано ниже в связи со словом mrt.

О храмовой администрации и об организации храмовых работ в тексте мы находим лишь самые скуд-

[1] Gardiner, Grammar, § 266.

[2] В строке 24 слово „экипаж" ist, тогда как в строках 86 и 95 говорится про „солдата" wiw судна, что дает основание полагать, что храм располагал и вооруженной силой.

ные и отрывочные данные. В строке 74 единственный раз назван „начальник дома" mr pr, т. е. управляющий храмовым владением. Из других начальствующих лиц упомянуты: „начальник быков" mr ih, строки 64 и 74, „начальник собак" mr iw, строки 64 и 74, и „начальник пашен" mr šḥwt, строка 50. В строке 39 упомянуты еще и „агенты" храма — rwḏ; см. прим. 104.

Из жрецов в тексте упомянуты: 1) жрецы ḫry-ḥb строки 14, 98; 2) жрецы wcb. строка 15, 98; 3) жрецы ḥm-ntr строка 15.

Строка 98 содержала безусловно более полное перечисление храмового персонала, но она, к сожалению, настолько испорчена, что никакое восстановление невозможно. Этим и исчерпываются данные текста об административном и жреческом персонале храма.

Рабовладение. Очень интересны данные текста о рабах. Вопрос о типе социально-экономических отношений в древнем Востоке, в частности в древнем Египте, был предметом оживленной дискуссии в советской исторической науке. Руководясь указанием Ленина, что „рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы",[1] В. В. Струве на основе конкретного исторического материала показал решающую роль рабовладения в древневосточном обществе.[2] Этим была опровергнута буржуазная концепция о феодализме на древнем Востоке и вытекающие из нее ненаучные реакционные выводы.[3] Несомненно, что формы древневосточного рабства во многом отличались от классических форм рабства в Греции и Риме и имели свои особенности и специфику. И здесь мы вступаем в крайне малоисследованную область, так как буржуазные востоковеды, сторонники наличия феодализма на древнем Востоке, совершенно не занимались этим вопросом. Конкретное решение вопроса требует большой исследовательской работы и изучения исторического материала. Именно от эпохи Нового Царства сохранилось особенно много данных о рабстве, и этот факт

[1] В. И. Ленин. О государстве. Соч., изд. третье, т. XXIV, стр. 366.

[2] В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока. Изв. ГАИМК, № 77; его же, Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, Изв. ГАИМК, № 97; его же, Рабовладельческая латифундия в Сумире. Сб. в честь акад. Ольденбурга.

[3] См. статью Мишулина „К вопросу о рабстве на Востоке" (предисловие к работе Струве „История Древнего Востока, Краткий курс", Москва, 1934). В этой статье Мишулина изложена история и постановка вопроса.

неоднократно отмечался учеными. Даже Эд. Мейер, апологет феодализма на древнем Востоке, должен признать, что „в единичных случаях дело доходило до значительного и постоянного увеличения числа рабов, приобретающего политическое и социальное значение, как, например, в Египте, в эпоху Нового Царства".[1]

Gardiner в своей работе о некоторых кахунских папирусах пришел к выводу, что „эти папирусы доказывают наличие настоящих рабов в хозяйстве, лиц сравнительно низкого положения". По мнению Gardiner'a эти папирусы свидетельствуют о преобладании (prevalence) рабства во времена XVIII династии.[2]

Peet в своей работе о луврском папирусе № 3230, трактующем о продаже рабыни, отмечает необходимость написания работы о рабстве в древнем Египте.[3]

Во всяком случае совершенно твердо мы можем констатировать следующее: огромная масса рабов в эпоху Нового Царства состояла из пленных, захваченных фараонами в их победоносных походах в разные страны. Вебер, также стоящий на точке зрения феодализма в Египте, вынужден признать, что в эпоху Нового Царства „в связи с большим территориальным расширением страны, явившимся результатом войн, совершался массовый ввоз в страну военнопленных, которыми полны рынки. И теперь царь продолжал раздавать заслуженным должностным лицам в ленное владение землею — большей частью в умеренных размерах и по несколько рабов".[4] Это было также отмечено Steindorff'ом: „С начала Нового Царства при Ахмесе, Тутмосах I и III, когда египетские войска стали впервые победоносно проникать в Палестину и Сирию, они доставляли при возвращении на родину не только разнообразную добычу, но и многочисленных военнопленных. Последние отчасти оставались в руках царей, отчасти попадали в храмовые владения; кроме того, царь награждал ими наиболее заслуженных военачальников".[5]

Это наблюдение Steindorff'a подтверждается бесчисленными памятниками. Помимо этого рабы попадали в Египет в виде

---

[1] Эд. Мейер. Рабство в древности. Русск. перев. 1923, стр. 30.

[2] Gardiner, A. Z. 43, 43.

[3] Peet, j. E. A., XV, 1926, 74.

[4] Вебер, Аграрная история Древнего мира. Москва, 1923, стр. 102.

[5] Steindorff, A. Z., 38, 15.

дани, о чем неоднократно гласит знаменитая переписка Тель-Амарны. Эти свидетельства египетских памятников подтверждаются и библией, называющей Египет „домом рабства“ (бит-абадим). Евреи были в Египте в эпоху Нового Царства, а поэтому свидетельство библии относится именно к этому времени. Книга Исхода (I, 11—14) повествует о том, что „египтяне с жестокостью принуждали сынов израилевых к работам и делали жизнь их горькой от тяжкой работы над глиной и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой их принуждали с жестокостью“. Затем там же говорится, что египтяне изнуряли Израиль тяжкими работами и что „Израиль... построил фараону Пифом и Раамсес города для запасов“. В той же книге Исхода (V, 14—16) говорится о том, что надзирателей-евреев били за то, что евреи не изготовляли два дня подряд положенного числа кирпичей и что представители евреев жаловались фараону на несправедливые притеснения. Характерно, что при этом они сами называют себя „рабами“.

Это свидетельство библии совершенно бесспорно рисует положение евреев в Египте как рабов. Огромная масса рабов рекрутировалась, начиная с Нового Царства, именно из военнопленных иностранцев.[1] Это стало настолько обычным явлением, что мы встречаемся с упоминанием его не только в исторических текстах, но и в изящной литературе. Например, в сказке о взятии Иоппы, где приводится письмо Техути к царю, Техути после взятии Иоппы пишет: „пусть прийдут люди взять их (жителей Иоппы) как пленников. Ты наполнишь дом отца твоего Амона, владыки Амона-Ра, царя богов, рабами (ḥmw) и рабынями (ḥmwt), ниспровергнутыми под ноги твои навеки веков“.[2]

Данные текста проливают новый свет на вопрос о рабстве в древнем Египте. Griffith, как и следовало ожидать, совершенно не уделил внимания этому вопросу и пользуется термином serfs. В тексте мы имеем следующие термины, выражающие подчинение:

1) ḥm, строки 18 и 44;
2) mrt, строки 26 и 27;

---

[1] Богатый материал собрал Baillet, „Les noms de l'esclave en Égyptien“, Rec., XXVII—XXIX.

[2] Gardiner. Late egyptian stories, I, 85, 1932.

3) bȝk, строки 66 и 100;
4) śmdt, строка 38;
5) ndṯ, строка 74.

Термин ḥm в тексте встречается 2 раза: в строках 18 и 44. (Строка 18: „рабы там дети сановников, которых он привел из страны Ретену").

Таким образом в данном случае эти рабы не египетского происхождения.

Памятники царствования Сети I говорят о походах этого фараона в Переднюю Азию и, в частности, в страну Ретену. Среди трофеев этих победоносных походов тексты неизменно подчеркивают, что царь приводил в Египет массу пленных и превращал их в рабов.

В первый год свего царствования Сети I совершил поход, описание которого начертано на большой внешней стене зала гипостиля в Карнаке. Ряд изображений сопровождается пояснительными надписями.[1] Рядом с изображением царя, лично связывающего пленных, имеется следующая надпись:

„...(?) стран всех, захватил он их как пленников".[2] Вероятно, на поврежденном месте стояло слово urw или ему равнозначащее. Таким образом смысл фразы будет: „‹державцы› стран всех; захватил он [т. е. царь] их как пленников".

Далее мы видим изображение царя на боевой колеснице, увозящего подмышками по одному пленнику, а за колесницей следует прикрепленная к ней вереница связанных пленников.

Здесь же надпись, объясняющая, что это „великие державцы Ретену, которых привел его величество как пленников".[3] Таким образом здесь мы имеем прямое указание на пленение державцев страны Ретену и увод их в Египет.

Возвращающийся из победоносного похода Сети I был встречен верхушкой жречества и знати. Сцену встречи сопровождает надпись: „жрецы, серы, начальники Верхнего и Нижнего Египта пришли воздать хвалу доброму богу при его возвращении из страны Ретену с большой добычей..., ничего подобного не было видано со времен бога".[4] Эта короткая надпись имеет

[1] Guiesse. Inscriptions historiques de Seti I. Rec., XI.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 61. На рельефе изображены вереницы связанных пленников.

особый интерес: верхушка правящих классов была заинтересована в победах царя, ибо она получала его трофеи и, в первую очередь, пленных — рабов, рабочую силу, необходимую для огромного храмового хозяйства этого периода. И, действительно, Сети I щедрой рукой одарял владения богов, передавая жречеству огромные богатства; одна из надписей гласит: „приношение дани его величеством отцу своему Амону при возвращении из страны Ретену жалкой: серебро, золото, ляпис-лазурь, малахит,... драгоценные камни, державцы стран, зажатые в кулаке, чтобы наполнить склады отца Амона — благодаря победе, которую ты даешь мне".[1]

Другая надпись уточняет это положение, говоря прямо о рабах, преподнесенных Сети I Амону: „Вот приношение даров добрым богом Амону — мятежными державцами стран, не признававших Египет, причем дары их на спинах их, чтобы наполнить склады твои рабами и рабынями — благодаря победе, которую ты даешь мне во всех чужеземных странах".[2]

В другом памятнике Сети I, в его стэле и храме Пта в Фивах, в строках 8—9 есть такое место: „приведены вожди их в качестве пленных и дань их на спинах их, чтобы поднести благородному отцу Амону и его эннеаде, чтобы наполнить их склады рабами и рабынями, пленными из всех странах".[3]

Таким образом ряд памятников Сети I свидетельствует о том, что пленные обращались в рабов и дарились храмам. Это было обычаем эпохи. Совершенно ясно, что и рабы ḥm во владениях Осириса были такого же происхождения, т. е. пленники, приведенные Сети I из его азиатских походов.

В строках 43—45 нашего текста мы читаем о запрете уводить „какого-либо человека (rmṯ) Дома Менмаатра (под названием и т. д.), в порядке реквизиции, из округа в округ или по договоренности в качестве обязанного пахать или в качестве обязанного убирать жатву; (что касается) равным образом того, который уведет какую-либо женщину или какого-либо человека Дома Менмаатра (под названием и т. д.), равным образом их рабов (ḥm) в порядке реквизиции для производства какой-либо работы где бы то ни было во всей стране". Совершенно ясно,

1 Там же, 63.

2 Там же, 73.

3 Legrain. Annales, III, 113.

что мужчины и женщины, о которых здесь идет речь, непосредственные производители: воспрещается их похищать с целью использовать их на земледельческих и других работах.

Совершенно ясно, что никто не стал бы похищать из корыстных побуждений храмовую администрацию или жрецов: объектом похищения могло быть лишь такое лицо, которое можно было бы эксплоатировать и заставить на себя работать, т. е. непосредственного производителя. Таким образом никаких сомнений относительно социального содержания слова rmṯ в данном случае быть не может. И здесь мы видим чрезвычайно интересный факт: непосредственные производители храмовых владений имели рабов ḥm.[1] Несомненно, эти ḥm были те же, о которых говорится в строке 18, т. е. пленные иностранцы.

Египетские памятники совершенно бесспорно доказывают, что частное рабовладение было широко распространенным повсеместным явлением. В известном декрете Хоремхеба, изданном им для восстановления пришедшей в упадок законности в стране, в строке 24 читаем: „пришел другой, чтобы пожаловаться, говоря: похитили у меня раба и ‹рабыню›".[2] Эта фраза является в тексте декрета примером нарушения законности и вложена в уста жалобщика. Совершенно несомненно, что в декретах речь идет лишь о массовых явлениях; и следовательно, частное рабовладение и являлось таковым.

Данные нашего текста о рабах ḥm интересны тем, что они говорят о наличии рабов у мелких непосредственных производителей. Целый ряд египетских памятников подтверждает эти указания Наури.

Для примера приведем кахунские папирусы, где говорится о найме рабынь пастухом Msí у пастуха Nb-mḥy, который таким образом являлся рабовладельцем.[3]

В строках 99—101 нашего текста говорится о жрецах и их рабах bsk. Надо отметить, что жрецы wcb занимали низшую ступень в жреческой иерархии, и их общественное положение было совершенно незначительным. Тем не менее, в тексте говорится об их рабах. Из других памятников мы знаем, что

---

[1] Этот факт был отмечен Ю. Я. Перепелкиным, Изв. ГАИМК, 77, стр. 120, а также Peet, The great tomb-robbery of the XX Dynasty, 1930, пап. № 10052 Берл. Музея, где говорится о рабе садовника.

[2] Bouriant. A Thèbes. La stèle de Horemheb, Rec. XXVI, 44.

[3] A. Z., 43; Gardiner, Four Papyry from the 18 dynasty of Kahun.

wcb бывали рабовладельцами. Для примера приведем одну стэлу XXII династии, где перечисляется имущество 16 лиц; среди них упомянут и жрец — wcb. Все эти лица, помимо недвижимого имущества, владели и рабами, но очень небольшим числом каждый, в среднем по 2 раба на владельца. В этом списке фигурируют такие лица, как, напр., перевозчик начальника скота Амона. Таким образом и здесь речь идет о низших и трудящихся слоях населения.[1]

Что рабская сила высоко ценилась, видно, напр., из документа,[2] составленного некоей Несси и ее братом жрецом-уаб Амона по имени Хаи. Здесь говорится о том, что брат, использовавший труд раба сестры Ашахет, уплатил ей за труд раба „серебра шати 10 в уплату за 10 дней раба Ашахет".

В одном папирусе времен Рамсеса II трактуется о продаже сирийской рабыни некой жительнице Фив, Иринофрет торговцем Раиа,[3] причем рабыня была оценена в 4 дебена и 1 ките.

Термин mrt. В тексте это слово встречается два раза: в строках 26 и 27. Spiegelberg указал,[4] что слово это пишется двояко: 1) со знаком и 2) со знаком ; в первом написании слово означает очень часто „ткачи", причем эти ткачи большей частью храмовые работники. Во втором написании слово означает работников полей. Petrie[5] это второе слово переводит как cultivator. В большой абидосской надписи Рамсеса II эти слова отличаются как по орфографии, так и по смыслу: в строке 86 первое слово определенно употреблено как „ткачи": „mrt делают материи". В строке же 72 находим следующее: „составил он список имущества из полей, mrt, стад".[6] Здесь оно написано через и по смыслу контекста означает людей, имеющих отношение к земледельческим работам. Но такое разграничение орфографии и смысла обоих этих слов очень часто уступает место полной их ассимиляции и замене друг другом, и слово mrt применяется как обозначение подчиненной массы произво-

---

1 A. Z. 35. Erman, Zu den Legrainschen Inschriften, 21.

2 P. S. B. A. XXX, 1908, стр. 272—275; Griffith, A contract of the fifth year of Amenhotep, IV. Деревянная табличка с иератическим текстом в коллекции Bryce в Эдинбурге. Транскрипция.

3 Gardiner, J. E. A., XXI, 140—146.

4 Spiegelberg. Miszellen. A. Z., 45, 88—89.

5 Petrie. Cultivator and Land, Ancient Egypt. 1925, декабрь, 105.

6 Gauthier. Insription Dédicatoire.

дителей, большей частью храмовых.[1] Нередко храмовые mrt рекрутировались из пленных.[2] Существовала специальная администрация, руководившая работами mrt и управлявшая ими. Сюда относятся, например, „начальник mrt", „начальник рабочего города mrt", „большой начальник mrt" и т. д.[3]

Во всяком случае слово mrt в эпоху Нового Царства употреблялось для обозначения „рабов": mrt давались в награду, как и ḥm[4] и в mrt превращали детей „сановников Ретену" и „сановников Нубии", взятых в плен, и „наполняли ими" храмы.[5]

Надо полагать, что слово mrt „рабы" здесь употреблено потому, что перед фараоном, особенно в его храмовом владении, рабами были и rmṯ — „люди", наравне с рабами. В нашем тексте слово mrt употреблено не как ткачи или земледельцы, а в обобщающем смысле. В строках 25—26 сказано: „Издан декрет, чтобы устроить mrt". Совершенно ясно, что под словом mrt здесь подразумевается совокупность и храмовых производителей и рабов. Далее говорится: „все его люди [rmṯ] под защитой и ограждены". В данном случае mrt и rmṯ, как видно из контекста, равнозначащи. На них распространяется иммунитет, но вместе с тем, „от сына к сыну оставаясь при обязанностях своих до пределов границ вечности", и „все их работы предназначены для его [Осириса] Ка". Вместе с тем это и не рабы, как ḥm: как мы видели, анализ строки 44 показывает, что mrt, равнозначущие rmṯ, имели рабов, т. е. были не только непосредственными производителями, но и эксплоататорами.

Термин bȝk. Это слово упомянуто в тексте два раза: в строке 60 и строке 100, т. е. как раз в наиболее поврежденной части декрета. В эпоху XIX династии и позднее bȝk синоним ḥm, причем эти два слова заменяют иногда друг друга в одних и тех же документах. Так, напр., в одном документе XX династии, в брачном договоре, опубликованном Cerny, слова ḥm и bȝk равнозначащи и обозначают слово „раб".[6]

Строки 65—66 гласят: „воспретить увод их (храмовых производителей) жен и их рабов". Что суффикс „их" имеет именно

---

[1] Erman, W, II, 107.

[2] Baillet. Les noms de l'esclave. Rec., XXVII, 211—217.

[3] Petrie. Cultivators and Land, №№ 1129, 1133, 1135, 1136.

[4] Sethe, Urkunden, IV, 41.

[5] Там же, 172.

[6] Cerni. A marriage settlement J. E. A., XIII.

это значение, видно из всего контекста. Таким образом и отсюда с несомненностью вытекает, что храмовые производители имели рабов.

В строке 98 перечисляются разные жрецы храма, за ними kswtyw рабочие, затем идет лакуна, содержавшая продолжение перечисления. Что в 99 строке это перечисление продолжалось, видно из оставшихся слов mí ḳd-sn, „всех их". Сейчас же после слов mí ḳd-sn сказано: „чтобы воспретить совершать преступления", затем лакуна, затем „их жен и рабов" (bsk). Здесь мы встречаем интересное указание на то, что даже рабочие имели рабов.[1]

Термин smdt. Значение этого слова точно не определено.[2] Во всяком случае, smdt, как и mrt, были люди подчиненные. Часто они упоминаются в текстах как земледельцы. В большой абидосской надписи Рамсеса II, в строке 88, сказано: „smdt твои на полях",[3] причем эти smdt храмовые. В нашем тексте это слово употреблено в более общем смысле, так как после него идет перечисление ряда профессий в 39 строке. Таким образом smdt, mrt и rmṯ в нашем тексте заменяют друг друга, что отчасти облегчает нам понимание применения этих терминов в декрете. Как мы видели, rmṯ и mrt, несмотря на всю свою зависимость, не рабы. Значит, также и smdt не рабы. Слово smdt, так же как и mrt, не означает профессию, и из разных текстов известно, что smdt занимались самыми разными ремеслами.[4] То же самое мы видим и в нашем тексте. В текстах smdt часто фигурируют как smdt храмовые.[5]

Термин ndṯ встречается в тексте только один раз, в строке 74: в строках 72 и 73 сказано, что всякое лицо, застигнутое в хищении скота, будет наказано отрезанием ушей и носа и отдано в земледельцы, а его жена и дети в ndṯ mr pr pn. Таким образом ndṯ явно не свободные люди, обслуживающие начальствующих лиц; ndṯ обычно применяется в отношении не египтян, а иноземцев, и обозначает „подчиненные, подданные".

---

1 Подробное о термине bsk см. у Baillet, „Les noms de l'esclave en Égyptien", Rec., XXVII, 207—211. В папирусе Salt 124 говорится о bsk одного рабочего (Cerni, J. E. A. XV, 244).

2 Там же, Baillet, Rec., XXVIII, 117—122, и Erman, W, IV, 147.

3 Gauthier. Inscription Dédicatoire.

4 Baillet. Les noms de l'esclave en Égyptien. Rec., XXVIII, 117—122.

5 Leiden, I, 350, столбцы II, III, IV, V. Rec., XVII.

Возможно, что между словами dt и ndt существует тесная связь, так как dt также означает зависимых и подчиненных людей, и что ndt принадлежит к тем существительным, которые образуются посредством прибавления к основе слова префикса n (частицы, выражающей родительный падеж). С другой стороны, детерминативы этих слов иногда различны. Что касается dt, то род их зависимости не совсем ясен. В сказке о красноречивом крестьянине Техутинахт сказано, что он был dt mr pr ur, т. е. dt „великого начальника дома". В нашем тексте ndt, а в сказке о крестьянине dt фигурирует как подчиненное и зависимое лицо от mr pr. Из сказки мы также знаем, что dt Техутинахт имел своего šmsw и дом. Но это нисколько не исключает того, что dt были рабы: раб при крупном сановнике мог занимать достаточно высокое положение. Слово dt значит тело.[1] „Раб и в демократических Афинах не признавался за человека, и обычным обозначением и здесь для раба было „тело" (сома)."[2]

Военнопленных иногда превращали в dt,[3] что сближает dt и ḫm.

Основной целью храма было обеспечение Ка Осириса жертвами. Об этом прямо говорят некоторые места текста:

1) Строка 25: после перечисления земель и полей сказано: „и отчислил их пожертвованными для его [Осириса] Ка".

2) Строка 26: „все их [людей храма] работы предназначены для его [Осириса] Ка".

3) В строке 60 строго воспрещается скот „Дома" давать, т. е. приносить в жертву другим богам.

4) В строке 28: „дал я ему [Осирису] всю землю Верхнего Египта и землю Нижнего Египта — в качестве жертвенного хлеба для его Ка".

Приношение жертв Ка бога было основной целью храма. В строках 21, 22 сказано: „пастухи наблюдают за стадами, находящимися в их руках, от сына к сыну, навсегда и навеки".

В строке 27 говорится о всех людях „Дома", что, „от сына к сыну оставаясь при обязанностях своих до пределов границ вечности".

Соответственно этому объявляется вечным и иммунитет, распространенный на храм. В строках 28, 29 Сети I „объявляет,

[1] Erman, W, V, 503.

[2] Тюменев, История, 70.

[3] Sethe. Urkunden, IV, 272.

что декретированные приказы — „закрепленные и установленные навеки и навсегда". В территориальном отношении декрет не ограничивается храмовыми владениями, но распространяется на весь Египет, о чем совершенно определенно сказано в строках 31 и 32. Отсюда неизбежно вытекает, что интересы храмового хозяйства были очень обширны и распространены по всему Египту.

Иммунитет выражен словами ḫwy mky (см. прим. 94), которые в тексте встречаются два раза: в строке 26 и в строке 41. В строке 26 они относятся к словам mrt и rmṯ, в строке 41 — к smdt, иначе говоря, ко всем людям „Дома". Сущность иммунитета ḫwy mky заключалась в том, что весь храмовый персонал объявлялся совершенно неприкосновенным и всякие преступления против него и попытки его использовать для других целей карались по всей строгости закона: преступники, начиная с „царского сына Куш" и чиновников царского дворца (строки 34, 36), подлежали привлечению к ответственности за нарушение декрета.

Преступления и наказания.

Декрет дает интересную параллель к общеизвестным юридическим папирусам. К сожалению, часть декрета очень пострадала, и, хотя реконструкции Griffith'a вообще, несомненно, удачны, все же полностью базироваться на них нельзя. Преступления, предусмотренные декретом, можно разбить на две группы: преступления против людей „Дома" и преступления против храмового имущества.

1) Преступления против людей храма предусматриваются в общем виде строкой 31, где говорится: „чтобы воспретить преступления против какого-либо человека Дома (и т. д.) — находящегося где бы то ни было во всей стране, будь то мужчина или женщина". То же самое мы находим и в строках 38—39: „чтобы воспретить преступление против всех подчиненных людей Дома [и т. д.], будь то мужчина или женщина". Далее следует перечисление профессий.

Преступления против людей, в свою очередь, можно разделить на четыре группы:

а) Увод какого-либо человека „Дома" с целью принуждать пахать и собирать жатву (строки 32, 43—44 и 45).

Сюда же относится запрет похищения рабов людей „Дома" на какой бы то ни было работе вне храма (строка 46),

а также запрет похищения работ людей „Дома“ — строки 44, 66 и 100.

б) Строки 36, 37, 38 и 52 возбраняют всякие преступления против охотников и рыболовов и всякие попытки чинить им препятствие в их ремесле.

в) Особое внимание уделено пастухам (строки 57, 58, 62, 67—69 и 81). Похищение и притеснение пастухов могло повлечь за собой пропажу скота, и эта пропажа ставилась в вину лицу, похитившему пастуха.

г) Наконец, в ограждение храмового судоходства, специально предусмотрена возможность похищения „солдата“ судна и попытки его использования на другом маршруте и другой работе (строки 86, 95).

Декрет предусматривает возможных преступников: царский сын Куш, начальники отрядов, князья, агенты дворца и агенты земли Куш, возницы, носители знамен, начальники конюшен, серы, начальники негров, солдаты. Наряду с ними упоминается и „всякий человек, посланный по поручению в Куш“.

Надо отметить, что все эти лица — не храмовый персонал. Следовательно, декрет предусматривал возможность злоупотреблений властью со стороны государственных чиновников в ущерб интересам храма.

Из этих запретов необходимо заключить, что рабочая сила высоко ценилась в то время.

2) Преступления против имущества предусмотрены в общем виде в строках 31, 32: „воспретить преступления против всякого имущества этого Дома — где бы оно ни находилось во всей стране“.

В строке 54 объявляется запрет кому бы то ни было похищать имущество „Дома“. Наконец, в строке 102 запрещается совершать какие-либо преступления против имущества людей „Дома“.

Особо оговорены следующие преступления:

а) Преступления против скота (строки 34, 35, 55—58, 72, 74—76).

б) Преступления против судов храма (строки 33, 48, 49, 83, 88 и 94).

Преступлением считалось задержание судна и использование его для своих целей (строки 33, 48, 49 и 94). В строках 83 и 88 объявляются преступлением какие-либо действия,

направленные против судов, везущих приношения в храм, а также присвоение части груза (строки 85, 90—92, 95).

в) Преступление против полей (строки 33 и 51). Если в строке 31 сказано не совсем ясно, в чем заключается суть этих преступлений, то в строке 51 прямо сказано об изменении их границ.

Как возможных нарушителей закона декрет перечисляет здесь уже перечисленных выше государственных чиновников, а также коменданта крепости и писцов. Кроме того, что особенно интересно, здесь упомянуты как возможные преступники и люди храма: „начальник пашен „Дома", „агент", „начальник собак", „начальник быков" и „пастух Дома". Им строго запрещено совершать поступки, могущие нанести ущерб интересам храма: изменять границы его полей (строка 51), отдавать скот храма на сторону (строка 75) или соглашаться на увод храмового скота (строки 57, 58). Таким образом люди храма несут ответственность за целость и сохранность храмового имущества.

Наказания разделяются на три группы:

1) телесные наказания,

2) принудительные работы,

3) конфискация имущества.

Телесные наказания следующие: 200 ударов и нанесение 5 рваных ран, 100 ударов и нанесение 5 рваных ран, 100 ударов, отрезание ушей и носа и сажание на кол. Телесные наказания всегда соединяются с другими: либо с принудительными работами, либо с конфискацией имущества и материальными взысканиями, либо соединяются все три вида наказания.

Необходимо подчеркнуть, что вся система наказаний построена с точки зрения ограждения материальных интересов храма: телесные наказания являются элементом устрашения, но им почти всегда сопутствуют мероприятия, пополняющие материальный ущерб, нанесенный храму преступником.

Задержание судна „Дома" карается 200 ударов и нанесением 5 рваных ран и взысканием с преступника работы судна, произведенной судном для него в пользу „Дома". Самого же преступника лишают свободы и отдают в „Дом" (строки 48—50).

Присвоение грузов судна „Дома" карается 100 ударами и взысканием с преступника присвоенного груза в стократном размере (строки 89—93). Похищение имущества с судна или

похищение „солдата“ судна карается наказанием, неизвестно каким, но, вероятно, телесным и конфискацией имущества преступника в пользу храма (строки 94—97).

Хищение всякого имущества „Дома“ карается 100 ударами и нанесением 5 рваных ран, а также взысканием с преступника похищенного в стократном размере (строки 54—55). Должностные лица „Дома“, изменившие границы полей и тем нанесшие ущерб храму, подвергаются отрезанию носа и ушей и отдачей в земледельцы „Дома“. Точно так же в строках 75—80: здесь речь идет о начальнике собак, начальнике скота и пастухе „Дома“, отдающем на сторону храмовый скот. Виновник подвергается сажанию на кол, а его жена, дети и имущество конфискуются в пользу „Дома“; кроме того, лицо, взявшее скот, обязано возвратить его в стократном размере. Здесь мы видим очень интересное обстоятельство: египетское законодательство не признает прав собственника на нелегально приобретенное имущество (по крайней мере, храмовое) и за приобретение такового карает виновника взысканием с него этого имущества в стократном размере (строки 76—80).

В строках 71—74 речь идет о „всяком, который будет застигнут в хищении головы скота «Дома»“. За это преступление виновнику отрезают уши и нос и отдают его семью в челядь „начальника „Дома“.

Похищение людей „Дома“ и рабов рассматривается также с имущественной точки зрения: за это преступление виновник подвергается 200 ударов, нанесению 5 рваных ран, и взысканию с него всех работ, произведенных похищенными в его пользу, после чего его отдают в „Дом“ (строки 43—47). Лицо, похитившее пастуха, но не скот, подвергается 200 ударам и взысканию с него в стократном размере скота, потерявшегося из-за отсутствия похищенного пастуха.

Что касается преступлений, не влекущих за собой материального ущерба интересам храма, то они караются только физическими наказаниями без какой-либо конфискации имущества: „всякий человек... который будет чинить припятствия ловцу птиц и рыб „Дома“ [и т. д.] — будет он наказан битьем — 100 ударами и [нанесением ему] 5 рваных ран“ (строки 52—53).

То же самое и относительно пастухов: „человек..., который притеснит пастуха „Дома“ [и т. д.] — будет он нака-

зан битьем — 100 ударами и [нанесением ему] 5 рваных ран" (строки 81—82).

Наказания, применявшиеся египетским кодексом, нам известны из ряда папирусов.[1] Отрезание ушей и носа упоминается в Туринском папирусе;[2] наказание в 100 ударов и 5 ран фигурирует в памятниках очень редко: в декрете Хоремхеба[3] и в берлинском папирусе № 10496. В этом последнем вместо 5 ран стоит 50 ран, что несомненно является ошибкой.[4]

Поэтому данные декрета являются ценной параллелью к уже имеющимся данным об египетском законодательстве.

О том, кто должен был судить нарушителей декрета, в тексте имеются кое-какие указания: в строке 108, очень фрагментарной, сказано, что царь желает, чтобы виновники были судимы городским судом (ḳnbt), упомянутым также и в строке 29, в перечне лиц, которым адресован декрет. Ясно, что в строке 29 упомянуты лица, обязанные руководствоваться декретом в своей деятельности. Здесь же, в строке 29, назван и визирь ṯsty, обладавший судебными функциями.

Декрет подчеркивает, что судья, нарушивший свой служебный долг и оставшийся „глухим" к жалобщику — человеку „Дома", будет отрешен от своей должности, отдан в земледельцы „Дома" и подвергнут 100 ударам (строки 114—119).

В заключение декрет не ограничивается юридическими мероприятиями: он пытается мобилизовать общественное мнение населения, опираясь на религию, в защиту интересов „Дома", вменяя в моральную обязанность каждого человека выявлять нарушителей закона и отдавать их под суд. На того, кто не проявит активного содействия в борьбе с преступником, декрет призывает гнев Осириса, владыки „Дома": „будет Осирис Хентиаментет, хозяин людей и хозяин всех вещей преследовать его жену и детей, чтобы покарать его имя, чтобы уничтожить его душу и не дать его телу упокоиться на кладбище" (строки 109—114).

С точки зрения египетской религии эти угрозы были страшнее всего.

---

1 Spiegelberg. Studien, 67

2 Там же.

3 Там же, 67.

4 Erman. Zwei Aktenstücke.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Акад. И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля Мухамеда Тахира Ал-Карахи	5
Акад. С. А. Жебелев. Маврикий (Стратег). Известие о славянах VI—VII вв.	33
С. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в.	39
И. Смирнов. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого	51
Н. Тимофеев. Крестьянские выходы конца XVI в.	61
М. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в.	93
В. Шунков. Эпизод из деятельности английских купцов в Московском государстве XVII в.	101
М. Вяткин. Журнал оренбургского муфтия	117
Н. Богданова. К вопросу о феодальной эксплоатации кочевников в Закавказском крае в первой трети XIX в.	221
М. Коростовцев. Декрет Сети I в Наури	239

2015061462